

500
100
100

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИЖКИ

1349

83. 41. 118

Литва

из фонда РОВНОЙ И СТАРОЙ
ИЗ ИТМ

15530 X

7765

1349



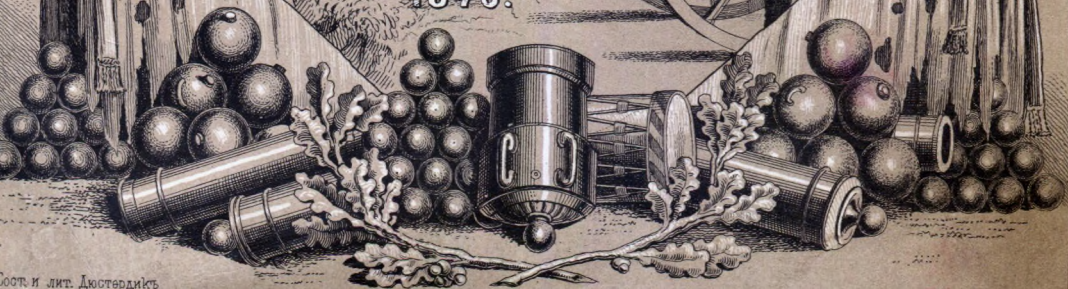
Кавказскій Сборникъ

ТОМЪ I.

ВЪДЪ КРЕПОСТИ КАРСА



ТИФЛИСЬ
1876.



08311
K123

Эиз. Чит. Зала



9(с4)
K12

КАВКАЗСКІЙ

СБОРНИКЪ

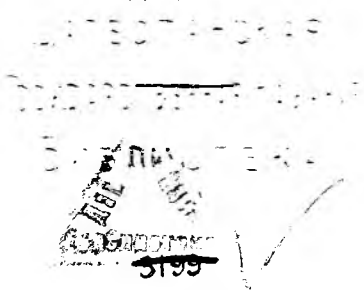
ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УКАЗАНИЮ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главкомадующаго Кавказскою Арміею.

~~777~~ 15530
ТОМЪ I.
1349



ТИФЛИСЬ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА КАВКАЗСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

1876.

Содержаніе отъ Императора
Александрова Второго Высочайше
15 Марта 1845. Г. Высочайше.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Воспоминанія изъ Кавказской старины— <i>В. Андреева</i>	1.
II. Отрывокъ изъ «Исповѣди»— <i>Г. Лачинова</i>	123.
III. Ермоловъ и Паскевичъ— <i>В. Андреева</i>	197.
IV. Отступленіе изъ Хунзаха— <i>Пассека</i>	215.
V. Нашествіе скопищъ Шамиля на Кахетію въ 1854 году— <i>Князя Баратова</i>	237.
VI. Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ въ сраженіи при Кюрюкь- дара—« <i>Нижегородскій драгунъ</i> ».	269.
VII. Воспоминанія о кампаніи 1855 года въ Азіятской Турціи (съ картами въ текстѣ)— <i>Князя Дондукова- Корсакова</i>	289.
VIII. Лезгинская экспедиція (въ Дидойское общество) въ 1857 году— <i>Н. Волконскаго</i>	369.



Почти двѣнадцать лѣтъ прошло со времени завершенія великаго дѣла утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ—и нынѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняется необходимость подробнаго изученія великой борьбы, возникшей вслѣдствіе исторической необходимости, требовавшей въ теченіе болѣе шестидесяти лѣтъ громадныхъ жертвъ, напряженія нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ Имперіи и приведшей, наконецъ, къ установленію нашей границы въ южныхъ предѣлахъ Кавказскаго перешейка, съ водвореніемъ началъ новой жизни между многочисленными племенами Кавказскаго края.

Опытъ предшествовавшихъ военныхъ дѣйствій хотя служилъ и служить намъ, въ извѣстной мѣрѣ, полезнымъ указаніемъ для послѣдующихъ военныхъ предпріятій—однако, многое, что можно-бы было почерпнуть изъ опыта борьбы, прошло безслѣдно. Много именъ и дѣяній, которыя должны-бы были оживотворять духъ русской арміи и русскаго народа и служить примѣромъ для потомства—забыты. Наша военная литература хотя и представляетъ сочиненія, касающіяся Кавказской войны, но онѣ не исчерпываютъ вполне даже тѣхъ предметовъ, до которыхъ ближайшимъ образомъ относятся; всѣ остальные печатныя данныя, касающіяся отдѣльныхъ эпизодовъ

этой войны—отрывочны. Такимъ образомъ, систематическая разработка богатаго военно-историческаго матеріала, представляемаго дѣломъ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ, можно сказать, еще не начата.

Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ смерть уноситъ лучшихъ представителей этой эпохи; воспоминанія, одушевлявшія войска и увлекавшія ихъ на геройскіе подвиги, хотя еще остаются въ частяхъ арміи, передаваясь устно, но, при настоящей быстрой перемѣнѣ состава арміи, и онѣ должны слабѣть съ каждымъ годомъ. Если желательно, чтобы въ этой арміи не исчезъ, а поддерживался и крѣпъ духъ, выработанный продолжительными тяжелыми трудами и неисчислимыми жертвами, надо, чтобы преданія о быломъ не угасали, чтобы имена и подвиги представителей Кавказской славы были бессмертными для будущихъ поколѣній.

Съ другой стороны, громаднй военно-историческій матеріалъ, находящійся въ многочисленныхъ архивахъ Кавказскаго края, лежитъ почти не тронутымъ, а время и случайныя обстоятельства приводятъ и его все къ большому и большому обѣдненію.

25-го августа, 1874 года, съ Высочайшаго соизволенія, Его Императорское Высочество Главнокомандующій Кавказскою арміею обратился съ печатнымъ воззваніемъ о доставленіи на Имя Его Высочества записокъ, воспоминаній и другихъ матеріаловъ для предполагаемаго тогда-же къ изданію особаго Сборника.

Воззваніе это вызвало поступленіе на Имя Е го В ы с о ч е с т в а различныхъ рукописей, относящихся до эпохи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Количество высылаемыхъ матеріаловъ лучше всего свидѣтельствуесть о томъ сочувствіи, которое встрѣтила начальная мысль среди бывшихъ дѣятелей войны на Кавказѣ.

Нынѣ, по указанію Е го И м п е р а т о р с к а г о В ы с о ч е с т в а Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА, выпускается въ свѣтъ первый томъ „Кавказскаго Сборника“; на будущее-же время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, послѣдніе будутъ печататься и издаваться отдѣльными-же томами, но безъ назначенія для выпуска оныхъ казихъ-либо сроковъ.

Не предполагая входить въ критическую оцѣнку мнѣній или заключеній, высказываемыхъ авторами, и имѣя только въ виду способствовать сохраненію и сбору матеріаловъ—редакція „Кавказскаго Сборника“ считаетъ лишь своею обязанностию возстановлять хронологическую вѣрность въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ память могла измѣнить авторамъ.

Воспоминанія изъ кавказской старины (*).

Въ исходѣ лѣта 1868 года, мнѣ довелось ѣхать по Волгѣ; на пароходѣ встрѣтилъ я офицера стрѣлковаго баталіона и фельдъегеря, ѣхавшихъ изъ Ташкента. Зашла рѣчь о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ генерала Кауфмана противъ бухарцевъ; само-собою, разговоръ склонился на геройскую защиту Самарканда русскимъ гарнизономъ. Между многими подробностями доблестныхъ подвиговъ этого гарнизона, ташкентскіе путешественники высоко ставили заслуги подполковника Назарова, переведеннаго съ Кавказа, оставшагося въ крѣпости за болѣзнію и бывшаго сначала безъ дѣла,—но, въ минуту крайней опасности, своимъ участіемъ много способствовавшаго отпору непріятеля. Въ заключеніе, стрѣлковый офицеръ сказалъ, что оборону Самарканда вѣрно считать наравнѣ съ обороною Ахты,—фельдъегерь-же возразилъ, что вѣрно ее считать наравнѣ съ обороною Ахалциха.

— Какъ, развѣ не забыты еще ахалцихскія битвы въ 1828 и 1829 годахъ, не забыта еще славная защита Ахалциха противъ турокъ княземъ Василиемъ Осиповичемъ! Это восклицаніе взволнованнымъ голосомъ послышалось отъ сидѣвшаго около насъ толстаго старика, съ виду деревенскаго по-

(*) Авторъ *воспоминаній* принялъ только форму разсказа отъ другаго лица.—но какъ свидѣтель событій, держался строго исторической правды и вѣрности въ изложеніи, не позволяя себѣ нисколько вымысла.

мѣщика, фізіономія котораго вдругъ пришла въ сильное движеніе отъ неожиданныхъ словъ фельдъегера.

— Да развѣ вы служили въ войскѣ? спросилъ я.

— Еще-бы! Вы полагаете, что я былъ вѣчно деревенскимъ увальнемъ и такую старою тряпкой, какъ теперь.—эт-вѣчалъ рѣзко старикъ.

— Позвольте-же спросить, кто это князь Василій Осиповичъ?

— Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ—тогда молодой генералъ, впоследствии генералъ-отъ-инфантеріи, командовавшій войсками на Кавказѣ въ крымскую войну, герой Кюрюкь-Дара и Башъ-Кадыкъ-Лара,—сказалъ болѣе покойнымъ тономъ старикъ.

— Какая-же это была защита отъ турокъ Ахалциха, взятаго, помнится, штурмомъ Паскевичемъ въ турецкую 1828 и 1829 годовъ войну? сдѣлалъ я опять вопросъ.

— Прежде позвольте сказать—продолжалъ старикъ—что, не уменьшая нисколько значенія героизма при защитѣ Ахты, оборона Самарканда и Ахалциха имѣетъ много сходства между собою, не-только въ положеніи защитниковъ той и другой крѣпости, но и въ значеніи самыхъ крѣпостей на ходъ кампаній Паскевича и Кауфмана. Если-бы турки успѣли обратно взять Ахалцихъ въ февралѣ или мартѣ 1829 года, то вся блестящая кампанія въ 1829 году въ Азіятской Турціи пропала-бы даромъ. Вслѣдствіе нашихъ побѣдъ и завоеваній, пораженные страхомъ тогдашніе обитатели ахалцихскаго пашалыка, столько-же воинственные, какъ и кавказскіе горцы, при малѣйшемъ успѣхѣ ободрились и получили увѣренность въ своихъ силахъ,—между тѣмъ Грузія пришла-бы въ страхъ и смущеніе. Въ предстоящую кампанію 1829 года, Паскевичу пришлось-бы только возвращать утраченное пре-

вбсходство и пріобрѣтенія прошлаго года и не думать уже о завоеваніи Эрзерума; онъ не могъ-бы удерживать противъ себя лучшую тогда въ Турціи анатолійскую армію—и тѣмъ отвлечь значительныя силы отъ Европейской Турціи. Точно также, если-бы сарты успѣли взять обратно Самаркандъ, то положеніе Кауфмана было-бы тоже не хорошо.

— А вы давно служили на Кавказѣ? кто-то перебилъ рѣчь старика. Да я еще ермоловскій офицеръ. Надобно замѣтить, что кавказцы стараго времени имѣютъ замашку похвастаться такимъ титуломъ, считая себя первоначальниками славы этого корпуса, и ни за что не назовутъ его теперь арміей; хотя подвиговъ и храбрости такъ много было потрачено нашими войсками на Кавказѣ и прежде, и послѣ, что первенство тѣмъ или другимъ присвоивать себѣ не слѣдуетъ. Первенство, впрочемъ, остается за тѣми господами, которые нынѣ, по разнымъ причинамъ, отдають преимущество болѣе новому ходу дѣлъ.

— Да, въ наше время—продолжалъ старикъ—Кавказъ былъ не то, что теперь; въ настоящее или недавно прошедшее время его можно назвать цивилизованною страной, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; самыя удобства походной жизни и доставляемыя правительствомъ средства теперь улучшены, численность войска громадно увеличена. Ермоловъ первый хлопоталъ, чтобы солдатамъ, расположеннымъ по берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей и въ Тифлисѣ, отпускать для улучшенія пищи по 20 копѣекъ сер. въ мѣсяцъ на человѣка: въ первыхъ мѣстностяхъ—по нездоровому климату, въ послѣдней—по дороговизнѣ припасовъ,—и это считалось большою милостію. Въ походахъ пользовались отбитымъ у непріятеля скотомъ, а когда этого не было, то на «нѣтъ и суда нѣтъ»; только въ персидскую кампанію начали правильно отпускать

солдатамъ, три раза въ недѣлю, по полу-фунту мяса и два раза водку, за то уменьшили порцію сухарей; капитанамъ давались то-же съ персидской кампаніи раціоны; остальные офицеры довольствовались фунтомъ мяса въ день и солдатскимъ пайкомъ, такъ какъ прежде доводилось имъ голодать болѣе солдатъ—по невозможности что-нибудь достать вслѣдствіе удаленія жителей или пустынной мѣстности. Солдатскія пайки офицерамъ давались не-всегда—все зависѣло отъ расположенія полковаго командира. На Араксѣ и урочищѣ Карабаба отрядъ стоялъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ самой нездоровой мѣстности, и терпѣлъ во всемъ большой недостатокъ—даже чаю и сахара не было; самъ Паскевичъ платилъ по 100 руб. ассиг. за пудъ сахара—цѣна по тогдашнему огромная; офицеры придумали спекуляцію слѣдующаго рода: играли въ карты на чай и сахаръ, —выигравшій долженъ былъ угощать прочихъ; не было даже кахетинскаго вина для страдавшихъ въ большинствѣ разстройствомъ желудка отъ сильныхъ жаровъ и недостаточной дурной пищи (*).

Отъ Эривани до Нахичевани, въ долинѣ Аракса, лѣтомъ не бываетъ дождей, и превосходно родящаяся здѣсь пшеница, поливается изъ искусственно проведенныхъ съ горъ канавъ, —знойный воздухъ удушливъ былъ даже по ночамъ, термометръ показывалъ до 40° въ тѣни. И мы безостановочно въ это время шли впередъ, чтобы взять близъ Нахичевани ничтожную

(*) Въ Гагрѣ былъ такой случай: какъ сухопутнаго сообщенія съ Сухумомъ гарнизонъ не имѣлъ, и ѣхавшій къ нему съ провизіей и виномъ маркитантъ на лодкѣ былъ захваченъ черкесами, то солдаты, во избѣжаніе, по возможности, цынготной болѣзни, въ продолженіе всего великаго поста, вмѣсто водки, пили воду, настоенную стручковымъ перцемъ; хотя брандвахтенныя суда въ Сухумѣ обязаны въ двѣ недѣли навѣщать Гагры, но этаго по бурной погодѣ и дурному рейду два мѣсяца не дѣлалось, и гарнизонъ терпѣлъ во всемъ большой недостатокъ.

крѣпость на Араксѣ, Аббасъ-Абадъ, которую построить могло только невѣжество англійскаго инженера, такъ какъ возлѣ лежащія за рѣкою горы совершенно ею командуютъ. Въ скотѣ упряжномъ подъ арбами и порціономъ открылись болѣзни и падежъ, и этотъ-то скотъ выдавали намъ въ порцію; если выданные бараны не были зарѣзаны въ одинъ день, то часть ихъ на слѣдующій день издыхала; отсталому нельзя было сбиться съ дороги, потому что по обѣимъ ея сторонамъ валявшійсядохлый скотъ служилъ указателемъ въ обезлюдѣвшей мѣстности. Даже лошади уланъ, привыкшія къ холѣ и конюшнямъ въ военномъ поселеніи харьковской губерніи, пришли въ истощеніе. Въ прибывшихъ изъ Россіи войскахъ болѣзни и смертность были въ большихъ размѣрахъ и не-только отъ климата, но и отъ образа жизни, лишеній и скуки, такъ присущихъ кавказскому войску, а потому въ этомъ старомъ ермоловскомъ войскѣ если и была убыль, то сравнительно менѣе: оно было бодрѣе и на все пригоднѣе.

Въ сраженіи за Араксомъ, подъ Джеванъ-Булакомъ, въ сильный зной, нижегородскіе драгуны сдѣлали двѣ блестящія атаки на огромное скопище персидской кавалеріи, посаженной на славныхъ жеребцахъ (*), и разбили ее на-голову, — уланы-же на своихъ исхудалыхъ лошадяхъ дѣйствовали не-столь успѣшно.

Мы помнимъ шутки тифлисскихъ жителей надъ нашими драгунами, когда вступили въ Тифлисъ уланы на прекрасныхъ лошадяхъ, въ красивой невиданной до-толѣ формѣ. Тогда какъ лошади нижегородцевъ горской и донской породы, ходившія почти круглый годъ на пастбищѣ по Алазани, изъ экономіи полковаго командира, привыкшія къ непогодамъ и жарѣ, мало

(*) Въ Персіи мереновъ нѣтъ — считается грѣхомъ легчить жеребцовъ, — человека сдѣлать евнухомъ, — дѣло другое — пояснилъ старикъ.

порченныя манежной ѳздой, съ виду невзрачныя и потому забракованныя при приѳмѣ полка новымъ командиромъ,—эти забракованныя лошади превосходно исполняли службу не только въ персидскую, но и во всю турецкую кампанію, почти не вида конюшенъ.

Оберъ-квартирмейстеръ корпуса Коцебу (братъ нынѣшняго варшавскаго генерал-губернатора) въ своихъ замѣткахъ о ходѣ кампаніи, по обязанности своего званія, изложилъ генерал-квартирмейстеру главнаго штаба о несвоевременномъ послѣшномъ движеніи къ Нахичевани въ срединѣ знойнаго лѣта, и находилъ, что планъ Ермолова—расположить на лѣто дѣйствующій корпусъ на возвышенной плоскости Бангъ-Абарани, близь нашихъ границъ, былъ рациональнѣе,—въ мѣстности здоровой, изобильной дугами, куда, по близости нашихъ границъ, продовольствіе доставлять было удобно; надобно было поставить только наблюдательный отрядъ близь Эривани, для чего и былъ назначенъ генералъ Красовскій. Но непогрѣшимость Паскевича въ Петербургѣ тогда уже была признана—и бѣдный Коцебу лишился своей должности.

Между тѣмъ Паскевичъ понялъ, что Ермоловъ оставилъ ему надежное наслѣдство, что къ кавказскому солдату нельзя примѣнять мѣрку другихъ войскъ, что его стоитъ беречь на черный день, не смотря на то, что онъ съ виду не такъ казистъ и выглаженъ, за что Паскевичъ сначала сердился на него и говорилъ, что *«ему стыдно показать его неприятелю»*. Паскевичъ между тѣмъ догадывалъ, что оставшійся послѣ него администраторомъ въ Грузіи Сипягинъ—задаетъ въ Тифлисѣ шеры при пушечной пальбѣ по случаю нашихъ побѣдъ, но не присылаетъ въ отрядъ припасовъ, для жизни необходимыхъ и бывшихъ въ Грузіи въ изобиліи и дешевицѣ,—охотниковъ-же маркитантовъ можно было найти много—какъ послѣ показала турецкая кампанія.

Паскевичъ вдругъ измѣнился въ обращеніи: съ войскомъ сдѣлался ласковъ и снялъ съ него опалу. Такое выраженіе мнѣ показалось страннымъ, а потому спросилъ его—какая-же могла быть на васъ опала.

—Да за службу при Ермоловѣ. —отвѣчалъ онъ.

—Это что такое?

—Да такъ было—продолжалъ рассказчикъ.

Надобно знать, что Ермоловъ любимецъ Александра 1-го и другъ брата его Константина, благодушный начальникъ для своихъ подчиненныхъ. умѣлъ привязать ихъ къ себѣ, хотя, правду сказать, на награды былъ не очень щедръ: наговорить бывало кучу любезностей, расхвалить въ приказѣ по корпусу, много обѣщаетъ—мало даетъ,—мы и тѣмъ были довольны. У него чины подполковника и полковника были *запѣное дѣло*, кромѣ храбрости и усердія, много надобно было имѣть личныхъ способностей, чтобы заслужить эти чины.

Начиная съ Циціанова, за Кавказомъ всѣ должности, въ провинціяхъ и такъ называемыхъ дистанціяхъ занимались почти одними военными, съ названіемъ комендантовъ или окружныхъ начальниковъ, —но эти административныя личности, получая по тогдашнему хорошее содержаніе, очень туго шли при Ермоловѣ въ высшіе штабъ-офицерскіе чины, хотя онъ раздавалъ должности съ разборчивостію; что такое—говорилъ Ермоловъ—*письменный* полковникъ, или полковникъ отъ шивальни, отъ казармъ? Отъ военного строя онъ отсталъ, а доживетъ до очереди въ генералы —будетъ мало способенъ занимать высшія гражданскія и военныя должности, и за что такимъ людямъ привиллегія предъ статскими. Неумѣтное *высокочиніе* —говорилъ онъ—даже вредно государственному строю и самымъ финансамъ; даже порядочной, довольно посредственнаго положенія въ обществѣ и службѣ, и никакъ

не должно чередовать ее съ талантливою личностію или замѣчательнымъ подвигомъ и осмысленнымъ трудомъ.

Да-съ—продолжалъ старикъ—хорошій начальникъ съподчиненными, Ермоловъ былъ не уступчивъ и шероховатъ въ сношеніяхъ съ высшими сановниками, рѣзко писалъ и говорилъ имъ свои убѣжденія, шедшія не-рѣдко въ разрѣзъ съ петербургскими взглядами; а сарказмы его, на которые онъ былъ большой мастеръ, говоренные всегда во всеуслышаніе, задѣвали иногда за живое сильныхъ міра сего. За семеновскую исторію онъ бранилъ Васильчикова, давшаго ей такой печальный исходъ; про одно въ то время лицо—меттерниховскую креатуру—онъ разъ по одному случаю написалъ въ Петербургъ: «только врагъ отечества могъ присовѣтовать такую мѣру!» будто не зналъ виновника этой мѣры.

Но обстоятельства вдругъ неожиданно переѣнились, и надъ неуязвимымъ до того Ермоловымъ начала собираться грозная туча. Стало распространяться мнѣніе, будто ермоловская слава, въ которую до того вѣровали—только славны бубны за горами,—что въ управленіи его много произвола, министерскихъ предписаній или предложеній рѣдко слушается, на составленные въ Петербургѣ проекты по Кавказу, пишетъ рѣзкія возраженія, а военные его подвиги—сущій дымъ: съ нестройною толпой полудикихъ горцевъ всегда легко можно справиться! Въ доказательство приводили, что онъ унимаетъ и держитъ ихъ въ страхѣ при помощи такого запущеннаго и плохо обученнаго войска, какъ кавказскіе солдаты,—что окружилъ себя слѣпо преданными людьми какъ въ гражданскомъ, такъ и военномъ управленіи, которые трубятъ про его славу и дѣлаютъ между тѣмъ большія злоупотребленія.

Въ это время, въ началѣ 1826 года, пріѣхалъ въ Грузію изъ Петербурга офицерикъ для выбора изъ полковъ солдатъ въ гвардію. Вскормленный на шагистикѣ и тонкой вып-

равкѣ вахтпарадовъ, офицерикъ этотъ приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ тифлисскихъ разводовъ—и вслѣдствіе того сочинилъ карриатуру на кавказскаго солдата; она имѣла такой ходъ, что была получена Ермоловымъ изъ Петербурга въ конвертѣ отъ неизвѣстнаго лица. Карриатура изображала солдата въ изодранномъ мундирѣ на распашку, въ синихъ холщевыхъ широкихъ шароварахъ, заправленныхъ въ сапоги, въ черкесской панахѣ на головѣ, съ боку висѣлъ маленькій котелокъ, и вмѣсто манерки—болталась травянка (въ жары хороши сохраняющая воду, изъ породы тыквъ).

— Позвольте п. этомъ—съ жаромъ воскликнулъ старикъ—перенестись на 25 лѣтъ впередъ отъ того времени.

Въ 1850 году зашелъ я въ академію художествъ, посмотрѣть на выставку картинъ; вдругъ на юпитрѣ, въ видномъ мѣстѣ, вижу писанную акварелью картину—почти снимокъ съ пресловутой карриатуры, но уже въ типичномъ, хорошемъ смыслѣ: изображался солдатъ въ мундирѣ на распашку, безъ галстука, въ знакомыхъ синихъ широкихъ шароварахъ, заправленныхъ въ сапоги; съ боку на тесакѣ маленькій котелокъ, возлѣ травянка и огниво съ трубкой висѣли на ремнѣ. Фонъ картины представлялъ знойный, южный день; солдатъ, видимо усталый отъ труднаго перехода, облокотился на ружье, желая отдохнуть; остановясь на минуту, повѣсилъ свой черкесскій панахъ на штыкъ и съ открытою головою «*прохлаждается*» подъ палящими лучами солнца. Можете представить мое умиленіе!

Вдругъ, неожиданно, среди мирныхъ сношеній, безъ объявленія войны, персіяне сдѣлали вторженіе въ наши владѣнія со стороны Эривани. Многіе приписывали причину этой войны интригамъ самого Ермолова изъ желанія прославить себя. Не зная темныхъ путей политики, можно сказать только одно, что война эта застала Ермолова врасплохъ; онъ не ожидалъ

такого смѣлаго, внезапнаго набѣга отъ вялыхъ и трусливыхъ персіанъ, которыхъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, настроили англичане, внушивъ имъ воспользоваться успѣхомъ внезапнаго нападенія на неготоваго къ тому Ермолова. Что онъ безцеремонно обращался съ персидскимъ дворомъ, часто задиравъ его и всячески стараясь мѣшать вліянію англичанъ въ Персіи—это правда: что онъ завистливымъ окомъ смотрѣлъ на богатую эриванскую провинцію, пужную намъ, сверхъ того, для обуздавія разбойническихъ кочевыхъ татаръ или карапаховъ, жившихъ на тогдашней пограничной чертѣ и имѣвшихъ поддержку отъ эриванскаго хана—это тоже несомнѣнно. Но, въ сравненіи съ лордомъ Клейвомъ или Гастингсомъ, Ермоловъ былъ ангелъ чистоты,—а если интрига Ермолова вывела персіанъ изъ терпѣнія и побудила начать войну, самую счастливую для Россіи по легкости завоеванія и полученной огромной контрибуціи, втрое покрывшей расходы, сверхъ пріобрѣтенія долины Аракса,—то Ермолову за эту важную для нашихъ польвъ интригу слѣдуетъ поставить памятникъ, съ означеніемъ, впрочемъ, на пьедесталѣ и услуги англичанъ тогдашней ост-индской компаніи, какъ подстрекателей къ вторженію персіанъ.

На свѣтлую голову Ермолова, въ самый важный моментъ его жизни, нашель туманъ. Иначе нельзя объяснить запутанности и нерѣшительности его дѣйствій при вторженіи персіанъ въ Грузію. Собирая разбросанныя по разнымъ пунктамъ войска, онъ не спѣшилъ—какъ дѣлалъ самъ прежде противъ горцевъ, или по примѣру Котляревскаго—броситься на непріятеля съ горстью отважныхъ солдатъ, которыхъ онъ звалъ не по петербургскимъ карриатурамъ, чтобы озадачить передовыя шайки непріятеля и взбунтовавшихся нашихъ татаръ, хотя одной удачной ошибкою, и тѣмъ поддержать правящее свое вліяніе и ободрить христіанское населеніе Грузіи, когда еще

Аббасъ-Мирза былъ на Араксѣ, или подходилъ только къ Шушѣ. Онъ могъ собрать въ теченіи 10 дней болѣе 7-ми тысячъ пѣхоты, полкъ драгунъ, два полка казаковъ и 500 человекъ грузинской конной милиціи, что было достаточно для начала военныхъ дѣйствій, и съ чѣмъ порѣшили кампанію 1826 года Паскевичъ. Замѣчательно, что съ этими-же 8-ы тысячами Паскевичъ побѣдилъ дѣло подъ Ахалцихомъ; а Талызинъ говорилъ въ Москвѣ—разумѣется, по инструкціи Ермолова—что онъ не можетъ двинуться, имѣя только 8000 противъ Аббасъ-Мирзы, у котораго 100 т. войска; но не только такого числа, и на-половину едва-ли могло быть, что Ермоловъ и его протеже Мазаровичъ должны были знать.

Въ такое горячее время для полководца и начальника края—Ермоловъ занимался въ Тифлисѣ собственноручно предписаніями мелкимъ начальникамъ разныхъ частей и другими не важными бумагами, составленіе коихъ есть принадлежность канцеляріи; но какъ старшихъ адъютантовъ своего штаба онъ разослалъ еще прежде для исполненія должностей комендантовъ и окружныхъ начальниковъ, гдѣ они получали хорошіе оклады жалованья, то самъ-же послѣ жаловался, что заваленъ перепискою, а работать не кому. Тщетно преданные ему люди, пользовавшіеся его довѣріемъ, умоляли его выступить изъ Тифлиса къ собравшемуся уже отряду; онъ все откладывалъ, отговариваясь множествомъ дѣлъ и желаніемъ опровергнуть придирчивую переписку, на него нападавшую за его или его подчиненныхъ распоряженія, вмѣстѣ съ тѣмъ хандрить, сердился на непріятное, непривычное для него положеніе.

Князь Палавандовъ (*), (бывшій впоследствии тифлисскимъ

(*) Князь Палавандовъ, родомъ грузинъ, при баронѣ Розенѣ сдѣланъ былъ тифлисскимъ губернаторомъ, хотя ахалцихская область не вошла въ составъ его губерніи,—но перешедшіе туда изъ Турціи армянскіе

губернаторомъ), любимецъ Ермолова, говорилъ мнѣ, что онъ вмѣстѣ съ другими преданными ему, видя свои усилія бесполезными, упростили престарѣлую княгиню Бебутову—мать князя Василія Осиповича, которую Ермоловъ очень уважалъ—сѣздить къ нему и объясниться съ нимъ откровенно. Эта женщина, туземная армянка, видѣла въ молодости раззореніе Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ, на ея глазахъ совершилось не мало кровавыхъ сценъ, когда при грузинскихъ царяхъ лезгинны и другіе горцы рыскали по несчастной Грузіи, какъ хищныя звѣри, и, врываясь въ предмѣстіе Тифлиса—Авлабаръ, рѣпереселенцы, вмѣстѣ съ водворенными въ другихъ мѣстахъ, были въ его управленіи, какъ равно и завѣдывающіе ими офицеры. Будучи назначенъ по окончаніи войны управлять въ Ахалцихѣ переселенцами, я получилъ осенью въ 1832 году извѣстіе, что князь Палавандовъ прибудетъ въ Ахалцихъ для осмотра переселенцевъ.

По прибытіи, князь сначала занялся осмотромъ городскихъ переселенцевъ и начавшейся подъ моимъ надзоромъ постройки домовъ новаго города за рѣкою Поцковомъ, по присланному плану, но безъ пособія архитектора. Между тѣмъ князь объявилъ, что онъ будетъ осматривать по всей области переселенцевъ и поѣдетъ чрезъ Ахалкалаки по границѣ до Гумръ—нынѣшняго Александрополя, для осмотра другаго такового-же отдѣла, при чемъ часто склонялъ разговоръ о деревняхъ, расположенныхъ близко къ границѣ и условіяхъ той мѣстности; наконецъ, разъ на-единѣ спросилъ меня: «хорошо-ли вамъ знакома пограничная черта и какіе именно пункты должны остаться необходимо въ нашемъ владѣніи?» И отвѣчалъ, что въ продолженіи двухъ лѣтъ, постоянно разъѣзжая верхомъ по здѣшней гористой мѣстности для осмотра и устройства переселенцевъ, я по необходимости долженъ былъ узнать всю окраину въ подробности. Прекрасно—сказалъ князь Палавандовъ—теперь я не буду прибѣгать къ распросамъ мѣстныхъ жителей, чтобы не произвести преждевременно между вами тревогу. По секрету вамъ объявляю, что часть занятыхъ теперь переселенцами земель, должна отойти обратно къ Турціи—но намъ все-таки надобно удержать самые необходимые пункты. Дѣло вотъ въ чемъ—про-должалъ князь; посланный Паскевичемъ изъ Эрзерума кругомъ чрезъ юж-

зали жителей; слѣдовательно, она не была изнѣженною, робкою женщиной мирной страны, и освоилась съ опасностями; она представила Ермолову страхъ и ужасъ, господствовавшій въ Тифлисѣ и во всей Грузіи въ ожиданіи бѣдствій, какія постигли уже нѣсколько колоній и армянскихъ деревень, злодѣйски истребленныхъ набѣгами татаръ и карапаховъ,—передала толки и ропотъ народа на его нерѣшительность и домошество, прежде не бывалыя. Ермоловъ какъ-бы воспрянулъ отъ сна, и, бросивъ всю переписку, немедленно отправился къ собравшемуся корпусу,—но время, собственно для него, было уже потеряно.

ную Россію курьеръ съ планомъ проведенія новой границы со стороны Азіятской Турціи, прибылъ въ Адрианополь, спустя три дня послѣ подписанія мирнаго трактата. Дибичъ, не зная предположеній Паскевича, провелъ прямую черту по картѣ, наугадъ, отъ прежняго пограничнаго пункта на Черномъ морѣ, близъ крѣпости св. Николая, по старой границѣ Грузіи и Имеретіи и при входѣ въ территорію ахалцхскаго пашалыка, назначилъ пограничную черту не менѣе двухъ часовъ разстоянія къ югу отъ Ахалциха и Ахалкалаки до Гумръ, не оговоривъ въ пользу отступленій по условіямъ мѣстности. Между тѣмъ какъ въ планѣ Паскевича требовалось оставить за Россією, начиная отъ горы Улгаръ, крѣпостей Ардаганъ и Карсъ съ окрестными санджаками и разные пункты, подробно оговоренныя. Тѣмъ болѣе прискорбна ошибка Дибича—сказалъ князь, что европейскія державы при заключеніи мира настаивали на цѣлости владѣній Турціи въ Европѣ, и мало заботились о ея азіятской территоріи. Теперь баронъ Григорій Владиміровичъ (Розень) очень беспокоится о проведеніи новой границы, зная ея неудобства для государства. Я сказалъ, что для необходимой прочности границы и безопасности жителей отъ разбоевъ турецкихъ шаекъ, необходимо удержать поцховское ущелье, составляющее часть санджака чалдырскаго,—иначе грабительства аджарцевъ около самаго Ахалциха и карапаховъ на ахалкалакской плоскости будутъ неизбежны. Сверхъ того весь скотъ окрестныхъ деревень пасется лѣтомъ на пустынномъ хребтѣ Улгара, зимой-же скотъ ахалкалакскаго и хервинскаго санджаковъ имѣетъ пріютъ въ глубокомъ безснѣжномъ ущельѣ

Напрасно говорить Ермоловъ, что его пребываніе въ Тифлисѣ было необходимо для успокоенія жителей. Напротивъ, население Грузіи было смущено и роптало на его бездѣйствіе и видѣло въ немъ зловѣщіе признаки для своей безопасности,—оно ожидало спасенія только отъ его личнаго

Куры; съ отходомъ этихъ мѣстностей къ Турціи, наше населеніе будетъ поставлено въ затруднительное положеніе. Поэтому я считаю необходимымъ удержать, если не весь Чалдырь, то главное селеніе его Карзахъ и Картанакевы и самое Чалдырское озеро, которое-бы служило живою границею съ одной стороны, а съ другой—сохранить за нами необходимое ущелье по Курѣ и отрогъ Улгара, на полгода засыпанный снѣгомъ. На высотѣ Ахалциха по крайней мѣрѣ слѣдуетъ удержать входъ въ поцховское ущелье, для наблюдательнаго поста къ прегражденію выхода на долину, что будетъ подходить къ условленному разстоянію отъ Ахалциха верстъ 15. «Нельзя—сказалъ князь,—вы считаете часы разстоянія попереидски—агачъ въ 7 верстъ; въ Турціи считается въ градусѣ 20 часовъ (сагачъ). слѣдовательно, въ двухъ турецкихъ часахъ будетъ только съ небольшимъ 10 верстъ.» Тогда граница должна пройти вблизи деревни Вале, сказалъ я,—нельзя будетъ по открытой мѣстности наблюдать за постояннымъ переходомъ на ту и другую сторону, и надобно имѣть частые казачьи посты, нѣсколько деревень перевести во внутрь территоріи, между тѣмъ какъ тѣсное и малолюдное поцховское ущелье и такой-же чалдырскій санджакъ составлять самую ничтожную уступку со стороны Турціи, ни-сколько не нарушая ея интересовъ, и устранять безпрестанные пограничные ссоры и беспорядки. «Что дѣлать—сказалъ грустно князь, вы составте записку съ изложеніемъ положенія дѣла—я ее представлю корпусному командиру.» Князь остался доволенъ моею запискою и благодарилъ за службу, и, къ удивленію моему, объявилъ, что отгмѣняетъ поѣздку въ Ахалкалаки и Гумры, такъ какъ дѣла требуютъ скорого его возвращенія въ Тифлисъ; онъ осмотрѣлъ только мѣстность около Вале, и немедленно уѣхалъ чрезъ Боржомъ. Послѣ я узналъ, что Карзахъ съ известною полосою земли кое-какъ отстояли,—но рыбное Чалдырское озеро и необходимыя для насъ мѣстности около Вале отошли къ туркамъ и три деревни понадобилось переселить во внутрь страны.

Прим. автора.

командованія войскамъ, а не подручныхъ начальниковъ, которымъ мало довѣряло. Что въ Кахетин и самомъ Тифлисѣ могло найтись нѣсколько безалаберныхъ головъ, сочувствовавшихъ персіянамъ и вообще всякой неурядицѣ—это такъ, но огромное большинство ожидало только страшнаго разрушенія отъ персіанъ въ случаѣ ихъ успѣха, помня нашествіе Аги-Магометь-хана при царѣ Иракліѣ и настоящее звѣрство при разграбленіи колоній и нѣсколькихъ армянскихъ деревень. Да, въ Кахетин хорошо знали, что ни за нее, ни противъ нея въ настоящую минуту Ермоловъ подъ рукою не имѣлъ ни одного баталіона—однако-же милицію выставляли охотно и порядокъ не нарушился, какъ случилось въ татарскихъ дистанціяхъ, болѣе близкихъ къ Тифлису. Поэтому поэтическіе дифирамбы славнаго партизана Давыдова о безпримѣрномъ самоотверженіи Ермолова, переносащемъ насъ въ лучшія времена великаго Рима, несогласны съ дѣйствительностію.

Также несправедливо бросаетъ онъ тѣнь на имя знаменитаго Грибоѣдова въ двоедушій и неблагодарности къ Ермолову. Что Грибоѣдовъ былъ человѣкъ желчный, неуживчивый—это правда, что онъ худо ладилъ съ тогдашнимъ строемъ жизни и относился къ нему саркастически—въ этомъ свидѣтельствуется «Горе отъ ума»; но нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ благородствѣ и прямотѣ Грибоѣдова потому только, что онъ разошелся съ Ермоловымъ или былъ къ нему непріязненъ при надснн, сдѣлавшись близкимъ человѣкомъ Паскевичу. Во первыхъ—онъ былъ съ послѣднимъ въ родствѣ, пользовался полнымъ его довѣріемъ и ему обязанъ послѣдующей карьерой; тогда какъ у Ермолова Грибоѣдовъ составлялъ только роскошную обстановку его штаба, былъ умнымъ и ѣдкимъ собесѣдникомъ, что Ермоловъ любилъ, но никогда не былъ къ нему близкимъ человѣкомъ, какъ къ Паскевичу. Что касается

объ услугѣ, какую будто-бы вправѣ былъ ожидать Грибоѣдовъ лишь отъ роднаго отца, какъ говорить Давыдовъ, то едва-ли это такъ (*). Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ привезенъ изъ Грузіи по подозрѣнію въ дѣлѣ 14-го декабря и содержался нѣкоторое время подъ арестомъ въ главномъ штабѣ, — но послѣ оправданъ болѣе потому, что онъ былъ всегда врагомъ Якубовича и стрѣлялся съ нимъ на дуэль. Тутъ заступничество Ермолова могло только повредить поэту, ибо и Якубовичъ пользовался тоже расположеніемъ Ермолова и бывалъ его собесѣдникомъ. Второе — Грибоѣдовъ, чувствуя превосходство своего ума, не могъ въ тайнѣ не оскорбляться, что онъ составляетъ только штатъ Ермолова по дипломатической части, и не имѣетъ отъ него серьезныхъ порученій, и предпочитается ему какой-то авантюристъ Мазаровичъ — приншый докторъ изъ Сербіи или Далмаціи, рекомендованный Капо д'Истріа, и къ которому онъ посланъ былъ въ тавризскую миссію совѣтникомъ; но съ нимъ онъ, разумѣется, не ужился, и возвратился въ Тифлисъ послѣ исправленія его должности во время отъезда. Тогда какъ Грибоѣдовъ изучилъ персидскій языкъ, слѣдить за его литературой и правами персіянъ — могъ-ли онъ, при своихъ прекрасныхъ дарованіяхъ, писать бумаги въ Тифлисъ, которыя возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ, какъ говорить Давыдовъ? Вѣроятно — какимъ саркастическимъ смѣхомъ разразился Грибоѣдовъ надъ тупоуміемъ и оплошностію Мазаровича, невидавшимъ и неугадавшимъ сборовъ персіянъ къ открытію военныхъ дѣйствій и непредупредившимъ во-время Ермолова. А сборы, какъ говоритъ самъ

(*) Мы сомнѣваемся, чтобы Ермоловъ имѣлъ возможность дать Грибоѣдову часъ времени на истребленіе бумагъ; когда пріѣхавшій фельдъегерь засталъ Грибоѣдова за ужиномъ у Ермолова, то, конечно, онъ слѣдилъ каждый его шагъ.

Ермоловъ—по персидскимъ порядкамъ, были продолжительные, которые, по извѣстной продажности персіянъ и ихъ копотливости и неумѣлости въ сложныхъ операціяхъ, легко можно было открыть заблаговременно. Какъ смѣялся, надобно полагать, Грибоѣдовъ надъ довѣрчивостію Ермолова, когда тотъ принималъ за чистую монету донесенія нашего посланника Мазаровича, что персидскія регулярныя войска ни въ чемъ не уступятъ нашимъ кавказскимъ солдатамъ и могутъ помѣриться съ ними въ силахъ въ равномъ числѣ, и, что теперь не тѣ персіане, которыхъ огромныя полчища громили съ горстью солдатъ Котляревскій и другіе его современники. Эти безтолковыя донесенія, непонимавшаго военнаго дѣла Мазаровича, которому такъ много вѣровалъ Ермоловъ, и ввели его въ заблужденія, заставивъ дѣйствовать осторожно и медленно и мало надѣяться на имѣвшіяся у него подъ рукою силы, съ которыми—какъ доказалъ впоследствии подлѣ Елисаветполемъ Паскевичъ—легко можно было управиться съ персіянами (*).

(*) — А вы знавали Грибоѣдова? спросилъ я неумолкавшаго въ своихъ разсказахъ старика, безпрестанно сворачивающаго въ разныя стороны въ своихъ воспоминаніяхъ.

— Немного зналъ — отвѣчалъ онъ. Командиромъ нашего херсонскаго гренадерскаго полка былъ тогда полковникъ Поповъ, очень молодой человекъ, лѣтъ 26, сынъ извѣстнаго въ свое время Василя Степановича, правителя дѣлъ при Потемкинѣ, довѣренное его лицо и послѣ статсъ-секретарь Екатерины.

— Вотъ, думаю, куда занесло старика—спрашиваю о Грибоѣдовѣ, а онъ отвѣчаетъ о Поповѣ. Про него и Фалеева—интенданта и финансового администратора Потемкина—ходила во-время оно такая вирша:

Коль хочешь знать Потемкинъ кто таковъ,

Отвѣтъ дадутъ Фалеевъ и Поповъ.

У Василя Степановича и послѣ у графа Самойлова служилъ въ канцеляріи отецъ Алексія Петровича, имѣлъ чинъ статскаго совѣтника—

15530



9765 1249

Покойный император Николай Павловичъ справедливо находилъ, при вторженіи персіянъ въ Грузію, въ частныхъ исполненіяхъ—опасность неимовѣрную. Напримѣръ: командиръ тифлискаго полка, расположеннаго на границѣ эриванскаго ханства, князь Севардземидзевъ, родомъ грузинъ, знавшій туземные языки и населеніе, имѣлъ порученіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ сноситься съ эриванскимъ ханомъ, наблюдать надъ жителями, которые постоянно бывали по торговымъ по-тогдашнему значительный—и Владимира 2-й степени со звѣздой. Нашъ Ермоловъ юношею жилъ въ домѣ старика Самойлова, и по этимъ связямъ Алексѣй Петровичъ принималъ отеческое участіе въ молодомъ Поповѣ и графѣ Самойловѣ, служившихъ у него адъютантами. Оба молодые люди, съ значительнымъ состояніемъ, любили пожить на широкую руку и покуривать; графъ Самойловъ, при высокомъ ростѣ, обладалъ необыкновенною красою, ловкостію и силою,— по характеру и наружности его справедливо называли русскимъ Алкивиадомъ, нѣкоторые находили въ немъ сходство съ Алексѣемъ Петровичемъ, только черты лица были граціознѣе, женственнѣе. Ермоловъ, когда у него было меньше дѣлъ, изрѣдка навѣщалъ штабъ-квартиры полковъ близкихъ къ Тифлису, гдѣ онъ дней семь отдыхалъ въ жары въ болѣе прохладномъ климатѣ. Вотъ, разъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ городъ Гори съ большою свитою—въ ней находились изъ дипломатической канцеляріи Грибоѣдовъ и Тимковскій. Грибоѣдовъ былъ хорошаго роста, довольно интересной наружности—брюнетъ, съ живымъ румянцемъ и выразительной фізіономіей, съ твердой рѣчью. Я былъ тогда полковымъ адъютантомъ, канцелярія и вмѣстѣ моя квартира помѣщались противъ дома полковника, гдѣ расположился Алексѣй Петровичъ съ пріѣхавшими гостями у тароватаго амфітріона. Разъ по-утру, часу въ 10-мъ, входитъ ко мнѣ въ канцелярію Грибоѣдовъ и проситъ позволенія пребыть въ моей квартирѣ до обѣда,— я отвѣчалъ готовностію услужить, такъ какъ все это время долженъ былъ заняться въ канцеляріи дѣломъ и ему никто не помѣшаетъ. «Да, не помѣшаетъ,— нѣтъ ужъ, одолжите, если будетъ спрашивать меня Тимковскій, такъ скажите, что не знаете гдѣ я».— Я сказалъ, что поставлю къ дверямъ своей квартиры вѣстоваго съ приказаніемъ говорить, что никого нѣтъ.— «И пре-

дѣламъ въ Эривани—какъ главному пункту сообщенія и торговли съ Тавризомъ,—а онъ ничего не зналъ о сборищѣ большихъ силъ близъ границы у персіанъ, повторяю, всегда медленныхъ и безтолковыхъ и падкихъ на деньги, чтобы удержать въ секретѣ. Впрочемъ, эти большія силы, какъ пишетъ Ермоловъ, сдѣлавшія первоначальное нападеніе на укрѣпленіе Миракъ, весьма сомнительны въ своей численности,—ибо въ

красно!» отвѣтилъ Грибоѣдовъ.— Такое отношеніе Грибоѣдова къ Тимковскому меня удивило. Еще онъ не былъ извѣстенъ (въ 1822 г.), какъ даровитый писатель. Между тѣмъ Тимковскій имѣлъ у насъ какую-то авторитетность умнаго человѣка, много видѣннаго, и кажется кое-что пописывавшаго, хотя бонъ-вивана, но хорошаго рассказчика. Разъ, помню, за обѣдомъ зашла рѣчь объ одномъ важномъ дипломатическомъ лицѣ; Ермоловъ обвинялъ его въ продажности и недостаткѣ патріотизма. «Ну, нѣтъ, ваше превосходительство—это несправедливо. Н. . большой патріотъ, сказалъ Тимковскій,—онъ чрезвычайно любитъ своихъ соотечественниковъ—голландскіе червонцы». Ермоловъ расхохотался. Тутъ склонился разговоръ о Потемкинѣ; сидѣвшій за столомъ маіоръ Титовъ, комендантъ въ Гѣри, объяснилъ—куда дѣвались смертные останки Потемкина. Баталіонъ херсонскаго полка стоялъ въ Херсонѣ, когда воцарился Павелъ, — баталіономъ командовалъ полковникъ князь Шаховскій, бывшій послѣ командиромъ гренадерскаго корпуса,—Титовъ у него былъ адъютантомъ. Разъ вечеромъ Шаховскій требуетъ Титова, у него нашелъ онъ прибывшаго фельдъегеря, привезшаго за подписомъ императора повелѣніе «старшему воинскому начальнику въ Херсонѣ», гдѣ говорилось: «что бальзамированіе покойниковъ и погребеніе въ церквахъ принадлежитъ только лицамъ царскаго дома, почему—ночью вынуть изъ церковнаго склепа тѣло покойника Потемкина и, положивъ въ простой гробъ, скронить на городскомъ кладбищѣ.» Сейчасъ были посланы Титовымъ солдаты вырыть скорѣе могилу и до-разсвѣта тѣло Потемкина было перенесено въ новое жилище. Распоряженіе это велѣно было хранить въ тайнѣ, и фельдъегерь оправился сейчасъ обратно съ донесеніемъ объ исполненіи. «Если-бы мнѣ теперь велѣно было отыскать его могилу, а-бы ни-какъ не могъ этого исполнить, забывъ мѣсто»—говорилъ Титовъ.

Прим. автора,

этомъ укрѣпленіи, зная тогдашнее распредѣленіе войскъ, не могло быть болѣе двухъ ротъ — и то едва-ли, а онѣ безъ потери отступили къ Гумрамъ, въ мѣстности открытой, гдѣ многочисленная персидская кавалерія могла нанести значительный вредъ. Послѣ того эриванскій сардаръ допустилъ Севардземидзева, также безъ потери, со всѣмъ штабнымъ хозяйствомъ и полковымъ имуществомъ, перейти изъ своей штабъ-квартиры Караклиса на Каменную рѣчку, чрезъ страшную гору Безобдалъ на протяженіи 7-ми верстъ крутаго подъема, покрытаго лѣсомъ, предъ коимъ Крестовая и Гуть-гора — въ прежнемъ еще видѣ — сравнительно ничто. Чего-же было послѣ этого бояться эриванскаго сардаря, дѣйствовавшаго только небольшими шайками конныхъ персіанъ и карапаховъ въ нашихъ предѣлахъ; пѣхоты-же его, не говоря объ артилеріи, не было видно въ массахъ, и Севардземидзевъ не имѣлъ ни одной горячей сшибки, хотя Каменная рѣчка всего верстъ 12—15 отъ Караклиса, откуда онъ уже не трогался и преспокойно строилъ укрѣпленіе Джелаль-оглу.

Командиръ 42 егерскаго полка, полковникъ Реуть, въ Карабагѣ то-же дремалъ. Ему нечего было торопиться — прятаться въ крѣпость, когда непріятель былъ далеко, онъ могъ частью полка занять Шушу, а съ другою на-легкѣ идти къ Герюсамъ для облегченія отступленія баталіону подполковника Назимки и употребить строгое настояніе о послѣшномъ выступленіи изъ Герюсъ. Между тѣмъ, предписаніе объ отступленіи шло медленно — да еще на бѣду получено было во время раздачи солдатамъ жалованья, когда, по заведенному обычаю, бываетъ у солдатъ разгулъ въ бѣдной развлеченіями кавказской военной жизни; внезапность неожиданнаго отступленія, ералашъ въ головѣ — замедлили выходъ баталіона на цѣлыя сутки; настигнутый въ тѣсномъ каменистомъ ущельи огромнымъ

скопищемъ персіянъ и взбунтовавшихся татаръ, баталіонъ, расстрѣлявъ все патроны, погибъ съ двумя орудіями, которыя, если-бы бросилъ вмѣстѣ съ артельными повозками и багажемъ, то могъ-бы спастись горною тропинкою. Аббасъ-Мирза, командуя 25 т. войска, велъ осаду Шуши, куда скрылся съ полкомъ Реутъ, съ ребяческимъ искусствомъ и боязнію: никакой крайности не предстояло осажденнымъ, а между тѣмъ, по предложенію Аббасъ-Мирзы, Реутъ отдалъ въ заложники ему коменданта крѣпости, маіора Челаева. Бѣдный Челаевъ представлялъ—что комендантъ въ военное время не долженъ оставлять крѣпости, что въ заложники можно послать другаго штабъ-офицера, а онъ, комендантъ, долженъ оставаться при своемъ мѣстѣ. Но Аббасъ-Мирза требовалъ именно его, съ условіемъ, что онъ не будетъ штурмовать крѣпости, пока нарочно посланный не привезетъ отъ Ермолова приказанія о сдачѣ оной и гарнизона военноплѣннымъ—на что Реутъ согласился. Посланный изъ крѣпости маіоръ Клюки-фонъ-Клюгенау, извѣстный впоследствии генералъ, уже не возвращался назадъ изъ Тифлиса, а Ермоловъ послалъ къ Реуту съ своимъ лазутчикомъ записку, писанную по-польски, такъ какъ на другомъ языкѣ бывшіе съ персіянами англичане и бѣгле русскіе могли прочесть,—«если хочешь, что-бы твоя голова осталась на плечахъ, то ты не долженъ сдавать крѣпости (*). Челаевъ, послѣ плѣна переведенный въ нашъ полкъ, горько жаловаяся на распоряженіе Реута и свою судьбу. У него, начиная съ часовъ и денегъ, отобрали все необходимыя вещи, держали взаперти во все время плѣна, кончившагося съ заключеніемъ мира—и послѣ не дали ему вознагражденія.

Ермоловъ въ своихъ запискахъ о персидской кампаніи и концѣ своей службѣ на Кавказѣ не высказывается вполне и

(*) Поляковъ тогда у насъ служило мало и то офицерами.

говорить не-рѣдко съ задней мыслию, желая себя или своихъ подчиненныхъ оправдать и только упоминаетъ вскользь о безалаберномъ и трусливомъ маіорѣ Ильинскомъ. Этотъ Ильинскій, служа въ преображенскомъ полку, въ началѣ двадцатыхъ годовъ женился на плохой и даже не красивой актрисѣ. Тамъ не хотѣли его держать, а отецъ, старый зажиточный дворянинъ, къ себѣ не принималъ—вотъ онъ по неволѣ и перешелъ въ нашъ грузинскій полкъ маіоромъ; на видѣ онъ былъ довольно ловкій офицеръ и, командуя у насъ баталіономъ, держалъ себя порядочно; Ермоловъ, желая ему дать ходъ, назначилъ его командиромъ отдѣльнаго каспійскаго морскаго баталіона, расположеннаго въ крѣпости Ленкорани, и вмѣстѣ командантомъ крѣпости и управляющимъ талышинскимъ ханствомъ. Тамъ отъ климата онъ потерялъ жепу и, вѣроятно, отъ скуки, непривычной пустынной жизни, началъ съ офицерами кутить, распустилъ баталіонъ, и въ заключеніе, передъ самой войной, укралъ вдову какаго-то хана, съ тѣмъ, чтобы ее окрестить и на ней жениться. Последнее, разумѣется, взволновало татаръ, перешедшихъ сейчасъ съ извѣстіемъ о вторженіи персіянъ въ возстаніе. Тогда Ильинскій, нисколько не думая объ оборонѣ, бросилъ крѣпость и переправился съ баталіономъ на ближайшій островъ Сару, гдѣ находилась каспійская флотилія.

Сверхъ не-разъ высказаннаго Ермоловымъ желанія императору Александру 1-му о необходимости войны съ персіянами, ему извѣстны были и подстрекательства англичанъ къ этой войнѣ персидскаго шаха, и это показываетъ одинъ курьезный случай передъ самымъ началомъ войны. Англійскій полковникъ, проѣзжая чрезъ Петербургъ въ Персію, остановился въ Тифлисѣ отдохнуть отъ длиннаго пути, и долго откладывалъ свой выѣздъ далѣе по разнымъ причинамъ. Полковникъ былъ огромнаго роста, выказывалъ опыты необыкновенной силы, любилъ

покутить, часто сходилъся съ штабными лицами, пировалъ съ жителями и постоянно бывалъ въ военной формѣ на нашихъ разводахъ. Баталіонъ нашего полка стоялъ тогда въ Тифлисѣ для карауловъ; командиръ 1-й гренадерской роты, поручикъ Зубковъ, исправный служивый, но покутить тоже былъ не прочь, обладалъ огромною силою, чего нельзя было заключить по наружности: средняго роста, сухощавъ, только въ плечахъ и груди былъ очень широкъ. Его знали по всѣмъ увеселительнымъ закоулкамъ, гдѣ собиралась молодежь, и остерегались затрогивать. Разъ вечеромъ отправился Зубковъ въ одно веселенькое мѣстечко и расположился тамъ, какъ дома, на ночлегъ. Въ полночь явился туда-же англичанинъ очень на-веселѣ, началъ шумѣть, задирать Зубкова и хотѣлъ отнять у него его пріобрѣтеніе. Възбѣшенный наглостію англичанина, Зубковъ далъ ему такой ударъ, что тотъ покотился на полъ и не-скоро пришелъ въ себя. Пьяный и опеломленный ударомъ, англичанинъ едва могъ съ помощію другихъ добраться до дома, но уходя, грозилъ пожаловаться Ермолову. На-утро Зубковъ сообразилъ, что ему можетъ обойтись очень дурно ночное похождение, ибо зналъ, что англичанинъ, какъ казалось, былъ ласково принять Ермоловымъ и сошелся съ разными вліятельными лицами штаба. Зубковъ рѣшился отправиться къ довѣренному адъютанту Ермолова, Талызину, и просить его заступничества. Талызинъ началъ въ нашемъ полку службу юнкеромъ, зналъ Зубкова и его силу, но все-таки не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ такъ легко могъ справиться съ силачемъ англичаниномъ; Зубковъ-же наивно клялся, что только наглость пьянаго англичанина вывела его изъ терпѣнія и заставила употребить всю силу своего кулака.

Отправясь немедленно къ Ермолову, Талызинъ, зная подробности англичанина, рассказалъ происшествіе. «Да вѣдь я, бра-

тець, знаю Зубкова—неужто у него такая сила, чтобы онъ могъ свалить Голяфа,—сказаль весело Ермоловъ; да скажи пожалуйста—таки онъ его пластомъ и положиль?»—Зубковъ даже испугался, полагая, что онъ убиль англичанина, такъ какъ онъ былъ нѣсколько минутъ безъ чувствъ,—отвѣчалъ Талызинъ.—«Ну, подѣломъ ему, канальѣ; однако, скажи Зубкову, чтобы впредь онъ не даваль воли своимъ кулакамъ, а то будетъ ему отъ меня плохо, но на этотъ разъ его прощаю»(*). Является вскорѣ англичанинъ и между разговоромъ приноситъ жалобу на Зубкова, что тотъ сдѣлаль ему «грубую выходку при встрѣчѣ *съ однимъ мистръ*». Ермоловъ, будто ничего не зная, общаеть строго взыскать съ виновнаго, между тѣмъ сталъ спрашивать, гдѣ именно встрѣтился онъ съ нимъ. Англичанинъ сталъ заминаться, Ермоловъ настаиваль объяснить откровенно дѣло, такъ какъ онъ хочеть строго взыскать за буйство. Когда-же англичанинъ все высказаль, Ермоловъ сказалъ: «въ такомъ случаѣ, я не могу вамъ сдѣлать удовлетворенія,—я знаю Зубкова и самъ боюсь встрѣтиться съ нимъ въ подобномъ мѣстѣ—онъ и мнѣ спуска не дасть!» Послѣ такого рѣшенія англичанинъ выѣхаль на другой день въ Персію, чего такъ желаль Ермоловъ, не зная, какими благовидными средствами выжить его изъ Тифлиса, такъ какъ Ермолову было хорошо извѣстно, что англичанинъ шпиониль, сносился съ разными подозрительными личностями, откладывая подъ пустыми предлогами свой выѣздъ.

Когда назначенъ былъ Паскевичъ въ помощники Ермолову, то, конечно, послѣдній понималь сущность дѣла, но при разводѣ заявилъ, что очень радъ имѣть помощникомъ такого

(*) Ермоловъ самъ имѣль необыкновенную силу и питаль маленькую слабость къ сначамъ.

достойнаго храбраго генерала, съ которымъ онъ знакомъ еще съ кампаніи 1812 года. Между тѣмъ въ Высочайшемъ приказѣ была неясность, именно: генераль-адъютантъ Паскевичъ назначался командиромъ кавказскаго корпуса, объ Ермоловѣ же ничего не было сказано; послѣ уже, въ другомъ приказѣ говорилось мимоходомъ, что назначаются адъютанты къ генераль-адъютанту Паскевичу, состоящему подъ главнымъ начальствомъ генераль-отъ инфантеріи Ермолова.

Событія персидской кампаніи и въ послѣднее время служба Ермолова на Кавказѣ принадлежатъ исторіи, —я передаю только нѣкоторыя частности этого времени, что осталось у меня въ памяти, или что я случайно зналъ.

Принятый Ермоловымъ очень любезно, Паскевичъ отправился командовать къ собравшемуся отряду на Гассанъ-су. Сначала не было у нихъ размолвки. Когда князь Мадатовъ, команду авангардомъ, разбилъ на-голову сильный персидскій авангардъ подъ Шамхоромъ, и Ермоловъ принялъ команду надъ корпусомъ, то опасаясь, что при дальнѣйшемъ движеніи съ небольшими силами князь Мадатовъ, при своей удалой отвагѣ, послѣ блестящаго успѣха, можетъ увлечься и, вступивъ въ непрерывный бой, понести пораженіе,—послалъ Паскевича и начальника своего штаба Вельяминова, съ большею частію отряда, на соединеніе съ Мадатовымъ, поступившимъ уже подъ его начальство (*). Ермоловъ желалъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, но не вступать въ рѣшительный бой съ главными силами Аббасъ-Мирзы, а стараться отвлечь его отъ Шуши во внутрь страны, и по прибытіи подкрѣпленій, нанести уже неприятелю рѣшительный ударъ. Паскевичъ распорядился по

(*) Хотя въ частной перепискѣ Ермоловъ и извиняется предъ Мадатовымъ въ такомъ распоряженіи, но это надобно считать дипломатической тонкостію, чтобы не оскорбить любимаго имъ генерала.

своему: соединясь съ авангардомъ Мадатова, онъ двинулся впередъ на неожиданно прибывшаго къ Елисаветполю со всею арміею Аббасъ-Мирзу, и разбилъ его на-голову. Казки едва успѣвали брать въ плѣнь отсталыхъ бѣжавшаго безъ оглядки непріятеля, очутившагося на четвертый день за Араксомъ.

Я не могу угадывать, что перечувствовалъ Ермоловъ при первой вѣсти о совершенномъ разбитіи персіянъ, стоя съ остальною частію отряда при Гассанъ-су, — но ходили слухи, за которые, впрочемъ, не ручаюсь, что эта вѣсть о побѣдѣ Паскевича смутила его. Тутъ, вѣроятно, понялъ онъ всю нелѣпость свѣдѣній о Персіи Мазаровича и важность своей ошибки. Во всякомъ случаѣ, Россія лишилась чрезъ Елисаветполь въ Ермоловѣ фельдмаршала съ замѣчательными способностями, а край потерялъ полезнаго администратора, какихъ отыскалось и прежде и послѣ не-много, особливо относительно государственнаго бюджета.

Если-бы Ермоловъ самъ пошелъ къ Елисаветполю на соединеніе съ Мадатовымъ, оставя Паскевича или кого другаго на Гассанъ-су, то онъ точно также разбилъ-бы персіянъ — и триумфъ побѣды принадлежалъ-бы ему: тогда не было-бы предлога къ его удаленію.

Я слышалъ отъ князя Палавандова и отъ другихъ, что когда получено было покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ въ Москвѣ донесеніе о дурномъ положеніи дѣлъ въ Грузіи, то посланному туда Паскевичу дано было полномочіе, смотря по положенію дѣлъ, объявить Ермолову Высочайшее повелѣніе объ его удаленіи и самому вступить немедленно въ командованіе корпусомъ и краемъ. Но Паскевичъ такъ уважалъ Ермолова и такъ велико было обаяніе послѣдняго на окружающее, что Паскевичъ не рѣшился на этотъ шагъ, боясь дурныхъ послѣдствій, не смотря на возникшія между ними неудовольствія

послѣ елисаветпольскаго сраженія, когда Ермоловъ сталъ ограничивать дальнѣйшія военныя дѣйствія Паскевича, не дозволивъ ему преслѣдовать за Араксомъ Аббасъ-Мирзу, находи это опаснымъ,—тогда какъ послѣ, съ гораздо слабѣйшимъ отрядомъ, былъ посланъ имъ туда-же Мадатовъ, который легко разогналъ персидскія войска и завладѣлъ огромными запасами заготовленнаго персіянами продовольствія, такъ что не имѣя возможности взять все съ собою на отбитыхъ 2000 верблюдахъ, при возвращеніи долженъ былъ истребить добычу.

Поставленный вдругъ судьбою въ самое выгодное положеніе, но не знакомый съ мѣстными условіями и подчиненными ему лицами, недовольный Ермоловымъ, Паскевичъ подозревалъ во всемъ около себя интригу, и потому былъ сначала недовѣрчивъ къ начальникамъ частей, бывшимъ довѣренными Ермолова, вслѣдствіе чего былъ строго требователенъ, выскателенъ за самыя неважныя упущенія или неисполненія, происходившія часто отъ мѣстныхъ причинъ, недоразумѣній, или заведенныхъ прежде порядковъ, которыхъ Паскевичъ не хотѣлъ знать. Полковымъ командирамъ и начальникамъ частей доставалось больше всего, войскамъ тоже—за все брань и аресты; строгое требованіе служебной формальности, не смотря на то, что войска были въ постоянномъ движеніи до января мѣсяца подъ открытымъ небомъ, не вида квартиръ полгода. Разумѣется, въ такомъ положеніи, запачканные грязью, въ изорванной аммуниціи, войска были не казисты; въ сердцахъ онъ не рѣдко говорилъ солдатамъ: «миѣ стыдно показать васъ неприятелю.» Но строгихъ наказаній или исключеній изъ службы не было. Очень можетъ статья—какъ надобно судить по послѣдствіямъ, онъ думалъ иначе, но такъ, можетъ быть, надобно было говорить: это было что-то въ родѣ пресловутыхъ очередныхъ распеканій полковъ во время оно. Почти всѣ под-

ковые командиры и другіе начальники низшихъ инстанцій прослужили подъ его начальствомъ персидскую и турецкую кампаніи и были щедро награждены. Если два лучшіе генерала—начальникъ штаба Вельяминовъ и князь Мадатовъ—были переведены на службу въ Россію, то тутъ не послѣднее мѣсто занимало ихъ собственное желаніе, также и партизана Давыдова, возвратившагося вмѣстѣ съ Ермоловымъ.

Какъ я уже замѣтилъ—продолжалъ старикъ—планъ кампаніи 1827 года послѣ взятія Абассъ-Абада состоялъ въ томъ, чтобы въ сентябрѣ идти за Араксъ на Тавризь, хотя лучше бы было, если-бы вмѣсто несчастной, нездоровой стоянки отряда въ Карабабѣ, идти-бы по взятіи этой крѣпости, въ исходѣ или даже въ половинѣ іюля, не останавливаясь, къ Тавризу, такъ какъ, перейдя Араксъ, мы нашли-бы хлѣбъ уже сжатымъ, мѣстность здоровую, жары менѣе знойныя,—ибо отъ джюльфинской переправы начинаются безлѣсныя горы и мѣстность вплоть до Тавриза становится возвышенною, волнистою. Тавризь и область его Адербейджанъ отличаются въ Персіи хорошимъ климатомъ и плодородіемъ, кромѣ фруктовъ, которые въ умѣренной полосѣ не такъ роскошны и изобильны, какъ въ жаркой долинѣ Аракса.

Однако-же и эти предположенія Паскевича не сбылись; въ первыхъ числахъ сентября или послѣднихъ августа, вмѣсто Тавриза, онъ долженъ былъ неожиданно идти послѣшно съ главными силами своего корпуса обратно къ Эривани на выручку отряда генераль-лейтенанта Красовскаго, разбитаго на Аштаракѣ войсками Аббасъ-Мирзы. Пожалуй—сказалъ старикъ—военные историки персидской кампаніи назовутъ меня лжецомъ, что такъ называю побоище подъ Аштаракомъ Красовскаго и объявятъ его побѣдою, ссылаясь на календарь, куда такъ занесли это несчастное для насъ сраженіе. Но

персидская война ведена такъ для насъ счастливо, что не слѣдуетъ скрывать и неудачь, которыхъ было всего двѣ—въ Герюсахъ и подъ Аштаракомъ.

Генераль Красовскій, съ 7-ю или 8-ю баталіонами пришедшей изъ Россіи 20-й дивизіи, стоялъ лагеремъ на Башь-Абаранской возвышенной плоскости, наблюдая за Эриванью, блокада съ которой была снята съ движеніемъ главнаго корпуса къ Нахичевани,—но оставленъ былъ гарнизонъ изъ баталіона въ Эчміадзинѣ—патріаршемъ монастырѣ, святынѣ армянской, въ 12-ти верстахъ отъ Эривани. Въ одно утро августа докладываетъ адъютантъ Красовскому, что въ Эчміадзинѣ мало провіанта и показываетъ провіантскую вѣдомость, въ которой, между многочисленными графами разныхъ подвижныхъ и постоянныхъ магазиновъ, значилось въ эчміадзинскомъ магазинѣ къ 1-му августа только до 40 четвертей провіанта, такъ что продовольствіе должно быть на-исходѣ. Красовскій приказалъ немедленно изготовить значительный транспортъ хлѣба на воловьихъ арбахъ, и на другой день пошелъ самъ конвоировать транспортъ съ 5 или 6-ю баталіонами далеко не комплектными, оставя войска для защиты вагенбурга.

День былъ необыкновенно знойный, мѣстность безводная, усѣянная по сторонамъ огромными камнями, могущими закрывать стрѣлковъ; неуклюжія арбы часто ломались, задерживая движеніе и растягивая прикрытіе, солдаты были страшно утомлены, задыхаясь отъ жажды; въ это время Аббасъ-Мирза, имѣя болѣе 15/г., прибывъ подъ Эривань съ желаніемъ дѣйствовать на тылъ Паскевича, напалъ на Красовскаго; надобно было защищать растянувшійся транспортъ и отбиваться отъ непріятеля, который по обѣимъ сторонамъ дороги, занимая за каменьями выгодные пункты, наносилъ большой вредъ нашимъ войскамъ батарейною и ружейною пальбою;

когда наши бросались въ штыки, желая сбить непріятеля—онъ отступалъ и послѣ опять наступал, осыпалъ градомъ пуль своихъ многочисленныхъ стрѣлковъ изъ за каменьевъ; сломавшіяся или подбитыя арбы заграждали узкую дорогу другимъ. Замѣшательство усилилось, люди падали истомленные жаромъ и жаждою и падали во множествѣ отъ пуль непріятеля; генераль Красовскій лично оказывалъ отличное мужество, самъ водилъ роты сбивать непріятельскія позиціи, не смотря на полученную сильную контузію ядромъ въ плечо. Командиръ крымскаго полка полковникъ Головинъ, одушевляя солдатъ своею примѣрною храбростію, былъ убитъ, многихъ отличныхъ офицеровъ постигла та-же участь; отрядъ, поражаемый съ обѣихъ сторонъ, продолжалъ двигаться къ Эчміадзину еще мало разстроенный,—но вотъ показались монастырскія стѣны, верстахъ въ 2-хъ отъ нихъ въ широкой канавѣ, для поливки полей, протекала хорошая вода, солдаты бросились въ беспорядкѣ пить воду—и никакая сила не могла поднять ихъ съ земли. Персіяне бросились въ эту минуту рубить солдатъ—утомленіе отъ жары и жажды отняло силы до самозабвенія, такъ что у одного рѣзали голову, а возлѣ другой лежалъ растянувшись и глоталъ воду, не думая обороняться. Истребленіе нашихъ здѣсь было страшное; по своему варварскому обычаю, какъ подлые трусы, персіяне не давали пощады слабому, и рѣзали безпощадно головы, не забирая въ плѣнъ даже раненыхъ; артилерія, не надѣясь на прикрытіе, поскакала къ монастырю, болѣе сильные бѣжали въ беспорядкѣ за нею—только безпримѣрная трусость персіянъ и невѣжество въ военномъ дѣлѣ помогли разстроеннымъ остаткамъ отряда добраться до Эчміадзина. Изъ 2500 или 3000 своего войска, Красовскій потерялъ болѣе тысячи человекъ со всею аммуниціей и транспортомъ.

Между тѣмъ оказалось, что спѣшить доставленіемъ провіанта гарнизону было не къ чему, такъ какъ его было достаточно еще на мѣсяць впередъ: вышла ошибка адъютанта, принявшаго графу показывающую крупу, за графу, въ которой значились сухари или мука. А только два дня нужно было подождать прибытія кабардинскаго полка, который въ усиленномъ тогдашнемъ кавказскомъ составѣ, около 300 человекъ въ ротѣ, переправился уже черезъ Безобдалъ съ осадною артилеріей и спѣшилъ на соединеніе съ Красовскимъ. Посланъ былъ лазутчикъ къ командиру кабардинскаго полка, полковнику Швецову, съ приказаніемъ спѣшить на помощь къ нему, оставъ осадную артилерію въ вагенбургѣ, и чтобы онъ шелъ черезъ Антаракъ ночью и приблизясь до утра къ Эчмιάдзину версты на три, далъ сигналъ выстрѣломъ два раза изъ пушки, а черезъ 10 минутъ повторилъ тоже самое, и когда получить въ отвѣтъ три выстрѣла изъ Эчмιάдзина, то чтобы немедленно двинулся на соединеніе. Швецовъ исполнилъ въ точности приказаніе, и не доходя роковой канавы, далъ условленный сигналъ; каково-же было его изумленіе—онъ не получаетъ отвѣта; полагая, что монастырь взятъ персіянами и весь отрядъ истребленъ. Швецовъ пришелъ въ затрудненіе. Онъ уже прошелъ скорымъ маршемъ 30 верстъ въ продолженіе ночи; съ разсвѣтомъ на него долженъ напасть непріятель и ему, пробиваясь, должно спѣшить на спасеніе вагенбурга. Однако Швецовъ, тотъ самый, что захваченъ былъ когда-то горцами въ плѣнъ—изъ людей ни въ какомъ случаѣ не боящихся бросаться на врага, не измѣнилъ и тутъ своей натурѣ: онъ рѣшился узнать, во что-бы ни-стало, о судьбѣ отряда, и чрезъ нѣсколько времени повторилъ сигналъ,—тутъ только получилъ желанный отвѣтъ. Объяты страхомъ послѣ пораженія и угрожаемые ежечасно нападеніемъ Аббасъ-Мирзы,

въ отрядѣ не могли подумать, чтобы безъ перестрѣлки могъ приблизиться Швецовъ и такъ аккуратно по времени, когда онъ могъ еще не достигнуть вагенбурга. Почему полагая, что лазутчикъ схваченъ персіянами, записка прочтена, и данъ имъ фальшивый сигналъ, поэтому боялись отвѣчать. Спасенный Красовскій безпрепятственно возвратился въ свой лагерь, не будучи преслѣдуемъ непріятелемъ. Со времени Котляревскаго постоянно терпя пораженіе отъ русскаго оружія, Аббасъ-Мирза могъ похвалиться единственною побѣдою, — но, не умѣя ею воспользоваться, получилъ немедленно страшное возмездіе (*).

Какъ прямое сообщеніе между эриванскимъ отрядомъ и главнымъ у Карабабы, на разстояніи полутораста верстъ, было постоянно занято персидскими войсками, то Паскевичъ, кажется, на 6-й день получилъ вѣрное извѣстіе о пораженіи Красовскаго и на-скоро собравшись, пошелъ въ послѣдніе дни августа съ большею частію своего корпуса на выручку къ Эривани.

Съ небольшимъ двѣ тысячи пѣхоты, бригада уланъ и полкъ или два казаковъ составлялъ отрядъ, оставленный у Нахичевани подъ командою генераль-лейтенанта князя Эривова; его назначеніе было — прикрывать оставленную значительную часть обоза и парка, дѣлать движенія за Араксъ для отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ Эривани и, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, нанося вредъ непріятелю, далеко не вдаваться во внутрь страны.

Князь Эривовъ — грузинъ, выросшій и состарѣвшійся въ битвахъ съ горцами, плохой грамотей, но человекъ отважный

(*) Аштаракское дѣло тяжело легло на сердцѣ Паскевича; послѣ него онъ ставилъ уже на второй планъ прибывшія войска, дѣйствуя преимущественно старыми кавказцами; подъ Ахалцихомъ было только двѣ роты козловскаго полка.

и очень пригодный на боевую рѣшительную службу; войско любило его за храбрость и доброту,—говоря не совсѣмъ чисто порусски, онъ имѣлъ привычку, обращаясь къ подчиненнымъ, говорить *батушка*,—солдаты и прозвали его *сатушкой*. Сдѣлавъ одинъ поискъ за Араксъ и возвратясь къ Нахичевани, князь Эристовъ, оставя тамъ часть тяжестей, двинулся совсѣмъ отрядомъ на джувльфинскую, чрезъ Араксъ, переправу, по дорогѣ къ Тавризу, и гоня передъ собой робкія толпы персіянъ, несмѣвшія преграждать намъ путь даже въ очень трудныхъ мѣстностяхъ—особенно во Фражскомъ ущельи, князь Эристовъ сдѣлалъ съ Паскевичемъ то-же, что послѣдній съ Ермоловымъ; вопреки приказанія, взявъ Тавризь—и надобно правду сказать—взявъ въ самое удобное время, ибо персіяне ни-какъ не предполагали, чтобы Эристовъ рѣшился безъ Паскевича на этотъ подвигъ,—не приготовились къ оборонѣ и ничего не вывезли изъ города: арсеналь, литейная, гдѣ такъ дѣятельно работали англичане, все досталось намъ,—изъ дворца ничего не было спасено. Подходя къ городу, часовъ въ 8 утра, мы увидѣли на противоположной сторонѣ въ полѣ толпу всадниковъ; послѣ мы узнали, что это бѣжалъ гаремъ Аббасъ-Мирзы въ сопровожденіи небольшого конвоя—но участь гарема была-бы лучше, если-бы онъ достался намъ. Куртинцы напали не-вдалекѣ на него и обошлись съ нимъ по своему—ограбили его до-чиста, даже съ любимой жены или наложницы Аббасъ-Мирзы сняли красные бархатные, шитые золотомъ шаровары, многихъ получше увели съ собою. Покамѣстъ мы подошли къ городу и князь принималъ съ повинною старшинъ города, общія безопасность и сохраненіе имущества жителямъ, эти послѣдніе задними ходами пробрались во дворець Аббасъ-Мирзы и начали расхищеніе цѣнныхъ вещей. Войско персидское, весь придворный штатъ—бѣжали, какъ только зави-

дѣли русскихъ, раболѣпные, забытые жители уже не признавали персидскихъ властей и съ полною охотою подчинялись русскимъ.

Адербейджанъ и его столица населены татарскимъ племенемъ, говорящимъ своимъ языкомъ, считающимся лучшимъ у мусульманъ; жители ненавидятъ настоящихъ персіянъ и фамилію царствующихъ каджаровъ; персидскій языкъ въ Тавризѣ употребителенъ только въ высшихъ правительственныхъ сферахъ (*). Нашъ *батушка* все это зналъ, и потому рѣшился, съ перваго взгляда, на дерзкое, но вѣрно рассчитанное предпріятіе, пользуясь паническимъ страхомъ персіянъ и не расположеніемъ къ нимъ населенія—занять вторую многолюдную столицу Персіи, съ горстью русскаго войска, вопреки даже воли главнокомандующаго. Предпріятіе тѣмъ болѣе рискованное, что Тавризъ окруженъ довольно глубокимъ ровомъ и стѣною изъ сырцоваго кирпича, и при рѣшительности гарнизона и жителей, могъ противопоставить значительную оборону нашему маленькому отряду. И судьба въ возмездіе за кровавыя жестокости, произведенныя въ Тифлисѣ шахомъ Ага-Магометъ-ханомъ, чрезъ 30 лѣтъ, послала мстителемъ грузина, во-главѣ русскаго войска!

Съ занятіемъ Тавриза послѣдовало полное разложеніе Персіи—по крайней мѣрѣ сѣверной половины ея; Алаяръ-ханъ, первое правительственное лицо, любимецъ Аббасъ-Мирзы, которому поручена защита Тавриза и вообще военныя распоряженія, какъ военному министру, умышленно сдался въ плѣнъ; зная, что у русскихъ голова его будетъ цѣлѣе, нежели когда-

(*) Вообще раса Адербейджана отличается отъ персидской своею благовидною наружностію, тѣлеснымъ развитіемъ, меньшею смуглостію противъ сухопарыхъ, почернѣвшихъ персіянъ, — въ одеждѣ, даже въ деревняхъ, видна опрятность.

бы онъ явился бѣглецомъ къ Аббасъ-Мирзѣ, и потому казачій урядникъ догналъ его въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ на незавидной на-взглядъ лошади, когда подъ Алаяръ-ханомъ былъ прекрасный арабскій жеребецъ; казакъ, посадивъ славшагося плѣнника на свою лошадку, а самъ сѣлъ на добытаго коня, и на чумбурѣ привелъ персидскаго вельможу къ князю Эристову во дворецъ, при чемъ собравшаяся толпа народа съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣла на превратность судьбы своего грознаго правителя.

Самъ Аббасъ-Мирза былъ поставленъ въ плачевное, бѣдственное положеніе; съ потерей Тавриза онъ лишился всѣхъ средствъ къ продолженію войны; укрываясь въ окрестныхъ укрѣпленныхъ городахъ, переѣзжалъ изъ одного въ другой, онъ не смѣлъ явиться въ Тегеранъ къ отцу своему Фетъ-Алишаху, рискуя потерять голову,—такъ какъ престарѣлый шахъ, предаваясь сладостной дремотѣ въ объятіяхъ трехъ-сотъ своихъ одалисокъ, былъ всегда противъ войны съ русскими и только неотступныя домогательства сына и интриги англичанъ вынудили его согласіе на эту несчастную войну. Между тѣмъ старшій братъ Аббасъ-Мирзы, обойденный наслѣдствомъ престола, какъ рожденный отъ христіанки, имѣлъ свою партію при дворѣ отца и въ народѣ. Города Адджерсейджана и соседнихъ провинцій сѣверной Персіи, постоянно укрѣпленные, сдавались немедленно или присылали депутаціи съ изъявленіемъ покорности, въ увѣренности, что русскіе уже не возвратятъ ихъ подъ иго ненавистныхъ каджаровъ. Даже было предложеніе Паскевичу привести плѣнникомъ самаго Аббасъ-Мирзу, въ надеждѣ получить зато вознагражденіе, но онъ отвергъ это, зная, что при заключеніи мира свободный наслѣдный принцъ будетъ полезнѣе, чѣмъ плѣнный, такъ какъ ему нужна будетъ поддержка Россіи противъ враждебнаго брата. Какимъ страхомъ

и негодованіемъ объять былъ Адербейджанъ (*), когда узналъ, что онъ возвращается обратно Персіи! Паскевичу очень не пріятно было, что взятіе второй тогда столицы Персіи произошло по-мимо его; потерявъ одинъ лишній триумфъ, онъ лишился и титула *Тавриискаго*, уже по необходимости замѣненнаго эриванскимъ. Изливъ свое неудовольствіе на отважнаго ветерана нашего *батушку*, и давъ нагоняй находившемуся при немъ товарищу начальника корпуснаго штаба, полковнику Муравьеву (варскому), заподозрѣнному въ подстрѣкательствѣ, Паскевичъ однако-же исходатайствовалъ награды, первому—Александра Невскаго, а второму—чинъ генераль-майора,—по вмѣстѣ съ этимъ князь Эристовъ назначенъ былъ сенаторомъ, съ дозволеніемъ жить въ Грузіи, а Муравьевъ изъ генеральнаго штаба опредѣленъ командиромъ нашей гренадерской бригады. Съ этого времени началось постоянное нерасположеніе Паскевича къ Муравьеву.

Подойдя часовъ въ 11 къ городу, насъ остановили у воротъ, а князь, для увѣренія въ дружелюбныхъ чувствахъ къ покорнымъ жителямъ, поѣхалъ съ штабомъ въ сопровожденіи небольшого конвоя уланъ въ городъ, и расположился на переднемъ дворикѣ или площадкѣ передъ входомъ во дворецъ Аббасъ-Мирзы; здѣсь онъ принималъ разныхъ людей и депутаціи отъ разныхъ цеховъ, мирно бесѣдуя съ ними на собственномъ ихъ татарскомъ языкѣ. А между тѣмъ плутоватые тавризскіе жители, какъ я уже сказала, задними выходами тащили изъ дворца, что попало подъ руку. Въ 12 часовъ велѣно было двинуться и намъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Нашъ

(*) Онъ предлагалъ значительныя пособія деньгами, хлѣбомъ, и вьючнымъ и порціоннымъ скотомъ для движенія русскихъ къ Тегерану, чтобы остаться во владѣніи Россіи.

хереонскій гренадерскій полкъ расположился въ самыхъ дворцовыхъ покояхъ и большею частію въ комнатахъ гарема. Проходя городомъ, по извилистымъ узенькимъ улицамъ, между заборами и домами почти безъ оконъ, выстроенными исключительно изъ камня и глины, мы представляли себѣ—какую преграду могли-бы поставить намъ персіане, если-бы хотѣли защищаться,—ибо и зажечь городъ было трудно при плоскихъ земляныхъ крышахъ; поэтому не только въ городахъ, но и въ деревняхъ пожаровъ не бываетъ въ Персіи.

Начиная съ Эривани, по всей сѣверной Персіи, мы не встрѣчали ни кустика лѣса, кромѣ посаженныхъ деревь, преимущественно пирамидальнаго тополя и садовъ около деревень. Со всѣхъ сторонъ тянутся ряды обожженныхъ солнцемъ красноватыхъ голыхъ горъ, наводящихъ уныніе,—но земля, поливаемая изъ канавъ, родить хлѣбъ превосходно; поэтому въ Персіи о дождѣ мало беспокоятся, да онъ лѣтомъ рѣдко и бываетъ: въ теченіи 4 мѣсяцевъ мы видѣли одинъ дождь, да и тотъ жителями считался рѣдкостію.

Одинъ Араратъ даетъ великолѣпный видъ, рисуясь гигантомъ между мелкими горами, изъ чего понятно, что древніе связали съ нимъ свои легенды.

Подходя къ дворцу, мы ожидали увидать какое-нибудь большое строеніе, но, къ удивленію, никакого особеннаго строенія не встрѣтили; изъ узкой улицы вошли на дворикъ, саженъ едва-ли 15 въ квадратъ, кругомъ глиняныя стѣны прорѣзанныя низенькими дверями и въ серединѣ высокая, съ острымъ мавританскимъ сводомъ кирпичная арка, она-же служила портикомъ дворца; за аркою маленькая площадка съ фонтаномъ, площадку эту преграждаетъ стѣна, изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, рисункомъ похожимъ на ковровый узоръ, саженъ 7 или 8 длины и аршинъ 7 высоты,—стѣнка эта составляетъ чет-

вертую сторону приемной залы. Потолокъ залы украшенъ арабесками изъ золота и красокъ, при чемъ вдоль карниза, въ родѣ бордюра вязью, крѣпковатыми арабскими буквами, довольно пріятнаго рисунка, тянутся стѣхи изъ корана или изрѣченія мусульманской мудрости; въ углу залы низенькая дверь ведетъ въ узкій корридоръ, по бокамъ котораго нѣсколько комнатокъ и чуланчиковъ для прислуги и склада разныхъ вещей; затѣмъ опять площадка съ бассейномъ, окруженная комнатами, изъ которыхъ одна средняя, въ два свѣта высокая, а по бокамъ низкія, въ два жилья, съ такими-же сплошными цвѣтными стеклянными стѣнами или окнами; снаружи при закрытыхъ рамахъ, нельзя видѣть внутренности покоевъ (*), кругомъ идутъ открытыя галереи и такъ продолжается далѣе все небольшими квадратами съ открытыми площадками, имѣющими по срединѣ бассейны, обнесенные жилыми комнатами; такихъ площадокъ, идущихъ во все стороны лабиринтомъ, безчисленное множество; въ этомъ лабиринтѣ помѣщалось нѣсколько тысячъ живущихъ, составлявшихъ чиновниковъ двора и гарема, прислугу и нукеровъ, т. е. вооруженныхъ служителей; далѣе каждая гурія имѣла свое помѣщеніе, особую прислугу и свое хозяйство; возлѣ такихъ комнатъ непременно было нѣсколько чуланчиковъ, гдѣ хранилась провизія и домашній скарбъ. Мы нашли много муки, масла, фруктовъ, разнаго марината и необыкновенно много розовой воды; все хранилось въ большихъ банкахъ и кувшинахъ, сдѣланныхъ изъ глины въ родѣ фаянса; ковровъ и верблюжьихъ войлоковъ съ прекрасными узорами было раскидано въ беспорядкѣ много.

(*) За ними часто садился Аббасъ-Мирза, чтобы полюбоваться на своихъ купающихся одалисокъ; послѣднія, будго не зная скрытаго присутствія своего повелителя, старались, играя въ водѣ, выказывать свои прелести.

Нашъ полкъ, какъ я сказалъ, расположился въ гаремѣ, къ сожалѣнію, опустѣвшемъ, видимо недавно послѣшно оставленномъ. Около полугода не видавъ надъ собою крыши, испытывавъ страшный зной и сырыя довольно холодныя осеннія ночи, пріятно было отдохнуть на мягкихъ коврахъ. Солдаты тотчасъ принялись за стращню—жарить на маслѣ лепешки, варить галушки, приправляя лукомъ, чеснокомъ и перцемъ, бывшихъ подъ рукою. Разъ прохожу мимо кучки солдатъ, мѣсившихъ для себя тѣсто,—слышу сильный запахъ розовой воды, спрашиваю—на чемъ они мѣсятъ: на розовой водѣ, ваше благородіе,—это для чего? да вкуснѣе будетъ—быль отвѣтъ. Въ слѣдъ за этимъ мы и сами поступили не много лучше: нѣсколько офицеровъ прохаживались по извилинамъ дворцовыхъ корридоровъ и площадекъ,—вдругъ въ одномъ отдаленномъ углу увидѣли худенькаго персіянина, низко кланяющагося; бывший съ нами товарищъ грузинъ спросилъ потатарски, что ему нужно; оказалось, что онъ банщикъ, конечно евнухъ, предлагаетъ приготовленную имъ баню; мы съ радостію вошли въ нее, покрытые пылью и грязью долгаго похода. Баня имѣла полъ и ванны изъ бѣлаго мрамора, въ остромъ куполѣ было нѣсколько маленькихъ круглыхъ отверстій, закрытыхъ выпуклыми стеклами, пропускавшими полусвѣтъ; вдругъ кому-то изъ насъ вздумалось потребовать розовой воды,—услужливый банщикъ принесъ нѣсколько кувшиновъ, и мы смѣясь начали окачиваться ею, фантазируя, что у персіянъ бывають при этомъ другіе порядки, и что, кромѣ Аббасъ-Мирзы и его красавиць, не смѣлъ до насъ никто входить сюда изъ мужскаго пола въ неизуродованномъ видѣ.

По взятіи Эривани, въ исходѣ октября, Паскевичъ съ главнымъ отрядомъ прибылъ въ Тавризъ, обошелся съ нами

привѣтливо и, по случаю благодарственнаго молебствія, отложеннаго до его прибытія, назначилъ парадъ всѣмъ войскамъ, и каково-же было наше удивленіе: на парадъ приказано было офицерамъ быть въ сюртукахъ, а солдатамъ—въ шинеляхъ,—да это было поермоловски—говорили мы. Уже полгода не учившись, проходя колоннами, мы получали похвалы. Члены англійскаго посольства въ Персіи, какъ добрые наши союзники, не покидали Тавриза, и считаясь на службѣ ость-индской компаніи и отъ нея акредитованные, гарцовали за Паскевичемъ въ своихъ военныхъ мундирахъ, самъ Паскевичъ и его штабъ были тоже въ мундирахъ. Послѣ въ англійскихъ газетахъ была статья изъ Персіи, что кавказскія войска хотя одѣты не красиво, но своимъ видомъ умѣютъ внушать уваженіе непріятели.

Мы не хотѣли помнить слишкомъ годъ продолжавшейся кампаніи, изнурительной по переходамъ, тяжелой по лишениямъ и климату,—мы нисколько не заботились, что послѣ знойныхъ долинъ Аракса намъ придется еще въ продолженіе зимы вынести стужу и глубокіе снѣга въ горахъ Аддербейджана и Кафланку, въ изношенной одеждѣ у солдатъ и офицеровъ, не имѣя сколько-нибудь сносныхъ квартиръ и не рѣдко бивуакировать на снѣгу, какъ это было съ эриванскимъ полкомъ у Міаны, въ предохраненіе отъ укушенія тамошнихъ смертоносныхъ клоповъ; мы были горды успѣхомъ нашего оружія и признательностію къ намъ новаго главнокомандующаго, такъ непривѣтливо прежде обращавшагося съ нами, а теперь добраго, заботливаго о насъ начальника (*).

(*) Здѣсь я, прекращая рассказъ о Персіи и заключеніи мира, прибавлю только, что привезенная въ Тавризъ за конвоемъ нашихъ драгунъ при персидскихъ чиновникахъ первая часть контрибуціи, счетомъ въ курурахъ, была сложена сперва въ домѣ англійскаго посланника;

«А далеко отъ Тавриза до Ахалциха?» спросилъ я расплывшагося въ своихъ разсказахъ старика о Персїи. Ахъ, извините... точно, ужъ я слишкомъ увлекся воспоминанїями и забѣжалъ далеко въ сторону отъ первоначальнаго разговора,—сказалъ спохватившись старикъ. Наши два гренадерскіе полка—херсонскій и грузинскій—выступили послѣдніе изъ Тавриза послѣ полудня 8-го марта, 1828 года, чтобы дать возможность на слѣдующій день, прибывшему не-задолго принцу Аббасъ-Мирзѣ изъ загороднаго дворца, вступить церемоніально въ свою резиденцію, и въ отсутствїи гяуровъ встрѣтить 9-го марта Наврузъ—мусульманскій новый годъ.

До Аракса по персидской землѣ, прикрывая огромное число аровъ, бывшихъ подъ подвижными магазинами, парки и обозы, мы шли довольно тихо, т. е. по маршруту. Въ Асландузѣ, переправясь чрезъ рѣку на свою сторону 24-го марта, на другой день на пустынномъ берегу встрѣтили Пасху. Кое-какіе припасы, взятые изъ Тавриза, истощились, такъ какъ съ половины дороги по гористой, но безлѣсной и каменистой мѣстности Карадага уже населенїя почти не было; на на-

при нихъ цѣлую недѣлю я стоялъ въ караулѣ съ 60 выбранными гренадерами, при семи только постахъ (что-бы вѣрнѣе съ кого взыскать), до перевода въ цитадель Аркъ; въ послѣдней, ночь опекой англичанъ, золото сдавалось на вѣсъ въ монетахъ и слиткахъ, даже въ мелкихъ вещахъ нашимъ комиссарамъ; я видѣлъ, какъ одинъ англичанинъ дергалъ себя за усы съ досады, ходя въ сторонѣ засловенный толпою, что наши прїемники стараются быть осторожными, хотя все-таки были частію надуты при пробѣ золота и вѣсѣ, какъ оказалось послѣ. Здѣсь-же, у посланника, я познакомился съ англійскимъ обѣдомъ съ примѣсью индїйскихъ блюдъ и прекраснымъ ширазскимъ виномъ, которое имѣлъ только Паскевичъ—и то отъ посланника.

Прим. автора.

шей сторонѣ до Шуши и далѣе тоже было безлюдье. Послѣ суровой зимы въ гористой Персїи, въ низменныхъ равнинахъ Карабага наступила теплая, весенняя погода; остатки старыхъ, мокшихъ безчисленное множество разъ подъ дождемъ сухарей, съ трудомъ добытое мясо и десятка три яицъ для офицеровъ, составляли наше разговѣнье; о мукѣ, маслѣ и проч., кромѣ, впрочемъ, вина у маркитанта, нечего было спрашивать въ этой, хотя благодатной по климату и почвѣ пустынѣ. Но мы, нисколько не подозрѣвая о предстоящей намъ опять кампанїи, весело встрѣтили праздникъ, считая себя уже *дома*, т. е. не принимая въ расчетъ слишкомъ 500 верстъ, которыя надобно было еще пройти до нашихъ штабъ-квартиръ, гдѣ полагали отдохнуть и поужиновать на свободѣ, да главное исправить свою обмундировку, крѣпко пострадавшую въ продолженїи похода у офицеровъ и солдатъ. Полковымъ командирамъ Паскевичъ дозволилъ отправиться впередъ—вѣроятно, сообщивъ имъ по секрету о предстоящей войнѣ, чтобы они поспѣшили сдѣлать нужныя распоряженія къ походу, а главное приготовили обмундировку.

Подъ самыми приятными впечатлѣнїями, солдаты и офицеры только и думали поскорѣе добраться до мѣста, и начали шагать на-славу, да еще пикируясь одинъ полкъ передъ другимъ, перегоняя другъ друга, такъ какъ полки должны были идти отдѣльно на одинъ переходъ, не имѣя общаго начальника. Подножный кормъ показался, и ночлеги во всякомъ мѣстѣ были удобны подъ открытымъ небомъ, не разбивая палатокъ. Въмѣсто 10-ти дневокъ по маршруту, мы сдѣлали только четыре, да нѣсколько переходовъ изъ трехъ два, и десятю днями ранѣе маршрута явились подъ Тифлисомъ. Грузинскій полкъ долженъ былъ вступить днемъ ранѣе нашего, но какъ наши ночлеги всегда были близки одинъ отъ другаго верстахъ въ

4-хъ, а иногда вмѣстѣ, смотря по удобству, то нашъ старый воика, еще подъ Бремсомъ дравшійся съ французами, Гофманъ, хотѣлъ перехитрить своего товарища, ведшаго грузинцевъ, — на послѣднемъ переходѣ обогнали его, чтобы по-раньше, часовъ въ 7 утра, придя въ Тифлисъ, выхлопотать дозволеніе пройти безъ церемоніи прямо на Авлабаръ въ казармы. Когда посланный офицеръ за приказаніемъ явился къ коменданту, тотъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ главнокомандующему для доклада; послѣдній удивился нежданному нашему прибытію, спокойно рассчитывая его по часамъ, такъ какъ Каргаинія и почти вся наша граница была открыта для вторженія турокъ, и въ Ахалцихѣ начали уже собираться турецкія войска и толпы горцевъ. На нашемъ тракѣ отъ Аракса лежалъ только одинъ городъ Елисаветполь, откуда были посланы рапорты о нашемъ движеніи, но они почему-то не были получены, ибо почту взяли тогда верхомъ казаки шагомъ и одинъ разъ въ недѣлю. Обрадованный нашимъ приходомъ, Паскевичъ не сталъ розыскивать о несправности донесеній, приказалъ офицеру, чтобы по прибытіи грузинцевъ, за которыми послали казачка, вмѣстѣ вступить въ городъ и остановиться на маленькой базарной площади около моста, а не переѣздомъ главной командующаго, на обширной площади, какъ всегда бывало.

Началась у насъ страшная суматоха, такъ какъ велѣно было бытъ въ мундирахъ; стали чиститься, подбѣливать аммуницію, зашивать прорѣхи; въ смущеніи ожидали мы гонки за свою неказистую наружность. Въ 12 часовъ, когда мы явились на базарную площадку, залитую народомъ, и стали колоннами, увидѣли мы, къ удивленію, митрополита съ крестомъ и духовенствомъ и въ слѣдъ за нимъ Паскевича; отслужили молебень, Паскевичъ объѣхалъ кругомъ колонны, въ сре-

дину которыхъ было припрятано все крѣпко обносившееся, изъявиль войскамъ благодарность и велѣлъ идти съ музыкою въ казармы; ну, съ нашихъ плечъ гора свалилась! И точно, говорили, въ тѣснотѣ и давкѣ народа, мы показались не дурны. А между тѣмъ, лазутчики поскакали за-границу и въ горы съ вѣстями о приходѣ солдатъ изъ Персіи: «тамъ ихъ и шайтанъ не побралъ!»

Тутъ только, въ половинѣ апрѣля, мы услышали, что Паскевичъ собирается идти подъ Ахалцихъ, всегда игравшій грозную роль въ исторіи Грузіи. Составляя прежде ея часть и давно покоренный турками, Ахалцихъ, своей гористой областью врѣзываясь угломъ въ центръ павшаго грузинскаго царства, былъ гнѣздомъ хищныхъ горцевъ, собиравшихся туда съ разныхъ сторонъ и вмѣстѣ съ туземцами, обращенными въ мусульманство, тоже воинственными на подобіе боснійцевъ, дѣлали постоянныя вторженія въ Грузію и Имеретію, разоряя ихъ при грузинскихъ царяхъ въ большихъ размѣрахъ, и въ *малыхъ* при русскомъ управленіи, вплоть до Ермолова.

Власть султана признавалась тамъ номинально; присылаемые паши были безсильны и не-рѣдко прогонялись взволнованнымъ народомъ. Турецкое правительство получало съ Ахалциха мало доходовъ и ежегодно присылало еще деньги и подарки вліятельнымъ лицамъ для поддержанія своего значенія. Большинство народа было, какъ и вообще горцы до Шамиля, плохіе мусульмане и по своему происхожденію питали сочувствіе къ христіанскимъ преданіямъ, а христіанское населеніе смахивало на мусульманъ; даже нѣкоторые христіане имѣли не малое значеніе въ городѣ, находясь подъ покровительствомъ какого-нибудь важнаго бека, обыкновенно лѣниваго и безпечнаго, предоставлявшаго гауру завѣдывать своею хозяйственною и финансовою частію, и быть агентомъ отъ него у паши.

Бывали не-рѣдко случаи, что аджарскій или чалдырскій бекъ когда прїѣзжалъ на поклонъ пашѣ, то послѣдній принималъ всѣ военныя предосторожности, запиралъ ворота крѣпости, усиливалъ ея гарнизонъ, такъ какъ гостя сопровождали нѣсколько сотъ головорѣзовъ, имѣвшихъ еще прїятелей въ городѣ. При свиданіи происходили иногда курьезныя сцены: по этикету, подчиненный бекъ долженъ входить въ прїемную залу къ начальнику пашѣ одинъ или съ двумя-тремя почетными лицами изъ своихъ, сопровождающая-же его вооруженная толпа должна оставаться на дворѣ; но обыкновенно десятокъ и болѣе изъ нея—разумѣется, самыхъ удалыхъ—вламывались насильно въ прїемный покой; при этомъ прїѣзжій бекъ показывалъ раздраженный видъ на своихъ тѣлохранителей, грозно кричалъ на нихъ, чтобы они вышли вонъ, даже толкалъ ихъ назадъ, а тѣ молча становились у дверей и не трогались съ мѣста до конца аудіенціи, будто-бы вопреки воли своего повелителя: паша не замѣчалъ, повидимому, происходящаго. А между тѣмъ, у него накопилось много жалобъ на разбой и убійства этихъ самыхъ сорванцевъ, почему онъ хотѣлъ объясниться съ бекомъ. Съ такимъ населеніемъ чеченскаго характера, усиленнымъ тридцати-тысячнымъ корпусомъ изъ Анатоліи лучшихъ въ Турціи войскъ, пришлось Паскевичу имѣть дѣло подь Ахалцихомъ.

Проведя съ мѣсяць на своихъ обычныхъ квартирахъ въ Карталивіи, въ занятіяхъ по обмундировкѣ и исправленію обоза, пашъ полкъ пошелъ въ боржомское ущелье прокладывать по немъ дорогу къ Ахалциху, на соединеніе съ Паскевичемъ, долженствовавшимъ прїйти туда по взятіи Карса. Нынѣшніе туристы, катясь быстро въ экипажѣ по великолѣпно-угрюмому боржомскому ущелью, конечно, улыбнутся при этихъ словахъ, полагая, что тамъ нечего или очень мало

требовалось работать. Но какъ въ мое время, по выраженію Марлинскаго, инспекторомъ путей сообщенія на Кавказѣ быть чертъ, то его мрачность особенно позаботился затруднить по Боржому проходъ; одни лезгины, укрываясь въ лѣсистыхъ дѣбряхъ для внезапныхъ набѣговъ въ Грузію, находили путь этотъ отличнымъ. Сверхъ преградъ, представляемыхъ теченіемъ Куры, ударяющей въ многихъ мѣстахъ въ скалы, заграждая по берегу проходъ для колесной дороги, а иногда и для пѣшаго, поставленнаго въ необходимость взбираться на скалистые крутизны для обхода, выючная тропинка при выходѣ изъ ущелья шла подъ пушечными выстрѣлами укрѣпленной скалы Ацхура. Вслѣдствіе чего мы должны были повернуть на огромныя высоты хребта Цихисъ-Джвари, перерѣзанныя глубокими впадинами, чтобы съ артилеріей и обозами обойти крѣпостцу. Молодой инженеръ Мельниковъ тутъ въ первый разъ приложилъ школьную теорію къ практикѣ; надобно было подниматься на высоты въ 6 т. и болѣе футовъ и спускаться въ страшныя трущобы и устроить мостъ черезъ Куру. По этому болѣе мѣсяца нашему полку пришлось порядкомъ потрудиться въ Боржомѣ, и соблюдать вмѣстѣ военную осторожность отъ нечаянныхъ нападений со стороны Ахалциха. — Это былъ съ вами не теперешній-ли генералъ Мельниковъ? спросилъ я. Не знаю, а можетъ быть; нашъ Мельниковъ былъ малый хоть куда: и товарищъ хорошій, и подрагаться съ турками молодець—за это его Паскевичъ и въ адъютанты взялъ къ себѣ,—сказалъ старикъ, разводя руками.

Наконецъ, 5-го августа, съ тяжкими трудами, замѣняя часто людьми при подъемѣ и спускѣ выбившихся изъ силъ животныхъ подъ артилеріей и обозами, мы спустились съ памятнаго намъ Цихисъ-джварскаго хребта въ долину или, вѣрнѣе, желобину Куры, помѣнявшись съ крѣпостными выстрѣ-

лами и прогнавъ вылазку изъ Ацхура,—увидали съ горь вдали дымъ выстрѣловъ и облака пыли—то была схватка съ турецкой конницею только-что пришедшаго изъ Карса къ Ахалциху съ главными силами Паскевича. Я не буду говорить много вамъ, господа пароходные спутники, о битвахъ подъ Ахалцихомъ, такъ интересовавшихъ тогда публику, взаимнѣ затруднительнаго хода дѣлъ кампаніи въ 1828 году на Дунаѣ.

Сначала положеніе Паскевича подъ Ахалцихомъ было сомнительно—и военная его репутація висѣла на волоскѣ, не смотря, что подъ Карсомъ судьба слишкомъ ему благопріятствовала: послѣдній взятъ былъ случайно въ теченіи трехъ сутокъ и съ малой потерею. Едва заложивъ нѣсколько траншей около крѣпости и поставивъ батареи, съ разсвѣтомъ четвертаго дня былъ открытъ нашими огонь по городу; турки, сдѣлавъ вылазку, вывели нѣсколько орудій за палисадъ—началась перестрѣлка; для поддержанія нашей передовой цѣпи, изъ траншей пошелъ сикурсъ—началась свалка, турки побѣжали назадъ, наши смѣльчаки за ними по пятамъ,—изъ траншей увидѣли опасное положеніе передовой цѣпи; если-бы турки, собравшись съ силами, ударили на нее, двинули всѣ резервы—между тѣмъ турки побѣжали въ крѣпость и наши ворвались за ними. Все это сдѣлалось вдругъ, безъ предварительныхъ распоряженій и безъ приказанія Паскевича. Услыхавъ сильную канонаду, онъ поѣхалъ изъ лагеря къ передовымъ линіямъ, разсерженный своевольнымъ распоряженіемъ, грозя наказать виновныхъ, вступившихъ безъ спроса въ бой; къ нему на-встрѣчу прискакалъ офицеръ съ донесеніемъ о взятіи части крѣпости.

Ошеломленный внезапною вторженіемъ русскихъ въ городъ, испуганный паща въ цитадели завелъ переговоры о сда-

чѣ, потребовалъ сутки срока, рассчитывая на прибытіе вспомогательнаго корпуса; отъ него потребовали немедленной сдачи, угрожая штурмомъ. Предавшись волѣ Аллаха, паша сдался; между тѣмъ, какъ турецкій корпусъ уже подходилъ близко къ крѣпости и узнавъ торжество наше, поворотилъ къ Ахалциху, желая тамъ помѣриться съ нами. Болѣе всего способствовали такому счастливому, певѣроятно быстрому исходу дѣла подѣ Карсомъ, начальники траншей: Муравьевъ (*) (которому такъ жестоко отомстила судьба за этотъ успѣхъ въ крымскую войну) и полковникъ Бурцевъ—человѣкъ замѣчательныхъ дарованій и храбрости. Подѣ Карсомъ-же началась военная карьера поручика Лабинцева (извѣстнаго генерала), обратившаго на себя вниманіе Бурцева своею храбростію.

Счастливымъ и скорымъ исходомъ дѣла съ Карсомъ у Паскевича были развязаны руки къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ; продержисъ Карсъ по-человѣчески долѣе временемъ, то врядъ-ли мы успѣли-бы въ томъ-же году раздѣлаться съ Ахалцихомъ, стоящимъ среди высокихъ горъ, гдѣ климатъ довольно суровъ и снѣга бываютъ глубокие; слѣдовательно, отъ холода и непогодъ, кромѣ битвъ, мы должны были-бы понести большія потери.

Не смотря на огромный успѣхъ, поразившій страхомъ умы турокъ—Ахалцихъ оставался еще грознымъ знаменемъ турецкой силы. Изучивъ турокъ еще молодымъ офицеромъ на Дунаѣ и заслуживъ репутацію боеваго генерала въ отечественную войну, Паскевичъ, съ знаніемъ дѣла и рѣшительностію распо-

(*) Пріѣхавъ на главную батарею, гдѣ находился Муравьевъ, Паскевичъ вспылилъ на него за неумѣстное распоряженіе; тотъ представилъ случайность и необходимость дѣла, для довершенія котораго просилъ послать остальное прикрытіе, кромѣ одной роты; «хорошо, но вы отвѣчаете за нихъ головою», — сказалъ Паскевичъ.

ряжался подъ Ахалцихомъ; но никогда, повторяю, его репутація и судьба корпуса не были въ такомъ сомнительномъ положеніи, какъ подъ стѣнами этой крѣпости: всѣ послѣдующіе успѣхи 1829 года въ Азіятской Турціи были только слѣдствіемъ упорныхъ битвъ подъ ея стѣнами въ 1828 году и за ея стѣнами, въ началѣ 1829 года, при штурмѣ и оборонѣ. Деморализованные анатолійскіе турки, не смотря на свою врожденную храбрость, имѣя глупаго сераскира, бывшаго когда-то сапожникомъ (*), и не менѣе неспособныхъ пашей—уже не показывали привычной отваги: были легко разбиты на Саганлугскихъ высотахъ, не смотря, что послѣднія представляли хорошую естественную оборону. Корпусъ Паскевича на второй годъ кампаніи былъ гораздо сильнѣе численностію и успѣхъ былъ надежнѣе,—тогда какъ, за оставленіемъ значительнаго отряда въ Карсѣ, подъ Ахалцихъ пришло не болѣе 8000 штыковъ, главныхъ работниковъ въ рукопашномъ бою; правда, штыки эти были еще ермоловскаго закала, вернувшіеся изъ Персіи; но все-же они численно были слабы противу 20/г. отважнаго гарнизона и 30/г. анатолійскаго корпуса, пришедшаго изъ Эрзерума.

Въ ночь на 9-е августа, оставя часть войска для прикрытія вагенбурга и батарей, Паскевичъ пошелъ въ обходъ крѣпости, полагая къ разсвѣту напасть на Кіось-пашу, расположившагося съ эрзерумскимъ корпусомъ четырьмя лагерями въ верстѣ съ южной стороны крѣпости; гористая мѣстность, пересѣченная оврагами, такъ затруднила въ глубокой тьмѣ ночи движеніе артилеріи, парка и лазаретныхъ фуръ, что мы какихъ-нибудь пять верстъ не могли сдѣлать прежде разсвѣта. Приблизясь, мы увидали непріятеля уже снимавшаго палатки,

(*) Такъ говорили турки князю Бебутову.

готовящагося къ бою, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ стукомъ колесъ, не смотря, что онѣ были обмотаны соломой, скоро разбившейся отъ каменистаго грунта.

Съ ранняго утра до 4-хъ часовъ по полудни, при сильномъ зноѣ, томилъ Паскевичъ турокъ стрѣлковыми цѣпями и канонадою, заставляя ихъ тратить по мелочи свою запальчивую храбрость, съ которою они бросались на наши кучки въ рукопашную; ну, конечно, и намъ было не легко—да мы справились. Изъ города толпы турокъ безпрестанно выходили на подкрѣпленіе эрзерумскому корпусу и чрезъ нѣсколько времени были смѣняемы другими толпами; и какъ на турнирѣ, показавъ свою удалъ, за исключеніемъ убылыхъ, возвращались назадъ.

Небольшой оврагъ, раздѣлявшій сражавшихся, нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, наполняясь трупами; онъ былъ поприщемъ ожесточеннаго рукопашнаго боя, кучками или въ рассыпную; стоявшія сзади колонны только подкрѣпляли стрѣлковыя цѣпи. При этомъ пришлось убѣдиться—какъ мало страшна для хорошей пѣхоты кавалерійская атака; только неопытныхъ новобранцевъ она можетъ испугать и разстроить; атакующая кавалерія ни-какъ не можетъ сдѣлать такого истребленія, какъ пѣхотная атака, даже въ случаѣ совершеннаго успѣха—и, странное дѣло, только немногіе полководцы, по примѣру Цесаря и Наполеона, ставили пѣхоту на первомъ планѣ—какъ рѣшительницу судебъ кампаній при поддержкѣ артилеріи; наши гренадеры въ этомъ случаѣ подъ Ахалцихомъ не ударили лицомъ въ грязь. Начальникъ передовой линіи, генералъ Остенъ-Сакенъ, разѣзжая шашкомъ подъ сильнымъ огнемъ вблизи стрѣлковыхъ цѣпей, дѣлалъ нужныя распоряженія, и иногда присылалъ сказать, что «стрѣлки ведутъ себя хорошо». Какъ съ обѣихъ сторонъ къ оврагу мѣ-

стность шла покатою, то орудія съ турецкой и нашей стороны картечью и гранатами усиливали батальный огонь. Вдруг раздался страшный трескъ—взлетѣлъ нашъ зарядный ящикъ. На мгновеніе по всей линіи пальба смолкла, и вслѣдъ затѣмъ послышался дикій, неистовый крикъ бросившихся на нашу цѣпь турокъ; озадаченные въ это мгновеніе наши стрѣлки, однакожь, дружно встрѣтили бѣшеный натискъ турокъ; минутъ десять-пятнадцать свалка была страшная, нельзя было дать себѣ отчета о происходившемъ: направо и налѣво падалъ то свой, то турокъ,—стукъ и блескъ оружія, выстрѣлы въ упоръ и бѣшенные крики. Турки начали отступать и побѣжали назадъ; преслѣдуя ихъ, мы вздохнули свободно и заняли ложбину, наполненную трупами—своими и турецкими, имѣя въ виду приказаніе, не отдѣляться далеко отъ своихъ колоннъ; ружейная пальба почти прекратилась на полчаса, только съ горы наши батарейныя ядра летали чрезъ головы стрѣлковъ въ легкую турецкую артилерію, стрѣлявшую по насъ. Усталость отъ долговременнаго боя и полуденнаго жара съ обѣихъ сторонъ видимо была большая. Да-съ—сказалъ старикъ, тяжело вздохнувъ—такія роковыя 10-15 минутъ очень не-рѣдко рѣшаютъ участь сраженій: кто устоялъ—тотъ побѣдитель, кто дрогнулъ—тотъ пропалъ. Видя на своей сторонѣ успѣхъ и замѣтное ослабленіе турокъ, Сакенъ приказалъ занять стрѣлкамъ херсонскаго полка бывшую на правомъ флангѣ крутую гору, командующую мѣстностію; это уже отдѣлило стрѣлковъ отъ колонны на довольно значительное разстояніе и сверхъ того былъ между ними небольшой оврагъ,—турки стали обстрѣливать стрѣлковъ изъ легкихъ орудій, наши батарейныя—съ горы, чрезъ головы своихъ, опять имъ отвѣчали; учащенный свистъ ядеръ сливался въ одинъ гулъ, вырывая у насъ ряды, но старые солдаты смекнули дѣломъ;

перерѣзь отступающимъ; понимая свое положеніе, онъ сказалъ: «припомните, господа, выраженіе одного римскаго полководца — бѣгущему непріятелю надобно строить золотой мостъ.» Если-бы турки от тупивъ, заняли крѣпкую позицію въ тѣснинахъ поцховскаго ущелья, верстахъ въ 15-ти отъ Ахалциха, и усиливъ себя аджарцами, стали-бы угрожать нашему тылу во время осады и штурма крѣпости—положеніе наше было-бы очень связано; въ предположеніи этого маневра со стороны непріятеля, не желая дать ему одуматься отъ нанесеннаго страха, Паскевичъ послѣшилъ штурмомъ.

Собственно ахалцихская крѣпость, скорѣе замокъ, состоитъ изъ трехъ отдѣленій; высокая каменная скала, обнесенная каменною стѣною, составляетъ цитадель, нѣсколько ниже примыкаетъ къ ней такъ названная нами верхняя крѣпость, имѣющая со стороны города двѣ стѣны и третью низенькую стѣнку, въ родѣ покрытаго пути; въ этомъ отдѣленіи крѣпости былъ домъ паши и разныхъ служебныхъ лицъ, мечеть, медресе и прекрасный легкій минареть, все изъ тесаннаго камня, хорошей работы. Отъ верхняго отдѣленія крѣпости каменная стѣна съ воротами отдѣляла нижнюю ея часть, спускавшуюся внизъ по гребню горы скалистаго берега, омываемаго Поцховомъ, такъ что, въ случаѣ крайности, если-бы непріятель ворвался въ нижнюю часть крѣпости, то можно было-бы еще нѣкоторое время держаться въ верхней цитадели. Огражденная почти недоступнымъ скалистымъ берегомъ Поцхова со стороны юго-восточной, крѣпость прилегала безъ интервала къ самымъ домамъ города со стороны сѣверо-западной и была здѣсь очень доступна непріятелю. Но главная сила Ахалциха заключалась въ городѣ, имѣвшемъ до 25 тысячъ населенія, усиленнаго какъ частію эзерумскаго корпуса, такъ и разнаго сброда удалцевъ отличной храбрости, составлявшихъ численность дѣй-

ствующей силы до 25 тысяч; городъ былъ обнесенъ высокимъ частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ и за нимъ крытые блиндажи для гарнизона, которыхъ не пробивали наши бомбы, и самый частоколь не очень поддавался нашимъ ядрамъ, такъ что во время штурма приходилось съ большимъ трудомъ пролѣзать въ пробитыя отверстія и подрубать частоколь подъ градомъ пуль. Минныя работы некогда было начинать, и едва было сдѣлано нѣсколько траншей около батарей въ болѣе важныхъ пунктахъ, и только одна брешь-батарея въ близкомъ разстояніи, отъ коей начался штурмъ. Паскевичъ спѣшилъ.

Зная изъ прежнихъ примѣровъ, что русскіе обыкновенно штурмуютъ крѣпости ночью, предъ разсвѣтомъ, турки собирались вечеромъ къ палисадамъ и готовясь къ отпору, размѣщали войска на извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе ожидалось нападеніе; съ наступленіемъ-же утра они расходились по домамъ и кофейнямъ, оставляя у стѣнъ небольшіе караулы, ни-какъ не предполагая, чтобы такъ скоро сдѣлана была атака. 15-го августа сильная бомбардировка всполошила турокъ,—но къ полудню все смолкло, и турки успокоились, не ожидая штурма.

Въ 4 часа по-полудни, пообѣдавъ послѣ своего полковаго праздника, два баталіона ширванскаго полка съ распущенными знаменами, музыкой и пѣснями, спустились съ высокой горы, гдѣ была главная батарея изъ осадныхъ орудій, къ ближайшей брешь-батареи у палисада, прикрываемой въ этотъ день баталіономъ херсонскаго полка и сапернымъ. Турки полагали, что шла смѣна прикрытію на батареѣ—какъ дѣлалось прежде, и нисколько не тревожились, не смотря, что наканунѣ бѣжали въ крѣпость два фельдфебеля изъ кантонистовъ, которымъ грозили разжаловать за пьянство,—они извѣстили, что будетъ на слѣдующій день штурмъ; но такъ какъ показанія ихъ были сбив-

чивы, то премудрые наши имъ не повѣрили. Поэтому турецкіе порядки шли по прежнему, и на главномъ атакуемомъ пунктѣ при батареѣ оставалось прикрытія человѣкъ шестьдесятъ турокъ—остальные, за исключеніемъ другихъ небольшихъ карауловъ по фасамамъ, разошлись кто въ баню, кто по домамъ для отдыха до ночи (это говорили послѣ, при мнѣ, князю Бебутову, оставшіеся въ городѣ почегные турки),—но эта горсть храбрецовъ стояла за себя: пока, пробѣжавъ сажень полугораста, наши стрѣлки лезли въ дыры сбитыхъ амбразуръ и чрезъ поломанный изрѣдка частоколъ, который нужно было еще подрубить, турки положили нѣсколько офицеровъ и много солдатъ, пока не были всѣ переколоты.

Когда четыре баталіона ворвались въ городъ, перетащивъ кое-какъ нѣсколько пушекъ, и заняли часть стѣны и лежащее близко кладбище—закипѣлъ отчаянный бой около бывшей не-вдалекѣ католической церкви и по кривымъ узенькимъ улицамъ, застроеннымъ въ безпорядкѣ домами изъ глины и камня.

Вправо отъ начальнаго пункта штурма, баталіонъ 42-го егерскаго полка, прорубивъ подъ сильнымъ огнемъ частоколъ, тоже ворвался въ городъ и нѣсколько отвлекъ массу непріятеля отъ католической церкви; въ этихъ 5-ти баталіонахъ была и большая потеря въ людяхъ, какъ главной дѣйствующей силы на штурмѣ. На лѣвой сторонѣ, въ жидовскомъ кварталѣ, спускаясь въ глубокую впадину, сопротивленіе было слабѣе—тамъ можно было обстрѣливать мѣстность, почему потеря здѣсь у насъ, какъ и со стороны кургана, была не велика. Сторона къ Поцхову, какъ самая недоступная, представлена была для бѣгства непріятелю по дорогѣ къ Ардагану.

До ста нашихъ орудій съ командующихъ высотъ громили городъ и получали таковой-же отвѣтъ изъ крѣпости, покрывая своимъ грохотомъ мелкую дробь ружейнаго

огня. Прошло уже около трехъ часовъ ожесточеннаго боя, гдѣ надобно было выбивать непріятеля, засѣвшаго въ укрѣпленныхъ домахъ и въ кривизнахъ узкихъ переулковъ; начинало смеркаться—этой величественно-грознай картинѣ недоставало освѣщенія, и вдругъ какая-то благодѣтельная для насъ граната зажгла домъ—это надоумило насъ съжечь городъ. Въ разлившемся пламени, задыхаясь отъ жара и дыма, двѣ враждебныя силы свирѣпѣли до неистовства, поражая чѣмъ попало другъ друга, сталкиваясь грудь съ грудью; наконецъ, разливающееся пламя внутри города стало отодвигать обороняющихся, пальба становилась рѣже, рукопашныя схватки тоже. На возвышеніи католической церкви, командуя городомъ, мы утвердились прочно и поставили батареи, обстрѣливавшія внутренность его,—часовъ въ 10-ть начала смолкать перестрѣлка и городъ былъ нашъ. Въ жидовскомъ кварталѣ нашли трупы двухъ фельдфебелей, убитыхъ, какъ говорили, турками, по подозрѣнію въ шпіонствѣ; но могло случиться, что и свои солдаты съ ними расправились, такъ какъ во время штурма нѣсколько нашихъ бѣглецовъ, дравшихся противъ насъ, были схвачены и брошены въ огонь горѣвшихъ домовъ; прежде точно такъ-же въ елисаветпольскомъ сраженіи нашимъ бѣглецамъ, взятымъ въ плѣнъ, не давали пощады.

Забывъ преданіе, что прежде надобно снять мѣсяць съ неба и потомъ уже луну съ ахалцихскаго минарета, предавшись волѣ Аллаха—турки стали оставлять городъ, и въ продолженіе ночи большая часть ихъ бѣжала съ семействами къ сторонѣ Ардагана, вѣруя въ предопредѣленіе, что гяуры уже должны быть господами города.

16-го августа, по-утру, войска подступили къ стѣнамъ крѣпости; генералы Муравьевъ, Сакенъ и, кажется, полковникъ Бурцевъ потребовали сдачи; со стѣнъ завязались

переговоры, показывающіе соглашеніе къ сдачѣ,—но когда, увѣренные въ покорности, вошли наши генералы въ ворота крѣпости, то ихъ за ними затворили, и турки уже заговорили высококомѣримымъ тономъ; не смотря на свое критическое положеніе, генералы однако не смутились и стояли на своихъ требованіяхъ безусловной сдачи гарнизона; видя солдатъ у самыхъ стѣпъ крѣпости и боясь гибели въ случаѣ предательства, наши согласились на всѣ требованія нашихъ смѣлыхъ парламентаровъ.

Главный оплотъ и угроза турецкой силы со стороны Грузіи, имѣвшій авторитетъ непобѣдимости, гнѣздилище набѣговъ храброй вольницы, наконецъ, рушился. Теперь ермоловское обаяніе силы русскаго оружія перешло окончательно на Паскевича, и онъ твердо могъ разсчитывать на дальнѣйшій успѣхъ кампаніи предстоящаго года. Упоенный успѣхомъ, онъ сталъ очень милостивъ къ войскамъ, на награды не скупился; благодаря войска въ приказѣ, онъ сказалъ: «что въ продолженіе 22-хъ лѣтъней своей боевой службы онъ не видалъ болѣе храбрѣе, усерднѣе и терпѣливѣе въ трудахъ кавказскаго солдата!» того самаго солдата, которому за полтора или два года онъ говорилъ, что ему стыдно показать его непріятелю.

Взятіемъ Ахалциха закончивъ кампанію 1828 года, Паскевичъ, въ исходѣ августа или началѣ сентября (не помню), со всѣмъ отрядомъ отправился на зиму въ Грузію, оставивъ гарнизономъ въ Ахалцихѣ два баталіона ширванскаго полка и одну роту херсонскаго; ширванскіе баталіоны очень слабы были численностію состава послѣ большихъ потерь во время штурма, гдѣ былъ убитъ и ихъ полковой командиръ, полковникъ Бородинъ,—почему временно командовалъ ими гвардейскій полковникъ Бентковскій, а за его отъѣздомъ въ Петербургъ—старшій штабъ-офицеръ, онъ-же единственный изъ наличныхъ. Не

говоря объ убитыхъ, раненые офицеры, нѣсколько оправясь, поѣхали лечиться въ штабъ-квартиру; штабные офицеры—тоже для приведенія въ порядокъ дѣлъ, запущенныхъ въ долгомъ походѣ персидскомъ и настоящемъ; поэтому офицеровъ при полку было мало.

Старшій изъ нихъ, родившійся въ полку, сынъ фельд-фебеля, дослужившагося до капитана, подполковникъ Юдинъ—какъ первый храбрець того времени, посланъ былъ съ донесеніемъ о взятіи Ахалциха къ Государю подъ Варну, и какъ онъ былъ не очень силенъ въ грамотѣ и небоекъ на слова, то ему въ помощники данъ былъ артилерійскій офицеръ, для подробнаго разъясненія Государю хода осады и штурма. Юдинъ награжденъ былъ чиномъ полковника и георгіемъ 4-й степени, и когда онъ изъявилъ сожалѣніе, что съ полученіемъ высшей степени долженъ будетъ снять георгіевскій солдатскій крестъ, дорогой по воспоминаніямъ, когда онъ дрался съ непріателемъ подъ руководствомъ отца своего юнкеромъ, то ему первому въ русской арміи, послѣ Милорадовича, дозволено было носить этотъ орденъ вмѣстѣ съ офицерскимъ. Будучи знакомъ съ Юдинымъ по первоначальной моей службѣ въ ширванскомъ полку, я слышалъ, что когда ему велѣно было отправиться въ лейбъ-егерскій полкъ, послѣ постигшей его катастрофы подъ Варною, чтобы внушить солдатамъ—какъ должно усердно и храбро служить Государю, бѣдный Юдинъ былъ страшно сконфуженъ: не зналъ, что говорить, видя глубокую горестъ на мужественныхъ лицахъ несчастныхъ лейбъ-егерей. «Дали-бы мнѣ этихъ солдатъ въ команду—говорилъ Юдинъ—я показаль-бы, что имъ никакихъ внушеній ненужно для исполненія своего долга.» Не могу при этомъ не сказать, что для ширванскаго полка, кромѣ Юдина, долженъ сохраняться въ памяти и капитанъ Бѣлькевичъ—тоже почти

родившійся въ полку. Сынъ провіантскаго чиновника, Бѣлькевичъ вмѣстѣ съ отцемъ находился часто при полку въ походахъ и еще почти отрокомъ поступилъ въ него на службу. Однаково съ Юдинымъ храбрый до дерзкой отваги, онъ пользовался вмѣстѣ съ нимъ вниманіемъ Ермолова; отъ природы награжденъ былъ хорошими способностями—конечно, неразвитыми—и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Бѣлькевичъ могъ бы дойти до Евдокимовыхъ, тогда какъ Юдинъ не могъ долго пробить полковымъ командиромъ. Подъ Елисаветполемъ Бѣлькевичъ, имѣя уже владимірскій крестъ, соблазнился персидскимъ знаменемъ, бросился на него съ ротою: знамя-то взялъ, но тутъ-же палъ, пораженный пулею. Не знаю, сохраняется-ли въ ширванскомъ полку память о *шести* братьяхъ Грековыхъ, харьковскихъ уроженцевъ; пятеро изъ нихъ въ разное время были убиты: старшій Грековъ, дослужившійся до генераль-маіора, былъ заколотъ въ 1825 году въ крѣпости Грозной вмѣстѣ съ генераломъ Лисаневичемъ однимъ чеченскимъ абрекомъ, второй, командуя полкомъ, убитъ подъ Елисаветполемъ, трое—еще прежде, оставался въ живыхъ въ полку—младшій.

Мать просила Государя, помимо желанія сына, уволить его въ отставку для послѣдняго утѣшенія и поддержанія ея старости, въ виду того, что кампанія съ персіянами только-что началась, и она можетъ потерять послѣднiаго сына. Грекова уволили отъ службы съ пенсіономъ гораздо прежде выслушенія на то срока.

Во вновь завоеванныхъ пашалыкахъ—карскомъ и ахалцихскомъ—Паскевичъ устроилъ правленіе на русскій ладъ, съ участіемъ туземцевъ. Назначивъ генераль-маіора князя В. О. Бебутова начальникомъ ахалцихскаго пашалыка и расположенныхъ въ немъ войскъ, онъ велѣлъ открыть подъ его пред-

сѣдательствомъ правленіе, гдѣ были членами два штабъ-офицера и по два изъ каждаго исповѣданія: христіанскаго, мусульманскаго и еврейскаго, съ присоединеніемъ двухъ законниковъ изъ кадіевъ. Только-что произведенный въ генералы, не имѣя своего штаба, князь взялъ двухъ офицеровъ — одного для строевой и военной переписки, другаго — меня — для веденія дѣлъ по управленію пашалыкомъ, *секретаремъ* правленія, какъ дали мнѣ титулъ. Паскевичъ приказалъ правленію быть коллегіальнымъ и соблюдать должныя формальности, для показанія азіятцамъ важности учрежденія, между тѣмъ при рѣшеніяхъ держаться болѣе мѣстныхъ обычаевъ и только, гдѣ они будутъ не сообразны, примѣнять русскіе законы. Тутъ-то секретарь сталъ въ туникъ; конечно, онъ былъ единственный *секретарь*, который-бы такъ мало зналъ гражданскій порядокъ веденія дѣлъ и который никогда не прочелъ ни одной строки изъ русскихъ гражданскихъ законовъ, а *таковыя* и нельзя было достать въ только-что завоеванномъ турецкомъ городѣ. При докладѣ князю объ означенныхъ затрудненіяхъ секретаря, князь приказалъ: записывать въ русскій протоколъ всѣ рѣшенія и распоряженія правленія, указы, которые турки называли *бератами*, также акты и приказанія писать на турецкомъ языкѣ переводчикамъ и турецкимъ писцамъ, занося содержаніе ихъ въ журналъ по-русски; вмѣсто-же подписи, согласно турецкому обычаю, прикладывать мнѣ княжескую печать сверху заголовка бумажки, а внизу текста, гдѣ бываетъ у насъ подпись, должны прикладывать свои печати члены, какъ подчиненныя лица.

Будучи уроженцемъ Грузіи, князь Бебутовъ хорошо зналъ нарѣчія тамошнихъ, разноплеменныхъ жителей — и это очень облегчило ходъ дѣлъ и администрацію. Онъ, какъ человекъ благодушный, кроткимъ обращеніемъ и знаніемъ обычаевъ восточ-

ка, не смотря на буйное воинственное население, фанатически преданное турецкимъ порядкамъ, внушаль къ себѣ уваженіе жителей, и въ продолженіе осени и зимы, до исхода февраля, не случилось никакого безпорядка, никакого враждебнаго дѣйствія со стороны жителей. Многіе, ушедшіе изъ нихъ за новую границу, возвратились домой, продавали дома въ городѣ и земли по деревнямъ невозбранно. Беки, извѣстные недружелюбіемъ къ русскимъ и прежними разбоями, пріѣзжали на поклопъ или по своимъ дѣламъ къ князю, называя его *нашею*; одни получали ласковый пріемъ, другіе—правый судъ, большею частію словесный, рѣдко возражая при объясненіяхъ. Возложенная задача заключалась въ томъ, чтобы всѣми мѣрами поддержать порядокъ, дабы не тревожить изъ Грузіи войска, занятія приготовленіемъ къ предстоящему походу и нуждавшіяся въ отдохновеніи.

И такъ все время, до половины февраля 1829 года, въ Ахалцихѣ шло хорошо. Въ табельные дни и при полученіи запоздалыхъ извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія въ Европейской Турціи, князь давалъ обѣды для почетныхъ лицъ города, при чемъ всегда производилась пальба изъ крѣпостныхъ пушекъ; турецкаго пороха и боевыхъ запасовъ взято было въ крѣпости много, и потому на нихъ не скупились, а между тѣмъ это производило впечатлѣніе на народъ, жадный до новостей; сейчасъ скакали гонцы за границу съ преувеличенными вѣстями о торжествахъ русскихъ. Надобно было готовить всегда два обѣда: общій—для русскихъ, гдѣ помѣщались и почетные христіане, и азіятскій—для мусульманъ, приславшихъ готовить своего повара, располагавшихся въ той же залѣ на полу, на коврахъ, съ поджатыми ногами; при тостахъ за здоровье Г о с у д а р я употреблялся мусульманами шербетъ.

Новые порядки не нравились только фанатическимъ ахундамъ и прочимъ духовнымъ ислама или немногимъ кореннымъ туркамъ. Надобно помнить—какъ уже я сказалъ, что ахалцхская область, составлявшая часть прежняго грузинскаго царства въ родѣ удѣльнаго, подъ управленіемъ *атабеговъ* (владѣтелей), только въ половинѣ XVI столѣтія завоевана турками (*); но жители ея, хотя обращенные большею частию въ мусульманство, сохранили свой языкъ, преданія христіанства и прежніе обычаи, почему были плохіе мусульмане и, сохраняя воинственный характеръ, не очень поддавались турецкому гнету, вслѣдствіе чего они смотрѣли на насъ не такъ враждебно, какъ настоящіе турки, между ними водворившіеся.

Если случалась дисгармонія въ строѣ управленія князя Бebutова, часто его сердившая, то она происходила отъ подчиненныхъ ему лицъ. Въ ардаганской крѣпости и санджакѣ, передовомъ къ непріятелю, былъ поставленъ комендантомъ командиръ казачьяго полка при 2-хъ ротахъ пѣхоты, а въ ахалкалакской крѣпости командовалъ майоръ и въ послѣдствіи подполковникъ Педяшъ. Казачій подполковникъ распоряжался перѣдко показачьи—произвольно, и потому заставлялъ жителей обращаться съ просьбами къ князю, кассировавшему его распоряженія, чѣмъ тотъ обижался; Педяшъ, по крайней безтолковости своей, дѣлалъ часто сумбуръ въ управленіи, но такъ какъ они оба были назначены Паскевичемъ, то князь долженъ былъ ихъ терпѣть. Бывало, получитя исписанный листъ донесенія отъ Педяша—князь почитаетъ, почитаетъ, улыбнется, да и передастъ мнѣ къ исполненію; прочитавши безсмыслицу, я спрашиваю—что дѣлать, такъ какъ я не понимаю написаннаго листа; ну, братецъ, и я не понялъ—скажетъ, улыбаясь, князь;

(*) Турки завладѣли ахалцхскою областью въ 1625 году.

ты секретарь, турки тебя называют мирзою, а ты знаешь, что секретари должны работать за начальниковъ, когда они не понимаютъ,—такъ и дѣлай, какъ знаешь; отложи, впрочемъ, въ сторону бумагу Педяша, авось пріѣдетъ проситель или тамошній бекъ, тогда изъ словъ ихъ догадаемся въ чемъ дѣло. Иногда потребуешь поясненія на представленіе—онъ напишетъ еще хуже, обыкновенно съ примѣсю церковныхъ текстовъ и выраженій витіеватыхъ, затемняющихъ еще болѣе смыслъ. Турки, впрочемъ, мало на него жаловались, хотя удивлялись странностямъ въ его поступкахъ, такъ какъ Педяшъ былъ человекъ добрый. Когда его курьезные рапорты въ корпусный штабъ показывали Паскевичу: «онъ глупъ на письмѣ, а на словахъ и дѣлѣ уменъ» —получался отъ него отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что Педяшъ былъ мистикъ, углубленный въ церковное писаніе, выказывалъ странности, а какъ при воздержной строгой жизни, онъ имѣлъ репутацію боеваго офицера, то ему и былъ ввѣренъ довольно опасный постъ въ то время—крѣпостца Ахалкалаки съ тремя санджаками: (въ родѣ уѣздовъ) ахалбалакскимъ, чалдырскимъ и хертвискимъ, населенными тогда преимущественно разбойничьимъ племенемъ карапаховъ и бѣжавшими татарами изъ Грузіи; но какъ внутреннее управленіе въ санджакахъ было частію оставлено за беками, наслѣдственно при туркахъ пользовавшимися властью, то князь Бебутовъ, неслишкомъ полагаясь на Педяша, велъ часто дѣла прямо съ беками, давая только знать ему; остальные-же ближайшіе санджаки въ Ахалциху относились прямо въ правленіе.

Когда турки въ февралѣ осадили Ахалцихъ, Педяшъ, скоро получивъ о томъ извѣстіе чрезъ жителей, послалъ въ Тифлисъ добраго гонца, разумѣется, верховаго. Тогда станцій не было, да еще пустынный переваль черезъ горы, верстъ на

пятьдесятъ, къ крѣпости Цалкъ былъ заваленъ свѣгомъ. Гонецъ Педяша первый доставилъ прямо въ руки Паскевичу донесеніе, гдѣ говорилось: «по приказанію вашего сіятельства (разумѣя общее распоряженіе о доставленіи экстренныхъ свѣдѣній прямо въ руки главнокомандующаго), Ахалцихъ турками *взятъ* подъ начальствомъ Ахметъ-паши аджарскаго;» потомъ излагалось въ донесеніи въ несвязныхъ, запутанныхъ фразахъ о числѣ турецкаго войска и о мѣрахъ князя Бебутова къ оборонѣ крѣпости; наконецъ, помѣщено было слово «*въ блокаду*» — о чемъ вашему сіятельству всепочтительнѣйше донести честь имѣю.» Прочитавъ первыя строки донесенія и остановясь на положительномъ выраженіи — Ахалцихъ *взятъ* турками подъ командой Ахметъ-паши аджарскаго — Паскевичъ, зная безтолковое многописаніе Педяша, не сталъ читать длиннаго рапорта, бросилъ его на полъ, прійдя въ страшный гнѣвъ по своей вспыльчивой натурѣ, — зная, какъ важенъ въ стратегическомъ отношеніи Ахалцихъ и какое страшное впечатлѣніе произвести его паденіе. Когда-же призванные начальникъ штаба Остенъ-Сакенъ и полковникъ Вальховскій объяснили смыслъ тарабарскаго писанія, Паскевичъ, нѣсколько успокоенный, сказалъ: «господа, я измѣнникъ — вѣдь Педяшъ доноситъ, что *по моему приказанію* Ахметъ-паша *взялъ* Ахалцихъ!» Не думайте, чтобы Педяшъ сколько-нибудь потерпѣлъ за это донесеніе — нѣтъ, онъ преспокойно оставался до 1831 года на своемъ мѣстѣ комендантомъ до упраздненія должности. Педяшъ оправдалъ свою репутацію въ мнѣніи Паскевича: онъ написалъ глупо, а распорядился умно, давъ первый знать о блокадѣ Ахалциха, не смотря на трудности сообщенія. Черезъ два года послѣ рассказываемаго времени, по обязанности управляющаго переселившимися изъ Турціи армянами, проѣздомъ черезъ Ахалкалаки, я видѣлъ высокую, сухощавую серьезную

фигуру Педеяша, говорящую какъ-то таинственно, изысканными словами. Подчиненные имъ тяготились, турки, смотря на его странности, покачивали головами, клали въ ротъ палець удивленія и называли его русскимъ дервишемъ.

Тутъ, говорившій безъ умолка старикъ, размечтался. Да, интересно было-бы взглянуть мнѣ теперь—говорилъ онъ—чрезъ 40 лѣтъ на ахалкалакскую долину (верстъ 40 длиною и 25 или болѣе ширины), лежавшую тогда болѣе 200 лѣтъ въ совершенномъ заустѣннѣ; частыя развалины деревень хорошей каменной постройки болѣе изъ плитняка, обрушившіеся купола греческаго зодчества церквей, показывали бывшее счастливое положеніе жителей этой грузинской мѣстности. Дикія вторженія турокъ и горцевъ Кавказа обезлюдили совершенно край, и при нашемъ занятіи онъ былъ пустынею, занятою изрѣдка разбойничьими землянками карапаховъ,—теперь эта плодородная мѣстность кипитъ дѣятельнымъ населеніемъ переселенцевъ.

Въ половинѣ октября высокіе горные хребты, идущіе изъ Анатолиі—Арсіанъ и Улгарь—покрылись глубокимъ снѣгомъ, оградили насъ отъ мелкихъ нападеній со стороны Шавшета и Аджары; казачьи посты, за исключеніемъ не-многихъ, были сняты по недоступности проходовъ въ зимніе мѣсяцы; совершенно какъ въ мирной странѣ проводили мы зиму, снѣга стали спускаться съ горъ все ниже въ долину, или скорѣе въ широкое ущелье Ахалциха; въ Ардаганъ, по дну поцховскаго ущелья и послѣ чрезъ Улгарь, была едва проходимаая для выюковъ тропинка; въ декабрѣ и у насъ на низменныхъ мѣстахъ Поцхова и Куры и далѣе въ боржомскомъ ущельи выпалъ порядочный снѣгъ, но погода вообще на низменности стояла теплая, хотя возлѣ по горамъ бушевали метели и холодъ; тоже самое явленіе русской зимы было и на возвышен-

ной плоскости Ахалкалака, окруженной съ востока абульскими горами, такъ что Ахалкалаки съ западной стороны отъ насъ и съ восточной отъ Грузіи были совершенно изолированы, и съ послѣдней стороны движеніе зимою войскъ, по отсутствію населенія и лѣса, по сугробамъ было невозможно; оставалось одно надежное сообщеніе Ахалциха съ Грузіей чрезъ боржомское ущелье, а это надежное сообщеніе, на протяженіи 45 или 50 верстъ, составляетъ гигантскую трещину цихидзварскихъ горъ, доходящихъ почти до линіи снѣговъ; сквозь эту трещину пробиваетъ себѣ путь быстрая Кура, упираясь нерѣдко зизгагами отъ одной скалы въ другую, оставляя узкій проходъ, гдѣ невозможно свернуть или обойти въ сторону, да еще по глубокому снѣгу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужно было перебираться чрезъ скалы. Отъ Паскевича было приказано завести треугольники для разчетки снѣга, но толку было мало—нѣсколько шаговъ въ бокъ на горы, и нельзя было сдѣлать шага.

Около половины января 1829 года дошли къ намъ слухи изъ за-границы, что Ахметъ-бекъ аджарскій пожалованъ султаномъ ахалцихскимъ пашею, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ обратно городъ у русскихъ, для чего собираются войска. Мы шутили, что у князя Бебутова явился соперникъ, такъ какъ жители обыкновенно называли его пашею даже при личныхъ объясненіяхъ. Мы, да и самъ Паскевичъ, этой турецкой продѣлкѣ не давали значенія, зная, что у турокъ бывають зачастую очень громкіе планы и распоряженія, кончающіеся ничѣмъ—особенно среди суровой зимы. Никакихъ приготовленій къ отпору у насъ не было. Между тѣмъ князь еще съ осени завязалъ переписку съ Ахметъ-бекомъ аджарскимъ—какъ соплеменный съ нимъ туземецъ. Другъ отъ друга ѣздили открыто посланцы, мѣнялись любезностями и ни одинъ аджарецъ

не нарушалъ покоя временной пограничной черты.

Аджара—горная, лѣсная страна—начинается отъ береговъ Чернаго моря, около Батума, и граничитъ съ сѣвера нашею Гуріей и частію съ Имеретіей, входила въ составъ ахалцискаго пашалыка; жители ея грузинскаго племени. Въ началѣ минувшаго вѣка, позднѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, она была завоевана турками; искони христіанка, Аджара начала мусульманиться, но очень туго; вообще, жители въ горахъ ея плохіе прежде христіане и очень равнодушно относились къ мусульманству, мѣшали старое вѣрованіе съ новымъ и поддерживали былыя воспоминанія въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдней Имеретіей и Гуріей. Тамъ сохранили свое вліяніе и собственность старыя дворянскія фамиліи, получившія названія бековъ. Власть турецкихъ пашей надъ ними была номинальная, о поборахъ турки не смѣли думать. Аджарцы сами справлялись съ южными сосѣдями лазами и прибрежными кобулетцами, одинаковаго съ ними покроя, и никого не спрашиваясь, дѣлали набѣги то на Имеретію, то на вѣрноподанныхъ султана. Когда посланный Паскевичемъ, по заключеніи мира, изъ Эрзерума въ Трапезондъ адъютантъ Мельниковъ, возвращаясь назадъ въ Грузію по берегу моря на Имеретію, проѣзжалъ по прибрежью около Батума, вездѣ встрѣчалъ у бековъ радушный приѣмъ и ночлегъ—какъ почетный русскій гость,—но когда на-утро начиналъ просить свѣжихъ лошадей и проводниковъ, то любезный хозяинъ приходилъ въ затрудненіе и говорилъ: «вотъ видишь вдали на горѣ башню и домъ, куда тебѣ ѣхать надобно,—я съ этимъ бекомъ въ войнѣ,—ты туда проѣдешь благополучно, ты русскій и имѣешь фирманъ отъ трапезондскаго паши, тебя не посмѣютъ тронуть,—но когда мои люди поѣдутъ одни обратно, то ихъ перебьютъ или возьмутъ въ плѣнъ.» Много надобно

было г. Мельникову дѣлать увѣреній, что постарается о безопасномъ возвращеніи прислуги бека.

Изъ такого сорта людей былъ пожилой Ахметъ-бекъ, управлявшій Аджарой, раздѣлявшейся на два санджака—верхній и нижній, если не легально, то фактически, наследственно; послѣднее зависѣло отъ обстоятельствъ и силы бека. Какъ я сказалъ, князь велъ переписку съ Ахметъ-бекомъ собственноручно, по-грузински; Аджара тогда еще не утратила свой родной языкъ, хотя уже испорченный, и грамота грузинская еще жила между многими, но бекъ такъ дурно и неразборчиво писалъ, что князь, знатокъ этого языка, всегда съ большимъ усиліемъ разбиралъ его письма и говорилъ, что только онъ одинъ можетъ понять написанное Ахметъ-бекомъ. Въ чемъ заключалась ихъ переписка—конечно, никто не зналъ,—но нѣкоторые говорили—и послѣ подтвердилось, что бекъ просилъ себя за новое подданство генеральскій чинъ, орденскую ленту и 10-ть тысячъ пенсій.

Съ половины января начало теплѣть, а къ концу мѣсяца около Ахалциха и внизу долины около Куры снѣгъ сошелъ,—но на ближайшихъ горахъ, выше нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ долины, лежалъ глубокій снѣгъ, а къ сторонѣ Улгара, Аджары и Ахалкалаки была родная наша зима. По временамъ, возобновлялись слухи о сборахъ Ахметъ-паши, какъ теперь начали титуловать его, но на нихъ не обращалось вниманія. Жизнь наша текла мирно и сносно, въ кавказскомъ смыслѣ, по милости добраго и распорядительнаго князя, входившаго въ нужды гарнизона, и чуть не бывшаго командиромъ полка—по отсутствію недавно назначеннаго и еще не прибывшаго полковника Кашкарова. Популярность князя укрѣплялась все болѣе и болѣе; каждый день приходила къ нему толпа народа съ просьбами и объясненіями, или просто по-

толковать съ русскимъ шапкою по восточному обычаю, безъ помощи переводчика, которыхъ азiяты не любятъ, зная ихъ продѣлки. Между множествомъ рѣшаемыхъ дѣлъ были характеристичныя—и водъ одно.

Разъ въ правленіе собралось много народа; явились всѣ почетныя лица, всѣ ученые турецкіе юристы, меодарисы, кадди и муллы. Былъ оживленный споръ, въ которомъ князь принималъ большое участіе; иногда лицо его выражало неудовольствіе, иногда онъ смѣялся. Вліятельное лицо, старый бекъ, управлявшій ахалкалакскимъ санджакомъ, тутъ-же сидѣвшій, но говорившій мало, былъ предметомъ разсужденія по жалобѣ грузинскаго дворянина, плохо одѣтаго, невзрачной наружности, видимо приниженаго судьбою. Какъ разговоръ шелъ по-турецки со стороны членовъ собранія, по-грузински—со стороны дворянина, то я кое-что догадывался, что дѣло идетъ о женщинѣ и сѣрой кобылѣ. Наконецъ, князь, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «запиши въ журналъ, что по жалобѣ дворянина *М* на бека санджакъ ахалкалакскаго, дѣло кончено мировою, по которой Мути-бекъ даетъ дворянину *М* сѣрую куртинскую кобылу (имѣ прежде подмѣченную) и 30 руб. за похищенную у него *М* лезгинами жену въ 1815 году, живущую съ того времени у бека, и симъ искъ прекращается; да, вели азнауру подписаться или приложить печать, если не знаетъ грамотѣ, а то, пожалуй, опять затѣеть искъ». Дѣло было такъ: въ 1815 году лезгинны, по обычаю до Ермолова, сдѣлали набѣгъ по хидиставскому ущелью, въ Карталинію, недалеко отъ г. Гори, и вмѣстѣ съ другими предметами добычи захватили молодую грузинку, которую при дѣлежѣ (по возвращеніи въ свой притонъ, какъ требовалъ обычай), продали владѣльцу мѣстности Мути-беку. У несчастной женщины остался дома мужъ и грудной ребенокъ. Поцавъ въ жены беку, она, конечно, сначала

тосковала о семействѣ и родинѣ, но богатый, сильный бекъ происходя самъ изъ грузинъ, привязался къ ней и старался сдѣлать жизнь ея пріятною, — онъ даже позволялъ ей изъ содѣльной деревни, населенной бродягами грузинами, принимать къ себѣ священника; года за два до нашего прихода въ пашалыкъ, онъ дозволилъ пріѣхать уже подростшему сыну на свиданіе съ матерью и, одаривъ его, подъ надежнымъ прикрытіемъ доставилъ обратно къ отцу. Теперь русскіе запыли пашалыкъ и законный мужъ явился съ требованіемъ возвращенія похищенной жены по правиламъ христіанскаго закона, — старшій бекъ, на основаніи мусульманскихъ законовъ, не хотѣлъ также уступить пріобрѣтенную жену. Рѣшеніе — кому принадлежать, зависѣло отъ нея самой. Но извѣстно было, что она имѣла большое вліяніе на стараго бека, который въ угоду ей не держалъ соперницъ, что она привыкла къ избытку и довольству, и помня нужду и бѣдность у своего перваго мужа, отъ коего въ продолженіе долгаго времени уже отвыкла, сама не расположена была къ нему возвратиться; но какъ христіанка, она не хотѣла отрѣшиться совершенно отъ преданій своей родины, а потому предоставила рѣшить свою судьбу русскому пашѣ, по привычкѣ вѣруя въ обязательность пашинскихъ приговоровъ.

Между тѣмъ отнять жену у почтеннаго мусульманина, который съ прибытіемъ русскихъ сейчасъ изъявилъ покорность и даже показалъ преданность нашимъ интересамъ, бывъ употребленъ со стороны нашей въ переговорахъ о сдачѣ Ахалциха, произвело-бы страшный взрывъ негодованія турокъ. Печальныя событія въ Тегеранѣ по одинаковому поводу, погубившія Грибоѣдова, слишкомъ оправдывали князя Бебутова со стороны каноническихъ правилъ, а со стороны общественныхъ отношеній его рѣшеніе вотъ какъ было практично:

черезъ два года послѣ рассказываемаго времени, объѣзжая по переселенцамъ, я заѣхалъ по дорогѣ навѣстить стараго знакомаго Мути-бека и не заставъ его дома, хотѣлъ продолжать путь далѣе; ко мнѣ подошелъ юноша, одѣтый по-грузински, лѣтъ 16-ти, и довольно изрядно по-русски сказалъ: «матушка просить васъ отдохнуть съ дороги и закусить. Я васъ часто видѣлъ въ Гори—теперь пріѣхалъ оттуда сюда погостить.» Это былъ сынъ плѣнницы, пріѣхавшій повидаться съ матерью. Въ сообществѣ его и бывшаго тутъ священника, я провелъ часа полтора въ домѣ Мути-бека. Я тутъ удостоверился, что жена бека была полная хозяйка въ домѣ и пользуется большою его привязанностію. Господа, припомните, что, по азійскому обычаю, показываться ей незнакомому было неприлично—но уже и это большая свобода, что жена пригласила въ домъ гостя въ отсутствіе мужа.

Только-что назначенный, по ходатайству Паскевича, командиромъ херсонскаго гренадерскаго полка полковникъ Бурцевъ, пріѣхалъ въ началѣ февраля въ Ахалцихъ для осмотра роты своего полка, бывшей въ составѣ гарнизона. Живя на передовомъ посту, какъ на уединенномъ островѣ, мы не вѣдали, что творится и какъ думается на бѣломъ свѣтѣ; съ пріѣздомъ Бурцева, мы, къ немалому удивленію, узнали, что въ Россіи и даже за границею очень цѣнятъ заслуги кавказскаго корпуса, что иностранныя газеты, отдавая похвалу успѣхамъ нашего оружія въ Азіатской Турціи, находятъ между тѣмъ побѣды наши въ Европейской въ 1828 году уравнивающимися съ потерями.

Позвольте, господа, сдѣлать опять отступленіе—обратился къ намъ разговорившійся старикъ—и сказать нѣсколько о Бурцевѣ. Онъ былъ даже не родственникъ извѣстному въ началѣ

нынѣшняго вѣка ухарю гусару Бурцову, прославленному потомъ-партизаномъ. Не-менѣе храбрый до дерзости знаменитаго гусара, нашъ Бурцевъ получилъ хорошее тогдашнее образованіе въ школѣ колонно-вожатыхъ, и бывши офицеромъ генеральнаго штаба, поступилъ въ адъютанты къ начальнику штаба 2-й арміи, генералу Киселеву; пользуясь большимъ довѣріемъ своего генерала, онъ уже въ званіи адъютанта игралъ видную роль во 2-й арміи, фактически управляемой Киселевымъ, который обращался съ Бурцевымъ за-просто, какъ съ близкимъ человѣкомъ; съ производствомъ въ полковника Бурцевъ получилъ полкъ, кажется, азовскій—въ одной дивизіи съ Пестелемъ и въ одной бригадѣ съ Абрамовымъ (тоже изъ важныхъ декабристовъ). Во время этой катастрофы, Бурцевъ первоначально въ газетахъ помѣщенъ былъ въ спискѣ главныхъ заговорщиковъ,—но въ послѣдующихъ печатныхъ извѣстіяхъ имя его уже не значилось. Однако-же полкъ у него былъ взятъ, и онъ переведенъ въ нашъ корпусъ, въ тифлисскій полкъ, подъ команду младшаго по производству, но стараго служакки извѣстнаго храбреца полковника Волжинскаго, когда-то ротнаго моего командира въ ширванскомъ полку. Моего бывшего капитана звали Иванъ Димитріевичъ, а въ шутку называли «Иванъ съ Волги»—и недаромъ: ужъ, право, не знаю—когда-нибудь и предъ чѣмъ-нибудь робѣлъ-ли онъ, хотя былъ предобрый человѣкъ и заботился обо мнѣ, 15-ти лѣтнемъ юнкерѣ, какъ родной, и приказывалъ моему дядькѣ, старому унтеръ-офицеру изъ татаръ, Нарбекову: «ты смотри у меня, чтобы мальчикъ даромъ не пропалъ въ свалкѣ въ какой-нибудь трупобѣ, и учи его какъ слѣдуетъ». Иванъ Димитріевичъ Волжинскій доблестно покончилъ свою карьеру. Получивъ по представленію Паскевича, какъ отличный по службѣ офицеръ, тифлисскій пѣхотный полкъ послѣ князя Севардземидзева еще

въ началѣ персидской войны, но сознавая въ душѣ, что машина управленія регулярнымъ полкомъ для него тяжела (подобно Юдину и Авечкину—годямъ одинаковаго съ нимъ закала) по окончаніи турецкой войны онъ выпросилъ у Паскевича вмѣсто тифлискаго—назначить его командиромъ гребенскаго казачьяго полка, съ которымъ онъ чуть не соединился въ продолженіе десяти-лѣтнихъ горныхъ походовъ при Ермоловѣ. Да и трудно было лучше придумать, какъ пустить стараго волчьего вожака въ стадо другихъ волковъ (*)—гребенцы его обожали. Какъ ни тяжело имъ бывало часто рыскать съ нимъ въ преслѣдованіи чеченцевъ, но удамой командиръ воодушевлялъ ихъ. Возвратятся назадъ изъ-за Терека въ станицы казаки—опасности и труды забыты. Бывало, Иванъ Димитріевичъ въ Червленной станицѣ пойдетъ прогуляться, подойдетъ къ собравшимся на улицѣ казачкамъ, сядитъ на завалинку у хаты и начнетъ точить съ ними балясы; «Анкудиновна, что ты пригорюнилась! твоему сыну лучше, рана подживаетъ—лекаръ говоритъ, непременно выздоровѣетъ; молодецъ, я его къ Георгію представлю. А ты, Палаша, зачѣмъ насупилась—экая невидаль, что чеченецъ разрубилъ Кочкареву плечо, за то и онъ смазалъ его такъ шашкою, что тотъ свалился съ лошади, какъ снопъ,—скоро выздоровѣетъ, на вашу свадьбу платочекъ тебѣ подарю,—спойка лучше съ подругами пѣсенку (**).» И казаки, стоящіе вблизи,

(*) Къ господамъ гребенцамъ—прошу у нихъ извиненія—да и ко множеству кавказцевъ можно принять девизъ на гербѣ одной старой фамиліи Волковыхъ, видимо взятый изъ старины: «славные храбрые волки». Такъ въ «Словѣ о Полю Игоревѣ» говорится: «скачутъ, аки сѣрые волки по полю, ищучи себѣ чести, а князю славы.»

Прил. автора.

(**) Надобно знать отшельнической, замкнутый въ военной средѣ,

съ самодовольствіемъ посматриваютъ на своего командира, не думая о жертвахъ только-что конченной экспедиціи. Послѣ разгрома зимою Кази-муллою Кизляра, въ слѣдующую весну 1832 года, еще до сбора нашего отряда, онъ началъ дѣлать дерзкіе набѣги на наши сообщенія и укрѣпленные посты. Однажды по данному извѣстію, что огромная партія горцевъ появилась по ту сторону Терека; собравъ на-скоро до 300 гребенцовъ съ двумя пушками, Иванъ Димитріевичъ бросился за рѣку на перерѣзъ хищникамъ, рассчитывая, что по сдѣланной тревогѣ со всѣхъ постовъ должны послѣшить къ извѣстному пункту казачьи и пѣхотныя подкрѣпленія. Встрѣтивъ огромное скопище непріятели, онъ смѣло началъ дѣло въ ожиданіи подмоги. Но горцы, имѣя страшное превосходство въ силахъ, неуклонились отъ битвы и начали со всѣхъ сторонъ окружать казаковъ; это показывало дурной знакъ—видимо, они не боялись нападеній со стороны. Понявъ положеніе дѣла и понесъ уже потери, Иванъ Димитріевичъ приказалъ переколоть лошадей, сдѣлалъ изъ ихъ труповъ брустверы и повелъ битву на смерть, все еще не теряя надежды на выручку, рассчитывая на одинъ пѣхотный баталіонъ, стоявшій не-вдалекѣ. Одушевляемые фанатизмомъ Кази-муллы и только-что возникавшаго мюридизма, яростно бросались горцы въ шашки на своихъ заелятыхъ враговъ гребенцовъ, въ надеждѣ отомстить имъ хотя разъ за все прошлое,—то геройски отбиваемые казаками, горцы должны были отступать. Баталіонъ, къ которому должны были примкнуть казачьи команды не появился, патроны и заряды истощились, уже не много оставалось защитниковъ, одушевляемыхъ своимъ героемъ-начальникомъ. Быть тогдашнихъ офицеровъ, не знавшихъ ни семьи, ни общества образованной жизни, чтобы понять справедливость разсказа.

Прим. автора.

никомъ; озлобленные огромною потерей своихъ, горцы, наконецъ, сдѣлали послѣдній натискъ и подавили своею численностію немногихъ, остававшихся въ живыхъ казаковъ; Иванъ Дмитріевичъ, сдѣлавъ вблизи послѣдній картечный выстрѣлъ и обезсиленный отъ нѣсколькихъ ранъ, легъ на пушку, обнявъ ее, гдѣ и былъ изрубленъ горцами. Баталіонъ опоздалъ выручить по оплошности командира.

Честь возвращенія взятыхъ чеченцами пушекъ принадлежитъ начальнику штаба Вальховскому. Желая, по возможности, поскорѣе изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное гибелью Волжинскаго, отрядъ, подъ командою Вальховскаго, не смотря на непроходимость лѣсистыхъ тущобъ лѣтомъ, двинулся для наказанія болѣе виновныхъ въ этой катастрофѣ горцевъ. Трудность предпріятія требовала и выбора человека, надежнаго для авангарда отряда, которому предстояло пробивать путь по горамъ и густымъ зарослямъ расыпной цѣбью. Выборъ палъ на только-что произведеннаго за отличіе маіора 41-го егерскаго, нынѣ мингрельскаго полка, Резануйлова. Онъ происходилъ изъ молдованъ, переселившихся при императрицѣ Елизаветѣ въ новороссійскій край. Начавъ съ нимъ службу юнкеромъ, я сохранилъ дружбу до его смерти. Илья Демьяновичъ Резануйловъ, подобно Бѣлькевичу, имѣлъ хорошія природныя способности, стойкое мужество было его прирожденное качество. Будучи полковымъ адъютантомъ въ херсонскомъ полку, по непріятностямъ съ полковымъ командиромъ, онъ перешелъ въ бывшій 41-й егерскій полкъ, и когда меня назначили на его мѣсто, то я, огорченный съ нимъ разлукою, хотѣлъ отказаться, но онъ былъ такъ благороденъ, что со слезами на глазахъ уговорилъ меня принять должность, дабы не сочли его интриганомъ. Сломивъ страшныя затрудненія и отчаянный отпоръ горцевъ, понесшихъ большія

потери и опустошеніе жилищъ — пушки Волжинскаго, наконецъ, отыскали въ одной непроходимой трущобѣ, брошенныя безъ лафетовъ. Тогда горцы не вошли еще во вкусъ и не употребили нашей артилеріи противъ насъ-же, какъ было послѣ. Резануйловъ при этомъ тяжело раненъ въ руку—это была уже вторая рана, послѣ получилъ еще третью въ Абхазіи, тоже тяжелую; его репутація боеваго офицера сдѣлалась на Кавказѣ популярною; будучи уже подполковникомъ, выздоровѣвъ послѣ третьей раны, онъ пріѣхалъ къ полку, бывшему въ походѣ въ Чечнѣ. Солдаты всего полка, узнавъ о пріѣздѣ въ лагерь своего любимаго начальника, безъ приказанія выстроились въ линію передъ палатками, закричали—ура! Въ періодъ формалистики и главныхъ неудачъ противъ Шамиля, при Головинѣ и Нейдгартѣ, такой поступокъ солдатъ сочтенъ неумѣстною демонстраціей—и Резануйлову приказано было немедленно отправиться въ штабъ-квартиру; вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ былъ комендантомъ въ крѣпость Шушу, гдѣ прозябалъ года два въ непривычной для его натуры сѣрѣ. Когда пріѣхалъ на Кавказъ Чернышевъ для разобранія путаницы, и узнавъ о военной репутаціи Резануйлова, онъ немедленно перевелъ его, кажется, въ ширванскій полкъ. Но въ первый походъ въ Дагестанѣ, въ знойный день, усталый Резануйловъ напился изъ родника холодной воды, сдѣлалось воспаленіе, и бѣдный другъ мой чрезъ сутки умеръ, не исполнивъ такъ много лежавшихъ на немъ надеждъ. Однако память о немъ сохраняется, по крайней мѣрѣ, еще сохранялась недавно, какъ говорилъ мнѣ одинъ кавказскій ветеранъ: войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо его уединенной могилы въ Дагестанѣ, когда имъ приходится слѣдовать по той мѣстности.

Да-съ—сказалъ взволнованный грустію старикъ,—если-бы

баронъ Розенъ и начальникъ его штаба Вальховскій остались подолѣе на Кавказѣ, то судьба Шамля была-бы, вѣроятно, иная, и десятки тысячъ солдатскихъ головъ и милліоны рублей были-бы не потрачены непроизводительно. Время показало, что съ ихъ удаленіемъ дѣла на Кавказѣ пошли хуже. Хотя Розенъ имѣлъ нѣкоторыя слабости, пользуясь коими дѣлали злоупотребленія или упущенія, по онѣ ничто въ сравненіи съ послѣдующимъ. Послѣ Ермолова, Розенъ былъ относительно лучшей администраторъ тогдашняго времени на Кавказѣ. Сбереженіе казенныхъ расходовъ у него было на первомъ планѣ, грандіозныхъ плановъ и штатовъ управления, не справляясь съ карманомъ казны, онъ не любилъ; находилъ излишнимъ обставлять себя департаментами и высокочинными особами для возвышенія своего величія, дорого обходящагося государству. По примѣру Ермолова, у него не-рѣдко остатки мѣстныхъ доходовъ обращались на военныя издержки по продовольствію войскъ, содержанію госпиталей и тому подобное. Да-съ, онъ не дѣлалъ государства въ государствѣ—особенно тамъ, гдѣ питаютъ всегда широкія надежды и выходятъ узкіе результаты, особливо относительно цѣлага.

Не смотря на давнишнюю неприязнь съ Канкринѣмъ за отчужденіе въ казну на милліонъ рублей изъ имѣнія князя Зубова, на дочери котораго былъ женатъ Розенъ, стѣснявшаго часто его финансовыя распоряженія, и на громадный авторитетъ своего предмѣстника Паскевича, системы котораго онъ не очень поклонялся,—Розенъ съ большимъ тактомъ велъ дѣла на Кавказѣ, а успѣшный походъ его въ 1832 году въ Чечню и гибель Кази-муллы показываютъ его военныя способности.

Много вреда принесла краю и государству его вражда съ ближайшимъ своимъ помощникомъ, генераломъ Вельямино-

вымъ, начальникомъ кавказской линіи, т. е. сѣвернаго склона Кавказа. Отличному генералу, по суровому, неуступчивому, любившему барствовать Вельямннову, не могла сочувствовать гуманная, осмысленная душа Розена, а сознание собственного достоинства—уступить его притязаніямъ. Первое неудовольствіе возникло по военно-суднымъ дѣламъ и другимъ крутымъ мѣрамъ, коихъ часто Розень не утверждалъ,—вражда разгоралась болѣе и Вельяминовъ, представляя въ дурномъ свѣтѣ дѣла своего противника, не мало способствовалъ его паденію.

Возвращаясь съ скудными своими воспоминаніями къ Бурцеву, скажу, что онъ уже въ персидскую кампанію, не смотря на свое приниженное положеніе, обратилъ на себя вниманіе Паскевича, и уже подъ Карсомъ, завѣдуя траншейными работами, болѣе другихъ способствовалъ внезапному занятію города; подъ Ахалцихомъ принималъ такое-же дѣятельное участіе въ осадѣ, на штурмѣ, командуя сапернымъ баталіономъ, изъ первыхъ ворвался въ городъ, награжденъ георгіевскимъ крестомъ и, что важно было въ его положеніи, назначенъ опять командиромъ херсонскаго полка. Блистательно подвизаясь съ полкомъ въ кампанію 1829 года, онъ всегда имѣлъ какое-нибудь особое порученіе въ исполненіи военныхъ операцій, часто помимо старшихъ. Вступивъ въ Эрзерумъ генералъ-маіоромъ, онъ оставался командиромъ полка, такъ какъ Паскевичъ держался правила—во время похода, безъ крайней надобности, не перемѣнять командировъ отдѣльныхъ частей. Съ занятіемъ Эрзерума и разбѣганіемъ азиатской арміи, вопреки показаніямъ впоследствии нашихъ историковъ, чтобы возвысить славу Паскевича, ему оставалось уже мало дѣла, и онъ сталъ занимать отдѣльными отрядами извѣстныя по стратегическому положенію мѣстности, подвигаясь по-нем-

ногу по дорогѣ къ Трапезонду въ ожиданіи развязки событій въ Европейской Турціи. Поставя передовые посты на берегу Евфрата, онъ послалъ грузинскій полкъ въ Гулишъ-Хане (серебряный заводъ), гдѣ въ горныхъ ущельяхъ жило преимущественно греческое населеніе, занимаясь разработкой серебряныхъ рудъ, и послалъ напрасно. Принятія съ распростертыми объятіями, наши войска должны были скоро возвратиться назадъ (*), а греки должны были вынести отъ турокъ тяжкое возмездіе за измѣну. Другое дѣло Байбуртъ, куда посланъ былъ съ Бурцевымъ херсонскій полкъ, съ присоединеніемъ одной роты эриванскаго. Этотъ городъ, обнесенный, какъ обыкновенно въ Турціи, каменными стѣнками, стоитъ на главномъ караванномъ пути изъ Трапезонда въ Персію,—вмѣстѣ съ торговымъ значеніемъ, онъ важенъ, какъ стратегическій пунктъ, прилегающій къ гористой мѣстности, населенной воинственнымъ племенемъ лазовъ, почти номинально признающихъ турецкую власть.

Подъ паникой русскаго погрома, Байбуртъ съ покорностію принялъ Бурцева,—черезъ нѣсколько дней онъ однако-же получилъ свѣдѣніе, что значительное скопище лазовъ заняло большое селеніе Хартъ, верстахъ въ 20-ти отъ Байбурга. Хотя Бурцевъ получилъ приказаніе отъ Паскевича—не вдаваться въ рѣшительныя спибки съ непріателемъ и, въ случаѣ необходимости, требовать подкрѣпленія,—но, подъ обаяніемъ постоянныхъ военныхъ успѣховъ и своей отваги, Бурцевъ въ ночь двинулся къ Харту съ однимъ баталіономъ подъ своей командой и другому баталіону велѣлъ идти другой дорогой,

(*) Пробывъ 6 дней, но до Трапезонда чрезъ горный хребетъ оставалось верстъ 45 и его легко было-бы взять, такъ какъ войска въ немъ не было,—между тѣмъ тамъ находился огромный складъ мѣди и другіе цѣнные предметы.

через одно ущелье, чтобы преградить путь другим скопцамъ лазовъ, шедшимъ на соединеніе, и къ разсвѣту стать 2-му баталіону съ другой стороны Харта. Въ ожиданіи скорого прибытія этого баталіона, Бурцевъ пошелъ на штурмъ селенія, дома котораго, углубленные въ землю, какъ грузинскія сакли, представляли прочную защиту; солдаты подъ перекрестными выстрѣлами на близкомъ разстояніи, въ безпорядочномъ лабиринтѣ азійской постройки, должны были прикладами выбивать двери въ упорно защищаемыхъ жилищахъ, мало доступныхъ пожару. Въ короткое время всѣ ротные командиры и нѣсколько офицеровъ были убиты или ранены; для командованія ротами Бурцевъ долженъ былъ поставить адъютанта, казначея и кваргирмейстера. Ожесточенные невиданнымъ полкѣ Ахалциха сопротивленіемъ—гренадеры бились отчаянно въ сакляхъ и на улицахъ, защищенныхъ разными преградами. Понесся страшное пораженіе, непріятель, наконецъ, предался безпорядочному бѣгству,—Бурцевъ неотступно его преслѣдовалъ; въ это только время, сдѣлавъ, какъ оказалось, большой обходъ и сбившись ночью съ дороги, другой баталіонъ сталъ подходить усиленнымъ маршемъ на слышимые выстрѣлы. Отступающая толпа рѣдѣла, слабо мѣняясь выстрѣлами съ преслѣдующею цѣпью гренадеръ; солдаты, послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго рукопашнаго боя, въ походной амуниціи, очень утомились; добывая отсталыхъ лазовъ, замѣтили, что одинъ изъ ихъ толпы старикъ сталъ отставать. Бурцевъ, какъ и всегда, былъ впереди и видя, что добыча ускользаетъ отъ усталыхъ солдатъ, далъ шпоры лошади и хотѣлъ саблей добить лаза, но пугливая дошадь бросилась въ сторону,—въ это время фельдфебель Князьковъ бѣжалъ у стремя Бурцева и выскочивъ впередъ хотѣлъ ударить штыкомъ лаза, но тотъ какъ-то увернулся и Князьковъ далъ промахъ; Бурцевъ занесъ второй разъ

саблю, обернувшись лазъ выстрѣлилъ изъ пистолета почти въ упоръ, хотя въ то-же мгновеніе Князьковъ поднялъ его на штыкъ, но уже поздно для Бурцева: пули пробила ему грудь, и дрянной пистолетъ убитаго лаза достался печальнымъ трофеемъ Князькову. Между тѣмъ генераль Муравьевъ шелъ на подкрѣпленіе Бурцеву; получивъ-же донесеніе о несчастномъ событіи, Паскевичъ выступилъ самъ съ отрядомъ. Черезъ сутки извѣстили умирающаго Бурцева о приближеніи Муравьева, онъ вдругъ обратился къ бывшимъ постоянно у его остра офицерамъ и сказалъ: «господа, не допускайте ко мнѣ Муравьева—я хочу спокойно умереть.» Тутъ только, передъ смертью, высказалось нерасположеніе къ своему товарищу по школь колонновожатыхъ, скрываемое прежде подъ личною добрыхъ отношеній. Изумленные офицеры не знали, что дѣлать, какъ преградить входъ къ умирающему непосредственнаго ихъ начальника бригаднаго командира, который, по самой службѣ, долженъ былъ видѣть передъ кончиной полковаго командира; но они объявили волю отходящаго.

Дѣло въ томъ, что Н. Н. Муравьевъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ умнаго боеваго генерала и полезнаго администратора, по своему педантству до послѣднихъ мелочей и холодному важному обращенію, умѣлъ быть для всѣхъ старшихъ и младшихъ всегда тяжелымъ и не симпатичнымъ. Когда Паскевичъ командировалъ Бурцева въ Байбургъ, то послѣдній наканунѣ выступления, вечеромъ, долженъ былъ явиться за послѣдними приказаніями къ главнокомандующему, начальнику штаба, въ самый штабъ и къ Муравьеву—какъ къ своему бригадному командиру; наконецъ, усталый Бурцевъ возвратился въ 11 часовъ въ лагерь и отдавалъ приказанія—какъ на-завтра съ разсвѣтомъ выступить въ походъ; вдругъ является ординарецъ съ требованіемъ прибыть къ бригадному командиру.

«Да я у него сейчас былъ.» Немогимъ знать—былъ казенный отвѣтъ унтеръ-офицера. Полагая, что Паскевичъ передалъ Муравьеву еще какое-нибудь добавочное распоряженіе, скрѣпя сердце Бурцевъ къ нему отправился, задѣвая въ потьмахъ за веревки палатокъ. Муравьевъ съ полулистомъ въ рукахъ серьезно его встрѣтилъ словами: «какой у васъ беспорядокъ въ канцеляріи! Что такое? Да посмотрите—въ рапортчикѣ показано тремя человѣками болѣе къ выступленію противъ наличнаго числа.» Такъ, ваше превосходительство, за этимъ только меня требовали? Да, за этимъ! Вы знаете, какъ я и мои подчиненные нынѣшній день были озабочены скорымъ приготовленіемъ къ походу...прощайте, взыскивайте съ полковаго адъютанта, какъ хотите; меня-же ждутъ фельдфебеля, а за ними весь полкъ для полученія послѣднихъ приказаній, которыхъ я еще не успѣлъ передать по случаю вашего требованія къ себѣ.» Возвратясь, онъ только сказалъ адъютанту: «ну, будетъ вамъ отъ Муравьева за рапортчику.»

Мнѣ передавалъ очевидецъ, какъ во время варшавскаго штурма, подъ картечными выстрѣлами польскихъ укрѣпленій, Муравьевъ распекалъ четверть часа одного адъютанта за подобную-же ошибку; спасеніемъ своимъ онъ обязанъ былъ только тому случаю, что находился предъ исходящимъ угломъ бастиона. Можетъ быть это педантство и не симпатичность были въ послѣдствіи причиною неудачи подъ Карсомъ.

Послѣ тяжкихъ мученій, Бурцевъ на третій день скончался; передъ самыми похоронами прибылъ съ отрядомъ Паскевичъ и во время печальной церемоніи, заплакавъ, сказалъ офицерамъ нашего полка, указывая на гробъ: «господа, вы хороните фельдмаршала!» Надобно было видѣть горестъ и уныніе офицеровъ и солдатъ, потерявшихъ своего любимаго командира, который, соблюдая въ точности порядокъ службы, умѣлъ

привязать къ себѣ подчиненныхъ. Во время хартскаго боя Бурцевъ находился въ передовыхъ рядахъ; будучи прекраснымъ стрѣлкомъ, бралъ часто у солдатъ ружья и билъ безъ промаха, приговаривалъ: «вотъ, братецъ, какъ надобно стрѣлять», что одушевляло солдатъ, видѣвшихъ въ своемъ начальникѣ товарища въ бою. Бурцева огорчала большая потеря офицеровъ, пораженныхъ вблизи на выборъ,—и оскорбленное честолюбіе дорого обошедшагося предпріятія какъ будто заставляло искать смерти, хотя въ общемъ смыслѣ побѣда осталась за нимъ—непріятель выбитъ изъ крѣпкой позиціи и прогнанъ съ большою потерей. Конечно, ему была-бы головомойка за рискованное предпріятіе вопреки приказанія, по тѣмъ-бы и кончилось. Огъ постоянныхъ успѣховъ духъ самоувѣренности былъ сильно развитъ въ войскахъ отъ генерала до солдата, и Паскевичъ это настроеніе въ войскѣ цѣнилъ, даже при его злоупотребленіи.

—Позвольте спросить—сказалъ я—это было прежде вашей обороны Ахалциха? Ахъ, нѣтъ—сказалъ оторопѣвшій старикъ; я увлекся воспоминаніемъ о моихъ старыхъ командирахъ, и такъ продолжаю. Мало обращая вниманія на постоянно подтверждающіеся слухи о задуманномъ на насъ нападении Ахметъ-паши, мы преспокойно поживали и распоряжались какъ дома, да еще занимались литературою, т. е. вздумали издавать что-то въ родѣ газеты подъ названіемъ «Ахалцихскій Меркурій».

Конечно, господа библіоманы раздѣляютъ со мною прискорбіе, что это *замычательное* по мѣсту выхода и времени произведеніе я не могу передать въ ихъ книгохранилище за утратою экземпляровъ, которые я, впрочемъ, долго берегъ, вплоть до С—го пожара. Дѣло было вотъ какъ. Послѣ разгрома декабристовъ, всѣхъ разжалованныхъ въ солдаты, мнѣ же виновныхъ—съ сохраненіемъ офицерскихъ чиновъ,

прислали на службу въ кавказскіе полки, за исключеніемъ гренадерскихъ, въ коихъ, по закону, штрафованные не могутъ служить; только впоследствии къ нашему грузинскому полку, въ абхазскую экспедицію, были прикомандированы изъ другихъ полковъ Александръ Бестужевъ и Норовъ—братъ бывшаго министра. Вообще къ разжалованнымъ относились съ сочувствіемъ; старшіе начальники хотя держали себя отъ нихъ далеко, но не обращали вниманія, что ротные командиры не заставляютъ ихъ нести, какъ должно, солдатскую службу; въ караулы или на работу не посылали, дозволяли жить отдѣльно въ палаткахъ или балаганахъ, въ походѣ быть безъ ранцевъ, имѣть своихъ лошадей и принимали къ себѣ. На нихъ смотрѣли сначала, какъ на что-то особенно замѣчательное; присмотрѣвшись, увидѣли въ нихъ только людей образованныхъ, но ничего необыкновеннаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ, могущихъ играть замѣчательную роль, не считая тутъ даровитыхъ Бурцева и Вальховскаго (если они, какъ и вѣроятно, были декабристы).

Близкій человѣкъ къ Киселеву, Бурцевъ женился на одной изъ многочисленнаго штата шляхтянокъ жены его, урожденной графинѣ Потоцкой. Анна Николаевна Бурцева была бойкая женщина, воспитанная хорошо вмѣстѣ съ Потоцкой, принадлежала къ православному исповѣданію; петербургскіе джентльмены высшаго круга, служившіе у насъ, любили ея общество. Оставшись вдовою, она чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего доблестнаго мужа родила дочь; сверхъ того ей слѣдовало *дать полкъ* преемнику покойнаго, т. е. приплатить деньги, что задержало ее на-долго въ штабъ-квартирѣ полка, г. Гори. Послѣ она даже вышла за-мужъ за этаго преемника, человѣка хорошаго. Какъ хорошо знакомому, она разъ въ откровенной бесѣдѣ мнѣ сказала: «если-

бы мой покойный мужъ при допросѣ въ Петербургѣ согласился показать, что онъ исполнилъ одно распоряженіе (какое распоряженіе—она не сказала), по своему произволу, а не по словесному приказанію начальника штаба, то онъ былъ-бы теперь живъ, но въ Сибири, на каторгѣ. Тщетно Беккендорфъ и Чернышевъ уговаривали его мягко и съ угрозами, чтобы онъ принялъ на себя исполненіе этаго распоряженія, такъ какъ начальникъ штаба 2-й арміи, говорили они, отказывается въ отдачѣ такового приказанія; мужъ мой стоялъ на своемъ и требовалъ очной ставки. Дать очную ставку Киселеву съ нимъ—считали почему-то недовкимъ, говорила Анна Николаевна; мужа моего освободили, взявъ у него только полкъ». Вотъ почему въ послѣдующемъ затѣмъ печатномъ спискѣ уже не значилось Бурцева въ числѣ преступниковъ. Между тѣмъ товарищи и пріятели его, командиры полковъ въ одной дивизіи—Пестель и Абрамовъ—одинъ пошелъ на висѣлицу, другой—въ каторгу. Однако-же отношенія Киселева къ Бурцеву послѣ декабрьской катастрофы, кажется, мало измѣнились, какъ надобно полагать изъ слѣдующихъ словъ Анны Николаевны: «пришибенные судьбою, мы съ мужемъ жили въ маленькой квартирѣ, нисколько не ожидая какого-либо посѣщенія въ нашемъ печальномъ одиночествѣ,—вдругъ входитъ къ намъ Киселевъ—я была въ неглиже, съ распущенной косою; представьте мое конфузное положеніе—мнѣ даже и уйти было некуда.»

Въ ширванскомъ полку служили: капитанъ Лашкевичъ, переведенный изъ Россіи съ сохраненіемъ чина, по участію въ декабрьскихъ смутахъ, и разжалованные въ солдаты Петръ Бестужевъ и мой землякъ Зубовъ. Послѣдній, имѣя порядочное состояніе, получилъ, по тогдашнему обычаю, хорошее для того времени домашнее образованіе, имѣлъ природныя способ-

ности и, увлекаемый эпохою Пушкина, пописывалъ еще юношею стишки, изъ которыхъ нѣкоторыя были и у меня. Въ смутное время декабрьскихъ происшествій онъ былъ на службѣ юнкеромъ и написавъ на смерть Рылѣева элегію, послалъ ее при письмѣ къ своему другу, съ поясненіемъ, что, «съ прискорбію патриотовъ, 14-е декабря не удалось.» Письмо было перехвачено, и Зубова прислали на Кавказъ солдатомъ.

Изъ декабристовъ я познакомился въ Ахалцихѣ только съ Лашкевичемъ; разъ онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: не возьмусь-ли я ходатайствовать у князя Бебутова о дозволеніи издавать въ родѣ газеты, которую онъ вмѣстѣ съ Петромъ Бестужевымъ (тогда еще здоровымъ) и Зубовымъ хотять составлять и въ рукописныхъ листахъ раздавать безденежно по ахалцихскому гарнизону, чтобы развлечь себя и другихъ чѣмъ-нибудь въ скучной жизни. Я охотно согласился на предложеніе, и въ удобную минуту доложилъ князю. «А что, они не будутъ тамъ помѣщать какихъ-нибудь глупостей?» сказала князь; я увѣрялъ, что ихъ намѣренія самыя безгрѣшныя, что они хотять занять себя и другихъ чѣмъ-нибудь — и только. «Ну, хорошо, ты у меня будешь отвѣчать за нихъ первый; на этомъ условіи даю позволеніе съ тѣмъ, что ты долженъ приносить ко мнѣ предварительно каждый номеръ на цензуру.» Черезъ нѣсколько дней я приношу князю кругомъ мелко исписанный большой листъ № 1-й «Ахалцихскаго Меркурія»; князь остался имъ очень доволенъ; содержаніемъ было нѣсколько извѣстій, разные анекдоты и событія изъ миновашаго похода, картины военнаго быта, свѣдѣнія о разныхъ подвигахъ изъ турецкихъ екатерининскихъ войнъ и на Кавказѣ, а также мѣстные очерки; черезъ посредство Лашкевича приношу мнѣ 2-й № «Ахалцихскаго Меркурія» и съ грустнымъ видомъ сказалъ, что этотъ номеръ послѣдній.

Это почему—спросилъ я. Да нашлись люди, говорящіе: «что это затѣяли разжалованные; нечего имъ выказывать себя,—ну, и вамъ досталось за посредничество, такъ чтобы не вышло какой-нибудь исторіи, мы рѣшились прекратить изданіе Меркурія—и вотъ прощальный номеръ.» Онъ также состоялъ изъ мелко-писаннаго листа, по той-же программѣ; только въ заключеніе, въ ироническомъ духѣ противъ оппонентовъ, было сказано, что изданіе прекращается. Князь, одобривъ 2-й №, съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ выслушавъ мое объясненіе о прекращеніи изданія, сказалъ: «ну, братецъ, какъ они хотятъ, такъ и дѣлаютъ, а я не нахожу тутъ ничего дурнаго.» Это было за недѣлю до нападенія, и князь былъ очень озабоченъ слухами, приходившими съ турецкой стороны.

Кстати здѣсь уже расскажу о послѣдующей судьбѣ декабристовъ на Кавказѣ. Они были размѣщены по распоряженію мѣстнаго начальства въ болѣе дѣйствующіе тогда полки въ персидскую кампанію и съ этими-же полками находились въ турецкой. Всѣ представленія Паскевича о наградахъ отличившимся обыкновенно уважались за исключеніемъ разжалованныхъ—особенно декабристовъ; ихъ не могъ онъ производить даже въ унтеръ-офицеры безъ Высочайшаго соизволенія, и повторенные о нихъ представленія оставались безъ отвѣта. Самый трудный шагъ въ повышеніи разжалованныхъ былъ унтеръ-офицерскій чинъ—если кто его получилъ, то могъ надѣяться скоро быть прапорщикомъ. Для одного Пущина было исключеніе. Онъ служилъ капитаномъ въ конно-піонерномъ гвардейскомъ эскадронѣ, пользовался вниманіемъ покойнаго государя Николая Павловича, когда тотъ былъ Великимъ Княземъ и начальникомъ инженеровъ; при воцареніи его тотчасъ былъ заготовленъ приказъ о производствѣ Пущина въ полковники съ назначеніемъ командиромъ сѣверскаго конно-егерскаго полка;

но, до выхода приказа, его арестовали за участіе вмѣстѣ съ братомъ въ заговорѣ и разжаловали въ солдаты въ кавказскій піонерный (что нынѣ саперный) баталіонъ. Обладая хорошими свѣдѣніями по своей части, во время осады крѣпостей Аббасъ-Абада и Эривани, Пущинъ въ солдатской шинели былъ призываемъ въ палатку главнокомандующаго вмѣстѣ съ другими инженерами для совѣщаній, за что и былъ произведенъ по окончаніи персидскаго похода въ офицеры. Но кромѣ его одного, этого счастья не выпало на долю никому изъ декабристовъ ни въ персидскую ни въ турецкую войны, не взирая на неоднократныя представленія Паскевича. Между тѣмъ жилось имъ кое-какъ и сносно по ихъ положенію. Конечно, избалованные удобствами жизни, удовольствіями образованнаго общества, они съ непривычки тяготились далеко болѣе насъ одичалыхъ кавказцевъ лишеніями, трудами боевой жизни и отсутствіемъ какихъ-либо развлеченій.

Окончивъ турецкую кампанію, они уже мечтали получить прощеніе или значительное облегченіе своей участи, но вышло иначе—положеніе ихъ ухудшилось.

Въ 1829 году, уже въ концѣ кампаніи, присланъ былъ изъ Петербурга къ Паскевичу адъютантъ, кажется Чернышева, съ какимъ-то порученіемъ, обыкновенно извѣстнымъ для мѣстнаго начальника и кое-о-чемъ для него неизвѣстнымъ. Обыкновенно также, такихъ людей мѣстные начальники принимаютъ очень любезно и находятъ случай награждать ихъ за оказанное отличіе въ сраженіяхъ орденами, а какъ она, т. е. сраженія, уже почти кончились, то рѣченному адъютанту дали летучій отрядецъ казаковъ, съ которымъ онъ разбилъ какую-то еще бродившую партію куртинцевъ или турокъ. Расхваливъ въ приказѣ по корпусу его подвиги—что тоже была особенность для оберъ-офицера—Паскевичъ, по предоставлен-

ному тогда ему праву, наградилъ его владимірскимъ крестомъ и отправилъ обратно.

Прошло мѣсяца два или три—кампанія уже кончилась; Паскевичъ возвратился въ Тифлисъ, войска—въ свои штабъ-квартиры; многіе разжалованные, въ сладкомъ ожиданіи для нихъ милостей, остались подъ разными предлогами въ Тифлисъ, гдѣ все-таки и въ то время можно было жить нѣсколько по-человѣчески. Вдругъ получается изъ Петербурга распоряженіе, коимъ декабристы, по-мимо мѣстнаго начальства, изъ дѣйствовавшихъ противъ турокъ полковъ, переводятся въ болѣе отдаленные полки или линейные баталіоны въ Дагестанъ и по берегу Каспійскаго и Чернаго морей. Какъ въ Сибири—есть еще другая *Сибирь*, въ родѣ Якутска или Охотска, такъ и на Кавказѣ—есть еще *Кавказъ*, представляющій мѣстности тогдашняго Дербента, Тарковъ или Сухума. Вслѣдствіе чего Бестужевы были переведены—Петръ изъ ширванскаго, стоявшаго тогда въ Кахетіи, въ куринскій полкъ, коего баталіонъ стоялъ въ Таркахъ, и Александръ—въ дербентскій линейный баталіонъ; другіе декабристы—въ разныя подобныя мѣста. Такой погромъ на декабристовъ произошелъ вслѣдствіе доклада возвратившагося отъ насъ въ Петербургъ адъютанта Б., что декабристы на Кавказѣ пользуются слишкомъ большою свободою и разными послабленіями, неприличными ихъ солдатскому положенію,—что отъ нихъ не требуется должной субординаціи, и офицеры обращаются съ ними безъ претензій. У другихъ полковыхъ командировъ они не бывали, но у командира нижегородскаго драгунскаго полка, полковника Раевского, они постоянно принимались радушно.

Получивъ изъ Петербурга не очень пріятныя внушенія (*),

(*) Хорошо составленными реляціями въ персидскую и турецкую войны Паскевичъ обязанъ былъ прикомандированному къ своему штабу

Паскевичъ бросилъ заготовленные ходатайства о производствѣ за отличія въ офицеры разжалованныхъ, приказаль начальникамъ частей держать ихъ въ должныхъ границахъ солдатскаго званія. Раевскому досталось крѣпко, и ежели-бы онъ не успѣлъ получить прежде чинъ генераль-маіора, то положеніе его было-бы незавидное. Теперь сдавалъ онъ полкъ вслѣдствіе повышенія, а то, пожалуй, сдать-бы и безъ того. Открылась другая проруха—вѣроятно, тоже поясненная изъ Петербурга; почти всѣ разжалованные, въ особенности декабристы, получили георгіевскіе солдатскіе кресты, на что корпусный штабъ и другіе начальники не обратили вниманія при полученіи списковъ награжденныхъ ими нижнихъ чиновъ. Стали добираться до ротныхъ командировъ—тѣ показали, что, согласно положенію, солдаты сами избираютъ изъ среды своей достойныхъ награды георгіевскимъ крестомъ, безъ участія начальниковъ, они-же осуществили только единодушное избраніе солдатъ своимъ утвержденіемъ. Тѣмъ дѣло и покончилось. Остался въ проигрышѣ только тифлисскій комендантъ, полковникъ Бухаринъ, человѣкъ хорошій, какъ вообще говорили, женатый на образованной, очень пріятной въ обществѣ женщинѣ—заметься, Катеринѣ Ивановнѣ,—ей посвящена повѣсть А. Бестужева, *Фрегатъ Надежда*. По званію коменданта, Бухаринъ обязанъ былъ наблюдать за проживающими временно въ Тифлисѣ воинскими чинами, а за разжалованными еще

казачьему офицеру Сухорукову. Этотъ Сухоруковъ былъ классически образованъ, участвовалъ въ литературѣ тогдашнихъ альманаховъ. Онъ присланъ былъ на Кавказъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Кузнецовымъ (впослѣдствіи похотнымъ аламаномъ) за оппозицію противъ Чернышева въ 1820 году, по преобразованію на Дону. Вѣдвѣго Сухорукова перевели въ Финляндію, и Паскевичъ не считалъ тогда возможнымъ за него ходатайствовать.

Прим. автора,

болѣе. Между тѣмъ у него, коменданта, отставшій отъ полка А. Бестужевъ былъ постояннымъ гостемъ, какъ хорошій знакомый. Получивъ замѣчаніе по поводу декабристовъ, Паскевичъ, прежде къ нимъ снисходительный, сдѣлался вдругъ строго требовательнымъ. Призвавъ Бухарина, онъ гнѣвно спросилъ его, почему онъ дозволяетъ проживать безъ всякой надобности въ Тифлисѣ разжалованнымъ и не высылаетъ ихъ въ полки, да еще А. Бестужева часто принимаетъ у себя въ домѣ? Растерявшійся Бухаринъ на первое сказалъ, что разжалованнымъ дозволили остаться въ городѣ ихъ командиры, а на послѣднее замѣчаніе наивно отвѣчалъ: что не онъ, а его «*Катерина Ивановна*» принимаетъ у себя Бестужева.» Это погубило добраго коменданта, скоро смѣненнаго, а достойную женщину сдѣлало предметомъ насмѣшекъ легкомысленной толпы.

Братъ Павелъ и другіе, знавшіе хорошо А. Бестужева, рассказывали, что, будучи адъютантомъ принца Александра Виртембергскаго, онъ былъ принятъ въ высшемъ обществѣ; при интересной наружности, своею любезностію и бойкіостію языка производилъ большое впечатлѣніе въ салонахъ; свѣтскія женщины его обожали и боялись его язвительныхъ рѣчей; если которая имѣла несчастье возбудить противъ себя его неудовольствіе, то безпощадною ироніей и сарказмами онъ преслѣдовалъ жертву. Павелъ Бестужевъ говорилъ мнѣ, что адъютантъ Б., будучи аристократомъ, не могъ играть въ петербургскомъ обществѣ такую видную роль, какъ Александръ, и потому, изъ зависти, былъ съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Этому обстоятельству Павелъ приписывалъ причину погрома декабристовъ на Кавказѣ.

Не смотря на грубую, невѣжественную натуру «бурбона», командира дербентскаго баталіона однако-же нельзя очень ви-

нить въ дурномъ обращеніи съ Бестужевымъ, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду предшествующую исторію и частію болѣя ответственности за послабленіе, частію увлекался непріязненными отношеніями къ коменданту Шнитникову, съ которымъ былъ въ ссорѣ. Болѣе возвышенная культура и благородное сердце послѣдняго не стѣснялось рабскимъ угодничествомъ репрессивнымъ мѣрамъ въ отношеніи разжалованныхъ, и онъ дружески принималъ въ своемъ домѣ А. Бестужева, что еще болѣе раздражало дубоваго его командира, и потому положеніе Бестужева въ первое время пребыванія въ Дербентѣ было тяжело. Бестужевъ долженъ былъ нести всю тягость солдатской службы и жить въ казармахъ. Но какъ авторитетъ Шнитникова въ отношеніи баталіоннаго командира былъ далеко выше въ глазахъ мѣстнаго начальства, то онъ косвенно облегчалъ участь Бестужева: далъ ему особую квартиру и посылалъ съ порученіями въ горы по завѣдываемому имъ округу; скоро ознакомься съ татарскимъ языкомъ, Бестужевъ сдѣлался популярнымъ человѣкомъ между дербентскими жителями, а Дербентъ считался тогда мусульманскими Аюинами, по чистотѣ татарскаго языка и мудрости тамошнихъ ученыхъ, и между ними Искандеръ-бекъ (Александръ) приобрѣлъ уваженіе.

Кипучая, легкая и суетная натура Марлинскаго причиняла ему много хлопотъ въ жизни и не могла сдѣлать его серьезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, какими обыкновенно воображали себя декабристы. Заносчивая отважность, исканіе приключеній—ставили его жизнь не-разъ на карту и, можетъ быть, были причиною его гибели. Женщины, какъ воздухъ, были его стихіей. Бывало—говорилъ мнѣ братъ его Павелъ—соберетъ Искандеръ-бекъ къ себѣ правовѣрныхъ мыслителей и почетныхъ лицъ города и начнетъ имъ рассказывать сказ-

ки, въ родѣ тысячи одной ночи, изъ европейскаго быта или петербургской жизни, и на половинѣ разсказа остановится, заявивъ, что его требуетъ къ себѣ комендантъ, но что онъ скоро вернется и будетъ продолжать исторію; между тѣмъ довѣренный человѣкъ занимаетъ почтенныхъ гостей, не жалѣя угощеній; чрезъ нѣсколько времени возвращается Искандеръ-бекъ, какъ ни въ чемъ не бывалый, прочта между тѣмъ милой половинѣ одного изъ присутствующихъ ученыхъ мужей, на подготовленномъ свиданіи, страстную лекцію, не думая о томъ, что мусульманскій профессоръ въ Дербентѣ владѣеть кинжаломъ также свободно, какъ тростниковымъ перомъ, а горы укроютъ сейчасъ каждаго кинжалнаго дѣятеля. Между тѣмъ А. Бестужевъ свелъ тѣсное знакомство съ русскою дѣвушкой, дочерью унтеръ-офицера; разъ какъ-то, вечеромъ, она шалила на его постели, подъ подушкой лежалъ заряженный азіатскій пистолетъ, съ которымъ онъ ѣздилъ въ горы; отъ неловкаго движенія курокъ спустился—и бѣдная дѣвушка была поражена на смерть пулею.

Страшная буря обрушилась надъ Бестужевымъ; ближайшіе его начальники тоже были въ смущеніи. Надобно было отвѣчать на два вопроса: почему рядовой Бестужевъ жилъ въ отдѣльной квартирѣ, и зачѣмъ было у него заряженное азіатское оружіе? Но тогда былъ еще въ силѣ благодушный и разсудительный корпусный командиръ, баронъ Розень, и начальникъ его штаба, генераль Вальховскій, человѣкъ съ большими способностями. Удовольствовались донесеніемъ, что Бестужевъ посылался въ горы съ порученіями въ опасныя мѣста только съ нѣсколькими проводниками, то ему необходимо было имѣть азіатскій костюмъ и оружіе, и какъ онъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми вліятельными горцами, то необходимо было ему принимать ихъ у себя отдѣльно въ

квартирѣ, а не въ казармѣ. Такъ дѣло и замялось, но о немъ, конечно, донесено было въ Петербургъ. Бестужевъ потерялъ только за это георгиевскій крестъ, который назначался ему за отличіе при оборонѣ Дербента, и въ этомъ случаѣ Бестужевъ тоже напрасно ропщетъ на своего баталіоннаго командира. Эта-же несчастная исторія отдалила производство его въ офицеры. Я не нахожу нужнымъ опровергать нелѣпый слухъ, пущенный въ ходъ недоброжелателями Бестужева, что онъ убилъ дѣвушку изъ ревности. Самъ отецъ несчастной опровергалъ эту клевету.

Пробывъ почти три года во второй разъ въ Ахалцихѣ, по окончаніи устройства переселенцевъ на мѣстѣ новаго жительства, я передалъ ихъ затѣмъ въ мѣстное управленіе, согласно общаго распоряженія, самъ-же возвратился въ полкъ и получилъ изъ корпуснаго штаба командировку въ Россію, имѣя въ виду побывать дома. Живя въ Ахалцихѣ, я пріятельски сошелся съ штабъ-лекаремъ, женатымъ на дочери одного второстепеннаго придворнаго священника. Она была добрая женщина, болѣзненнаго сложенія, невзрачная собой и мало образованная,—мужъ превосходилъ ее интеллектуальностію и былъ человѣкъ вообще порядочный,—сдружась, я часто проводилъ вмѣстѣ съ ними время, какое у меня оставалось отъ частыхъ разъѣздовъ и хлопотъ по моей обязанности. Добродушная хозяйка своею оригинальностію приводила меня иногда въ недоумѣніе,—она часто рассказывала о петербургской жизни и великосвѣтскомъ обществѣ, которое ей удавалось видѣть только съ хоръ дворцовыхъ залъ или гуляя по невскому проспекту. Не смотря на мое совершенное незнаніе свѣта, мнѣ казалось, что ея рассказы не совсѣмъ согласны съ дѣйствительностію. Пріѣзжавшая въ Ахалцихъ на минеральныя воды изъ Гори, Анна Николевна со вторымъ мужемъ под-

смѣивалась пасть ея странностями и моею простоватостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ находила мужа ея человѣкомъ разсудительнымъ и одобряла пріязнь мою съ нимъ. И вотъ послѣ моего отъѣзда, мѣсяца черезъ три, прибывшій въ Ахалцихъ А. Бестужевъ—этотъ левъ и идоль петербургскихъ салоновъ—находилъ удовольствіе бывать каждый почти день въ томъ не хитромъ, хотя и добромъ семействѣ, какъ и я одичалый кавказецъ, и выслушивать рассказы хозяйки о житейскихъ порядкахъ большаго свѣта.

Такія превращенія во взглядахъ и наклонностяхъ петербургскихъ франтовъ, поступившихъ въ ряды нашего воинства, мнѣ не разъ случалось встрѣчать—и особенно относительно кахетинскаго вина и женскаго общества, такъ бѣднаго своимъ составомъ въ мое время. Сперва молодой баричъ, привыкшій къ тонкимъ французскимъ винамъ, морщится, пробуя по немногу благодатный напитокъ Кахетіи, припахивающій бурдючною нефтью; пройдетъ мѣсяца три-четыре и петербургскій джентльменъ, не хуже присяжнаго кавказца, съ удовольствіемъ тянетъ влагу, которою, по всѣмъ вѣроятіямъ, упился праведный Ной, сошедъ съ Арарата. Потомъ столичный ловелась, сидя въ какой-нибудь крѣпостцѣ или штабъ-квартирѣ, иронически отзываясь о присутствіи дамскомъ обществѣ, и вотъ отправляется онъ въ экспедицію, протаскается по горамъ и трущобамъ мѣсяцевъ 10 или 12-ть, не зная ничего, кромѣ балагана или палатки, и не вида въблизи изъ *женскаго рода* никого кромѣ пушки и патронной сумы; натерпѣвшись холода и голода, зноя и утомленія, возвращается онъ въ штабъ-квартиру, какъ въ обѣтованную землю—и тутъ уже является любезнымъ кавалеромъ въ дамскомъ обществѣ и находитъ очень милыми полевыми амазонками. Ахалцихская амазонка штабъ-лекарша, оказалась, въ нѣкоторомъ смыслѣ, героинею.

Нашъ полковой штабъ-лекаръ Никифоръ Ивановичъ Явленскій былъ въ своей сферѣ замѣчательной личностію. Зная хорошо свое дѣло и живя въ г. Гори при полковомъ лазаретѣ, онъ первый изъ русскихъ докторовъ приобрѣлъ большое довѣріе у жителей горійскаго уѣзда (прежней Карталинні). Какъ человѣку жепатому и знающему туземный языкъ, ему вполне довѣряли лечить свои семейства грузины, еще сохранившіе тогда ревнивые азійскіе обычаи и прятавшіе своихъ красавиць отъ дурнаго офицерскаго или чиновничьяго глаза. До нашего штабъ-лекаря грузины довольствовались своимъ «акимомъ», т. е. лекаремъ, въ родѣ нашихъ деревенскихъ знахарей, а какъ Никифоръ Ивановичъ не любилъ тревоженій походной жизни, то во время похода полкъ оставался почти всегда при лазаретѣ въ штабъ-квартирѣ, на что полковые командиры охотно соглашались, зная, что оставляемое значительное число больныхъ и по оному хозяйство будутъ имѣть должное попеченіе въ ихъ отсутствіи. Въ іюлѣ 1834 года нашъ грузинскій полкъ, куда я поступилъ по новому переформированію, назначенъ былъ въ походъ въ Абхазію. Явленскаго положено было оставить въ штабъ-квартирѣ, а мѣсто его въ походѣ замѣнить другимъ. Зная, что моему пріятелю, ахалцихскому штабъ-лекарю, желательно было получить анненскій крестъ, чтобы, по тогдашнему праву, быть дворяниномъ, между тѣмъ, ахалцихскій климатъ, въ числѣ не многихъ на Кавказѣ мѣсть, необыкновенно здоровъ, гдѣ медику и отличиться было не въ чемъ, я и началъ хлопотать, чтобы моего пріятеля прикомандировали къ полку на время похода. Полковой командиръ, зная его лично, охотно на то согласился (*).

(*) Поэтому случаю изъ Сурама я ѣздилъ въ Ахалцихъ и пробывъ тамъ только одинъ день, въ первый разъ видѣлъ А. Бестужева, не болѣе получаса, зайдя къ нему съ однимъ общимъ знакомымъ; онъ жаловался

Но я, какъ медвѣдь пустынноку, оказалъ моему пріятелю дурную услугу. Черезъ нѣсколько времени онъ заболѣлъ въ Бомборахъ гнилою горячкою и умеръ на моихъ рукахъ. Какъ отрядъ нашъ долженъ былъ скоро выступить далѣе и свободное сообщеніе за нами прекратиться, то я поспѣшилъ отправить въ Ахалцихъ къ *неутѣшной* вдовѣ вещи покойнаго съ лошадыю и деньщикомъ его, написавъ при этомъ грустное письмо. Возвратившійся съ вещами деньщикъ первый привезъ печальное извѣстіе, и пораженная имъ вдова впала въ глубокую печаль, доходившую до отчаянія: она рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь, все ахалцихское русское общество поражено было ея горестію и жалѣло о добромъ ея мужѣ. Старикъ комендантъ, будучи самъ семейнымъ человѣкомъ, счелъ обязанностію скорѣ навѣстить несчастную вдову и нашелъ ее въ страшномъ припадкѣ отчаянія—она рвала опять на себѣ волосы и кричала, что ей ничего не осталось, какъ утопиться, и хотѣла при этомъ выбѣжать изъ квартиры,—смущенный, оторопѣвшій начальникъ крѣпости едва успѣлъ удержать ее и не зналъ, какъ успокоить; глубоко взволнованный, онъ передавалъ бывавшимъ у него печальную сцену свиданія съ штабъ-лекаршей. Александра Бестужева давно уже не было въ Ахалцихъ; съ производствомъ въ унтеръ-офицеры онъ уѣхалъ въ отрядъ генерала Вельяминова, который долженъ былъ со стороны Анапы идти по берегу Чернаго моря на-встрѣчу нашего отряда и соединиться съ нимъ,—но онъ дошелъ въ два года до Геленджика, а мы до Адлера, или, вѣрнѣе, до Гагры.

Черезъ недѣлю послѣ посѣщенія комендантомъ отчаянно неутѣшной вдовы, подается ему рапортъ; при чтеніи его ста-

на нездоровье, почему, какъ обыкновенно, и не могъ быть въ тотъ день у штабъ-лекаря, хотя его ждала хозяйка.

Прим. автора.

рикъ комендантъ выразилъ необыкновенное изумленіе и обратился къ бывшимъ у него по службѣ нѣсколькимъ офицерамъ: «господа, я глазамъ своимъ не вѣрю, такъ-ли я прочелъ—прочтите, пожалуйста»,—и передалъ имъ рапортъ, въ которомъ очень ясно спрашивалось у мѣстнаго начальника гарнизона дозволеніе баталіонному казначею, поручику М., жениться на вдовѣ штабъ-лекаря В. «Я не могу даже и дать просимаго дозволенія, сказалъ комендантъ, такъ какъ деньщикъ прибылъ съ частнымъ письмомъ, я-же долженъ получить официальное увѣдомленіе о смерти штабъ-лекаря, считающагося у меня въ командировкѣ.» Увѣдомленіе не могло быть скоро получено; изъ полка донесено было о смерти штабъ-лекаря въ корпусный штабъ, оттуда дано знать корпусному штабъ-доктору и процедура затянулась.

Изумленіе коменданта показывало только, что онъ недавно прибылъ изъ Россіи. У насъ-же въ какой-нибудь крѣпостцѣ или штабъ-квартирѣ можно было подслушать на званномъ вечерѣ такого рода разговоръ вновь прибывшаго со старожиломъ: «кто танцующіе въ первой парѣ? Это жена штабъ-капитана М. и поручикъ Z; если мужъ дамы скоро умретъ по милости здѣшняго *благодатнаго* климата, то она выйдетъ замужъ за своего кавалера, а если и его потомъ положить гдѣ-нибудь пуля, то она будетъ женою своего визави»,—и слова разсказчика послѣ оправдывались. Впрочемъ, я вспоминаю только нѣкоторыя черты характеристики тогдашняго быта, несколько не думая дѣлать ихъ общими.

Всѣмъ стали надоѣдать безпрестанныя отступленія въ разсказѣ старика, поэтому я спросилъ: «ну, какъ-же вы защищали Ахалцихъ отъ турокъ?»—Да, неожиданно гроза грянула на насъ, и также неожиданно унеслась вихремъ!

Да вѣдь вы знали о сборѣ Ахметь-паша вблизи Ахалциха? спросилъ я. Я вамъ говорилъ уже, что намъ извѣстны были эти сборы, и Паскевичъ, кромѣ нашихъ донесеній, другимъ путемъ, черезъ Карсъ, былъ тоже о томъ извѣщаемъ. Да и мы, какъ и онъ, мало вѣрили въ дѣйствительность предпріятія, такъ какъ турки и персіяне много затѣваютъ, а мало дѣлаютъ,—такъ думали и теперъ. Желая по наружности исполнить волю султана, они, можетъ быть, сдѣлаютъ какой-нибудь набѣгъ, вылазку изъ крѣпости—ихъ прогнать,—Ахметь-паша донесетъ султану, что онъ побилъ множество гяуровъ, и пришлетъ ему въ подарокъ, какъ трофей побѣды, какія-нибудь двѣ-три несчастныя головы, да и скажетъ, что за снѣгами и холодомъ нельзя было дѣйствовать въ гористой мѣстности, чрезъ арсіанской хребетъ невозможно было перевезти тяжести и пушки, «а то-бы «Московъ» совсѣмъ погибъ, и самый Тифлисъ былъ-бы взятъ!» при чемъ подразумѣвалосьъ, что и свѣтлый гаремъ падишаха былъ-бы укомплектованъ въ изобиліи плѣнницами изъ Грузіи—какъ бывало во время оно.

Князь Бебутовъ былъ въ большомъ затрудненіи—дать настоящую оцѣнку предстоящему событію; какъ я уже сказалъ, что всѣ слухи о сборахъ Ахметь-паша могли быть преувеличены и по характеру противника въ суровое время въ большихъ размѣрахъ не исполнимы, то слишкомъ настоятельныя требованія о помощи были-бы найдены неумѣстными и недуманными, если-бы Ахметь-паша съ небольшими силами сдѣлалъ только набѣгъ на окрестности Ахалциха и немедленно удалился за Арсіанъ; тогда войска, пришедшія въ сикурсъ, сдѣлали-бы бесполезное движеніе, оторвались напрасно отъ приготовленія къ походу и не могли-бы воспользоваться отдыхомъ, въ которомъ они такъ нуждались: Кажется, и Паскевичъ

и князь Бебутовъ держались такого мнѣнія, и дѣла оставались въ прежнемъ видѣ, въ ожиданіи разъясненія.

Наступила масляница—и разъясненіе незамедлило. Часовъ въ 11-ть ночи, у князя сидѣло два-три человекъ изъ офицеровъ гарнизона,—вдругъ прибѣгаетъ съ гауптвахты вѣстовой съ докладомъ отъ караульнаго офицера, что какой-то туземецъ неистово стучитъ въ запертыя ворота крѣпости и громко требуетъ немедленнаго пропуска къ князю. Велѣно было тотчасъ пропустить его. Вбѣгаетъ съ воплями крестьянинъ христіанской деревни Вале, въ 10-ти верстахъ отъ Ахалциха по дорогѣ въ Поцховское ущелье, и объясняетъ, что изъ ущелья, часовъ въ 8-мъ вечера, огромная толпа турокъ заняли внезапно деревню и начали въ ней неистовствовать, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, такъ-что онъ съ большимъ трудомъ пробрался сквозь цѣпи и пикеты, чтобы дать извѣстіе въ крѣпость.

Поднялась тревога въ ожиданіи немедленнаго нападенія турокъ на городъ и крѣпость; первая забота состояла—притянуть роту херсонскаго полка, стоявшую все время на южной окраинѣ города, въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара пустыхъ сакляхъ, составлявшую наблюдательный постъ и охрану отъ мелкихъ нападеній на городскихъ жителей, и незваную о внезапной тревогѣ. Высланы были двѣ роты ширванскаго полка на извѣстный пунктъ въ центрѣ города, чрезъ который слѣдовало отступить ротѣ и гдѣ преобладало мусульманское населеніе; какъ разстояніе было не близкое, то болѣе часа прошло въ тревожномъ ожиданіи, пока благополучно возвратились роты въ крѣпость. Между тѣмъ какъ въ югозападной сторонѣ и близъ крѣпости среди мусульманскаго населенія была невозмутимая тишина, на сѣверозападной-же и сѣверной сторонѣ, обитаемой христіанами и еврейми, поднялась страшная тревога; засверкали среди мрака въ домахъ огоньки, по-

слышались вопли въ безмятежной до-толѣ тишинѣ спавшихъ жителей, толпами бѣжавшихъ къ крѣпости для спасенія: имъ сказали на-отрѣзъ, что ночью никого въ крѣпость не пустять, такъ какъ по пятамъ ихъ могли ворваться турки. Да и въ крѣпости такъ мало было пустаго мѣста, что нельзя было принять болѣе 400 человекъ изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, чтобы сохранить свободу дѣйствій гарнизона. Между тѣмъ, напряженное наблюденіе со стѣнъ крѣпости не могло замѣтить въ темнотѣ ночи никакого враждебнаго движенія, не слышно было ни одного выстрѣла со стороны, откуда ожидался непріятель. Съ разсвѣтомъ гарнизонъ разошелся по казармамъ, а херсонская рота пошла занять свой передовой постъ на прежнее мѣсто, чтобы показать ненадежному турецкому населенію увѣренность въ своихъ силахъ, и, въ случаѣ надобности, дать ему примѣръ строгости. Христіанамъ и евреямъ дозволено было перенести цѣнное имущество въ крѣпость, нѣсколько семействъ женщинъ и дѣтей, лицъ болѣе или менѣе оказавшихъ намъ преданность, укрылись тоже въ крѣпости. Мужскому населенію дали часть имѣвшихся ружей и патроновъ—имъ предоставлено было занять низенькую стѣнку, въ родѣ гласиса, подъ защитою крѣпостныхъ выстрѣловъ. По-утру кое-кто изъ почетныхъ мусульманъ пришли къ князю Бибубову съ изъявленіемъ своей преданности, расточая брань Ахметъ-пашѣ аджарскому; князь похвалилъ ихъ усердіе, просилъ держать въ порядкѣ своихъ единовѣрцевъ и показавъ видъ довѣрія, спокойно отпустилъ. Но уже извѣстно было, что нѣсколько городскихъ турокъ отправилось въ лагерь Ахметъ-паши, свирѣпыя взгляды остававшихся въ городѣ мусульманъ, изрѣдка показывавшихся на улицахъ, видимо для наблюденія, хорошо объясняли ихъ настроеніе; въ продолженіе другой ночи уже многіе изъ нихъ отправили свои семейства

въ болѣе надежное мѣсто, сами-же остались одни въ домахъ или ушли въ Вале. Такъ прошло два дня; на ночь херсонская рота приходила въ крѣпость, по-угру возвращалась на свой постъ, казачьи разъѣзды по дорогѣ къ Вале версты на 5-ть непріятеля не открывали. Неизвѣстность предстоящаго тяготѣла надъ Ахалцихомъ, страхъ и уныніе на лицахъ жителей, увѣренность и бодрость гарнизона странно между собою противорѣчили. А чтобы показать, какъ мало думали въ крѣпости объ опасности, расскажу слѣдующій курьезный случай. Во время обѣда у князя на второй день (это было послѣднее сообщеніе съ Грузіей) пришедшая почта привезла извѣстіе о вышедшихъ намъ наградахъ за штурмъ Ахалциха; дождавшись нетерпѣливо конца обѣда, я послѣшилъ поздравить съ царскою милостію товарищей, стоявшихъ съ ротою за городомъ; такъ какъ и солдатамъ въ роты тоже были назначены георгіевскіе кресты, то веселье было общее; явились пѣсенники и для нихъ котлы съ имеретинскимъ виномъ—и пиръ пошелъ горой. Въ послѣднихъ числахъ фѣвраля, какъ я уже сказалъ, погода стояла теплая; на лощинахъ около Ахалциха снѣгъ пропалъ, живительная сила весны развивала пріятныя ощущенія, рѣзко противорѣча тревожному настроенію живущаго. Не желая тѣсниться въ мрачныхъ землянкахъ, мы, по восточному обычаю, въ однихъ сюртукахъ веселились на открытомъ тепломъ воздухѣ. Солнце начинало садиться, радужный хозяинъ, капитанъ Завойко, пошелъ въ саклю распорядиться чаемъ,—вдругъ одинъ изъ веселившихся гостей сказалъ своему товарищу офицеру—«пойдемъ открывать непріятеля.» Пойдемъ—отвѣчалъ тотъ.» Велѣли двоимъ пѣсенникамъ взять тутъ-же стоявшія въ козлахъ ружья, надѣли шапки и пошли въ сторону, откуда ожидался непріятель; отошедъ съ версту, они встрѣтили кучку въ 7-мъ человѣкъ вооруженныхъ

жителей, которые на спросъ объявили, что они ахалцихскіе, и возвращаются домой. Турки подозрительно и недружелюбно посмотрѣли на русскихъ, однакожь вблизи, вѣроятно, побоялись сдѣлать нападеніе; наши *открыватели* ходили еще въ разныя стороны по пригоркамъ, и, къ счастью, никого не встрѣтивъ, повернули назадъ,—между тѣмъ стемнѣло. Въ продолженіе этого времени прискакалъ къ намъ съ приказаніемъ—идти ротѣ немедленно въ крѣпость. Рота построилась, тутъ только Завойко хватился двухъ офицеровъ. Гдѣ они? Да пошли къ Суфлису и взяли съ собою двухъ солдатъ съ ружьями—сказалъ одинъ пѣсенникъ. Завойко не зналъ, что дѣлать—офицеры не приходили: ударить въ барабанъ для подачіи имъ сигнала—произойдетъ въ крѣпости и еще болѣе въ городѣ тревога въ предположеніи нападенія,—оставить ихъ на произволь судьбы, онъ не хотѣлъ,—послалъ однако-жь два патруля по указанному направленію, но они разошлись. Въ это время прискакалъ второй посланный о послѣднемъ отступленіи роты. Завойко въ отчаяніи ломалъ руки,—наконецъ, наши вояжеры возвратились. Сумасшедшіе, гдѣ вы были? *открывали неприятеля*—сказали искатели приключеній. Видя, что ихъ вразумлять нечего, Завойко махнулъ рукою и пошелъ скорѣе съ ротою въ крѣпость.

Какъ мало въ Тифлисѣ давали вѣры въ возможность нападенія турокъ зимой чрезъ снѣжный Улгаръ на Ахалцихъ, и предварительныя донесенія о томъ князя Бебутова принимались только къ соображенію—показываетъ неготовность и медленность принятія мѣръ для подачіи намъ помощи и тревога Паскевича, когда дѣло стало нешуточнымъ.

Еще съ осени командиръ херсонскаго полка, ближайшаго расположеніемъ къ Ахалциху, имѣлъ предписаніе двинуться немедленно туда по первому требованію князя Бебутова,

и держать квартировавшую роту въ Сурамѣ, какъ передовомъ пунктѣ, въ комплектѣ, готовую къ выступленію; но собственно въ полку на-лицо было 6-ть ротъ, такъ какъ одна рота стояла въ Ахалцихѣ, а другая въ крѣпостцѣ Ацхурѣ, при входѣ въ боржомское ущелье; третій-же баталіонъ полка былъ разбросанъ по военно-грузинской дорогѣ и въ Тифлисѣ для караула.

Во вторникъ на масляной, командиръ 1-й гренадерской роты, капитанъ Кишкинъ, поѣхалъ изъ своей квартиры въ Сурамѣ въ штабъ-квартиру, городъ Гори, имѣя въ виду требованіе нѣкоторыхъ вещей, недостававшихъ къ полному обмундированію роты, и для разныхъ расчетовъ съ полковымъ казначеемъ по довольствію. Проѣхавъ 50 верстъ верхомъ, какъ тогда обыкновенно бывало, и прибывъ туда къ вечеру, онъ узналъ, что полковой командиръ наканунѣ уѣхалъ съ женою въ Тифлисъ и пробудетъ тамъ всю масляницу. Не желая отставать отъ родныхъ обычаевъ, парадировавъ ихъ часто по недостатку средствъ до курьеза (такъ въ мое время блины пекли на шанцовыхъ лопаткахъ по совершенному неимѣнію въ продажѣ вообще чугуновыхъ издѣлій), у полкового адъютанта была маслячная вечеринка; разумѣется, обстановку ея, кромѣ однихъ офицеровъ, составляли музыканты и пѣсенники. Одни изъ гостей играли въ карты, другіе и безъ нихъ находили развлеченіе. Въ полночь прибѣгаетъ ординарецъ и требуетъ адъютанта къ полковому командиру. «Ты, братецъ, вѣрно крѣпко поздравилъ масляницу, что городишь такую дичь—вѣдь полковникъ въ Тифлисѣ,—сказалъ адъютантъ. Они сейчасъ пріѣхали и требуютъ васъ къ себѣ поскорѣе»—отвѣтилъ ординарецъ. Пирующихъ офицеровъ удивило неожиданно скорое возвращеніе полковника. Явившемуся адъютанту Бурцевъ, видимо встревоженный, объявилъ, что Ахал-

цихъ облагаютъ въ большихъ силахъ турки, поэтому сейчасъ сдѣлать надобно распоряженіе къ походу и первое — послать нарочнаго казака въ Сурамъ, чтобы Кишкинъ слѣшилъ съ ротою къ Ахалциху. «Кишкинъ здѣсь — сказалъ адъютантъ. Тѣмъ лучше — лично передамъ приказаніе.»

По приходѣ Кишкина, Бурцевъ передалъ ему важность минуты, и что отъ его усердія и опытности будетъ зависѣть — быть полезнымъ въ столь серьезномъ дѣлѣ. Бурцевъ, положивъ руку на плечо Кишкина, сказалъ: «ну, Семень Анапичъ, на васъ я надѣюсь, что вы употребите все возможное усиліе и мужество, чтобы, во что-бы ни-стало, поспѣшно пройти, или пробиться сквозъ Боржомъ и соединиться въ Ацхурѣ съ Высоцкимъ; въ его ротѣ далеко некомплектъ людей и его можетъ раздавить масса непріятеля, тогда намъ дорога будетъ загорожена; теперь по снѣгамъ обходовъ дѣлать нельзя и мы должны будемъ проходить подъ выстрѣлами крѣпости. Берите сейчасъ съ казачьяго поста лошадь и скачите въ Сурамъ, чтобы по-утру завтра, или, пожалуй, уже сегодня вамъ выступить.» Нѣтъ, ужъ позвольте, Иванъ Григорьевичъ, мнѣ отправиться на своемъ «кабардинцѣ» — сказалъ Кишкинъ, — онъ хотя уже сдѣлалъ сегодня 50 верстъ, но я надѣюсь доѣхать на немъ скорѣе, чѣмъ на казачьей лошади, только прикажите дать мнѣ проводниковъ черезъ Ліяхву — вода въ ней очень прибыла отъ тепла и мнѣ трудно будетъ переправиться черезъ нее въ бродъ въ такую темноту, когда я и за-свѣтло едва ее переѣхалъ.

Пока мѣсть пришли проводники, пока переправляли съ большою опасностію и задержкою въ объѣздъ чрезъ раздувшуюся рѣку, прошло болѣе двухъ часовъ. Кишкинъ не жалѣлъ коня; но ему надобно было по дорогѣ заѣхать въ полковыя конюшни на Гаргарепъ (селеніе), чтобы взять подъ вьюки артель-

ныхъ лошадей для котловъ и припасовъ и въ случаѣ подь раныныхъ. Около 9 часовъ утра онъ ужь былъ въ Сурамѣ. Громъ ударилъ неожиданно—никто не думалъ о походѣ; надобно было раздать по рукамъ сухари и запасные патроны изъ ящика; солдаты частію разошлись по разнымъ мѣстамъ—надобно было ихъ собрать; въ головѣ былъ ералашъ масляницы; однакожь часа черезъ полтора рота была на маршѣ въ полномъ составѣ. Я уже замѣтилъ, что боржомское ущелье за сорокъ сляшкомъ лѣтъ было совсѣмъ не то, что теперь и въ такую еще пору года. Едва двумъ человѣкамъ можно было идти по тропикѣ въ рыхломъ отъ тепла снѣгу и взбираться во многихъ мѣстахъ на скалы, такъ какъ прибывшая вода въ Курѣ уже затопила во многихъ мѣстахъ проходы; это еще, сверхъ затруднѣній, увеличивало настоящее разстояніе (50-ти верстъ) отъ Сурама до Ацхурь. Съ маленькими отдыхами, часовъ до 10 ночи, Кишкинъ шелъ безостановочно и для примѣра солдатамъ самъ шелъ пѣшкомъ впереди. На пути не встрѣтился ни одинъ прохожій по-прежнему довольно оживленной дорогѣ, чтобы получить какія-нибудь свѣдѣнія объ Ахалцихѣ. Видя крайнее утомленіе отягощенныхъ походной аммуниціей солдатъ, онъ остановился около Страшнаго окопа, верстахъ въ 10 отъ Ацхура, гдѣ ущелье нѣсколько раздвигается, на кратковременный ночлегъ на снѣгу и не разводя изъ предосторожности огня. Часа за два до разсвѣта онъ опять двинулся; отойдя не много, онъ услышалъ слабый, протяжный гулъ; не довѣря самъ себѣ, онъ спросилъ солдатъ: «что это, братцы?» тѣ безъ запинки отвѣчали—«пушка, ваше благородіе»,—и велѣдъ затѣмъ гулъ выстрѣловъ сталъ раздаваться яснѣе (*), Кишкинъ скомандовалъ: «ре-

(*) Это было верстъ за 30 отъ Ахалциха. Во время осады на гаргепсскихъ полковыхъ конюшняхъ, верстахъ около 80-ти, фуражеты изъ любопытства по очереди во время утренней и вечерней зари припадали

бята, прибавъ шагу!» *Ребята* пошли погигантски. Надобно было спѣшить занять скорѣе послѣдній обрывистый переваль близъ Ацхура; взбравшись на него, Кипкинъ, при начинающемъ разсвѣтѣ, увидѣлъ въ сторонѣ отъ крѣпости обходящую ее огромную массу неприятеля; но дѣло ужъ было сдѣлано — турки не успѣли загородить дорогу, и рота благополучно достигла крѣпости, подвергаясь опасности быть раздавленною скопищемъ 5-ти тысячъ человекъ, посланныхъ Ахмезъ-пашею одновременно съ нападеніемъ на Ахалцихъ для занятія боржомскаго ущелья.

Въ продолженіи двухъ дней послѣ занятія Вале, когда намѣренія неприятеля были уже ясны, въ крѣпости спѣшили приготовиться къ отпору; разломали нѣсколько домовъ вблизи крѣпостныхъ стѣнъ, забрали, по возможности, довольно досокъ, наружныхъ толстыхъ дверей и бревень. Но все-таки каменные на глинѣ и нѣкоторые на извести дома и линія лавокъ оставались въ 20-ти саженьяхъ; мечеть-же предъ самыми крѣпостными воротами и базастанъ (каравансарай), не далѣе 40 сажень, сложенные изъ тесанныхъ каменныхъ плитъ со сводами, были очень прочной постройки. Была мысль сжечь окружающіе дома, но во-первыхъ — разгоравшееся вблизи пламя могло обратиться на крѣпость, произвезти пожаръ и, пожалуй, взорвать въ цитадели пороховой погребокъ, очень не надежно устроенный, — во вторыхъ — обрушившіеся каменные дома могли служить хорошими траншеями. На совѣщаніи за перззе мнѣніе стоялъ артилерійскій капитанъ Горячко, послѣднее поддерживали нѣсколько офицеровъ, вызываясь идти на вылазку, если понадобится, и тогда зажечь городъ, чтобы удобнѣе биться въ

ухомъ къ землѣ, и могли ясно слышать, по теченію Куры, гулъ выстрѣловъ изъ огромныхъ турецкихъ пушекъ въ цитадели Ахалциха.

Прим. автора.

дыму и пламени. Князь, видя мужественную рѣшительность гарнизона, склонился на послѣднее мнѣніе. Тѣмъ болѣе, что мечеть и огромный базастанъ нельзя скоро было разрушить; онъ предоставилъ эти два зданія для защиты христіанскаго населенія. Сверхъ того, служа прежде при маркизѣ Паулучи, онъ зналъ, какъ строго осыпали осужденіями рижскаго коменданта, приказавшаго въ 1812 году при появленіи недалеко французовъ съечь рижскій форштатъ, между тѣмъ какъ французы не подходили къ самой Ригѣ. Могло случиться, что и Ахметъ-паша не сталъ-бы прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ штурма, а не замедлившій сикурсъ изъ Грузіи рассыпалъ-бы скопище осаждавшихъ въ прахъ.

Въ продолженіе двухъ дней вѣсти приходили сбивчивыя— мусульмане видимо лгали, наши христіанскіе лазутчики, боясь быть открытыми турками, приносили свѣдѣнія неудовлетворительныя. Въ городѣ господствовала могильная тишина въ мусульманскихъ кварталахъ, христіане, въ тоскливомъ ожиданіи страшной бѣды, зарывали въ землю свое имущество, поцѣнивъ— переносили въ крѣпость.

Часа за полтора до разсвѣта, 20-го февраля, на вторые сутки по прибытіи непріятеля въ Вале, послышался первый ружейный выстрѣлъ съ поцховскаго моста, со стороны противоположной ожидаемаго нападенія, отъ жидовскаго квартала. Разсчитывая на штурмъ нижней крѣпости—какъ слабѣйшаго пункта, непріятель съ него началъ атаку, между тѣмъ мусульманское населеніе города съ аджарцами бросилось со стороны югозападной отъ базастана къ воротамъ верхней крѣпости. Гарнизонъ успѣлъ во-время стать въ ружье; массы непріятеля подступили къ самымъ стѣнамъ и многіе смѣльчаки начали взбираться на нихъ, между тѣмъ другія толпы, засѣвъ въ домахъ на полуружейный выстрѣлъ, осыпали гра-

домъ пуль отбивавшіяся гарнизонъ. Намъ помогли пудовыя бомбы, найденныя при взятіи крѣпости; начали бросать за стѣну, и взрывъ ихъ, покрывая батальный напѣ огонь, охладил яростный патискъ непріятеля; къ несчастію, крѣпость почти не имѣла фланговой или бастіонной обороны и весь огонь съ нашей стороны былъ фронтальный. Однакожь, непріятель отхлынулъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ и засѣлъ саженьхъ въ 50 и ближе въ домахъ, поднимающихся во многихъ мѣстахъ амфитеатромъ. Черезъ нѣсколько времени начало свѣтать—картина представлялась поразительная: съ одной стороны, за зубцами, толпились группы солдатъ, въ дыму выстрѣловъ сурово смотрящихъ съ высоты стѣнъ на волнующіяся толпы непріятеля, покрытыя тоже пороховымъ дымомъ; серьезно спокойное выраженіе энергическихъ, загорѣлыхъ лицъ—показывали пониманіе важности минуты и привычку къ дѣлу защитниковъ крѣпости; съ другой—внизу подъ стѣною, за невысокимъ каменнымъ барьеромъ, толпились сотни двѣ женщинъ и частію мужчинъ, успѣвшихъ перебѣжать изъ ближайшихъ домовъ подъ защиту нашихъ выстрѣловъ,—съ отчаяніемъ въ взорахъ, съ ужасомъ на лицѣ, они зывали къ намъ о спасеніи: многіе изъ нихъ держали въ рукахъ распятіе или иконы. Далѣе слышались изступленные вопли жертвъ дикихъ инстинктовъ непріятеля, покрываемые грохотомъ крѣпостныхъ орудій и перекатной дробью ружейной пальбы. Батальный огонь не умолкалъ почти весь день; понеся значительныя потери отъ неудавшагося штурма, непріятель сталъ укрѣпляться въ домахъ и дѣлать завалы вокругъ крѣпости. Возмущенный звѣрствомъ врага съ жителями христіанами и евреями, гарнизонъ къ вечеру сталъ проситься на вылазку. Но изъ 1100 защитниковъ нельзя было отдѣлить болѣе 250 охотниковъ, самой надежной силы, которыхъ судьба была сомнительна; поэтому князь Бебутовъ

оты́нилъ вылазку, въ виду огромнаго полчища непріятеля и его энергіи, рассчитавъ, что можетъ понадобится—употребить этихъ отважныхъ солдатъ болѣе въ крайнемъ случаѣ.

Слишкомъ сто пушекъ крѣпостной, доставшейся отъ турокъ артилеріи, были разбиты по разнымъ частямъ крѣпости. Въ цитадели было болѣе 20 пушекъ большого турецкаго калибра, на батарее верхнихъ главныхъ воротъ крѣпости стояло 8 большихъ турецкихъ и 4 нашихъ полевыхъ пушекъ и на пристроенныхъ платформахъ двѣ своихъ двухъ-пудовыя и двѣ турецкія мортиры,—остальныя пушки по разнымъ мѣстамъ имѣли свое назначеніе. Артилерійскихъ офицеровъ было у насъ два: капитанъ Горячко—начальникъ крѣпостной артилеріи, и его помощникъ, молодой офицеръ. Послѣдній командовалъ въ цитадели, возвышавшейся, какъ я уже сказалъ, на скалѣ отдѣльнымъ укрѣпленіемъ. Мнѣ, остававшемуся по милости Ахметъ-паши, секретарю правленія безъ дѣла, досталась въ команду батарея на главныхъ верхнихъ воротахъ. Въ нижней крѣпости, по ходатайству Горячки, назначенъ былъ командовать всею артилеріею его землякъ, полякъ князь Гедройць, класный провіантскій чиновникъ, находившійся при довольствіи войскъ, человекъ добрый, но очень простоватый, не имѣвшій даже свѣтскаго лоска польскаго пана; говорили, что его жена, довольно богатая, жила съ нимъ не въ ладахъ, и бѣдный князь духомъ и карманомъ по-неволѣ искалъ убѣжища въ провіантской службѣ на Кавказѣ. Офицеры подшучивали надъ его назначеніемъ, а солдаты относились къ нему не очень внимательно, какъ «не военному.» Однако Горячко, вѣрный своимъ племеннымъ традиціямъ, пользовался довѣріемъ князя, сдѣлалъ такъ, что въ реляціи о ходѣ обороны ~~сыказани~~ были необыкновенныя заслуги Гедройца; впрочемъ, Горячко, какъ дѣльный офицеръ, исполнялъ дѣло свое хорошо. Крѣ-

ность обложена такъ была густо толпами непріятеля, что въ продолженіе 12-ти дневной осады не одинъ лазутчикъ не могъ въ нее пробратъся съ извѣстіемъ, и мы во все это время рѣшительно не знали о мѣрахъ, предпринятыхъ къ нашему освобожденію. Мы только знали, что братъ Ахметъ-паши съ значительными силами занялъ боржомское ущелье ниже Ацхура, и всякое сообщеніе съ Грузіей прекращено. Слѣдовательно, конецъ осады для насъ былъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ день и ночь гарнизонъ почти постоянно былъ подъ ружьемъ въ ожиданіи штурма, такъ какъ огромныя толпы, саженьхъ въ пятьдесятъ и ближе отъ стѣнъ, закрытыя строеніями, всегда готовы были броситься на приступъ, при малѣйшей оплошности съ нашей стороны. Градъ пуль буквально сыпался съ высоты окружающихъ домовъ, базастана, изъ-за огромныхъ заваловъ, воздвигнутыхъ кругомъ крѣпости изъ бревенъ и камня разобраныхъ домовъ. Этотъ страшный обручъ, сдавливавшій крѣпость, надобно было разбивать неустанно съ батарей. Съ высоты цитадели, съ батарей на верхнихъ воротахъ и угловой въ нижней крѣпости, у Поцхова, канонада не умолкала ни днемъ, ни ночью. Самая тяжелая служба выпала на долю артиллеристовъ, зубцы стѣнъ ихъ мало защищали, и прицѣльные выстрѣлы непріятеля съ высоты и заваловъ били въ амбразуры и чрезъ стѣну на-вѣрняка,—съ неуклюжими, тяжелыми лафетами турецкихъ пушекъ было много работы. Въ продолженіи четырехъ сутокъ на моей батарее перемѣнилось, по случаю убыли, за исключеніемъ двухъ артиллеристовъ, два комплекта прислуги при орудіяхъ и къ вечеру этого дня, послѣдняго маясѣницы, во время перестрѣлки, когда мы постоянно бывали въ движеніи, приготовляясь къ ночному штурму, запасаясь снарядами—пуля пробила мнѣ правое плечо возлѣ ключицы,—глубина раны оказалась болѣе вершка и вынуть было невоз-

можно или лекарь не съумѣлъ. Сначала мнѣ показалось, что я раненъ въ бокъ, такъ какъ вся правая сторона тѣла онѣмѣла; у меня стала кружится голова и я прилежъ на лафетъ— кровь хлынула по рукаву и вся кисть руки покрылась ею; артиллеристы, думая, что я раненъ въ руку, стали меня поднимать какъ разъ за больное плечо,—въэто время овладѣла мною необыкновенная злость, я сталъ браниться... меня бѣсила невозможность отмстить за себя, но я еще кое-какъ съ помощію Мишустина дошелъ до своей квартиры. Здѣсь уже, отъ истощенія крови и невыносимой боли, я впалъ въ изнеможеніе. Въ продолженіе всей ночи я не могъ сомкнуть глазъ отъ страданія и начинавшейся горячки; въ бреду мнѣ показалось постыднымъ лежать въ такое время—мнѣ представлялись турки, ворвавшіеся въ крѣпость и я долженъ умереть подъ ихъ книжалами, будучи не въ состояніи отъ боли пошевелить рукою—все это меня сердило, усиливая раздраженіе нервъ; къ разсвѣту я немного забылся; вдругъ моя квартира, находившаяся подъ скалою цитадели, плохой азіятской постройки, началась трястись въ основаніи отъ страшной канонады, открытой съ цитадели по турецкимъ толпамъ, брисившимся отбивать нашъ единственный водопой, ведущій изъ нижнихъ воротъ крѣпости къ Поцхову. Тяжесть впечатлѣнія при этой пальбѣ и сотрясеніе моей комнаты производили на мой болѣзненный организмъ невыразимое страданіе, какого я не испыталъ во всю жизнь.

Въ продолженіи 12-ти дней обороны крѣпости, первый и послѣдній день были только ясные; въ остальное время шелъ мокрый снѣгъ пополамъ съ дождемъ; семь ротъ пужно было для занятія необходимыхъ пунктовъ на крѣпостныхъ стѣнахъ и только по одной ротѣ въ верхней и нижней крѣпости оставалось въ резервѣ. Днемъ гарнизонъ занятъ былъ постоянною перестрѣлкою съ засѣвшимъ подъ самими стѣна-

ми непріятелемъ и разными работами для улучшенія обороны, возстановленіемъ частію засыпавшагося, покрытаго хода къ Поцхову; ночью стоялъ на-готовѣ, въ ожиданіи штурма, который даже днемъ было сдѣлать удобно при несоразмѣрномъ превосходствѣ въ численности непріятеля, если-бы половина его силъ бросилась внезапно изъ за ближнихъ строеній на приступъ, а другая сильнымъ огнемъ стала очищать путь черезъ стѣны; но безпристрастно отдавая похвалу смѣлости непріятеля, у него не доставало головы съ умѣньемъ распорядиться своими средствами.

Солдаты, промокшіе до костей отъ постоянного ненастья, истомленные работой и бессонными ночами, не имѣли времени осушиться или порядкомъ согрѣться; желая сколько-нибудь защитить ихъ отъ мокроты и сырости, князь приказалъ имѣвшіеся въ большомъ числѣ отъ израсходованнаго провіанта порожніе кули раздать солдатамъ; они, распоровъ одну сторону, сдѣлали изъ нихъ въ родѣ бурокъ, изрядно защищавшихъ отъ сырости, остальные употребили на подстилку въ грязной почвѣ; такое некрасивое убранство принесло однако значительную пользу, хотя забавно было смотрѣть на солдатъ, едва ворочающихся въ мокрыхъ, за ночь всегда обледенѣлыхъ буркахъ и на головной уборъ, который тоже пришелъ въ негодность, и потому солдаты кто изъ войлока, кто изъ кожи порціоннаго барана смастерили для себя по своему вкусу и средствамъ шапку.

Фонтанъ близъ мечети, проведенный съ горы, достаточно спасжалъ хорошею водою крѣпость, но его трубу въ первый-же день осады турки испортили; однако, по случаю въ изобиліи падавшаго снѣга съ дождемъ, гарнизонъ не нуждался особенно въ водѣ, хотя и чувствовался въ ней недостатокъ, но для бѣдныхъ животныхъ, лошадей казачьихъ, офицерскихъ и

рогатаго скота штукъ въ полтораста, водопой сдѣлался затруднителенъ. Въ первыя четыре ночи доступъ къ Поцхову шибкими водяными воротами былъ свободенъ, но непріятель догадался, и, въ роковую для меня ночь, опгь сдѣлалъ первое нападеніе на вылазку для водопоп; съ этаго времени онъ строго стерегъ всякое движеніе наше къ водѣ, обходившееся горячими шибками. На бѣду, въ покрытый путь къ водѣ прорвалася, вслѣдствіе размокшаго грунта, какая-то старая съ нечистотой канава и затопила проходъ по немъ.

Осада шла своимъ чередомъ—съ разсвѣта до ночи пальба съ обѣихъ сторонъ была неустанная, только батарея на главныхъ воротахъ, послѣ моей раны и большой потери въ людяхъ, по невыгодности положенія, почти молчала; князь приказалъ стрѣлять съ нея изрѣдка. Съ нея сняли 4-ре нашихъ пушки въ ожиданіи взрыва, оставивъ однѣ турецкія; уменьшили прислугу на половину, уже наполненную изъ строевыхъ солдатъ, такъ какъ, за недостаткомъ настоящихъ артиллеристовъ, князь еще съ осени приказалъ приучить пѣхотныхъ солдатъ дѣйствию при орудіяхъ. Этой батарее особенно не повезло—ей предстояло взлетѣть на воздухъ. Съ первой ночи мы слышали стукъ подъ воротами; широкій подземный водопроводъ для фонтана, по отведеніи воды, служилъ готовою галлереей для минныхъ работъ; при дневномъ шумѣ и постоянной пальбѣ подземная работа была не слышна, но въ тишинѣ ночи, при перерывѣ канонады, ее можно было слышать явственно; въ сумерки третьей ночи одинъ изъ христіанъ пробрался къ крѣпости и по данному знаку его перетянули на веревкахъ чрезъ стѣну; онъ объявилъ князю по секрету, что подъ верхнія ворота подведена мина, которую въ полночь турки взорвутъ и бросятся на штурмъ. Хотя сзади была вторая стѣна и такія-же ворота, но онъ не быди при-

способлены къ оборонѣ, да и людей у насъ было недостаточно; не желая преждевременно обезкуражить гарнизона, князь однако передалъ мнѣ это извѣстіе, приказавъ наблюдать осторожность. Положеніе мое было неутѣшительное—быть неминуемою жертвою взрыва, вещь прегадкая,—мнѣ еще хотѣлось жить, радужныя мечты сулили мнѣ заманчивую будущность, а тутъ на-вѣрное предстоялъ всему конецъ; привычка—ни о чемъ не думать въ сраженіи, меня бросила, я сердился на самого себя и мнѣ было тяжело на сердцѣ. Что-то зашевелилось во мракѣ передъ воротами,—послѣдовали два-три выстрѣла изъ заваловъ, я велѣлъ отвѣчать изъ двухъ пушекъ, желая показать, что мы не дремлемъ. Потомъ, чутко напрягая слухъ, я не могъ ничего различить, кромѣ зловѣщаго стука подъ ногами. Было уже часа два ночи, а обѣщаннаго взрыва не было, не слышно было никакого шума, показывающаго приближеніе непріятеля, снѣгъ надалъ мокрыми хлопьями, кругомъ мертвая тишина; наконецъ, часа въ три ночи, я прилегъ къ лафету не-много отдохнуть, утомленный деннымъ движеніемъ и почти безсонными почвами; часа черезъ полтора я очнулся, но не могъ раскрыть глазъ—вѣроятно, вслѣдствіе усталости; кругомъ не слышно было даже пороха, тишина эта, смѣнившая грохотъ и шумъ, показалась мнѣ необычайною; падающаго снѣга я не чувствовалъ; я не зналъ—въ живыхъ или мертвыхъ считать себя, взрывъ мины могъ отразить меня моментально на тотъ свѣтъ,—неужели этотъ мракъ и мертвая тишина—начало загробной жизни! Это полузабвеніе и недоумѣніе продолжалось болѣе минуты, мнѣ стало тяжело, съ усиленіемъ я открылъ глаза и съ радостію увидѣлъ прояснившееся небо и блѣдный свѣтъ занимающейся зари,—мои артиллеристы дремали, также какъ и я, вблизи часовой, облокотясь на ружье, смотрѣль въ амбразуру.

Среди общей нашей опасности, каждый из нас думал постоять за себя и недаром сдѣлаться жертвою врага, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, но бывшій на моей батарее бомбардиръ Мишустинъ, сдѣлался у насъ популярною личностію. Плотнo сложенный, слегка рыжеватый, Мишустинъ болѣе 20-ти лѣтъ продолжалъ службу, но незаметно было въ немъ сколько-нибудь дряхлости—онъ постоянно держалъ себя бодро и весело. Еще въ 1809 г., подъ Браиловымъ и противъ другихъ крѣпостей на Дунаѣ, онъ упражнялся въ артилерійскомъ искусствѣ и потому такъ изощрилъ глазъ и набилъ руку, что даже изъ мортиръ стрѣлялъ съ удивительною мѣткостію. Изъ бывшихъ у меня на батарее четырехъ мортиръ, Мишустинъ съ особою любовію и стараніемъ посылалъ бомбы въ собиравшіяся за строеніями толпы и всегда почти безъ промаха. На минаретѣ за барьеромъ сидѣлъ казакъ, извѣщавшій о сборищахъ непріятеля въ извѣстныхъ мѣстахъ города. Мишустинъ, бѣзмя, посмотригъ въ амбразуру на указанное направленіе, немножко подумаетъ, сойдетъ съ валганга на устроенную по тѣснотѣ мѣста ниже платформу для мортиръ, посыпигъ, смотря по разстоянію, горстью въ камеру пороха—и зарядъ ляжетъ гдѣ надобно. Разъ, послѣ удачнаго выстрѣла въ указанную толпу, сидѣвшій, притаившись за рѣшеткою минарета казакъ, съ радости не вытерпѣлъ, и забывъ осторожность, вскочивъ на ноги, закричалъ богатырскимъ голосомъ: «попало, какъ разъ попало!» Всегда сторожившій, какъ на охотѣ, всякое наше движеніе непріятель, послалъ нѣсколько пуль въ пришедшаго въ экстазъ сына Дона; къ счастью, онъ отдѣлался только царапиною. Какъ истый артилеристъ, воспитанный на бомбахъ и картечи, Мишустинъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на сыпавшіяся вокругъ него пули, и когда отъ нихъ падалъ кто изъ то-

варищей, онъ сердито бормоталъ: «отъ такой пустой штуки и умирать-то гадко!» Когда меня ранили, онъ первый подбѣжалъ ко мнѣ съ утѣшеньемъ: «не безпокойтесь, ваше благородіе, это пустяки,—вогъ если-бы васъ хватили ядромъ или картечью—ну, дѣло другое.» Князь, обходя батареи, всегда говорилъ ему привѣтливое слово. Я считаю излишнимъ говорить, что князь Василій Осиповичъ во время осады стоялъ нетолько во главѣ начальства, но и во главѣ мужества гарнизона.

Осада продолжалась обычнымъ порядкомъ; постоянная пальба съ обѣихъ сторонъ, безпрестанныя попытки собиравшихся массъ къ штурму, охлаждаемыя дѣйствіемъ нашей артилеріи, производили большой уронъ въ ихъ рядахъ. Между тѣмъ, гарнизонъ, отъ недремлющей бдительности подъ ружьемъ въ постоянно ненастную погоду, приходилъ въ изнуреніе, тогда какъ численность непріятеля возрастала пребывающими изъ Аджары и другихъ санджаковъ толпами, привлеченными въ городъ какъ фанатизмомъ, такъ и жаждою грабежа. Въ ожиданіи нападеній на городъ, жители уже давно стали лучшее свое имущество закрывать въ землю и болѣе закрывать въ стѣны. Случайно разломанная турками сакля открыла спрятанное добро, и вотъ они пустились въ постоянное отыскиваніе добычи, разрушая дома, копая землю; подъ конецъ осады, когда уже истощилась добыча въ христіанскомъ и еврейскомъ кварталахъ, аджарцы не давали пощады и мусульманскому имуществу, при чемъ происходили кровавыя схватки.

Въ крѣпость не приходило ни одного утѣшительнаго извѣстія—казалось, насъ бросили на произволь судьбы. Бурцевъ съ 5-ю ротами своего полка и двумя пушками, оставленными на случай въ Гори, занявъ удобную позицію въ Буржомѣ, не доходя Страшнаго окопа, не могъ ничего предпринять противъ загоротившаго ему дорогу въ большихъ силахъ непріятеля. Сдав-

ленный въ трещинѣ ущелья при глубокомъ снѣгѣ, ему нельзя было сдѣлать какого-нибудь обхода, чтобы выбить непріятеля изъ его крѣпкой, лѣсистой позиціи; по тѣснотѣ мѣста и преградѣ горъ, Бурцеву невозможно было даже съ усиліемъ дѣйствовать изъ орудій. Съ замираніемъ сердца онъ прислушивался къ каждому пушечному выстрѣлу послѣ долгой паузы со стороны Ахалциха, чтобы знать, что крѣпость еще не взята. Предугадывая критическое положеніе осажденных, онъ, наконецъ, рѣшился, во что-бы ни-стало, съ разсвѣтомъ 4-го марта атаковать непріятеля, чтобы, по крайней мѣрѣ, соединиться съ двумя ротами въ Ацхурѣ. Послѣ довольно упорнаго боя, онъ сбиль турокъ, полагавшихъ, что это былъ только авангардъ изъ Грузіи и потому отступившихъ. Въ полдень Бурцевъ пришелъ въ Ацхуръ, хотя турки еще старались дѣлать ему препятствія.

По-утру этаго дня въ Ахалцихѣ слышенъ былъ слабый гулъ пушекъ со стороны Боржома, но у насъ не знали тому причины и полагали, что это отбивается Ацхуръ; день прошелъ въ обычной перестрѣлкѣ. Въ 9-ть часовъ вечера кто-то подбѣжалъ къ нижнимъ воротамъ и съ благимъ матомъ еврейской натуры закричалъ: «турки бѣгутъ!» Его тотчасъ перетасили черезъ стѣну, онъ объявилъ, что съ часъ времени поднялась между турками тревога и что они послѣшно удаляются изъ города въ ожиданіи прибытія русскихъ; Ахметъ-паша уже уѣхалъ. Нельзя было повѣрить еврею, и потому въ крѣпости остались въ наблюдательномъ положеніи до утра. Между тѣмъ сталъ слышаться беспорядочный шумъ въ городѣ, вблизи не было ни одного выстрѣла, и только изрѣдка они раздавались въ дальнихъ кварталахъ (то были ссоры за добычу.) Ахметъ-паша, вечеромъ узнавъ о пораженіи своего брата (который, не заходя въ Ахалцихъ, отправился прямою дорогою въ

Аджару), сейчас сѣлъ на коня, и не сдѣлавъ никакого распоряженія, поѣхалъ тоже во-свояси. Съ разсвѣтомъ вышедшіе изъ крѣпости двѣ роты и казаки забрали въ городѣ въ плѣнъ человѣкъ полтораста проспавшихъ аджарцевъ, а въ 3-хъ верстахъ нашли брошенными двѣ полевыя пушки и другія двѣ найдены послѣ въ поцховскомъ ущельѣ безъ лафетовъ, которыя везли на саняхъ къ Ахалциху. Въ полдень пришелъ Бурцевъ съ своимъ отрядомъ, а черезъ три дня Муравьевъ, котораго передовыя войска остановились въ Ацхурѣ (*).

Но бѣдствія продолжали тяготѣть надъ Ахалцихомъ и его гарнизономъ; сначала въ наказаніе мусульманамъ и по необходимости очистить эспланаду передъ крѣпостію, сожгли дома на ружейный выстрѣлъ и болѣе. Дней черезъ пять стали внезапно умирать люди въ гарнизонѣ и въ городѣ—открылась чума; турки занесли ее съ собою, она продолжалась три мѣсяца и унесла много храбрыхъ изъ гарнизона и несчастныхъ, раззоренныхъ, изъ города.

Въ продолженіе двухъ недѣль, отъ сильной горячки и дурнаго состоянія раны, я былъ въ безнадежномъ положеніи; послѣ хотя стало мнѣ нѣсколько лучше, но все исходъ раны былъ сомнителенъ, хотя къ концу марта я могъ встать съ

(*) Въ продолженіе осады выпущено было изъ доставшагося турецкаго арсенала до 11-ти тысячъ пушечныхъ зарядовъ и до 150-ти тысячъ патроновъ; всѣ окружающіе дома избиты были, какъ рѣшетю; огромные слѣды крови въ этихъ домахъ показывали значительную численность жертвъ и страхъ, причиненный непріятелю, какъ узнали послѣ. Подъ крѣпость подведены были двѣ мины — подъ верхнія ворота и около нижнихъ; въ первой минѣ нашли уже два пуда пороху, но какъ его было недостаточно для полного успѣха взрыва, то наша послать за порохомъ въ Аджару и тамъ что-то замѣшались, хотя ему можно-бы было употребить на то порохъ изъ большаго запаса патроновъ, найденныхъ послѣ его бѣгства.

постели. Между тѣмъ чума все усиливалась, искусство доктора мнѣ помогало мало, да онъ былъ обремененъ огромнымъ числомъ больныхъ и зачумленныхъ. Мнѣ желательно было попасть на руки своего добраго и искуснаго Явленскаго, но князь не зналъ, какъ меня отправить въ штабъ-квартиру: ни экипажемъ, ни дороги колесной черезъ Боржомъ, по случаю весенней распутицы, не было. Мнѣ предстояло умереть или отъ искусства крѣпостнаго доктора или отъ чумы (одинъ фельдшеръ, меня перевязывавшій, уже отъ нея умеръ; вскорѣ лекарь и мой товарищъ при Бебутовѣ тоже погибли); съ нагносною, испортившеюся раною, ослабленнаго, немогшаго отъ боли шевельнуть рукою, посадили меня на доброѣзжаго моего коня и въ сопровожденіи двухъ казаковъ отправили до Сурама верхомъ; нечего говорить, какъ тяжелъ для меня былъ этотъ переѣздъ въ 4 дня, на разстояніи 70-ти верстъ.

Во время послѣднихъ словъ разсказа старика, пароходъ нашъ подходилъ уже къ Нижнему; раздался свистокъ, старикъ засуетился около своихъ вещей—и мы разстались. Я записалъ слышенное, какъ бывалый на Кавказѣ.

Василій Андреевъ ()*.

(*) Авторъ *Воспоминаній* служилъ въ войскахъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса съ 1816 по 1836 годы; нынѣ статскій совѣтникъ.

Отрывокъ изъ «Исповѣди» Лачинова (*).

3-го сентября, 1828 года.

Кр. Карсъ.

Давно уже не принимался я за мои записки, хотя имѣлъ много свободнаго времени; за то передъ отправленіемъ ихъ къ

(*) Евдокимъ Емельяновичъ Лачиновъ родился въ 1799 году, первоначально воспитывался въ московскомъ университетѣ, затѣмъ поступилъ въ училище колонновожатыхъ, основанное въ 1815 году генераломъ Н. Н. Муравьевымъ (отецъ бывшаго намѣстника кавказскаго). При отправленіи генерала Ермолова посломъ въ Персію, въ 1816 году, Лачиновъ и Воейковъ (послѣдній уже свитскій офицеръ) были назначены въ распоряженіе Ермолова, при которомъ и оставались во все время пребыванія послѣдняго въ Персіи. По возвращеніи изъ Персіи и по выдержаніи экзамена въ училищѣ, Лачиновъ произведенъ въ прапорщики генеральнаго штаба въ 1818 году, съ оставленіемъ на нѣкоторое время при генералѣ Муравьевѣ, — въ скорости-же назначенъ былъ въ должность старшаго адъютанта, по квартирмейстерской части, въ штабъ 2-й арміи графа Витгенштейна. Разжалованный въ рядовые за участіе въ декабрьскихъ смутахъ 1825 года, Лачиновъ былъ назначенъ на службу въ войска кавказскаго корпуса; участвовалъ въ войнахъ персидской, турецкой и въ экспедиціяхъ противъ кавказскихъ горцевъ съ 1826 по 1833 годъ. Въ турецкую кампанію 1829 года произведенъ въ прапорщики и въ 1833 году уволенъ въ отставку.

Какъ сообщаютъ «Моск. Вѣдомости», Лачиновъ, 20-го августа, прошлаго 1875 года, скончался въ Москвѣ, 76 лѣтъ отъ роду.

вамъ писать слишкомъ много—до усталости и, по закону вознагражденія, существующему въ природѣ, мнѣ нуженъ былъ отдыхъ; теперь опять родится охота марать бумагу—и вотъ краткое изложеніе того, о чемъ я не говорилъ прежде.

Генераль Красовскій (*), въ началѣ текущаго года, поручилъ мнѣ заняться составленіемъ подробнаго статистическаго описанія эриванской области. Чтобы исполнить это въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, нужно было приготовить программу, по которой-бы, собирая свѣдѣнія, можно было впоследствии сдѣлать нѣчто цѣлое, хотя не-много соответствующее цѣли, важности предмета и занимательности мѣстъ, наполняющихъ эту классическую страну, эту колыбель древняго міра. Я видѣлъ невозможность съ успѣхомъ окончить столь обширное дѣло, требующее глубокихъ свѣдѣній; но отъ меня не требовали произведенія образцоваго, и поощряемый неизъяснимо лестнымъ для меня вниманіемъ, я съ полнымъ усердіемъ приступилъ къ

Помѣщаемый здѣсь отрывокъ, составляя только часть записокъ Лачинова, названныхъ имъ «*Моя Исповѣдь*»—изложенъ въ письмахъ къ друзьямъ или, быть можетъ, къ роднымъ (что вѣрнѣе), фамиліи которыхъ авторъ однако не называетъ, за исключеніемъ, впрочемъ, описанія экспедиціи противъ кавказскихъ горцевъ въ 1832 году, гдѣ Лачиновъ въ подстрочномъ примѣчаніи прямо указываетъ на генерала Фролова—начальника 22-й пѣхотной дивизіи, съ когорымъ онъ велъ перешпску, завѣдывая въ то время канцеляріею генеральнаго штаба при генералѣ Вельяминовѣ, начальникѣ кавказской области.

Отрывки изъ *Исповѣди* будутъ печататься также и въ слѣдующихъ выпускахъ «Кавказскаго Сборника». Записки ведены были эпизодически.

Ред.

(*) Генераль Красовскій въ 1827 и въ началѣ 1828 годахъ управлялъ вновь покоренною эриванскою областію и командовалъ расположенными въ оной войсками.

Ред.

работѣ. Никогда не трудился я съ такимъ рвеніемъ, потому что никогда не былъ такъ ободряемъ; рѣшительно могу сказать, что, кромѣ самыхъ необходимыхъ часовъ для сна, не давалъ я себѣ ни минуты отдыха—даже въ продолженіе обѣда не оставлялъ занятій своихъ и все дѣлалось такъ охотно, что не чувствовалъ надобности принуждать себя; напротивъ, меня до чрезвычайности занимало это порученіе, ибо я не успѣлъ още отвыкнуть отъ сидячей жизни, къ которой приучила меня прежняя служба. Грудь моя начинала опять болѣть—я не заботился о томъ; генераль-же, ожидая отпуска къ водамъ, спѣшилъ для того, чтобы прежде отъѣзда видѣть начало своего предпріятія. Невозможное становится возможнымъ для начальника, одареннаго способностію владѣть волею подчиненныхъ своихъ. Я самъ не воображалъ, что, не имѣя никакихъ книгъ для руководства, прежде нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣю обдумать планъ, расположить порядокъ и составить подробнѣйшую программу, которая-бы могла быть утверждена его превосходительствомъ; вмѣсто того, недѣли въ двѣ все было готово и вопросы розданы по принадлежности. Я терпѣть не могу переписывать на-бѣло, а тутъ нетяготило меня и это; нѣсколько экземпляровъ программы и листовъ до 50-ти моихъ записокъ, которыя генераль хотѣлъ имѣть у себя, успѣли въ началѣ февраля, и я, сдѣлавшись свободнѣе, ожидалъ свѣдѣній отъ разныхъ лицъ—въ особенности отъ архіепископа Нерсеса, обширныя познанія котораго во всемъ, относящемся къ этому краю, могли ручаться за вѣрность нашихъ описаній. Отъѣзжая въ Тифлисъ, генераль взялъ меня съ собою, дабы дать мнѣ способъ воспользоваться замѣчаніями и наставленіями армянскаго ученаго Чирбета, бывшаго профессоромъ въ Парижѣ и извѣстнаго своими сочиненіями о востокѣ. Отъѣздъ его превосходительства въ Россію прекратилъ наши

занятія и я отправился къ полку, прибывшему уже изъ Эривани къ турецкой границѣ; но прежде нежели пуцусь въ настоящее, сообщу вамъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о прошедшемъ.

Вы знаете уже, каковы весна и лѣто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ въ минувшую войну, — теперь поговоримъ объ остальныхъ временахъ года.

Вспомните, что въ Джангили зной усилился въ августѣ мѣсяцѣ, тоже было и въ эриванской равнинѣ, что мы весьма испытали 17-го числа, въ день жестокой битвы съ главною персидскою арміею. Въ Эчмиадзинѣ, около 20-го числа, пошелъ дождь съ градомъ и дня три стояла довольно холодная погода, на большомъ Араратѣ много прибавилось снѣга, забѣлѣли вершины и маленькаго братца его и Алагѣза и другихъ подростковъ ихъ. Послѣ этого перелома жары стали сносны. Чѣмъ далѣе, тѣмъ время становилось пріятнѣе, ночи постепенно дѣлались холоднѣе, но дни и въ началѣ декабря были довольно теплые. Наконецъ, установились морозы, доходившіе градусовъ до 13-ти; выпадалъ снѣгъ, таялъ при солнцѣ и вообще во всю зиму не держался въ равнинѣ, тогда какъ не только на высокихъ горахъ, но и на возвышенностяхъ, ее окружающихъ, была зима, очень похожая на вашу, — рѣки однако не замерзали, хотя жители увѣряютъ, что Занга весьма часто покрывается льдомъ.

Въ февралѣ начались весеннія оттепели, 21-го числа я оставилъ Эривань и не знаю когда установилась тамъ настоящая весна. Мы ѣхали чрезъ делижанское ущелье, гдѣ всегда идутъ вьючныя караваны зимою, когда сообщеніе чрезъ Башъ-абаранъ дѣлается невозможнымъ, по причинѣ сильныхъ метелей, въ мѣстахъ не населенныхъ. И по нашей дорогѣ едва была пробита тропинка; встрѣчающіеся, сворачивая съ нѣе, вязли въ снѣгу, изъ коего лошади съ трудомъ выбивались, — для верблюдовъ-же

нужно было прорывать обходъ—иначе они ни за что въ свѣтъ не рѣшались посторониться.

Такъ было до границъ Грузіи, гдѣ разительная перемена представилась намъ. Спускаясь въ ущелье къ с. Делижану, мы въѣзжали въ царство весны. Прекрасный лѣсъ обрадовалъ глаза наши, до-сель страдавшіе отъ утомительной бѣлизны снѣга, ярко отражающаго лучи солнца, деревья развивались, теплота оживляла насъ. Съ этой стороны сама природа отдѣляетъ Грузію отъ эриванской области, на которую положена печать отверженія.

Дорога эта можетъ быть исправлена для прохода повозокъ—по ней отъ Эривани до Тифлиса около 260 верстъ.

Верстахъ въ 10-ти отъ Тифлиса, близъ сел. Саганлуга, путь этотъ соединяется съ тѣмъ, по которому шли войска въ Персію, черезъ Коды и Шулаверы. Надъ берегомъ быстрой Кумы устроена отличнѣйшая дорога. Сады, протягивающіеся по обоимъ берегамъ, госпитальныя строенія за рѣкою, непрерывное движеніе туда и сюда ѣдущихъ и мало по-малу открывающійся Тифлисъ, съ множествомъ прекрасныхъ зданій своихъ, не можетъ не нравиться—особенно въ странѣ пустоты, дикости, унынія и всего непріятнаго.

Я не замѣтилъ, чтобы въ городѣ вновь были выстроены хорошіе дома, которые-бы могли украсить его,—не смотря на то, Тифлисъ принялъ совершенно другой видъ со времени прибытія военнаго губернатора Сипягина. Многія площади выровнены, улицы также, сдѣланы тротуары, фасадамъ домовъ и лавокъ приданы украшенія, раскрашенные заборы скрываютъ не додѣланное,—порядокъ, устройство, чистота, показываютъ дѣятельность полиціи. Словомъ, лучшія части города достигаютъ возможнаго совершенства, и если генераль Сипягинъ долго пробудеть здѣсь, то не мудрено, что Тифлисъ

станеть красивѣе Москвы. Плѣнные персіяне не даромъ ѣли хлѣбъ русскій—они много помогли этому быстрому измѣненію. Аббасъ-Мирза долженъ быть очень благодаренъ за образованіе вояновъ его, между коими найдеть теперь искусныхъ исправителей дорогъ, строителей мостовъ, нивелировщиковъ, каменщиковъ и проч. У него не было пионеровъ—теперь они готовы.

Желающіе могутъ весьма пріятно проводить время въ Тифлисѣ, общество здѣсь очень хорошее, но многіе жалуются на несогласіе его—впрочемъ, это вещь весьма обыкновенная,—развѣ въ другихъ мѣстахъ всѣ живутъ ладно, развѣ въ другихъ мѣстахъ не бываетъ маленькихъ ссоръ, небольшихъ сплетень, невпннаго злословія и тому подобныхъ развлеченій.... Мнѣ кажется, гдѣ столкнулись четыре мужчины и три женщины—тамъ вѣрно найдете пять партій..... *Ainsi va la monde.*

При встрѣчахъ генерала Красовскаго было замѣтно нѣчто болѣе присвоеннаго его чину—это личное уваженіе. Депутатія армянъ тифлисскихъ благодарила его за услуги, оказанныя имъ народу армянскому. Патріархъ церкви ихъ, Ефремъ—старецъ, ступающій въ гробъ, благодарилъ его за избавленіе первопрестольнаго монастыря Эчмиадзина отъ мести враговъ христіанства и за попеченія объ угнетенныхъ чадахъ его (*).

Здѣсь получилъ я увѣдомленіе о производствѣ моемъ въ унтеръ-офицеры; миръ съ Персіею былъ заключенъ 10-го февраля, въ селеніи Турьменчаѣ, но загорающаяся война съ Турціею подавала мнѣ новую надежду—обратить на себя внп-

(*) Генералъ Красовскій, съ 3-хъ-тысячнымъ отрядомъ, 17-го августа, 1826 года, при сел. *Ушаганъ*, разбилъ 30-ти-тысячное скопище персіянь, и тѣмъ избавилъ отъ гибели эчмиадзинскій монастырь.

маніе начальства и, освободясь изъ настоящаго положенія, успокоить людей, принимавшихъ во мнѣ участіе.

28-го апрѣля генералъ отправился въ Россію, а въ первыхъ числахъ мая и я выѣхалъ изъ Тифлиса, по пропиагодней дорогѣ на Джелаль-Оглу и Амамлы, откуда шли тогда черезъ Памбу; теперь-же взялъ я впрво на Бекантъ, въ с. Гумри (*), до котораго отъ Тифлиса менѣе 200 верстъ. Мѣста эти лежатъ на возвышенностяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ были-бы хороши, если-бы лѣсъ былъ ближе. Грунтъ земли прекрасный и жители могли-бы быть весьма достаточны, когда-бы полная увѣренность въ постоянной безопасности измѣнила ихъ образъ жизни и образовала изъ нихъ хорошихъ домоводовъ

Перейдя кавказскую линію, вы не встрѣчаете почти нигдѣ постоянной осѣдлости,—видимое изобиліе жилищныхъ селеній русскихъ, рѣдко гдѣ порадуеть сердце ваше—деревни болѣе похожи на продолжительный лагерь, нежели на вѣковое жительство,—необходимость издавна ввела обычай скрывать достатокъ свой. Привыкнувъ бояться другъ друга, грабить одинъ другаго—обитатели несчастныхъ этихъ странъ, сообразно съ тѣмъ, устраиваютъ и хозяйство свое. Земля служить хранилищемъ всѣхъ ихъ сокровищъ, ямы готовы, личнія вещи всегда въ нихъ спрятаны; при малѣйшей опасности, остальные туда-же зарываются, и семейства, забравши только самое необходимое, уносятъ въ неприступныя горы, ущелья, непроходимые лѣса и жизнь, и страхъ свой. Не такъ-ли бѣдовали и предки наши, не такую-ли жизнь владели и все народы прежде, нежели благопріятныя обстоятельства научили ихъ наслаждаться ею?

Вы, народы дикіе, никогда еще не прославленные гражд-

(*). Нынѣшній Александрополь.

данственностію, образованіемъ своимъ, вы можете быть увѣрены, что придетъ и ваша чередъ—блистать на театрѣ міра; по ты, пѣюгда знаменитая Армепія, ты, оставившая намъ столько памятниковъ могущества, богатства и искусствъ своихъ, памятниковъ, доселѣ изумляющихъ насъ—что предстоитъ тебѣ? Явишься-ли ты снова на поприщѣ славы, или грустнымъ сынамъ твоимъ опредѣлено вѣчно унылое существованіе. Важныя событія должны раскрыться въ нашемъ столѣтіи, ему, кажется, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: могутъ-ли возрождаться царства, отжившія свой вѣкъ? Умы и души всѣхъ обращены на Грецію и съ невольнымъ трепетомъ сердца каждый ожидаетъ развязки великаго дѣла.

Человѣкъ родится, растетъ, живетъ, дряхлѣетъ и смерть уноситъ его въ вѣчность безъ надежды на возвращеніе къ прежнему. Этимъ путемъ слѣдуютъ и гражданскія общества; но нѣкоторыя изъ нихъ не совсѣмъ скрылись съ лица земли и, сохраняя хотя тѣнь бытія своего, все еще существуетъ,—могутъ-ли эти питать надежду, снова приблизиться къ цвѣту лѣтъ своихъ? Законъ природы и соображеніе причинъ, должествующихъ имѣть вліяніе на будущую участь ихъ, убѣждаютъ меня, что возрожденія не будетъ; но блистательная кончина, послѣ унизительной, бѣдственной старости, можетъ быть удѣломъ пѣюгда знаменитыхъ. Такъ, мужъ достойный, гонимый рокомъ, окапчиваетъ иногда политическую жизнь свою,—но благоприятныя для него обстоятельства перѣдко вызываютъ его опять на ту стезю, по коей онъ столь славно протекалъ, и послѣднія минуты его земнаго существованія часто блистаютъ ярче прежнихъ. Почему то же не можетъ случиться и съ цѣлымъ народомъ? Но герой тотъ никогда не возвращается отъ лѣтъ преклонныхъ къ лѣтамъ мужества; ослабѣли силы его и долженъ покориться неизмѣнному правилу, на которомъ устроилъ

премудрый Зяждитель все твореніе свое. Тоже должно совершаться и съ царствами—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется,....

4-го сентября.

Въ Гумрахъ назначено было сборное мѣсто войскъ, вступающихъ въ Турцію; въ іюнѣ стянулись туда всѣ отряды, транспорты, парки, артилерія и прибылъ корпусный командиръ, а 14-го числа (*) перешли р. Арпатай—нашу границу

Какая разнища съ Персією! Повсюду раститались передъ нами плодоносныя нивы, тучныя пастбища и нигдѣ безплодіе не оскорбляло взора,—воздухъ прескрасный и здоровый. Мнѣ ежеминутно воображались ваши мѣста, только горы окрестныя выше вашихъ и мѣстами скалистыя берега рѣчекъ нарушали подобіе. Повторяю—это не Персія, здѣсь весьма возможно жить и человѣку, котораго ничто особенное не привязываетъ къ Россіи, много выгодъ найдетъ онъ оставаться тутъ, когда области эти поступятъ подъ наше правленіе. Рѣшительно скажу, что немціи изъ лучшихъ губерній сравниются съ нами, жаль только, что по дорогѣ нашей ни-гдѣ не было кустарниковъ,—за то другія части карскаго пашалыка (а также и ахалцихскій) изобилуютъ огромными строевыми лѣсами, откуда вывозятъ дерево и въ пограничную Грузію, и въ эриванскую, и нахичеванскую провинціи, называемыя нынѣ армянскою областію.

Главные занятія жителей состоятъ въ скотоводствѣ и земледѣльствѣ, хлѣба имѣютъ они въ изобиліи, не только для собственныхъ потребностей, но и продаютъ въ Эрзерумъ, Баязетъ, Грузію, армянскую область, снабжая имъ и кургинцевъ. Если, по присоединеніи этихъ пашалыковъ къ нашимъ владѣніямъ, отрасли сельскаго домоводства поощреніемъ приве-

(*) 14-го іюня 1828 года.

дены будутъ въ надлежащее положеніе, то я увѣренъ, что для войскъ грузинскихъ не будетъ надобности въ доставленіи провіанта изъ Россіи, что составляетъ величайшія для казны издержки. Думаю также, что, обративши на этотъ предметъ настоящее вниманіе, можно въ нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, за потребленіемъ, приготовить такіе запасы, которые, обезпечивъ на значительное время продовольствіе корпуса здѣшняго, предохранятъ и жителей Грузіи отъ недостатка, нынѣ существующаго въ мѣстахъ разоренныхъ въ 1826 году персіанами, гдѣ, по причинѣ смутныхъ обстоятельствъ и по неизвѣстности сѣмянъ, обыватели съ тѣхъ поръ не засѣвають полей своихъ, кое-какъ перебиваясь для прокормленія семействъ, большею частію довольствующихся кислымъ молокомъ, сыромъ, различными солеными травами и т. п., не имѣя иногда куса хлѣба.

Сколько я успѣлъ узнать, то населеніе карскаго пашалыка нельзя назвать малымъ, хотя на пути нашемъ не слишкомъ много деревень, и въ тѣхъ не было ни души—армянь угнали турки далѣе, во внутренность, опасаясь ихъ преданности къ русскимъ, татары-же сами оставили жилища свои, избѣгая ужасовъ войны. Имъ простиительно—они судятъ по себѣ и не вѣрятъ, что непріятель можетъ не только не грабить, но даже оказывать помощь покорнымъ. Впрочемъ, для насъ уходъ ихъ былъ выгоденъ, потому что еслибъ они остались, то домовъ не стали-бы ломать, и мы нуждались-бы въ дровахъ.

Авангарду случилось сталкиваться съ турецкими разбѣдами, мы-же, не встрѣчая нигдѣ ни малѣйшаго препятствія ни отъ непріятели, ни отъ дороги, которая вездѣ хороша, остановились 18-го числа ночевать верстахъ въ 5-ти отъ Карса, по прямому направленію, близъ сел. Азаткева.

На другой день двинулись въ боевомъ порядкѣ для обозрѣнія крѣпости, авангардъ скоро встрѣтилъ толпы непріятель-

ской конницы и пошла перестрѣлка; приближеніе главныхъ силъ нашихъ отодвигало мало по малу наѣздниковъ; наконецъ, подойдя къ скату послѣднихъ высотъ, мы остановились противъ крѣпости, ближе пушечнаго выстрѣла.

Небольшое число непріятеля разсыпалось внизу и по обѣимъ сторонамъ рѣчки, выискивая мѣста, куда ударить; большая-же часть бросилась къ правому флангу нашему, гдѣ на прекрасной равнинѣ загоралось славное кавалерійское дѣло. Линейные казаки доказывали, что они не напрасно славятся храбростію и искусствомъ своимъ; воспитанники горцевъ, они не боятся своихъ истинно-воинственныхъ сосѣдей, — туркамъ-ли, страшнымъ только въ первомъ натискѣ, испугать молодежь этихъ, линейцы-ли будутъ ожидать на себя нападенія непріятеля, когда сами могутъ ударить на него? Они не любятъ тратить порохъ и пули—холодное оружіе вѣрнѣе имъ кажется; человекъ до 500 самыхъ ближайшихъ, слѣдовательно, самыхъ запальчивыхъ турокъ, гарцовали передъ ними—ихъ было не болѣе 150 человекъ, но они не думали о томъ и стояли, потому что невелѣно было нападать; не слишкомъ совались и османы, видя непоколебимую стойкость удалыхъ, коихъ сердца кипѣли нетерпѣніемъ—смирить кичливость гордыхъ всадниковъ, но еще было не время. Наконецъ, пришло ожидаемое позволеніе—шашки въ руки, ногойки хлопнули по бокамъ коней и исчезло пространство, раздѣляющее противниковъ: все смѣшалось и началась потѣха на черкесскій образецъ. Валится прострѣленный казакъ, но не одного турка растоптали уже копыта лошади его и скоро делибаши (обрекшіеся на смерть) понеслись искать не смерти, а спасенія въ бѣгствѣ, не заботясь болѣе объ увозѣ труповъ погибшихъ своихъ товарищей. Я не видывалъ подобной картины; вотъ совершенная отважность, и мнѣ кажется, что,

не имѣя полной увѣренности въ ловкости своей, нельзя такъ рѣшительно бросаться въ средину непріятеля, несравненно легче идти сомкнутымъ строемъ. Что касается до меня, то я охотнѣе соглашусь втрое долѣе стоять подъ картечью, нежели быть въ такой кашѣ. Не гуляли и уланы наши; живописныя, правильныя движенія ихъ и стройныя наладенія устрашали турокъ. Но гдѣ драгуны гроза лучшихъ наѣздниковъ Персіи? Всегдашніе противники лезгипъ—они привыкли къ боевой жизни и дышать войною. Едва-ли храбрѣйшій изъ полковъ европейской кавалеріи устоитъ противъ рѣшительныхъ ударовъ ихъ фронта, и никакія толпы азіатцевъ не выдержатъ отчаяннаго напора ихъ; соединяя достоинство войскъ регулярныхъ съ частною ловкостію и отважностію наѣздниковъ, — драгуны наши столько-же будутъ ужасны первымъ, какъ и послѣднимъ. И кони ихъ, питомцы горскихъ табуновъ, неутомимые, послушные, смѣлые, быстро разносятъ гибель повсюду, нѣтъ имъ препятствій—они съ малолѣтства привыкли скакать по камнямъ, взбираться на скалы, спускаться съ утесовъ и кажется съ кровью вливается въ нихъ безстрашіе и бодрость. Надобно видѣть нижегородскій драгунскій полкъ—что за люди, широкоплечіе усачи эти, безъ сомнѣнія, не повторяютъ сабельныхъ ударовъ своихъ—и одного достаточно для сильнѣйшаго изъ враговъ; но въ этотъ день они не испытали тяжести руки драгуновъ и налугалные линейцами, обратились въ бѣгство, а гранаты и другія закуски совсѣмъ отогнали ихъ; но огонь съ башенъ не умолкалъ, только напрасны были усилія сбить насъ съ мѣста. Воображаю изумленіе жителей. . .

Изъ города, расположеннаго амфитеатромъ, имѣло все было видно, какъ на ладонѣ. Что должны были они думать, смотря на сражающихся подъ стѣнами ихъ и въ особенности, замѣчая спокойную готовность пѣхоты нашей; тамъ резервы,

облокотясь на ружья, ожидаютъ приказанія двинуться на подкрѣпленіе стрѣлковъ своихъ, здѣсь ружья составлены въ козлы и люди лежатъ вблизи—ядра и гранаты валятся вокругъ, не разстроивая ихъ положенія. Это не люди—должны были думать осажденные—и сомнѣнія нѣтъ, что день эгого имѣлъ большое вліяніе на духъ гарнизона, который не могъ ужъ воопрѣдѣнно сохранить надежду противустать столь необыкновенному мужеству. И въ самомъ дѣлѣ, кого не изумитъ такое хладнокровное невниманіе къ смерти. Надобно отдать справедливость кавказскому корпусу—у него могутъ учиться воевать самыя лучшія войска въ свѣтѣ.

По окончаніи рекогносцировки отошли въ лагерь, на правомъ берегу рѣки, по эзерумской дорогѣ, на которую стали мы, сдѣлавши 18-го числа фланговое движеніе отъ сел. Меликѣва.

Отъ Гумръ до Карса верстѣ 70-ть.

Кр. Карсъ расположена на утесистомъ изгибѣ рѣчки Карсъ-чаѣ и совершенно неправильной фигуры. Восточный и сѣверный фасаы, составляя между собою тупой уголъ, имѣютъ сажень по 300 длины, —южный, начинаясь отъ ю.в. башни прямою линіею, потомъ изгибается и, сливаясь съ западнымъ, описываетъ родъ дуги, заключающей въ изломахъ своихъ вмѣстѣ съ прямою линіею саж. 450.

Цитадель неприступна съ внѣшнихъ сторонъ (сѣверной и западной, висящихъ надъ непроходимыми скалами, возносящимися надъ рѣчкою); отсюда крѣпость ограждена только одною стѣною, по остальнымъ бокамъ защищается двумя, изъ конхъ внутрення выше паружной,—онѣ построены изъ гладкихъ, довольно большихъ каменныхъ плитъ, довольно высоки, не толсты и, конечно, не могутъ выдержать столь сильнаго дѣйствія осадныхъ орудій, какъ кирпичныя въ Сардаръ-абадѣ

и Эривани; однако, недостатокъ этотъ вознаграждается мѣстностію и вооруженіемъ: нѣсколько башенъ, весьма хорошо сложенныхъ и усѣянныхъ пушками, защищаютъ каждый фъасъ. Близъ западнаго—лежитъ армянскій форштатъ, отдѣляясь отъ него рѣкою, на коей три моста каменныхъ, прекрасно устроенныхъ; два татарскиххъ фъорштата примыкають къ южной и восточной стѣнамъ и надъ послѣднею возвышается Карадагъ (черная гора), командующая крѣпостію, но ее обстрѣливаютъ 22 орудія и при хорошемъ ихъ дѣйствиіи едва-ли неприятельская батарея долго удержится на ней. У подошвы горы лежитъ наша дорога изъ Гумръ и какъ высота эта въ 1807 году была занята русскими, принужденными впоследствии безъ успѣха снять осаду (*), то на вершинѣ ея турки устроили теперь каменный редутъ для 4-хъ орудій, съ деревяннымъ брустверомъ, и соединили его ровомъ съ крѣпостію, проведя также ровъ со стороны равнины къ концу фъорштата.

Смотря на эти работы, нельзя не жалѣть о тѣхъ, которыхъ изнуряли столь бесполезными трудами, —надобно сказать, что верстѣ на нѣсколько вокругъ Карса земля чрезвычайно камениста; взглянувши въ ровъ, вы видите глыбы камня и аспида, взломанныя и взорванныя порохомъ, а во многихъ мѣстахъ ничто не помогало и по неволѣ оставлены проходы. До 10-ти тысячъ человекъ

(*) Въ 1807 году генераль-маіоръ *Несветайевъ*, съ отрядомъ изъ 5-ти бат. пѣхоты и 2-хъ казачьихъ полковъ, пріявъ къ Карсу, повелъ атаку съ карадагскихъ высотъ и хотя скоро овладѣлъ деревянной башнею, но былъ отбитъ отъ предмѣстія *Байрамъ-Паши* и принужденъ былъ отступить. Неудачу эту надо, впрочемъ, отнести скорѣе къ нерѣшительности дѣйствій съ пашей стороны, бывшихъ слѣдствіемъ, по всей вѣроятности, малочисленности отряда и недостатка въ артилеріи, чѣмъ къ силѣ крѣпости. См. ст. г. Маламы — «Историческій очеркъ Карса», стр. 5.

ежедневно стояли на работу въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не сдѣлали никакой пользы, а вѣроятно многіе здоровьемъ и живнію заплатили за столь мудрое распоряженіе своихъ повелителей.

Южный форштатъ, лежащій со стороны обширной равнины на небольшомъ возвышеніи, обрывающемся высокимъ утесомъ къ рѣчкѣ, сверхъ множества огней съ трехъ-ярусныхъ батарей и изъ цитадели, защищается отдѣльными башнями, соединенными стѣнкою для ружейной обороны, и осаждающему трудно устроять тутъ свои батареи—ихъ могутъ задушить, а онѣ, кромѣ ю.в. угла, не будутъ вредить укрѣпленіямъ, прикрытымъ строеніями.

Остаются только высоты надъ армянскимъ форштатомъ и одно возвышеніе на противоположномъ (правомъ) берегу рѣки, представляющія нѣкоторую возможность приступить къ осадѣ; отсюда начались наши атаки.

25-го сентября.

Невыгодное для насъ мѣстоположеніе, каменистый грунтъ, препятствующій осаднымъ работамъ, совершенное неимѣніе лѣса на туры и фашины, долженствовали очень затруднять инженеровъ нашихъ и, вѣроятно, были причиною, замедлявшею начало рѣшительной осады. Въ три дня ничего не сдѣлано важнаго, кромѣ того, что заняты нѣкоторыя высоты, не слишкомъ упорно удерживаемыя осажденными, которыя между тѣмъ рылись, какъ кроты, устроявая свои вѣшнія укрѣпленія; ничто не было забыто: бревны, камень, шанцы, батареи, долженствовали на каждомъ шагѣ затруднять наше приближеніе. Множество разноцвѣтныхъ знаменъ развѣвались въ этихъ укрѣпленіяхъ, густыя толпы, распланные на большомъ

пространствѣ, показывали силу гарнизона, частые выстрѣлы по всемъ направлениямъ, многочисленность ихъ артилеріи.

Наконецъ, съ 22-го по 23-е іюли и памъ приказано взяться за дѣло; къ разсвѣту на возвышеніяхъ лѣваго берега сдѣланы двѣ батареи, противъ западной стороны укрѣпленій, а на правомъ—главная, образующая первую параллель. Дабы скрыть отъ осаждаемыхъ настояція намѣренія наши, съ вечера еще, часть кавалеріи, съ 4-мя конными орудіями, пошла къ укрѣпленію Карадагъ, а баталіонъ пѣхоты, при двухъ легкихъ орудіяхъ, растянувшись какъ можно длиннѣе, заходилъ въ тылъ цитадели. Гарнизонъ, считая движенія эти за приготовленія къ дѣйствительному приступу, почти всѣ силы свои обратилъ къ угрожаемымъ мѣстамъ, производя сильный пушечный и ружейный огонь на стукъ барабановъ, звукъ трубъ и громогласное ура, мало препятствуя въ тишинѣ производимымъ траншейнымъ работамъ.

Съ восхожденіемъ солнца, дѣйствіе 20-ти батарейныхъ орудій, 6-ти легкихъ и 4-хъ мортиръ изумили турокъ; цитадель, крѣпость и башни форштата начали отстрѣливаться, дымъ, не успѣвая разноситься, покрылъ окрестности; непрерывные взрывы гранатъ и бомбъ, свистъ ядеръ, показывали, что съ обѣихъ сторонъ не шутя намѣрепы драться и что не легко будетъ овладѣть Карсомъ. Брустверы нашихъ батарей загорались отъ вспышекъ пороха при своихъ выстрѣлахъ и разваливались отъ непріятельскихъ, очень мѣтко пускаемыхъ.

Съ нашей стороны понесли уже нѣсколько человекъ раненыхъ; положеніе турокъ было еще хуже. Скоро замѣчено волненіе между защищающими укрѣпленную высоту надъ армянскимъ форштатомъ, и командиръ роты 39-го егерскаго полка, прикрывавшей всю почъ работы центра, рѣшился безъ приказанія двинуться впередъ и занять клабище. Пули и кар-

течь посыпались на приближающихся, но Лабинцовъ, видя возможность овладѣть высотой и батареею, на оной устроенною, дождавшись на своемъ мѣстѣ егерей 42-го полка, бросился на шанцы непріятельскіе. Пустивши батальный огонь, турки не успѣли болѣе зарядить ружья и такимъ-же образомъ, разрядивши пистолеты свои, принялись за сабли, кинжалы, а нѣкоторые вздумали отбиваться камнями,—безъ выстрѣла подошли наши къ шанцамъ и закипѣла рукопашная схватка. Ужасны были минуты эти; двѣ роты 42 егерскаго полка, послѣдовавшія съ кладбища на подкрѣпленіе Лабинцову, видятъ, что новыя толпы бѣшеныхъ несутся на нихъ и продолжаютъ путь. Съ яростнымъ крикомъ напали турки—и рѣзня распространилась: храбрость должна была уступить множеству. Сомкнувши роту свою, Лабинцовъ, всегда впереди, бросается въ сѣчу и принятыи съ двухъ сторонъ штыками, непріятель смѣшался и побѣжалъ. Егеря заняли батарею, гдѣ взяли 4 знамя, 2 орудія, палатки и множество разнаго оружія; кучи камней, другой рядъ шанцевъ, другое кладбище, начинающіяся строенія, на каждомъ шагу представляли бѣгущимъ возможность останавливаться и оказывать необыкновенно упорную защиту; но нельзя уже было удержаться имъ—не успѣвали они устраиваться, штыки уничтожали всѣ покушенія и на плечахъ спасающихся внеслись мы въ форштаты. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ засѣли въ домахъ, другіе разсыпались по улицамъ, третьи стремглавъ бѣжали къ крѣпости. Много нашихъ побито и переранено изъ оконъ, каждое строеніе надо было брать штурмомъ, но никакія препятствія не могли остановить предпріимчивыхъ, и скоро весь армянскій форштатъ очищенъ съ помощію остальныхъ ротъ 42-го егерскаго полка и 2-го баталіона 39-го.

Когда здѣсь свирѣпѣло столь жестокое пораженіе, двѣ ро-

ты грузинскаго гренадерскаго полка, въ бродь, неся сумы съ патронами на головахъ, перешли черезъ рѣку, потомъ черезъ крайній мостъ и съ баталіономъ эриванскихъ карабинеровъ заняли южный форштатъ; части этихъ-же полковъ овладѣли Карадагомъ, а три роты ширванскаго съ 2-мя орудіями, спустясь съ горы, стали противъ западныхъ воротъ, сверхъ того, до 20-ти орудій разставлены въ разныхъ мѣстахъ и всѣ пушки, найденныя въ занятыхъ нами укрѣпленіяхъ, тоже обращены были противъ крѣпости и безъ пощады громили ее. Все это сдѣлалось такъ быстро и съ такимъ неизъяснимымъ единодушіемъ, что отчаянно защищающіеся турки, совершенно потерялись и не понимали, что вокругъ ихъ происходитъ, а непрерывная пушечная пальба со всѣхъ сторонъ еще сильнѣе распространяла между ними ужасъ. Нѣсколько разъ опускались знамена на башняхъ, въ знакъ того, что крѣпость покоряется,—отбой прекращала ружейный огонь, умолкали и орудія. Вдругъ раздавался выстрѣлъ съ крыши, или изъ окна, мало по малу, снова загоралась стрѣльба и снова свистѣли пули, лопались гранаты и сыпалась картечь. Болѣе десяти разъ повторялось это; но вотъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, показались наши на стѣнахъ, на бастіонахъ—и стихъ звукъ оружія и прекратилось кровопролитіе—турки, видя невозможность устоять, рѣшились сдаться. Испуганный паша съ важнѣйшими чиновниками скрылся въ цитадель, пославши къ графу съ предложеніемъ условій. Вся крѣпость въ нашихъ рукахъ и часть войскъ стояла у запертыхъ воротъ цитадели, и стѣны оной усѣяны были гарнизономъ, который съ обращенными на насъ ружьями, ожидалъ окончанія переговоровъ. На улицахъ страшное смятеніе, вооруженныхъ непрітелей повсюду гораздо болѣе, нежели нашихъ, но они испытали, что ни многолюдство, ни завалы, ни самыя стѣны, не спаса-

ють ихъ и жестокий урокъ, имъ данный, отнималъ у самыхъ рѣшительныхъ послѣднюю отважность; всякій увѣрился въ невозможности противостоять, и ожидая грабежа, убійствъ, удивлялись, видя, что за нѣсколько минутъ, столь ужасные войны, все истребляющіе, смиренно стояли, отдыхая на ружьяхъ своихъ, на которыхъ не запеклась еще кровь мусульманская. Иные, улыбаясь, смотрѣли на проходящихъ противниковъ, разговаривая съ товарищами, иные отирали потъ, пыль съ разгорѣвагося лица своего, — а тутъ, обрызганный мозгомъ убитаго, очищали съ себя бѣдственные признаки сраженія.

Корпусный командиръ прибылъ изъ лагеря на главную батарею, къ нему и отъ него скакали офицеры съ донесеніями и приказаніями, важные турецкіе чиновники тихо ѣздили на гордыхъ жеребцахъ своихъ, сохранившихъ свойственную имъ бодрость и въ тѣ минуты, когда сердца всадниковъ наполнялись уныніемъ и робостію. Пѣшіе продирались между нами, конница, остановившаяся въ разныхъ мѣстахъ, кидала свирѣпые взгляды, но взгляды эти никого не пугали. Быстро приготовлены средства — заставить трепетать засѣвшихъ въ цитадели, если-бы они осмѣлились держаться; но они все видѣли, отворили ворота, и съ покорностію предстали блѣдный паша передъ графомъ Эриванскимъ.

Болѣе 1350 человекъ достались въ плѣнъ во время приступа, въ цитадели взято 5-ть тысячъ, въ томъ числѣ двухбунчужный — Магметъ-Эминъ-паша, начальникъ кавалеріи — Валиага, и много разныхъ чиновниковъ. Тысячи три конныхъ успѣли пробиться между кавалерійскими разъѣздами нашими и скрылись въ горахъ. Убитыми и ранеными турки потеряли до 2-хъ тысячъ, — всего-же гарнизона было до 11-ти тысячъ. Въ крѣпости и на батареяхъ взято пушекъ и мортиръ 151, отбито 30 знаменъ, пріобрѣтены огромные артилерійскіе запасы,

множество разнаго рода оружія, піонерныхъ инструментовъ и большой хлѣбный магазинъ.

Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 33, ранено штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 216.

Такъ покоренъ Карсъ, отъ твердынь коего съ стыдомъ удалились несмѣтныя полчища грознаго Надиръ-шаха. Азіяты новѣйшихъ временъ почитали крѣпость эту неприступною, — турки, зная всѣ способы свои и полагаясь на дерзкую храбрость, многочисленность отборныхъ войскъ, призванныхъ на защиту ея, не понимали, какъ могло случиться столь неожиданное происшествіе; мы сами не можемъ безъ удивленія вспомнить всѣхъ подробностей, коимъ подобныхъ, кажется, не представляетъ военная исторія. Бывали штурмы, но самый удачный всегда сопровождался значительною потерей; здѣсь-же убито 34 человѣка, а раненые, почти всѣ, давно вступили въ свои мѣста. Кавказскій корпусъ, привыкшій къ блистательнымъ подвигамъ оружія своего, не помнитъ подобнаго. Въ военной наукѣ говорится о взятіи крѣпости сюрпризомъ, а здѣсь и дѣйствительнаго сюрприза не было, а прямо неожиданный штурмъ и не опьяненіе-ли турокъ отъ опиума помогло штурмующимъ не встрѣтить почти никакого сопротивленія? Не въ минуты-ли сильнѣйшаго расслабленія мы застали ихъ?

Разсматривая мѣстность, вооруженіе, число и духъ гарнизона, зная также, что 15 тысячъ вспомогательныхъ войскъ спѣшили на подкрѣпленіе и находились только въ 30-ти верстахъ, наконецъ, соображая всѣ обстоятельства покоренія столь важной крѣпости, должно причесть его къ счастливѣйшимъ событіямъ и не уменьшая доблести другихъ войскъ, можно рѣшительно сказать, что только съ здѣшними, забывшими о мирной жизни войсками, приготовленными къ побѣдамъ, удаются подобныя пред-

пріятія, —надобно видѣть соревнованіе, единодушіе, одушевляющія всѣ полки, чтобы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, —но кому, кромѣ Бога, приписать должно чудесное спасеніе храбрыхъ въ этотъ губительный день? Олужданные тысячами смертей, не многіе изъ нихъ кровью своею запечатлѣли славу имени русскаго. Невидимая десница твоя, предвѣчный, провела ихъ невредимо среди гибели, тебѣ одному хвала и благодареніе!

23-го сентября.

По занятіи Карса, корпусный командиръ оставался въ окрестностяхъ его, пока укрѣпленія были приведены въ надлежащее положеніе и сдѣланы всѣ приготовленія, необходимыя для того, чтобы гарнизонъ нашъ могъ держаться, если-бы турецкія силы, недалеко находящіяся, вздумали снова овладѣть крѣпостію. Сначала предполагалось оставить въ ней только три баталіона пѣхоты, но близость 30-ти тысячъ корпуса непріятельскаго, могущаго ежедневно увеличиваться новыми подкрѣпленіями изъ Эрзерума, принудила усилить и нашъ отрядъ. Составя его изъ 3-хъ полковъ 20-й пѣхотной дивизіи съ легкою ротою артилеріи и двухъ казачьихъ полковъ съ 4-мя конными орудіями, подъ главнѣйшмъ начальствомъ генераль-маіора Берхмана, а управленіе областію поручивъ полковнику князю Бековичу-Черкасскому, графъ Эриванскій выступилъ съ прочими 17-го іюля къ кр. Ахалкалакамъ, куда и прибылъ 23-го числа.

На другое утро крѣпость уже была покорена. Въ ней найдено 14 орудій, значительное количество разнаго оружія, артилерійскихъ запасовъ и взято 21 знамя. Гарнизонъ, состоявшій изъ одной тысячи вооруженныхъ, не хотѣлъ сдаваться, но не имѣя возможности устоять противъ искуснаго дѣйствія батарей нашихъ, устроенныхъ ночью, вздумалъ спастись

бѣгствомъ и потерялъ до 600 человекъ убитыми и ранеными, — въ плѣнъ взято до 300. Съ нашей стороны убитъ 1, ранено 1 офицеръ инженерный и 12 рядовыхъ.

Въ 30-ти верстахъ отъ Ахалкалакъ находится кр. Хертвисъ, лежащая въ неприступныхъ скалахъ, образуемыхъ берегами рѣки Куры; покореніе сей крѣпости было необходимо для усмиренія вновь покоренной страны. 26-го числа часть войскъ нашихъ отправлена туда и устрешенные истребленіемъ ахалкалакского гарнизона, защитники Хертвиса сдались. Здѣсь найдено 13 пушекъ, 1 мортира, до одной тысячи четвертей хлѣба и значительные артилерійскіе запасы. Гарнизонъ, исключая 15 турецкихъ солдатъ, состоялъ изъ природныхъ жителей, кои распущены по домамъ.

4-го августа дѣйствующій корпусъ, къ которому присоединились резервы, пришедшіе изъ Грузіи, остановился на переправѣ черезъ Куру, въ 6-ти верстахъ отъ Ахалциха.

Вообще путь отъ Карса, чрезъ Ахалкалаки, къ Ахалциху представляетъ величайшія затрудненія для слѣдованія войскъ, особенно съ тяжестями. Между первыми двумя крѣпостями версть 100 разстоянія и дорога пересѣкаетъ верхній хребетъ чалдырскихъ горъ, мѣстами сохраняющихъ снѣговыя полосы во все лѣто; далѣе-же, пролегаетъ чрезъ высокіе горные хребты, покрытые лѣсами и идущіе вдоль рѣки Куры, чрезъ кои существовали только тропинки. Гренадерская бригада, отправленная за три дня до выстушенія корпуса, употребивъ всѣ усилія для разработки дороги, довела ее до такого только состоянія, что повозки и артилерія могли бытъ спускаемы и подымаемы людьми на веревкахъ (*).

(*) Оставшись въ Карсѣ, я не былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ происшествій и говорю о нихъ единственно для общей связи въ

5-го числа получены достовѣрные извѣстія, что Мустафа-паша съ 7-ю тыс. и Кюса-Маметъ-паша съ 20-ю тыс., при 15-ти полевыхъ орудіяхъ, прибѣли на подкрѣпленіе Ахалциха; не взирая на то, корпусный командиръ рѣшился, не ожидая отряда генераль-маіора Попова, слѣдующаго изъ Карталивиі, немедленно подступить къ крѣпости. Обозрѣвъ ее, войска наши пошли во вновь назначенный лагерь,—въ 6-ть часовъ вечера, непріятельскія топы понеслись слѣва и справа, показывая намѣреніе напасть на слѣдовавшій вагенбургъ; но всѣ ихъ покушенія на обоихъ флангахъ были отбиты и кавалерія наша имѣла случай въ этомъ дѣлѣ увеличить къ себѣ уваженіе самыхъ запальчивыхъ изъ прославляемыхъ турецкихъ всадниковъ. Послѣ того начались приготовительныя работы для осады, но присутствіе сильнаго вспомогательнаго корпуса непріятельскаго, безпрестанно умножавшагося и къ коему чрезъ нѣсколько дней ожидалось еще 10-ть тысячъ человекъ, не позволяло предпринять рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости. Дабы отвратить столь важное затрудненіе, надобно было разбить Маметъ-пашу. Ночью, на 9-е число, 8 баталіоновъ пѣхоты, кавалерія и 25-ть орудій пустились по мѣстамъ едва проходимымъ, дабы обойти крѣпость, за которою расположены были турки лагеремъ. Непріятель на разсвѣтѣ открылъ движеніе это и успѣвши присоединить гарнизонъ къ полевымъ войскамъ, въ числѣ 30-ти тысячъ, атаковалъ нашихъ. Завязалось жестокое дѣло, продолжавшееся 12-ть часовъ и, наконецъ, всевышній увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ оружіе русскихъ: четыре лагеря непріятельскихъ, вся полевая артилерія его, состоящая изъ 10-ти орудій, всѣ

запискахъ моихъ о турецкой войнѣ,—а потому описанія эти весьма кратки и свѣдѣнія почерпалъ я изъ официальныхъ извѣстій.

Прим. автора.

инженерные, артилерійскіе парки и подвижной транспортъ хлѣба, взяты нашими. Бѣгущихъ преслѣдовали 30-ть вѣрствъ по эзерумской дорогѣ и потерл ихъ въ этомъ дѣлѣ полагається до 2500 человекъ убитыми и ранеными, съ нашей стороны убитъ генераль-маіоръ Корольковъ, 7-мь оберъ-офицеровъ, 73 нижнихъ чиновъ, ранено штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 377, подбито одно орудіе и взорванъ зарядный ящикъ непріятельскою гранатою. Кюса-Мамедъ-паша съ 5 тысячъ пѣхоты вошелъ въ крѣпость, остальные войска разсѣялись въ лѣсахъ, по ардаганской дорогѣ.

Послѣ этого пораженія началась дѣйствительная осада и 14-го числа сѣверный бастионъ былъ уже разрушенъ, а высокій, толстый палисадъ, составляющій наружную ограду, мѣстами разломанъ. Такой успѣхъ, въ соединеніи со многими другими причинами, заставилъ корпуснаго командира взять приступомъ городъ, и 15-го числа, въ 4-ре часа по полудни, онъ начался.

Съ неизъяснимою отчаянностію защищались осажденные; ахалцихцы извѣстны по своей храбрости и ни въ чемъ не уступать самымъ дерзкимъ народамъ кавказскихъ горъ—даже вооруженныя женщины участвовали въ бою. Въ 7-мь часовъ наши были въ форштатѣ, но побѣда эта, дорого стоивши, оставалась еще нерѣшенною; въ каждомъ домѣ на смерть засѣдали упорные и многіе изъ нашихъ пали ихъ жертвами. Къ счастью, строения были деревянные и въ это время граната, зажгла одинъ домъ,—воспользовавшись случаемъ, приказано зажигать городъ, пожаръ распространился и мало по малу принудилъ защитниковъ къ отступленію! Къ свѣту весь форштатъ очищенъ, остатокъ гарнизона, запершись въ цитадели,

прислалъ просить о начатіи переговоровъ и, послѣ нѣкотораго упорства, сдался на капитуляцію.

Въ Ахалцихѣ взято 67 пушекъ, въ томъ числѣ 5 русскихихъ, изъ коихъ два единорога, отбитые турками во время осады онаго въ 1810 году, 52 знамя и 5 бунчуковъ отъ двухъ пашей. Съ нашей стороны въ сей день убито 2 штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и 118 нижнихъ чиновъ,—ранено 1 штабъ-офицеръ, 31 оберъ-офицеръ и 439 нижнихъ чиновъ. Со стороны непріятеля погинуло до 5-ти тысячъ человекъ.

17-го числа генераль-лейтенантъ князь Вадбольскій овладѣлъ кр. Ацхуръ.

Нынѣшняя кампанія для кавказскаго корпуса еще блестяще персидской; взятіе Карса, сраженіе подъ стѣнами Ахалциха и штурмъ его должны, по всей справедливости, занять мѣсто между славнѣйшими подвигами оружія русскаго. Вообще, турки дерутся такъ отчаянно, что трудно стоять противъ нихъ,—сравнивать съ персіянами, значило-бы обижать ихъ. Теперь представьте, каковы должны быть делибаши, лазы, аджары и другія отборныя войска, почитаемыя отважнѣйшими изъ самыхъ храбрыхъ. Идя въ бой, они не думаютъ о возвращеніи; большая часть изъ нихъ готовится на вѣрную гибель—надѣваютъ бѣлыя рубашки, часто бѣлое платье и принявши опиумъ, забываютъ о жизни, помнятъ только, что предъ ними непріятель, злятся на каждаго, какъ на личнаго врага своего и какъ бѣшенныя несутся въ ряды противниковъ. Ненависть къ христіанамъ увеличиваетъ остревнѣніе мусульманина, фанатизмъ поддерживаетъ распаленныя чувства его; если онъ убитъ невѣрнымъ—говоритъ алкоранъ, то гуріи отверзають объятіи свои страдальцу за вѣру; если невѣрный истребленъ имъ, то отпущеніе грѣховъ ожидаетъ его въ небесахъ. Смертельныя муки сливаются съ звѣрскою радостію

въ искаженныхъ чертахъ усопшаго, — умирая, онъ мечтаетъ о наградахъ, ему обѣщанныхъ. Что, казалось-бы, можетъ устоять противъ столь многими, сильными причинами возбужденной запальчивости? Какое сердце не дрогнетъ при видѣ воплащеннаго демона, а не человѣка? Только высокое мужество, непоколебимая твердость могутъ побѣдить неестественную дерзость, пострѣкаемую самыми пылкими страстями. И русскіе побѣждаютъ эту дерзость, и предъ геройскою рѣшительностію ихъ уничтожается сила ея. Слава вамъ, истинно храбрыя!

30-го сентября.

Между тѣмъ, какъ происходили столь блистательные подвиги, когда оружіе счастливыхъ товарищей нашихъ гремѣло въ горахъ буйныхъ ахалцихцевъ и эхо дебрей ихъ, разнося перекаты громовъ губительныхъ, разсѣвало ужасъ между османами—что дѣлали мы, стражи Барса? По выступленіи дѣйствующаго корпуса, слыша о близости непріятеля, о намѣреніяхъ его отнять у насъ вѣренное намъ сокровище и соображая, что съ 25-ти тысячъ корпусомъ, подкрѣпляемымъ всѣми магометанами, живущими въ городѣ и крѣпости, весьма легко рѣшится напасть на отрядъ нашъ, состоящій съ небольшимъ изъ 2500 человѣкъ пѣхоты и до 700 казаковъ,—мы, нѣсколько дней питали надежду доказать туркамъ, что не многочисленность составляетъ силу войска и что, хотя насъ горсточка, но не съ деревянными пушками и ружьями и не съ заячьими сердцами. Разумѣется, запершись въ стѣнахъ, мы могли насмѣхаться надъ соединенными усиліями всѣхъ азіатскихъ турокъ, но намъ хотѣлось перевѣдаться съ ними въ полѣ—и съ нетерпѣніемъ ожидали мы приближенія ихъ. Вдругъ слышимъ, что Маметъ-паша съ корпусомъ своимъ полетѣлъ на помощь Ахалциху и лишилъ насъ славы разбить себя; вы видѣ-

ли уже, что его, бѣдняжку, тамъ расколотили такъ, что едва успѣлъ онъ вскочить въ крѣпость, оттуда въ цитадель, изъ коей, послѣ сдачи на капитуляцію, и его въ числѣ прочихъ защитниковъ ея, пустили во-свояси. Теперь онъ въ рангѣ странствующаго рыцаря, шатается изъ одного мѣста въ другое, собирая новыя войска, но едва-ли дѣлаетъ это съ большимъ жаромъ: пуганая ворона всего боится.

Такимъ образомъ, въ сосѣдствѣ нашемъ остались только небольшія партіи, которыхъ главнѣйшія предпріятія могли состоять въ томъ, чтобы угонять скотъ у жителей или въ тому подобныхъ подвигахъ.

7-го августа дали знать въ лагерь, что человекъ до тысячи таковыхъ удалцевъ, показавшись верстахъ въ 10-ти отъ Карса, отрядили отъ себя часть, которая, еще приблизившись, отбила большое стадо, угнавши и пастуховъ. 200 казаковъ, съ 4-мя конными орудіями, понеслись остановить ихъ, а баталіонъ егерей бѣглымъ шагомъ пустился въ подкрѣпленіе. Конница наша верстахъ въ 15-ти догнала непріятеля и видя, что неутомимо слѣдующая за ними пѣхота была не далеко, рѣшилась завязать дѣло, не смотря на несоразмѣрность числа. Первая ошибка не кончила дѣла, но потомъ дѣйствіе артилеріи произвело замѣшательство, а вторичный ударъ кавалеріи, ободренной приближеніемъ бѣгущаго баталіона, довершилъ разстройство. Въ разныя стороны разсыпались хищники; разбѣяныя партіи ихъ старались скрыться въ глубокихъ лощинахъ, угоняя по нѣсколько штукъ скота; но не легко было сдѣлать это—армянская дружина и казаки, на бѣду ихъ, слишкомъ зорки были и, добираясь отъ однихъ къ другимъ, принуждали всѣхъ, оставляя добычу, думать о собственномъ спасеніи. Напрасно хотѣли они остановиться и ударить на насъ: огонь орудій и пики всегда разрушали

смѣлая покушенія ихъ; вся добыча, похищенная ими, отбита, плѣнные пастухи освобождены. Преслѣдованіе кончились верстахъ въ 30-ти отъ Карса, потому что лошади, отъ сильнаго жара и скорой ѣзды, почти у всѣхъ пристали. Начальникъ этой толпы Хамидъ-бекъ взятъ въ плѣнъ; три брата его — двухъ-бунчужными пашами, и потому, имѣя знатныя связи, онъ въ большомъ уваженіи въ здѣшнемъ краѣ. Несчастно оконченная имъ экспедиція, произвела сильное вліяніе на скопища разбойниковъ, такъ что послѣ они разбрелись и до сего времени не смѣютъ уже появляться вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоятъ русскіе, и спокойствіе окрестностей ничѣмъ не нарушается. Намъ увѣрили—говорилъ Хамидъ-бекъ—что здѣсь оставлены люди больные и слабые, а лошади хромыя и искалеченныя; но ваша пѣхота не-далеко бѣжала за конницею, а пушки нисколько не отставали отъ нее; пожалуйста, покажите мнѣ этихъ людей и эти пушки, которыя догоняютъ бѣгущую кавалерію нашу,—и ему не запрещалось любоваться ими.

20-го октября.

Разнесся повсюду слухъ о взятіи Ахалкалакъ, занятіи Хертвиса, разбитіи турокъ подъ стѣнами Ахалциха, о близкомъ паденіи сего послѣдняго—и жители карскаго пашалыка увидѣли, что счастье въ сей войнѣ не измѣняетъ искусству и мужеству; они увидѣли, что русскіе становились твердою ногою въ покоренныхъ мѣстахъ и убѣдились въ прочности ихъ завоеваній. Армяне давно желали-бы свергнуть съ себя иго тирановъ своихъ—гонителей христіанства, но привывши трепетать при одномъ имени мусульманства, не смѣли явно возстать противъ стражей, надъ ними поставленныхъ, и десятки деревень, согнанныхъ вмѣстѣ для удаленія отъ русскихъ, удерживались отъ предпріятій своихъ десятками куртинцевъ.

Я говорилъ уже, что ни въ одномъ селеніи мы не находили ни одного семейства—всѣ угоняемы были далѣе и далѣе отъ пути слѣдованія нашего; но когда разсѣянными остаткамъ собранныхъ силъ турецкихъ осталось единственнымъ спасеніемъ—бѣгство въ незанятые нашими владѣнія и они начали очищать потерянные для нихъ области, тогда странствующие поселяне вознамѣрились. по приглашенію начальства нашего, возвратиться въ оставленные жилища свои,—но все еще не рѣшались приступить къ тому безъ помощи русскихихъ.

Нѣсколько деревень карскихъ, находившихся въ ущельи близь кр. Ардагана, просили князя Бековича-Черкаскаго содѣйствовать ихъ переселенію, и въ ночь на 16-е августа выступили онъ съ двумя баталіонами егерей, 4-ми орудіями и 200-ми казаковъ для освобожденія ихъ.

Радовались идущіе въ походъ, завидовали имъ оставляемые въ лагерѣ. Всю ночь и день шли мы съ небольшими отдыхами и солдаты не чувствовали усталости; весело было замѣчать желаніе ихъ столкнуться съ непріателемъ и смѣло можно было ручаться, что это желаніе грозило гибелью противникамъ.

Пройдя мѣсто, на которомъ поселяне хотѣли присоединиться къ намъ, мы остановились ночевать; посланные возвратились съ отвѣтомъ, что мушкій паша, собравши тысячъ до 4-хъ изъ бѣгущихъ отъ Ахалциха, намѣренъ гнать жителей къ Эрзеруму и что отрядъ его расположенъ близъ кочевья ихъ, а потому имъ никакъ нельзя пуститься на соединеніе съ нами.

17-го числа утромъ пошли мы далѣе.

Взгляните на сходство положенія нашего въ эти самые дни минувшаго года; тогда, 16-го августа, выступили мы изъ Джангили для освобожденія Эчміадзина, теперь шли для

освобожденія угнетенныхъ чадъ его. Тогда 17-е число ознаменовалось битвою жестокою, смертію многихъ и спасеніемъ монастыря, чѣмъ ознаменовалось оно нынѣшній годъ? Посмотримъ.

Сегодня 17-е августа было первымъ словомъ каждого при встрѣчѣ съ другимъ, 17-е августа не сходило съ языка, вездѣ говорили о 17-мъ августа и воспоминанія о достопамятномъ днѣ заставляли всякаго рассказывать происшествія, тогда замѣченныя. Что-то Богъ дастъ нынче—быль общій припѣвъ къ пѣснѣ о 17-мъ августа, середина и заключеніе всѣхъ разговоровъ. Однако, подобной битвы нельзя ожидать, хотя все показываетъ, что и нынѣшнее 17-е августа не пройдетъ безъ драки. Конечно, насъ очень немного—всего 800 человекъ подъ ружьемъ; турки могутъ выставить въ 10 разъ болѣе, ибо, кромѣ конницы, стоящей предъ нами, Мустафаша собираетъ въ Ардаганѣ всѣхъ опомнившихся послѣ пораженія ахалцхскаго, и одна дорога туда—на флангѣ нашемъ, а другая—осталась въ тылу,—мы крѣпость эту миновали уже и вѣрно тамъ знаютъ о нашемъ движеніи. Все это такъ, но имъ негдѣ взять регулярной пѣхоты и столько-же полевой артилеріи, сколько было у персіанъ; а мы не обременены обозами, день не жаркій и мѣстоположеніе позволяетъ продѣлывать все, что угодно. И такъ, гг. лихіе наѣзники, милости просимъ пожаловать, милости просимъ—и никто не заботился о томъ, сколько гостей можетъ быть.

Пройдя версты 10-ть отъ ночлега, сдѣлали привалъ; князь Бековичъ хотѣлъ дожидаться рѣшительнаго увѣдомленія отъ жителей, чтобы сообразить по тому свои дѣйствія. Солдаты расположились варить кашу, князь, отѣхавши съ версту впередъ на дальнія возвышенія, осматривалъ окрестности. Вдали несется во весь духъ верховой—это посланный отъ ар-

мянъ. Залыхавшись, соскакиваетъ онъ съ утомленной лошади, бросается къ Бековичу и едва можетъ говорить отъ страха и усталости. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы окончанія—это рѣшительная минута.

Отрядъ впередъ. Не успѣлъ адъютантъ объявить приказаніе, какъ одни бросились одѣваться, другіе опрокидывали котлы съ обѣдомъ, потомъ одѣвшіеся кинулись укладывать ихъ—п въ нѣсколько минутъ баталіоны подъ ружьемъ, артилерія и ящики запряжены; все бѣжитъ рысью по дорогѣ—версты какъ не было. Не сразу заставили идти тише усердныхъ—они забыли, что прежде времени могутъ устать. Полнымъ шагомъ ѣхали впереди конные, пѣхота давила ихъ и въ полтора часа ушли болѣе 8-ми верстъ; пусть кто-нибудь пройдетъ скорѣе, сдѣлавши передъ тѣмъ около 50 верстъ въ 36-ть часовъ!

Но въ чемъ дѣло—спросите вы? Въ бездѣлицѣ. Г. паша торопится угонять въ Эрзерумъ жителей, за которыми мы пришли; воины его понуждаютъ армянъ собираться и запрягать арбы, тѣ медлятъ,—женщины, пользуясь обыкновеніемъ закрывать лица отъ мужчинъ, потихоньку плачутъ—и, конечно, первый разъ въ жизни хвалятъ такое обыкновеніе. Разумѣется, я говорю о хорошенькихъ—дурнымъ оно часто нравится. Однако, это мимоходомъ, а главное состоитъ въ томъ, что если мы опоздаемъ нѣсколько, то съ нами сыграютъ славную штуку, вырвавши изъ подъ носа столько семействъ, въ положеніи коихъ мы принимаемъ участіе. Да развѣ вы не можете догнать ихъ—скажете вы, тяжелые обозы развѣ могутъ идти такъ скоро, чтобы вы не настигли ихъ? Совершенная правда—мы легко-бы сдѣлали это, если-бы не впутались постороннія обстоятельства. Признаться-ли? Отрядецъ нашъ залетѣлъ не-много далеко и подходилъ уже къ послѣдней гра-

ни возможнаго, на которой было написано *Sta viator; nec plus ultra*. За нею начинались передъ нами трудныя ущелья для прохода, занятыя турками, за нами—зрѣлость и отряды непріятеля, по сторонамъ—летучія партіи его. Не правда-ли, что мы опоздаемъ, если не поспѣшимъ? Вы уже начинаете бояться за несчастныхъ—въ самомъ дѣлѣ, состояніе ихъ ужасно. Надежда увлекла ихъ, близка звѣзда избавленія—и опять должно страдать. Это возвращеніе къ бѣдствію всего ужаснѣе,—но успокойтесь—когда русскіе опаздываютъ, если не сбиваются съ настоящей дороги, надобно прибавить—и это собственно ко мнѣ относится, потому что, еслибъ я не сбивался съ дороги, то давно пересказалъ-бы вамъ все, что слѣдовало, и не опоздалъ-бы спать,—а теперь придется всю ночь сидѣть, пока кончу это письмо.

Мушскій паша, догадываясь, что мы не намѣрены позволить ему шутить надъ нами и опасаясь быть запертымъ въ тѣснинахъ, счелъ за лучшее отодвинуться назадъ по дорогѣ къ Ардагану,—а поселяне, приготовленные имъ къ походу, воспользовавшись симъ, пустились къ намъ.

Князь Бековичъ видѣлъ необходимость однимъ разомъ обезпечить обратное свое слѣдованіе; турки, вѣроятно, стали-бы тревожить насъ, а малочисленность отряда не представляла никакой возможности защищать величайшій обозъ, растягивающійся на нѣсколько верстъ, особенно въ мѣстахъ тѣсныхъ. Надобно было, пропустивши жителей, завлечь непріятеля въ дѣло и отбить у него охоту, идти за нами. Для исполненія этого, пѣхота съ артилерією оставлена за возвышеніемъ, скрывающимъ ихъ отъ турокъ, а конницѣ приказано выдти впередъ и прикрывать обывателей.

Потянулись мимо насъ освобождаемые; на арбахъ, нагроможденныхъ имуществомъ и домашнею утварью, между доска-

ми, бревнами, пряслицами, помѣщались и семейства; дѣти, женщины, кошки, собаки и частью маленькіе телята, буйволята и проч., словомъ все, что не хотѣло, или не могло идти. Здѣсь мать идетъ пѣшкомъ, скруженная крошками своими; за спиной ея, уцѣпившись рученками за платье, виситъ ребенокъ, котораго она поддерживаетъ рукою; тутъ, на коровахъ, лошадахъ, ослахъ, ухватившись другъ за друга, ѣдутъ по два и по три малютки. Ежеминутно боялся я, что какой-нибудь изъ нихъ, сорвавшись, расшибется до смерти; но бѣдняжки, слишкомъ привыкли къ такого рода путешествіямъ. Напрасно хотѣлъ-бы я изъяснить мысли, родившіяся во мнѣ при столь новой для меня картинѣ; чтобъ имѣть понятіе о бѣдственномъ положеніи человѣчества, надобно вникнуть въ жизнь обывателей, особенно армянъ, пограничныхъ Турціи съ Персією деревень. Кромѣ притѣсненій отъ властителей своихъ, они непрерывно подвержены нападеніямъ хищниковъ, никогда не пользуются истиннымъ спокойствіемъ, не могутъ быть увѣрены въ постоянной безопасности—и ко всему этому такъ привыкли, что всего разительнѣе доказываютъ справедливость пословицы: привычка есть вторая природа въ человѣкѣ. Напрасно также хотѣлъ-бы я изобразить трогательные знаки ихъ радости и признательности къ избавителямъ, не говоря о мужчинахъ, которые подходили къ нашимъ, кланялись, крестились и всячески выказывали благодарность свою,—и женщины въ эти минуты, забывая завертываться въ покрывала свои, словами и знаками старались о томъ-же—приличія, установленныя людьми, теряютъ власть свою, когда говоритъ сердце. Нѣкоторыя, поднявъ руки къ небесамъ, молились. Дѣти, понимавшія нѣсколько, что вокругъ ихъ происходитъ, выражались каждый по своему. Признаюсь, я былъ тронутъ и, конечно, всѣ раздѣляли мои чувства. Природа не измѣняется въ общихъ законахъ сво-

ихъ—сдѣлавши доброе дѣло, мы всегда находимъ вознагражденіе въ собственной душѣ своей, и одолженный нами, скоро становится намъ близокъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, другой—загорѣлась перестрѣлка. Общее умиленіе уступило мѣсто новымъ ощущеніямъ. Страхъ, смятеніе между жителями, радостная готовность между нашими. Мужчины спѣшатъ прогнать далѣе отъ непріятеля скотъ свой, другіе торопятся съ арбами, тѣ не знаютъ, что дѣлать, весьма не многіе берутся за оружіе. Армяне не могутъ славиться воинственнымъ духомъ, но представьте положеніе женщинъ. Одна, подхвативши ребенка, бѣжитъ, сама не помня куда, инны остолбенѣли отъ ужаса, тамъ, упавши на колѣни, къ Богу взываютъ о помощи, здѣсь, въ отчаяніи, ломаютъ руки жалкая, — другая—смотритъ на малютокъ, къ ней прижимающихся, и слезы ручьями текутъ изъ глазъ ея: она не рѣшается, котораго спасать, многія тѣснятся вокругъ нашихъ; выстрѣлы приближаются.

Конное армянское ополченіе, состоящее изъ 70 человекъ, находилось впереди всего отряда и пропустивши за себя жителей, начало отступать, по мѣрѣ ихъ удаленія: такъ было приказано; но турки, не видя всѣхъ силъ нашихъ, рѣшились оставить свою позицію и сами напасть, и озлобясь, въ глазахъ ихъ совершающимся присоединеніемъ къ намъ обывателей, съ ужаснымъ ожесточеніемъ бросились на передовые разѣзды наши, которые не могли удержать столь сильнаго натиска. Казаки остановили нѣсколько стремленіе разъяренныхъ, но тѣснимые множествомъ, принуждены были осаживать, и хвостъ обоза не успѣлъ еще подойти къ тому мѣсту, гдѣ стояли баталіоны, какъ вдругъ, съ разныхъ сторонъ, хлынули наѣздники и рассыпались по заднимъ повозкамъ; бѣгомъ бросились къ нимъ егеря, стрѣлать не было возможности, непріа-

тель перемѣшался съ поселянами, дымъ, крикъ, стукъ, рыданіе, суматоха, увеличились. Толпы свирѣпыхъ делибашей, хищныхъ куртинцевъ, кинулись на грабежъ, прикрываемые товарищами своими, сражающимися съ казаками. Нѣтъ, злодѣи, нѣтъ—непродолжительно будетъ торжество ваше, близка пѣхота, близка ваша гибель!

Не бойтесь, не бойтесь, кричали бѣгущіе на-встрѣчу неприятелю солдаты перелуганнымъ поселянамъ, и ускоряли бѣгъ свой. Замѣтно было, что не одно желаніе отличиться, но какое-то родное душѣ каждаго чувство состраданія къ безпомощнымъ вело всѣхъ; сверхъ того, каждый принималъ уже участіе въ судьбѣ несчастныхъ. Они поручили себя защитѣ нашей, мы видѣли полную довѣренность ихъ къ характеру русскому; признательность ихъ тронула насъ, возбудила чувство народнаго честолюбія, чувство высокое, благородное; наконецъ, опасность женщинъ—созданія слабаго, беззащитнаго, но всегда и вездѣ имѣющаго сильное вліяніе на подвиги храбрости, на духъ рыцарства,—вотъ причины, по которымъ всякій видѣлъ въ нападающихъ личныхъ враговъ своихъ и стремился защищать не чуждыхъ людей а какъ-бы кровныхъ своихъ.— и горе вамъ, изверги; ближайшіе испытали уже остріе штыковъ, и въ смертельныхъ содроганіяхъ взрываютъ пыль отъ земли; и ты, грабитель, не успѣешь сдернуть послѣдній покровъ съ стыдливости—смерть носится надъ тобою,—обрызганная кровію твоею, добыча твоя, съ ужасомъ отскакиваетъ отъ падающаго трупа твоего и, какъ лань боязливая, несется прочь. Далѣе, робко смотритъ вокругъ юная красавица, видитъ повсюду неистовство мучителей, ей не-гдѣ скрыться,—съ трепетомъ ожидаетъ она опредѣленія небесъ и небеса сохранили ее. Радостно вскрикиваетъ она: русскій, русскій, и бросается къ избавителю своему; исчезъ страхъ, миновала опасность,

она подъ защитою брата. Вотъ освобождено и послѣднее семейство, разбросаны по дорогѣ тѣла дерзкихъ и бѣгутъ спасающіеся соумышленники ихъ.

Ободренные первоначальнымъ отступленіемъ кавалеріи нашей, турки пришли въ запальчивость и дались въ обманъ— набѣжали на пѣхоту, которую полагали гораздо далѣе назадъ.

Изумленные внезапнымъ появленіемъ ея и быстрымъ ударомъ, напрасно хотѣли они сопротивляться—тщетны были усилія ихъ, штыки все опрокидывали, а удачное дѣйствіе орудій довершило разстройство. Бѣгство сдѣлалось общимъ и скоро не стало ни одного непріятеля на всемъ обзорѣ. Малочисленность казаковъ не позволила далеко продолжать преслѣдованіе и особенной надобности въ томъ не предвидѣлось. Но всему можно было заключать, что заданной острастки, на этотъ разъ, довольно, и что намѣреніе князя Бековича исполнилось—возвращеніе паше обезпечено, ибо посланные для наблюденія движешій непріятеля видѣли, что они, не останавливаясь, продолжали путь по дорогѣ къ Эрзеруму и, наконецъ, скрылись въ ущельяхъ.

Неудаченъ былъ день этотъ для турокъ, значительна потеря ихъ; изъ числа оставшихся на полѣ, одинъ только израненный куртинецъ найденъ живымъ и, по словамъ его, отрядъ этотъ заключалъ тысячу отборнѣйшихъ всадниковъ, между коими не было ни одного изъ тѣхъ горемыкъ, которые волею, а часто и неволею, оставляя пашни свои, являются на попріще славы. Эти рыцари съ карапахцами и другимъ сбродомъ, въ числѣ 3 т., стояли въ резервѣ и благополучно отдѣлались; однихъ старшинъ куртинскихъ убито 16, той-же участи подвергся сынъ мушскаго пашы, вмѣстѣ съ прекрасною гнѣдою лошадыю своею, которая у нихъ цѣпилась въ 500 руб. серебромъ и едва-ли въ знаменитости уступала знаме-

нитому хозяину своему. Вообще, все доказываетъ, что дѣйстви-тельно кавалерія эта была отборная; между отбитыми лошадыми не было ни одной, которая-бы стоила менѣе 500 руб. ас. по нашимъ цѣнамъ, что весьма рѣдко здѣсь случается,—уборы соответствовали лошадямъ.

Не маловаженъ и нашъ уронъ—казаковъ убито 16, ранено 12, безъ вѣсти пропало 12, въ армянской дружинѣ убито 4, ранено 11 человекъ, изъ поселянъ ранены 2 мужчины и 1 женщина, убитыхъ и въ плѣнъ взятыхъ не было между ими.

Отдавши послѣдній долгъ погибшимъ товарищамъ, пустились мы въ обратный путь. Поселяне наши были уже далеко—страхъ подгонялъ ихъ; не смотря на тяжесть воевъ, на лѣнь буйволовъ, на медленность быковъ, на множество разнаго рода скота и на всѣ препятствія къ скорой ходьбѣ, они шли весьма скоро, конечно, всѣ, кто могъ владѣть палкою, дѣйствовалъ ею и не жалѣя руки, погонялъ отъ всего сердца, кого ни-попало.

Дойдя до рѣчки, гдѣ прежде располагали обѣдать, отрядъ остановился—людямъ надлежало дать отдыхъ, хотя они единогласно говорили, что не устали; при томъ-же слѣдовало дожидаться прибытія изъ другаго ущелья еще нѣсколькихъ деревень, которыя ожидали только, чѣмъ кончится первое предпріятіе наше и, видя успѣхъ его, выслали съ просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. Здѣсь явились старшины татарскихъ уже селеній, принадлежащихъ карской области, съ покорностію и тѣмъ-же прошеніемъ. Всѣ эти селенія были готовы и, получа позволеніе, пускались въ путь,—съ разныхъ сторонъ тянулись обозы, которые, подходя къ намъ, сливались въ одинъ и до самаго вечера составляли почти непрерывную нить. Повторяю, что я не въ силахъ переска-

затъ вамъ мысли и чувства мои при столь новомъ для меня зрѣлищѣ.

Солнце сѣло; одному баталіону велѣно идти впередъ и прикрывать средину, казаки были въ авангардѣ; другой-же баталіонъ долженъ былъ, дождавшись прохода послѣднихъ арбъ, защищать тылъ. Князь Бековичъ садился на лошадь, вдругъ скачуть еще нѣсколько человекъ—это старшины татарскихъ-же деревень, съ тѣми-же предложеніями. Поселяне ихъ не могутъ присоединиться къ намъ, ранѣе двухъ часовъ, имъ велятъ догнать насъ на ночлегѣ, но они не рѣшаются тронуться съ мѣста, если русскіе не дождутся ихъ здѣсь. Насъ разграбятъ, истребятъ—говорятъ они, когда вы уйдете. Нечего дѣлать—надобно было приказать арьергарду исполнить ихъ желаніе.

Какъ пріятно видѣть такую довѣренность, такое уваженіе къ великодушію характера русскаго. Самыя дикія, свирѣпыя племена Кавказа узнали, что русскіе страшны только въ часъ битвы и что непріятеля, оставляющаго оружіе, не считаютъ уже непріятелемъ, узнали это, и съ полною довѣренностію къ неизмѣняемости великодушія смѣло поручаютъ себя ему.

Согласенъ, что многіе употребляютъ во зло благодѣтельныя правила кротости нашего правительства; но что значить частный, мелочный вредъ, въ сравненіи съ общеою, великою пользою, отъ нихъ истекающею? И какой вредъ можетъ причинить Россіи ничтожный обманщикъ, воспользовавшійся, въ какомъ-бы ни было случаѣ, на всѣхъ разливаемою милостію? Червь-ли подточитъ основаніе скалы, на смѣхающейся надъ яростію моря? Теперь скажите, отъ чего закоренѣлые враги наши такъ скоро забываютъ вражду свою и тамъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчали-бы мы непріятелей, вмѣсто народной войны, встрѣчаемъ, болышею частію, готовыхъ къ покорности?

Вотъ плоды кротости и справедливости; не ясно-ли доказы-
вается этимъ, что побѣды ихъ несравненно быстрѣе и прочнѣе
побѣды оружія.

Когда мы подъѣзжали къ ночлегу, то почти всѣ спутники
наши расположили уже бивуаки свои—тысячи огней, разве-
денныхъ на большомъ пространствѣ, издали представляли кар-
тину яркаго городского освѣщенія. Слава богу, одинъ пере-
ходъ безпрепятственно совершенъ; на мѣстѣ мы имѣли болѣе
средствъ ладить съ непріателемъ, во время-же слѣдованія не
было никакой возможности защитить всѣхъ, и еслибъ не за-
влекли турокъ въ сраженіе и не пощипали ихъ, то, безъ сом-
нѣнія, не были-бы оставлены въ покоѣ, и бѣдные армяне мно-
го-бы пострадали. Представьте наше положеніе—когда-бы поста-
вить по человѣку на арбу, то вѣрно-бы большая половина
осталась безъ прикрытія; ядры, пущенныя изъ передняго и
задняго орудій, не долетѣли-бы одинъ до другаго—такъ дли-
нень былъ обозъ нашъ, хотя всѣ мѣры принимались стѣснить
его и гдѣ только позволяла мѣстность, составлялось нѣсколько
рядовъ. Роты наши едва замѣтны были между множествомъ
народа и, судя по числу людей, насъ было почти достаточно
для завоеванія всей Азіятской Турціи; но видя уже на опытѣ,
что жители не въ состояніи сами оборонять себя, нельзя бы-
ло не опасаться за нихъ.

Ночью присоединились къ намъ и послѣднія деревни, съ
разсвѣтомъ все двинулось далѣе: шумъ, крикъ, скрипъ не ма-
заныхъ колесъ, смѣсь людскихъ голосовъ съ голосами раз-
нороднаго скота, плотные удары палокъ по бокамъ равнодуш-
ныхъ буйволовъ—составляли, если не весьма пріятную, то,
по крайней мѣрѣ, весьма рѣдкую, по множеству инструментовъ,
музыку,—пестрота одеждъ, кипящее волненіе, увеличиваемое
неизбѣжнымъ безпорядкомъ, происходящимъ отъ неудобствъ

здѣшной повозочной упряжи, забавныя положенія погонщиковъ, находящихся въ непрерывныхъ хлопотахъ, руками и ногами помогая горлу уговаривать упрямыхъ животныхъ, везти его колесницу, куда слѣдуетъ,—вообще глаза наши были счастливыѣ ушей...

Я всегда охотно занимаюсь изученіемъ разнообразія фізіономій и эта давнишняя страсть моя имѣла обильную для себя пищу. Различныя чувства выражались на лицахъ, но мужчины были мало занимательны—главнѣйшія мысли ихъ, клонясь къ одинакимъ предметамъ, представляли и ощущенія почти одинакія. Все вниманіе ихъ было обращено на совершеніе пути и потому черты ихъ, большею частію, высказывали или досаду на то, что передніе быки бросались совсѣмъ въ сторону, тогда какъ онъ хотѣлъ очень не-много повернуть ихъ, или желаніе удачнѣе пореѣхать грязный ровикъ, или объѣхать большіе каменья, и если желаніе его исполнялось, то онъ былъ доволенъ, если-же съ арбою случалась какая непріятность, то онъ прежде всего летѣлъ мѣстію ко лбу виноватаго, уменьшить свое горе, а потомъ спѣшилъ исправлять бѣду. Все это нисколько не заманчиво; взглянемъ лучше на прекрасный полъ.—Дѣлать нечего, надобно сознаться въ моемъ предубѣжденіи,—люблю находить достойныя похвалы въ женщинахъ, начиная отъ прелестнаго локона на очаровательной головкѣ, до прелестнаго ноготка на крошечномъ мезинцѣ ноги,—въ этотъ разборъ всегда входятъ и внутреннія достоинства: умъ, душа, сердце и все, совершенно все, не исключая пылинки, которая случайно забьется въ восхитительную ямочку розовой щечки. Жаль, однако, что, соблюдая всегда строгую правду въ моихъ повѣствованіяхъ, я не могу сказать, чтобы дорожное платье нашихъ путешественницъ было прелестно—едва-ли женщина можетъ одѣваться безобразнѣ здѣш-

нихъ армянокъ—онѣ, кажется, стараются уродовать себя нарочно. Я ни какъ не хочу вѣрить, чтобы природа столь жестоко обидѣла ихъ станъ—всею виною обыкновеніе. Я-бы охотно шелнулъ хорошенькимъ изъ нихъ, что, съ нѣкоторою перемѣною, онѣ могутъ много выиграть и увѣренъ, что онѣ не откажутся-бы слѣдовать моимъ совѣтамъ; да, онѣ послушались-бы меня, или не были-бы женщинами; а я весьма хорошо замѣтилъ, что онѣ также женщины, какъ и всѣ дочери Евы, на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Старухи также сварливы, дурныя также смиренномудренны, отцвѣтающія также прихотливы, хорошенькія также тщеславны, молоденькія также стыдливы,—однако мнѣ всегда забавно слушать, когда женщинъ упрекаютъ въ томъ, что онѣ съ удовольствіемъ замѣчаютъ, если на нихъ частенько посматриваютъ—да кто этого не любить? И герой, и ученый, и художникъ, и писатель, и безграмотный писарь—всѣ грѣшныя дѣти Адама; иному лучше-бы прятаться, а онъ, напротивъ, на-показъ лезетъ, уже такъ и быть—большому кораблю большое и плаваніе, а ты, душегубка, знала-бы свою лужу. Только мнѣ несравненно болѣе нравится *домашнее* тщеславіе женщины, нежели *весьмірная* надутость мужчаны. Она ищетъ любви, онъ—удивленія. Она предовольна, если ее хвалятъ въ кругу знакомыхъ, для него и въ исторіи мало мѣста. Она въ исканіяхъ своихъ слѣдуетъ назначенію природы, онъ—влечется опредѣленіемъ людей. Отъ мысли, объ исполненіи ея тайныхъ желаній на лицѣ ея рождается улыбка, которая, увеличивая красоту, еще болѣе плѣняетъ зрителей; при воспоминаніи объ удачахъ его гордыхъ замысловъ, черты его выражаютъ самодовольствіе, оскорбляющее наблюдателя. Строгіе судьи свойствъ женскихъ, прежде разберите безпристрастно собственные свои свойства—и тогда превозноситеесь надъ женщинами, если достанетъ духа!

Но обратимся къ нашимъ странницамъ. Страхъ ихъ мало по-малу разсѣввался; види, что непріятель не повторяетъ нападеній своихъ и безпрепятственно пройдя тѣ мѣста, гдѣ можно было опасаться новыхъ покушеній—онѣ примѣтно успокоивались и хотя случалось еще замѣчать робкіе взоры нѣкоторыхъ, обращенные въ даль; однако, робость эта уже рѣдко оказывалась—и чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе выражались надежда и увѣренность. Умолкла боязнь, заговорили другія чувства.

Ты никогда не видала русскихъ, твердило любопытство; русскіе на тебя смотрятъ пристальнѣе, нежели на подругъ твоихъ, шептало тщеславіе; но тебѣ не прилично смотрѣть на постороннихъ мужчинъ, бормотала застѣнчивость; однако, ты должна это дѣлать, чтобъ избавители, читая въ твоихъ взглядахъ признательность, не сочли тебя неблагодарною, пѣло лукавство. Это совершенная правда, думала красавица, и покрывало—*нечаянно*—распускалось при появленіи избавителей. Не забывай улыбаться, ты такъ мило улыбаешься, кричало кокетство,—и совѣтъ этотъ исполнялся прежде, нежели оно успѣвало договорить, что это необходимо для того, чтобъ сильнѣе выразить благодарность. Что сдѣлалось съ безстыдницами, ворчали старухи? Онѣ совѣмъ готовы раскрыться—уже пусть-бы чадры раскидывали, а то сдергиваютъ платокъ со рта не на носъ, какъ долгъ велить, а на шею. Экой грѣхъ, экой грѣхъ—и съ угрозами протягивали сухія руки свои, стараясь поправить безпорядокъ, ихъ терзающій; но медленность дряхлости можетъ-ли состязаться съ проворствомъ юности? Пока тощіе пальцы бабушекъ, матушекъ и свекровей придвигались на вершокъ, румяныя личики успѣвали отклоняться на четверть; потомъ на-право, на-лѣво—и суровыя наблюдательницы благочинія уставали, не достигая своихъ

намѣреній, и плутовки смѣялись надъ ихъ неповоротливостію, и на значительные взгляды проѣзжающихъ отвѣчали умильною усмѣшкою,—и уже не по урокамъ кокетства, а по невольному движенію открывались прелестныя уста ихъ и блистали перлы зубовъ. Всегда такъ бываетъ—первый шагъ къ непозволенному труденъ для души невинной, переступи его—и за нимъ слѣдуетъ другой, десятый, сотый и конца нѣтъ. Дай себѣ волю на волосъ, скоро и верстами не смѣряешь. Явное возмущеніе бунтовщицъ, наконецъ, разгорѣлось до того, что я, право, не знаю, чѣмъ онѣ послѣ раздѣляются съ сердитыми наставницами своими и пройдетъ-ли имъ это даромъ.

Молодежь наша вертѣлась между рядами повозокъ, то обгоняя, то опять пропуская впередъ тѣхъ, на кого еще хотѣлось взглянуть. Признаюсь, и мнѣ напоминало это столичнымъ гуляньемъ. Бѣда мнѣ съ воспоминаніями—почти на всѣ предметы смотрю я не въ настоящемъ ихъ видѣ, а въ сравненіи съ подобными въ прошедшемъ. Бывалое во всемъ мнѣ мерещится. Здѣсь, напримѣръ, смотрѣлъ на арбы и думалъ о каретахъ, видѣлъ чадру и досадовалъ на вуаль, замѣченный возъ, со всѣмъ не мчался на двухъ парахъ буйволовъ въ дышлѣ и быковъ на уносѣ, а я спѣшилъ догонять четверню рѣзвыхъ коней; суровая татарка, строго исполняя вельніе закона, готова была мнѣ плюнуть въ лице, а я ожидалъ отъ нея привѣтливаго взгляда, потому что лошадка подъ нею напомнила мнѣ ту, на которой я, ровно 10 лѣтъ назадъ, видѣлъ, какъ ѣздили,—какъ я былъ молодъ—тогда... а теперь?.. Смѣшно, когда думаешь въ крестьянскомъ переселеніи видѣть городскія забавы, въ крестьянкахъ—находить сходство съ украшеніемъ столицъ.

Однако, чтобъ не показаться совсѣмъ сумасбродомъ, я

вамъ сообщу одно философическое замѣчаніе, мною сдѣланное; можетъ быть, оно всѣмъ извѣстно, да мнѣ дѣла до этого нѣтъ, мнѣ никто не открывалъ его, я сама дошла. Замѣчаніе это не относится къ мужчинамъ, поступки и качества ихъ такъ глубоко разсудительны, такъ важны, такъ не проницаемы, что и помыслить страшно—судить о нихъ, того и смотри, что голова закружится. Все-таки о женщинахъ толкъ будетъ; я, ей-богу, душевно ихъ уважаю, пошли имъ Господи здоровье, радость, счастье, жизнь безмятежную—я премного имъ обязана; онѣ многому меня научили, а потому-то я всегда любила и даже теперь люблю ими въ особенности заниматься; довольно имѣлъ средствъ наблюдать ихъ въ различныхъ состояніяхъ и положеніяхъ, коротко узналъ ихъ милыя достоинства и милыя слабости.

Разсматривая соотечественницъ своихъ въ бѣдныхъ хижинахъ, большихъ избахъ, скромныхъ домикахъ, просторныхъ хоромахъ, въ красивыхъ палатахъ, въ пыльныхъ чертогахъ—вездѣ находилъ, что отличительныя черты пола сильнѣе въ нихъ врѣзаны, нежели въ мужчинахъ; юная поселанка имѣетъ нѣчто общее, въ нравственномъ смыслѣ, съ придворною красавицей; огромное разстояніе, безъ малѣйшаго сравненія, раздѣляетъ ихъ относительно утонченности и образованія, но—объ *женщины*; съ перваго взгляда вы видите, что сердцами обѣихъ управляетъ одно желаніе—нравиться. Едва-ли докажете, что и мужчинъ можно подвести подъ одно, всѣмъ общее правило. Нѣтъ, разнообразіе, постепенно идущее, представитъ въ нихъ много разрядовъ. Я видѣлъ женщинъ почти всѣхъ европейскихъ и весьма многихъ азіатскихъ странъ; видѣлъ также женщинъ, принадлежащихъ къ народамъ разсѣяннымъ по лицу земли—и находилъ между ими большое различіе въ чертахъ лицъ, въ обыкновеніяхъ, правилахъ, при-

вычкахъ, уборахъ, градусахъ нѣжности, пылкости и большое сходство въ чертахъ пола—онѣ вездѣ одинаковы, вездѣ женщины. Не знаю, на чьей сторонѣ перевѣст—на сторонѣ-ли мужчинъ всеобъемлющихъ, или женщинъ, постоянно стремящихся къ одной цѣли; слышалъ только, что собака, которая за двумя зайцами гонится, ни одного не ловитъ.

Я хотѣлъ сказать, что хотя экипажи на нашемъ гуляньѣ были весьма не пышны, не щеголеваты, не красивы, хотя наряды прекрасныхъ весьма не отличались вкусомъ, но все это не мѣшало имъ кокетничить, хотя не съ такою ловкостію, заманчивостію, тонкостію, какъ мастерять женщины большого европейскаго свѣта; однако, томные глазки, лукавая улыбка, плутовскія уловки, обольстительныя тѣлодвиженія—все показывало, что ихъ тоже научила кой-чему природа. Да, умѣренное кокетство есть врожденное женщинамъ свойство, и безъ него онѣ были-бы менѣе обворожительны. Милостивыя государыни, скромныя, добродѣтельныя красавицы, прошу не обижаться, я говорю—умѣренное кокетство, а не то, какое иногда случается замѣчать въ нѣкоторыхъ изъ прелестницъ... тому я нашель-бы названіе—и собственно русское, чего для васъ-же, право, не желаю сдѣлать. Я-бы могъ доказать даже, что самки животныхъ кокетничаютъ (я точно замѣчалъ это), слѣдовательно, такъ велитъ природа; но пора привести васъ въ Карсъ-чай, вамъ надоѣло мое путешествіе, вы устали читать—правду сказать, досталось и мнѣ...

И такъ, 18 го числа, вмѣсто ружейной перестрѣлки, производилась глазная,—которая изъ нихъ бываетъ опаснѣе—это зависитъ отъ обстоятельствъ. Передъ захожденіемъ солнца остановились мы на переправѣ черезъ рѣчку Карсъ-чай, верстахъ въ 11-ти отъ города. Здѣсь не предвидѣлось уже ни малѣй-

тей опасности и потому предположено было оставить тутъ жителей, съ тѣмъ, чтобы они на другой день пустились по своимъ мѣстамъ. Созвали старшинъ, они согласились, поблагодарили за все, для нихъ сдѣланное, и разошлись. Вотъ опять народъ повалилъ со всѣхъ сторонъ: если русскіе уйдутъ—*никто* не соглашается оставаться, кричали множество голосовъ. Мнѣ это подозрительно стало. Завтра, думалъ я, не боятся они уѣзжать за нѣсколько десятковъ верстъ отъ русскихъ и въ самомъ дѣлѣ подвергаться опасностямъ, а сегодня вдругъ сдѣлалось имъ страшно тамъ, куда мальчики изъ Карса, по одиночкѣ, ходятъ безъ палокъ. Что-бы это значило? Мнѣ показалось, что я угадываю, кто это *никто*, которые не хотятъ нынче расстаться съ русскими; постарался повѣрить свою догадку и достовѣрно узналъ, что это—женщины. Видите-ли, и здѣсь, также какъ у просвѣщенныхъ, онѣ управляютъ мужчинами, а посмотрите на наружную строгость къ нимъ азійцевъ,—нельзя не пожалѣть женщинъ. Кажется, это самыя несчастныя невольницы: ихъ и запираютъ, и увязываютъ, и Богъ знаетъ, чего съ ними не дѣлаютъ,—когда-же справится, кто кого за носъ водить, такъ носы болятъ у мужчинъ. Что-бы онѣ не дѣлали одинаково съ мужчинами, всѣ твердятъ—женщины не могутъ сравниться съ нами умственными способностями, а я слышалъ, что кто умнѣе, тотъ обыкновенно вертитъ тѣми, кто поглупѣе его—видно и женщины по мудрѣе насъ мудрецовъ.

Арбы потянулись, и у насъ нѣсенники впередъ. Весело шли солдаты, какъ будто первую версту; вотъ, въ сумеркахъ, засверкали огни въ лагерѣ—и мы опять дома.

Такимъ образомъ освобождены 23 деревни, которыя потомъ водворились въ своихъ жилищахъ, убрали жатву, отдали податной хлѣбъ въ казну, продаютъ ей излишній, и мы въ круглый годъ не поѣдимъ того, что въ одинъ мѣсяць стащили.

На-силу конецъ.....впрочемъ, воля ваша:
Угодень—такъ меня чпгайте,
Не правлюсь—такъ въ огонь бросайте,—
Трубы похвальной не ищю.

21-го октября.

Между тѣмъ, генераль-маіоръ Берхманъ получилъ повелѣніе, оставя гарнизонъ для охраненія Карса, идти къ Ардагану и взять его, разсѣявши войска турецкія, собравшіяся въ окрестностяхъ. Послѣднее было уже исполнено княземъ Бекочачемъ—оставалось овладѣть крѣпостію. Новый случай къ отличію, новый праздникъ для насъ.

Не удивляйтесь радости военныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, радости, которую вы считаете, можетъ быть, неестественною, притворною. Нѣтъ, множество встрѣчается доказательствъ ея искренности. Какая дѣвушка не знаетъ, что выходя за-мужъ, она почти неминуемо подвергнется страданіямъ, а не-рѣдко и смерти, производя на свѣтъ младенца? Не смотря на то, много-ли охотницъ оставаться въ безбрачномъ состояніи? Я буду счастливѣе другихъ, думаетъ красавица, и желаніе—быть матерью, заставляетъ ее бросаться въ объятія мужа. Еще болѣе. Женщина, неоднократно испытывшая всѣ муки этого положенія, видитъ, что каждый ребенокъ, ею рождаемый, приближаетъ ее къ гробу,—видитъ то и исцѣлившійся отъ безнадежной болѣзни—снова беретъ за прежнее. Полагаю, что въ тяжкія минуты всякая даетъ себѣ обѣщаніе впередъ, отказаться отъ причинъ столь злыхъ мученій, столь явной опасности; прошла бѣда—гдѣ исполненіе обѣтовъ? Не всегда-же я буду одинаково несчастлива, думаетъ нѣжная супруга, и рѣшается еще на одинъ опытъ. Почему-же въ дунѣ мужчины не можетъ гнѣздиться равносильная забывчивость о пред-

стоящихъ страданіяхъ, презрѣніе опасностей, готовность на смерть? Развѣ мало пружинъ, подстрѣкающихъ его пускаться на неизбѣжную гибель, а не только съ радостію идти въ сраженіе, гдѣ не всѣхъ убиваютъ, не всѣхъ ранятъ: многіе насчитываютъ десятки битвъ—и не одной язвы. Власть надежды такъ-же велика надъ мужчинами, какъ надъ женщинами,— а необходимость, а честолюбіе, а жажда славы—развѣ не творять чудесъ? Но не въ томъ дѣло.

21-го августа выступили мы съ тремя баталіонами егерей и 400 казаковъ, при 8-ми легкнхъ орудіяхъ. Первый переходъ былъ весьма знакомъ: мы два раза прошли его—за жителями и обратно.

По прежнему, каменистый Карадагъ, не правясь лошадямъ, которыя должны были выбирать мѣсто гдѣ ступить, привелъ къ довольно затруднительному спуску своему на Карсъ-чай; по прежнему полѣзли мы отсюда все выше и выше, къ озеру Айгеръ-гѣль (озеро жеребца). Преданіе гласитъ, что въ немъ живетъ водяной конь, который прячется при появленіи человѣка; по нѣкоторымъ удавалось издали видѣть его, пасущагося на берегу, и озеро отъ него получило свое наименованіе. Вода свѣжая, очень хорошая, и такъ прозрачна, что на большое разстояніе видны миллионы рыбъ, стадами гуляющія въ свѣтлыхъ струяхъ. Никто, говорятъ, не могъ достать дна на серединѣ, и судя по значительно увеличивающейся глубинѣ отъ береговъ и по расположенію окружающихъ покатоствей, я готовъ тому вѣрить, хотя никогда не полагалъ, что на такихъ высотахъ можетъ существовать столь обширное и во всѣхъ отношеніяхъ столь рѣдкое озеро. Слыша о немъ, я думалъ, что это есть небольшое собраніе дождевой воды, прибавляемой нѣсколько тающимъ снѣгомъ; но увидавши, изумился. Мнѣ кажется, что высокія горы, какъ въ ван-

нѣ, охватывающія это озеро, наполняютъ его изъ родниковъ своихъ, не позволяя никуда изливаться; каменистый-же грунтъ удерживаетъ его отъ прохода въ землю. Впрочемъ, азіятскія горы не-рѣдко представляютъ подобныя, по нашему, чудеса. Окрестности хороши, но жаль, что для полнаго ихъ украшенія нѣтъ ни деревни, ни садовъ, ни рощицы. Если-бы мѣсто это принадлежало европейскому вельможѣ, роскошному любителю природы, то, безъ сомнѣнія, оживилось-бы искусствомъ, и озеро на волнахъ своихъ колыхало-бы плавучій домикъ, и непрерывное присутствіе человѣка уменьшило-бы дикость обитателя этихъ водъ, или заставило-бы его на-всегда скрыться.

Верстахъ въ 8-ми отъ Айгеръ-гѣль мы ночевали. Отсюда прежняя дорога наша отдѣлилась влѣво, а мы пошли прямо къ Ардагану, все поднимаясь выше.

Близъ карабахскаго поля, верстахъ въ 14-ти отъ крѣпости, передовые развѣзды наши замѣтили палатки, обозы и видимо-невидимо народа, между которымъ произошла страшная тревога, когда показались сторожевые казаки, пробираясь по вершинамъ высотъ. Если непріятель намѣренъ туть встрѣтить насъ—весьма готовы; идя въ порядкѣ, не долго устроиться для пріема всегда жданныхъ.

Вотъ и отъ нихъ выѣхала толпа, не рѣшаясь однако приблизиться; мы шли впередъ. Число ихъ безпрестанно увеличивалось, казаки уже не-далеко отъ нихъ были. Вотъ понеслись они къ намъ, передовые стрѣлки начали заряжать ружья—и совершенно напрасно. Это старшины и поселяне—они объявили, что ихъ также гнали къ Эрзеруму, но послѣ дѣла 17-го числа, бывшіе при нихъ турки, полагая, что отрядъ нашъ скрывается гдѣ-нибудь по близости, и боясь нападенія, бросили ихъ и всѣ разбѣжались, а они, въ числѣ 33-хъ деревень, узнавши о вторичномъ движеніи нашемъ, рѣшились

выдти изъ ущельевъ и возвращаются на мѣста жительства своихъ, въ карскую область. Счастливый путь. Гдѣ-же палатки, которыя видѣли наши разъѣзды? Это женщины, сидящія на арбахъ, съ своими остроконечными головными уборами и распущенными чадрами, сыграли роль турецкихъ шатровъ. Бѣдныя женщины—какихъ ролей не играютъ онѣ на свѣтѣ!

Подходя къ Ардагану, проходили тѣспинами, которыя при оборонѣ представили-бы большія затрудненія, еслибъ не могли быть обойдены. Наконецъ, открылась крѣпость на утесѣ лѣваго берега рѣки Куры.

Ардаганскій бекъ, узнавши о приближеніи нашемъ, бѣжалъ въ горы; за нимъ послѣдовали всѣ магометане, армяне-же встрѣтили насъ съ покорностію и ключами.

Случилось, что въ день коронаціи Государя Императора, еще одна крѣпость турецкая пала къ стопамъ его—и это новое покореніе, необходимое для соединенія завоеваній нашихъ, не стоило ни капли крови его вопнамъ. Чѣмъ лучше могли мы подарить его въ этотъ день, его, превосходящаго всѣ надежды и даже желанія подданныхъ.

Отъ Карса до Ардагана версть 75. Мѣста эти частію каменисты и хотя много уступаютъ пространству между Карсомъ и Гумрами—однако могутъ назваться хорошими, изобилуютъ весьма тучными пастбищами и обыкновенно служатъ лѣтнимъ кочевьемъ куртинцамъ и другимъ. Къ недостаткамъ-же этого пути надобно причислить слѣдующее: на всемъ протяженіи только въ четырехъ мѣстахъ есть вода—въ двухъ рѣчкахъ, озерѣ и маленькомъ болотистомъ ручейкѣ. По сторонамъ видѣлись слѣды довольно большаго населенія; на дорогѣ-же только двѣ деревни и нѣтъ ни одного дерева, ни кустарниковъ, по близъ оной начинается большой лѣсъ и вообще его много не въ дальнемъ разстояніи отъ Ардагана, окре-

стности коего всё́мъ богаты; обильная равнина, орошаемая Курюю, вмѣщаетъ всеэ́ѣ и хлѣбородныя поля, и большіе сѣнокосы, и пріятныя воды. Благосклонно взглянула природа на мѣста эти и съ излишнею противъ другихъ щедростію наградила ихъ.

Крѣпость ардаганская гораздо хуже и меньше карской; мѣстность благоприятствуетъ правильной осадѣ и осажденные не выдержали-бы трехъ дней, по теперъ туркамъ лучше не пробовать вырвать ее у насъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ каменныхъ стѣнъ съ башнями, весь форштатъ, не очень большой, обнесенъ деревяннымъ срубомъ. Я въ первый разъ вижу такое укрѣпленіе и нахожу оное, по здѣшнему, хорошимъ. Ящички, составляющіе фигуру бастіоновъ, срублены изъ огромныхъ бревенъ и плотно набиты землею и камнями—высота ихъ болѣе трехъ аршинъ, а толстота не-много менѣе. Бастіоны соединяются между собою такого-же построенія ящичками, съ бойницами для ружейной обороны, только куртны эти имѣютъ не болѣе 2½ аршинъ высоты, при такой-же толстотѣ. Съ внѣшней стороны есть парпетъ для стрѣлянія черезъ брустверъ. Думаю, что эти срубы болѣе представили-бы сопротивленія дѣйствию осадныхъ орудій, нежели каменныя стѣны крѣпости, не толстыя и не-прочно сложенныя.

Строеній хорошихъ нѣтъ; домъ бека довольно великъ, но въ немъ конюшня лучше всѣхъ комнатъ; базаръ не большой и вообще наружная бѣдность даетъ право заключать, что Ардаганъ не слишкомъ процвѣталъ.

Здѣсь найдено 31 орудіе, порядочный запасъ артилерійскихъ принадлежностей и незначительное количество провіанта. Въ пороховыхъ и хлѣбныхъ хранилищахъ замѣтны были признаки, что въ послѣдніе дни изъ нихъ тащили кто хотѣлъ и какъ хотѣлъ—видно пробѣгающее войско турецкое не забыло снабдить себя здѣсь всё́мъ необходимымъ для дальнѣйшей боевой жизни,

Корпусный командиръ, зная, что въ окрестностяхъ Ардана собирались разбѣжавшіеся изъ Ахалциха, полагалъ, что отрядъ нашъ можетъ найти тамъ большія силы непріятеля и потому прислалъ въ подкрѣпленіе генералъ-маіора Муравьева, но онъ пришелъ уже послѣ занятія крѣпости и остался на нашемъ мѣстѣ, а мы 2-го числа отправились обратно и на третій день прибыли въ Карсъ.

Непріятеля нѣтъ болѣе въ нашихъ областяхъ, но слышно, что не важныя партіи ихъ расположены въ пограничныхъ деревняхъ и новый сераскиръ эрзерумскій (главнокомандующій здѣшняго края) старается собрать войска и попробовать отнять обратно наши завоеванія, чтобы, исправивши тѣмъ дѣла свои, выказать военныя достоинства; но смѣло ручаться можно, что успѣхъ не увѣнчаетъ его намѣреній и онъ также будетъ смѣненъ за неудачу, какъ предшественникъ его за потери и какъ другіе наши за то, что были разбиты. Одна часть ожидаетъ турецкихъ начальниковъ—и весьма не мудро, что между ими нѣтъ отличныхъ полководцевъ; напротивъ, удивительнѣе было-бы, еслибъ, съ ихъ образованіемъ и устройствомъ во всѣхъ частяхъ, выскивались великіе люди. Довольно съ нихъ и того, если каждый, накурившись трубки и напившись кофе, будетъ успѣвать, разглаживая усы, перелазкать всѣхъ женъ своихъ.

25-го ноября.

Турки дрожали уже за Эрзерумъ, но корпусный командиръ, оставя въ покоренныхъ крѣпостяхъ гарнизоны и въ Карсѣ нашъ отрядъ (состоящій изъ 39-го, 40-го и 42-го егерскихъ полковъ, 2-й легкой роты 20-й артиллерійской бригады и донскаго казачьяго Извалова полка), съ прочими войсками пошелъ въ исходѣ сентября въ Грузію; вѣроятно, пото-

му, что увеличивающіеся холода предвѣщали наступленіе зимы, лишавшей возможности продолжать въ нынѣшнемъ году завоеванія.

Описанными дѣйствіями не ограничились побѣды кавказскаго корпуса. Генераль Эммануэль умиряетъ горцевъ на линіи, генераль-маіоръ Гессе взялъ 15-го іюля кр. Поті, находящуюся на берегу Чернаго моря, близъ впаденія въ него р. Ріона, а князь Чавчавадзе, начальствующій въ армянской области, овладѣлъ 27-го августа кр. Балзедомъ; потомъ, очистивши весь пашалыкъ этотъ отъ непріятели, занялъ кр. Топрахъ-кала, отстоящую съ небольшимъ на 100 верстъ отъ Эрзерума и въ экспедиціяхъ своихъ для освобожденія армянъ неоднократно встрѣчался съ турками, которые, не смотря на значительное превосходство свое въ силахъ, не могли остановить его предпріятій и, конечно, дивились смѣлости покушеній горсточка русскихъ.

Въ концѣ октября получено было извѣстіе, что почти всѣ войска непріятельскія стягиваются къ Топрахъ-кале, дабы отнять ее у нашихъ, и дѣйствовать противъ кн. Чавчавадзе, сидящаго, такъ сказать, у нихъ на носу. Движеніемъ нашего отряда къ Эрзеруму слѣдовало отвлечь ихъ оттуда, и не допустить, усилившись противъ эриванскаго отряда, сдѣлаться для него опасными.

30-го числа вечеромъ выступилъ генераль-маіоръ Берхманъ съ тремя баталіонами егерей, частію казаковъ и 10-ти орудіями, въ направленіи къ Араксу. Неудобство дороги воспрепятствовало пройти въ одну ночь верстъ до 60, дабы сдѣлать печальное нападеніе на ближайшій отрядъ непріятельскій, и на другое утро движеніе наше открыто и сильно встревожило турокъ. - Большая часть собравшихся къ баязетскому пашалыку обратилась на-встрѣчу къ намъ, что-бы при-

крывать Эрзерумъ; жители пограничныхъ магометанскихъ селеній засуетились перебираться далѣе во внутренность, армянь стали угонять туда-же, суматоха распространялась въ Пассинъ (*).

Съ величайшими усиліями дойдя и спустясь къ Араксу, генераль Берхманъ расположился на берегу ея, отправя князя Бекевича для рекогносцированія противоположной стороны. Версть 8 поднимались мы на крутую гору, мѣстами столь каменистую и столь трудную, что дальнѣйшее слѣдованіе отряда было-бы не-умѣстно, — тѣмъ болѣе, что главная цѣль достигнута — непріятель отвлеченъ отъ князя Чавчавадзе. Съ разсвѣтомъ 1-го ноября потянулись мы обратно. Скоро замѣченны разсыпавшіяся по горамъ партіи непріятельской конницы, которыя, собиравсь вмѣстѣ, болѣе и болѣе приближались къ намъ. Всѣ нужныя высоты были уже заняты и имъ оставалось только нападать на арьергардъ и то единственно для шутки, потому что всѣ выгоды мѣстоположенія были на нашей сторонѣ; однако, они рѣшились попробовать и завязали сильную перестрѣлку. Съ обыкновенною запальчивостію бросались наѣзтники на стрѣлковъ нашихъ, самые удалые подскакивали къ нимъ ближе, пезели на пистолетный выстрѣлъ, и часа два погорцевавши, они напрасно измучили лихихъ жеребцовъ своихъ и отправились во-своесп; а мы, выбравъ

(*) Пассинъ — называется санджакъ (округъ) эрзерумскаго пашалыка, примыкающій къ кареской области, — ихъ два — верхній и нижній Пассинъ.

Прим. автора.

Г. Малама въ своемъ описаніи эрзерумскаго вилета (генераль-губернаторство) верхній Пассинъ относитъ къ *казамъ* (уѣздамъ), а нижній Пассинъ къ *назімъ* (участкамъ); какъ тотъ, такъ и другой по пынѣншему административному дѣленію входятъ въ санджакъ (губернію) Эрзерумъ.

Ред.

шись на гору, ожидали, что увидимся въ другой разъ, но ошиблись и безпрепятственно возвратились въ лагерь, откуда зима выгнала всѣхъ на квартиры — и 15-го числа отрядъ вступилъ въ крѣпость.

Такъ распростились мы съ нашими противниками—снѣга и морозы раздѣляютъ насъ и до весны нѣтъ нималѣйшей надежды на свиданіе.

Письмо изъ Карса.

2-го декабря.

Гдѣ ты далекій другъ? Когда прервемъ разлуку?
Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ встрѣтить твоей душѣ понятный взглядъ,
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священный?
Гдѣ вы—дни радостей? Придешь-ли ты назадъ,
О время прежнез, о время незабвенно!
Или веселіе на вѣки отцвѣло,
И счастье мое съ протекшимъ протекло?..

Не пугайся, любезный другъ, грустнаго начала письма моего, не думай, что я изнываю отъ тоски—это минутный набѣгъ задумчивости, она пройдетъ также, какъ и все проходить на свѣгѣ. Ты знаешь меня—я все тотъ-же, время разлуки нашей не измѣнило меня. И такъ, можешь радоваться даже, видя, что вмѣсто черной печали, душа моя наполнена знакомымъ тебѣ чувствомъ.

Послѣднее письмо твое не выходитъ у меня изъ головы: что дѣлается съ тобою? Другъ, мое положеніе завиднѣе твое-

го; ты, окруженный блаженством, скучаешь, а, пасынокъ счастья, весело несешь бремя мое. Еслибъ ты по моему былъ бобылемъ, то я посовѣтовалъ-бы тебѣ пріѣхать къ намъ — перемѣна мѣстъ и образа жизни, разнообразіе новыхъ предметовъ, участіе дружбы, излечили-бы болѣзнь души твоей; но семейныя обязанности удерживаютъ тебя, зачѣмъ я не могу летѣть къ тебѣ на помощь? Однако, полно плакать — это не мое дѣло.

Давно уже намѣреваюсь я сообщить тебѣ что-нибудь о Карсѣ, но недосугъ и разные обстоятельства препятствовали; главнѣйшая-же причина состояла въ томъ, что хотѣлъ прежде самъ узнать вѣрнѣе то, о чемъ говорить буду — еще и теперь слѣдовало-бы молчать, еслибъ не настоятельное требованіе принуждало меня подѣлиться съ тобою малыми свѣдѣніями, которыя успѣлъ я собрать.

Взглянувши на карту, увидишь, что карскій пашалыкъ лежитъ между 40° и 41°, 10' сѣверной широты, 60° и 61°, 25' восточной долготы отъ перваго меридіана, и граничитъ: къ сѣверу — съ ахалцхескимъ пашалыкомъ, къ востоку — съ Грузією и армянскою областію, къ югу — съ баязедскимъ, къ западу — съ эзерумскимъ пашалыками.

Раздѣляется на 4 санджака (округа): гечеванскій (*), кагызманскій, шурательскій (заключающій развалины древней Ани, лежащей на Арпачаѣ) и зарушадскій: сверхъ того, есть пятый округъ, называемый тахтиянекими деревнями. Слово *тахтъ* — значитъ престоль, деревни сіи принадлежали нѣкогда казнѣ и отъ того получили наименованіе свое.

(*) *Гечеванъ* какъ округъ, по нынѣшнему административному дѣленію, не существуетъ; мѣстность эту занимаютъ 3-ри аширега кочующихъ кюрдовъ: деревня-же *Гечеванъ* есть и теперь — на ю.-з. отъ Карса, въ 50 верстахъ. См. описаніе эзерум. вил. г. Маламы.

Пашалыкъ занимаетъ около 9500 кв. верстъ и содержитъ до 200 селеній армянскихъ и татарскихъ.

Мѣстное положеніе области представляетъ въ естественномъ отношеніи всевозможныя выгоды. Хлѣбородная земля, изобилующая озерами, рѣками, ручьями, источниками, составляетъ главнѣйшее богатство жителей; большіе сосновые лѣса не даютъ имъ чувствовать недостатка въ деревѣ, тучныя пастбища позволяютъ заводить обширныя скотоводства, близь Аракса соляныя горы, фруктовые сады, виноградники, снабжаютъ ихъ произведеніями своими, озера и рѣки доставляютъ множество форели и другихъ рыбъ,—что можно образовать со временемъ новую отрасль промышленности. Словомъ, карская область въ первыхъ потребностяхъ не только не нуждается въ помощи сосѣдей, но всѣхъ, напротивъ, надѣляетъ избытками своими—всѣ окрестныя мѣста къ ней прибѣгаютъ. Это запасный магазинъ края, который можетъ избавить правительство наше отъ величайшихъ издержекъ, употребляемыхъ на содержаніе войскъ кавказскаго корпуса и вообще доставить множество выгодъ.

Климатъ прекрасный, здоровый во всѣхъ отношеніяхъ—это не Персія; смѣло скажу, что карская область не уступитъ лучшимъ губерніямъ Россіи. Природа щедро наградила ее дарами своими, люди ничего не усовершенствовали. Смотря на жителей, думаешь, что они мимоходомъ остановились здѣсь и только заботились о транзитныхъ дорогахъ, которыя очень хорошо устроены. Кромѣ вѣковыхъ мостовъ на рѣчкахъ и мостиковъ на ручейкахъ, канавкахъ, мнѣ часто случалось видѣть черезъ болота длинныя плотины, изъ огромныхъ каменныхъ плитъ составленныя,—но и оня, кажется, принадлежатъ, если не къ древности, то къ глубокой старинѣ.

Другъ, здѣсь болѣе прежняго я имѣлъ причинъ благодарить Бога, что родился русскимъ. Я русскій—и сердце мое трепещетъ отъ радости, я русскій—и съ гордостію замѣчаю уваженіе народовъ къ величію русскому. О, да цвѣтетъ оно, дорогое отечество, и да льются благіе дары Промысла на виновниковъ славы его и благоденствія!

Если-бы подвиги храбрости и всѣхъ воинскихъ достоинствъ здѣшняго корпуса давно не гремѣли въ горахъ, ущельяхъ Кавказа, не разносились въ равнинахъ Арменіи, то двухъ послѣднихъ кампаній было-бы слишкомъ достаточно, чтобы увѣковѣчить дѣлнія ихъ. Нужны цѣлыя книги, чтобъ описать долю частныхъ подвиговъ, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ войнъ. Повиновеніе, рѣшительность, высшее военное устройство, изумляютъ самыхъ злѣйшихъ непріятелей, и справедливая, общая хвала есть—достойное воздаяніе достойнымъ.

Такъ сдѣлано начало водворенія обывателей карской области на мѣстахъ жительства и надобно прибавить, что экспедиція эта хорошо обдуманная, искусно совершенная и удачно окончившаяся, сдѣлалась главнѣйшею причиною нынѣшняго, можно сказать, цвѣтущаго положенія области, гдѣ слѣды войны почти совершенно изгладились. Безъ этого-же движенія мы едва-ли собрали-бы жителей въ деревняхъ и, оставшись при одномъ городѣ, не получили-бы тѣхъ выгодъ, которыя теперь извлечены даже для будущей кампаніи.

Между тѣмъ, занятая нами страна очищена отъ непріятели и всѣ увидѣли, что счастье въ этой войнѣ не измѣняетъ искусству и мужеству; всѣ убѣдились, что русскіе стали твердою ногою въ покоренныхъ областяхъ и увѣрились въ прочности ихъ завоеваній. Быстро распространялся слухъ о благосостояніи перешедшихъ къ намъ отвсюду, стека-

лись семейства и ежедневно увеличивалось население деревень, до того, что осталось весьма не-много пустыхъ, жителей коихъ турки успѣли прежде угнать къ Эрзеруму. Дѣятельно принялись поселяне за уборку полей своихъ—имъ позволено также снять посѣвы отсутствующихъ, и они сдѣлали столь огромные запасы, что для продовольствія войскъ куплено у нихъ болѣе 20 т. четвертей хлѣба. Самарь (*) пшеницы платилса на мѣстѣ по 2 р. 40 к. серебромъ, а ячменя по 1 р. 60 к. Мало по-малу поднялась цѣна, по мѣрѣ большихъ требованій войсками и пріѣзда покупателей за хлѣбомъ изъ Грузіи и другихъ нашихъ владѣній; теперь пшеница доходить до 7 руб. сер., ячмень до 3-хъ, но казенная покупка кончилась и успѣхъ ея много уменьшилъ издержекъ, возвысилса также всѣ мелочи; прежде-же деньги были такъ дороги здѣсь, что продукты почти не имѣли цѣны, и сначала на рубль серебра покупалось до 20 и болѣе куръ и въ такомъ-же содержаніи все прочее. Не правда-ли, что общій знакомый нашъ, назвавшій Подолію благословеннымъ краемъ за то, что дешево купилъ утку, не отказалъ-бы и карской области въ этомъ наименованіи?

Генераль-маіоръ Берхманъ, командующій здѣшнимъ отрядомъ, до половины ноября стоялъ въ лагерѣ, къ сторонѣ Эрзерума, не въ дальнемъ разстояніи отъ хребта соганлугскихъ горъ, отдѣляющихъ насъ отъ владѣній, дабы препятствовать вторженіямъ непріятели въ предѣлы наши для раззоренія обывателей, на что собравшіеся въ Пассинѣ турки неоднократно погушались,—но близость и движенія нашихъ не позволяли имъ успѣвать въ намѣреніяхъ, а нѣсколько неудачъ и совсѣмъ отбили охоту пробовать. Теперь выпавшій

(*) Въ карскомъ санджакѣ самарь заключаетъ 16 пуд. 10 фунт. пшеницы и 13 пуд. 26 фунт. ячменя.

снігъ и славные морозы разлучаютъ насъ, и въ послѣдней стычкѣ на Араксѣ, 1-го ноября, мы, кажется, простились съ ними до пріятнаго свиданія весною, подъ стѣнами Эрзерума, если заключеніе мира не лишитъ насъ этого удовольствія.

✓ Когда и кѣмъ основаны городъ и крѣпость Карсъ—я не знаю. Не имѣя рѣшительно ни одной книжечки, нигдѣ не могу справиться о томъ. Пожалуйста, войди въ мое горе и поройся въ Саллюстіѣ, Малькольмѣ, Киннепрѣ, или посоветуйся съ какой-нибудь всевѣдой и сообщи мнѣ твои открытія. Мнѣ помнится только, что Тацитъ говоритъ о встрѣчѣ Германика съ Пизономъ въ Циррѣ (нынѣшнемъ Карсѣ). Тиверій царствовалъ тогда въ Римѣ, Германикъ управлялъ Мал. Азіею во второе консульство свое и короновалъ на престолъ Арменіи Артаксіаса. Вскорѣ потѣмъ явно возгорѣлась ссора съ Пизономъ и это случилось въ Циррѣ, или Карсѣ; слѣдовательно, онъ существовалъ уже въ 18-мъ году по Р. Х.—доведи меня до начала его (*). Еслибъ я былъ теперь въ Эчміадзинѣ, то монахи показали-бы мнѣ дорогу—я имѣлъ случай увѣриться, что армянскія лѣтописи весьма много любопытнаго и новаго могутъ открыть любителямъ исторіи,—но гдѣ взять, чего нѣтъ?

Нынѣшняя цитадель расположена на утесѣ праваго берега Карсъ-чай, огибающаго ее съ сѣверной и западной стороны, которыя совершенно не приступны. Верхній ярусъ составляетъ квадратъ, два нижніе, лежащіе по скату горы, надъ городомъ, образуютъ родъ паралелограмма и всѣ устьяны орудіями; но предвараю тебя, что описанія мои не будутъ ни

(*) Первоначально городъ назывался *Циррэмъ*, потомъ *Гару* и, наконецъ, съ X вѣка по Р. Х.—Карсомъ. Последнее названіе дано ему Константиномъ Порфиророднымъ, греческимъ императоромъ. См. ст. г. Маламы — «Историческій очеркъ Карса.»

подробны, ни строго точны. Неправильности повторенія лишают возможности рассказать вѣрно — для этого нужно много времени и описаніе выйдет длиннѣе укрѣпленій; даже въ чертежѣ большаго размѣра съ трудомъ можно соблюсти всѣ изгибы крѣпостныхъ стѣнъ, которыя выются столь разнообразно, что должны привести въ отчаяніе того, кто захочетъ все означить на своемъ планѣ.

Продолженіе наружныхъ стѣнъ цитадели примыкаетъ къ крѣпостнымъ съ восточной и южной сторонъ и образуютъ крѣпость, имѣющую вообще 4 главныхъ угла, соединяющихся волнистыми линіями. Длина боковъ отъ 260 до 350 саж. Сѣверный и сѣверо-западный фасы, висящіе надъ утесомъ, обнесены одною стѣною, юго-западный, южный и восточный — двумя, изъ коихъ, разумѣется, внутреннія выше наружныхъ.

Цитадель, также и крѣпость, сложены изъ дикаго камня, но въ отдѣлкѣ первой замѣтно болѣе чистоты, тщательности и способъ построенія ея заставляетъ думать, что крѣпость придѣлана къ ней гораздо позднѣе; 151 орудіе обстрѣливаютъ окрестности, представляющія по каменистому грунту, невыгодному мѣстоположенію и другимъ неудобствамъ при осадныхъ работахъ, столько затрудненій для взятія крѣпости безъ штурма, что хотѣлось-бы мнѣ посмотреть, какъ 50 т. турецкая армія, со всѣми принадлежностями своими, выживетъ насъ отсюда, хотя здѣшній отрядъ, съ нестроевыми, едва-ли выставитъ болѣе 4 т. человекъ.

Крѣпость населена магометанами и раздѣляется на 17 магаловъ (кварталовъ); въ каждомъ есть по мечети и во всѣхъ: 1 армянская церковь, 850 домовъ, 1 казенный каравансарай, 126 лавокъ и 2 бани.

Къ восточному и южному фасамъ прилегаютъ два татарскихъ форштата, а противъ западнаго лежитъ армянскій, от-

дѣляющійся отъ всего рѣкою, на коей въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи есть 3 моста—средній весь изъ камня на 3-хъ аркахъ, боковые-же на каменныхъ столбахъ, соединенныхъ толстыми деревянными брусьями, замощенными камнемъ. Мосты сіи выстроены весьма хорошо и прочно, но не слѣдовало-бы задавливать переклады столь тяжелымъ помостомъ, сверхъ коего сдѣланы еще перилы изъ огромныхъ-же камней, хорошо пригнанныхъ и обточенныхъ.

Въ двухъ магометанскихъ предмѣстіяхъ считается 1174, а въ армянскомъ 600 домовъ. Всѣ предмѣстія раздѣлены на 11 магаловъ, въ каждомъ по 1-й мечети и одна церковь, а во всѣхъ 4 каравансарая, съ комнатами для прїѣзжихъ и 430 лавокъ. Въ армянскомъ форштатѣ: 2 бани, 2 кожевни, 6 мыльныхъ и 1 кирпичный заводъ,—фабрикъ никакихъ нѣтъ, но въ домахъ дѣлаются войлоки, простые ковры и т. п. Для крашенія издѣлій есть 6 красильень для краснаго цвѣта и 15 для синяго; къ городу принадлежатъ 7 водяныхъ мѣльницъ. Карсъ ведетъ торгъ съ Грузіею, Персіею и Турціею. *Изъ Грузіи* получаетъ: кофе, сукно, шелкъ, русскій холстъ, ситець, ромъ, вино, балыкъ, нефть, ковры, войлоки, кожи, жернова и изъ казахской дистанціи лошадей. *Изъ Эривани*: сахаръ, шелковыя, шерстяныя, бумажныя матеріи, хлопчатую бумагу, сарочанское пшено, простой курительный табакъ, сухіе и свѣжіе плоды, мыльный песокъ и краски. *Изъ Ахалциха*: воскъ, медъ, холстъ, фрукты, строевой лѣсъ. *Изъ Эрзерума*: сукно, парчи, оружіе, порохъ, табакъ, шелковыя и шерстяныя матеріи.

Изъ Персіи и Грузіи доставленные товары прѣзрвождаются въ Эрзерумъ и другія мѣста; пошлины брать паша по 4 коп. съ рубля, сверхъ того разныхъ накладокъ на товары съ армянъ взималось до 1 т. руб. серебромъ, что со-

ставляло всего таможенного дохода около 2500 руб. серебромъ.

Изъ карской-же области вывозится хлѣбъ, соль и частію дерево.

Городъ расположенъ амфитеатромъ и былъ-бы красивъ, если-бы дома бѣлились и раскрашивались; улицы узкія, кривыя, особенно въ крѣпости, гдѣ двѣ встрѣтившіяся повозки ни-какъ не могутъ разѣхаться и проѣзжающіе должны дѣлать, какъ умѣютъ. Мостовая и тротуары, для прохода одного человѣка, сдѣланы изъ большихъ твердаго свойства камней, въ которыхъ нѣтъ недостатка. Дома каменные и множество двухъ-этажныхъ, съ деревянными балконами. Архитектура самая жалкая—видишь большой домъ изъ хорошаго матеріала, думаешь въ срединѣ найдти отличное помѣщеніе—и ошибаешься: двухъ комнатъ нѣтъ всегда выгодныхъ для житья. Лѣтніе покои, безъ которыхъ весьма можно обойтись по здѣшнему климату и разныя каморки, не у мѣста расположенныя, все портятъ. Нижній этажъ отводится подъ кухни, конюшни, всего удобнѣе обдѣланныя, и дамскіе будуары, врытые въ скатъ горы, въ коихъ подъ потолокомъ только оставлено окошечко, верхковъ въ 6 длины,—свѣтъ не ослѣпляетъ тамъ взоровъ и царствуетъ нѣжный другъ сладострастія—вѣчный сумракъ. Въ сіе окошечко прекрасныя—видятъ лоскутокъ неба, которое могло-бы, конечно, скоро приглядѣться, если-бы не разнообразилось пробѣгающими облаками или волнами тучъ осеннихъ. Правда, не одинъ этотъ видъ имъ представляется—иногда въ ихъ окошечко смотрится часть луны, и юныя жены, въ уединенныхъ мечтаніяхъ своихъ, любятъ серебряными ея рогами и мечтанія ихъ невольно усиливается.

Почти во всѣхъ комнатахъ деревянные потолки и во многихъ полы, нижняя часть стѣнъ обшита досками—ездѣ много дерева въ разныхъ отдѣлкахъ и много сходства во

вкусѣ съ избами богатыхъ мужиковъ русскихъ—вездѣ лари, поставы и рѣзба,—только мастеровые наши немного болѣе наблюдаютъ правильности, тутъ-же мнѣ не случилось еще видѣть ничего прямого—все криво и косо. Однако, здѣшнія квартиры наши вообще несравненно выгоднѣе, нежели въ Персїи были, хотя дома тамъ пышнѣе, красивѣе и щеголеватѣе.

Въ числѣ жителей, кромѣ армянъ, турокъ и татаръ, есть цыгане—ихъ менѣе ста душъ обоего пола и всѣ они живутъ въ городѣ на южномъ фортштатѣ.

Армяне—народъ промышленный, оборотливый, за честность ихъ не ручаюсь, но въ искренней преданности къ правительству нашему нельзя сомнѣваться. Выгоды, замѣченныя ими въ новой переменѣ, слишкомъ велики: вмѣсто угнетенія—кротость, вмѣсто грабежей—покровительство, вмѣсто пренебреженія—справедливость. Кто не захочетъ сдѣлать столь удачный обмѣнъ. И армяне отъ души желаютъ принадлежать Россїи, и здѣсь, какъ въ Эривани, малютка, едва начинающій лепетать, видя нашихъ, кричитъ по-русски:—„здравствуй“. Еще въ него нельзя вселить притворства, надобно, чтобы онъ безпрерывно слышалъ похвалы русскимъ и съ молокомъ матери всасывалъ любовь къ нимъ. И должно отдать полную справедливость обращенію войскъ нашихъ съ обывателями. Не стану увѣрять тебя, что въ здѣшнихъ полкахъ все ангелы, но скажу, что у дьяволовъ рога и зубы подпилены—начальство слишкомъ хорошо беретъ свои мѣры,—ничто дурное не скрывается, ничему не потакаютъ и мошенники такъ убѣдились въ томъ, что только самые отважные рѣшаются на опыты и, при всегдашней неудачѣ, теряютъ охоту къ повторенію. Это вошло въ общее правило, въ привычку, и какъ будто иначе быть не могло. Въ Россїи солдатъ позволяетъ

себѣ болѣе дерзости надъ мужикомъ и отъ того чаще бывають ссоры, здѣсь и не слыхать о нихъ. Такое примѣрное поведеніе вселило неограниченную довѣренность въ жителей — они очень хорошо поняли, что есть и между нашими дурные, но увѣрили, что за таковыми строго наблюдаютъ и потому не опасаются ихъ.

Однажды поселяне приходятъ въ лагерь, являются къ генералу Берхману и говорятъ: мы должны везти въ Карскъ хлѣбъ, проданный въ казну; жены наши однѣ остаются въ деревнѣ, ихъ некому защищать отъ обидъ. Сдѣлайте милость, дайте имъ нѣсколько солдатъ, пока мы возвратимся. Не правда ли, что довѣренность не можетъ выше простираться, особенно въ Азіи, гдѣ очень придерживаются правила, что жену, да любимую лошадь никому поручать не должно?

Это происшествіе напомнило князю Бековичу слѣдующее: въ 1823 году былъ онъ въ Дагестанѣ съ отрядомъ для усмиренія возмущившихся. Исполнивши порученіе, войска расположились на зимнихъ квартирахъ въ деревняхъ. Скоро солдаты сдружились съ обывателями до того, что помогали имъ во всѣхъ домашнихъ работахъ и жили какъ родные. Забавно было видѣть усача нашего, въ огромномъ хозяйскомъ тулупѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, забавляющаго малютку, въ то время, какъ мать занималась рукодѣльемъ или хозяйствомъ. Пришла пора выходить отряду — всѣ мужчины и женщины провожали ихъ болѣе 5-ти верстъ, везли хлѣбъ, медъ, молоко и съ истиннымъ сожалѣніемъ дагестанцы разставались съ русскими. Но повторяю, что я никогда не кончу, если вздумаю пересказывать тебѣ тысячи тысячъ анекдотовъ здѣшнихъ, во всѣхъ родахъ.

Малометане оказываютъ во всемъ совершенную покорность, но замѣчая суровость характера ихъ и сильный фа-

натизмъ къ вѣрѣ, возбуждающей ненависть къ христіанамъ, нельзя полагать, чтобы истинная къ намъ привязанность столь скоро могла изгнать изъ сердца ихъ врожденную злобу. Они видятъ преимущество законовъ нашихъ, удивляются благоразумію и кротости правленія, желали-бы остаться съ нами, но приверженность къ религіи должна замедлять развитіе ихъ расположенія къ намъ.

Князь Бекевичъ имѣетъ особенный даръ и средства привлечь ихъ съ собою. Съ малолѣтства научась не только турецкому, но и арабскому языку, онъ знаетъ ихъ въ тонкости, знаетъ также нравы, обычаи, духъ народовъ азіатскихъ, и приобрѣлъ необычайное искусство владѣть ими. Всѣ чиновники турецкіе, можно сказать, обожаютъ его. Люблю я присутствовать при бесѣдахъ его съ ними—не понимая языка, по неволѣ обращаю все вниманіе на лица, слова разговоровъ не развлекаютъ моихъ наблюдений и по фізіономіямъ я почти всегда отгадываю, о чемъ идетъ рѣчь. Вижу, когда онъ объясняетъ имъ мудрость государственныхъ постановленій нашихъ, имѣющихъ постоянною цѣлю благоденствіе подданныхъ,—убѣжденіе сильнѣе и сильнѣе выражается въ суровыхъ чертахъ кадія, свѣтлый взглядъ муфтія давно уже выражаетъ высокое уваженіе, имъ ощущаемое. Знаю, когда онъ описываетъ обширность Россіи, славу ея, могущество, величіе, знаменитыя дѣла государей, славные подвиги полководцевъ, министровъ—изумленіе открываетъ мнѣ чувства ихъ, и я слѣдую за ними по догадкѣ и какъ будто въ первый разъ слышу повѣствованія о томъ—такъ дѣйствуетъ на меня сила вліянія, въ нихъ производимаго. Онъ разсуждаетъ о религіяхъ, на текстахъ корана основываетъ доказательства свои, открывая имъ неправильность ихъ толкованій—и они удивляются его свѣдѣніямъ и часто сознаніе сверкаетъ въ непритвор-

ныхъ глазахъ муфтія и увеличивается скрытность на цѣкахъ кадія.

Любовь, почтеніе, приверженность, ясно отпечатываются въ чертахъ многихъ къ нему приходящихъ, и какое множество выразительныхъ, прекрасныхъ лицъ встрѣчается. Еслибъ ты видѣлъ одного янычарскаго чиновника, здѣсь живущаго, что за голова! Армяне далеко не могутъ равняться съ турками въ значительности лицъ—они довольно часто напоминаютъ мнѣ о жидкахъ.

Не имѣя надобности въ переводчикѣ, князь Бекевичъ не только вполне изясняетъ имъ свои мысли, но вводя ихъ въ откровенные разговоры, можетъ извлекать то, чего самый лучший переводчикъ передать не въ состояніи. Постигнувши всѣ неприимѣтныя для другихъ оттѣнки нравовъ здѣшнихъ народовъ, онъ изыскалъ средства вести ихъ къ цѣли своей—и этими способами, кромѣ обыкновеннаго устройства въ области, открылъ разные доходы казны, которые по доставшимся свѣдѣніямъ не были извѣстны и пропадали,—успѣлъ склонить даже татаръ, перейти къ намъ, и такимъ образомъ, населивши область, получилъ возможность заготовить большіе запасы продовольствія для начала будущей кампаніи,—наконецъ, убѣдилъ магометанское духовенство въ часто гибельномъ для турокъ заблужденіи фатализма и умѣлъ заставить священниковъ—дѣйствовать примѣромъ и наставленіями на простой народъ, и оказавшаяся во многихъ мѣстахъ чума прекращена, не распространившись, ибо жители, получая чрезъ имамовъ докторскія предписанія, скоро увидѣли пользу и перестали противиться страшному, во всякомъ случаѣ, для невѣжества нововведенію, и потомъ сами начали прибѣгать къ медикамъ съ просьбами о лекарствахъ и совѣтахъ.

Я имѣю еще множество вещей сказать тебѣ, но отлагаю

дальнѣйшія подробности до другаго посланія, сообщу теперь, какъ мы убиваемъ время, чтобъ ты обо всемъ зналъ по-немногу.

Всякаго рода жизнь имѣетъ свои неудобства и свои пріятности удовольствія—наши зависятъ всегда отъ постороннихъ обстоятельствъ, отъ расположенія душевнаго; сердце, растерзанное, мучится шумнымъ весельемъ, къ которому стремится неопытность,—первое—жаждетъ тишины глубокой, чтобъ на свободѣ врачевать раны свои, послѣдней—нужна пламенная разсѣянность, чтобъ заглушить бурный гласъ кипящаго желанія—жить. Насладившійся, ищетъ отдыха, пресыщенный—возбужденія, умѣренный управляетъ желаніями своими и всѣмъ довольствуется, слабый увлекается страстями и ни въ чемъ не находитъ отрады. Тысячи оттѣнковъ въ характерахъ, тысячи точекъ зрѣнія на предметы. Гдѣ-же общая черта наслаждений? Проведи ее—и люди будутъ истинно несчастливы, иной лучше согласится страдать, нежели искать облегченія въ томъ, что другой почитаетъ блаженствомъ—составъ душъ ихъ различенъ. Сова не дерзаетъ взглянуть на свѣтъ, орелъ прямо устремляетъ взоры на солнце. Постепенный ходъ обзора другихъ соединяетъ эти крайности—это не совы и не орлы, различно ихъ зрѣніе, различенъ и полетъ.

Братъ и другъ, ты чувствуешь свое благополучіе, любовь жены, утѣхи отца приводятъ тебя въ восторгъ, отъ чего-же тяжесть давить грудь, столь твердую прежде? Еслибъ я не зналъ тебя, то могъ-бы почитать слишкомъ слабымъ для того, чтобы переносить верховное счастье, недостойнымъ имъ наслаждаться; но нѣтъ; ты не принадлежишь къ числу тѣхъ полу-людей, которыхъ убиваетъ и горе, убиваетъ и радость. Воспрянь-же отъ изнеможенія, поселеннаго въ тебѣ первыми минутами райскаго существованія; раздери мрачный

покровъ, надернутый враждебнымъ духомъ на все тебя окружающее, и мужественно исторгни змію сокрушенія, тебя грызущую. Первое извѣстіе о тебѣ должно убѣдить меня, что я не ошибся въ выборѣ друга.

Ты требуешь совѣтовъ—не совѣты другихъ должны спасти тебя, а собственно твоя твердость и дѣятельность. Спрашиваешь о моемъ нравственномъ положеніи—и вотъ нѣсколько словъ о томъ.

Тебѣ извѣстна любимая прежде мечта моя, она и теперь не измѣняетъ моему сердцу, которое жаждетъ, послѣ всѣхъ бурь, бросить якорь въ пристани любви и дружбы. Дружбою нѣкоторыхъ я имѣю право гордиться...

Любовь... но я въ любви напелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженъе.
Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно?

Вотъ, любезнѣйшій другъ, причина, нарушающая иногда мое затвердѣлое равнодушіе. Обдумавши слова мои, не скажешь-ли—будущность его не утѣшительна?

Свершилось! цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего;
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы, сокрылись отъ него.

Но все пустяки, увѣряю тебя, что я совершенно излечился отъ хандры, которая въ старину и забавляла, и пугала тебя, достигъ высшей степени спокойствія и терпѣнія. Правда, съ мѣсяць назадъ угрюмый Карсъ нашъ три дня смотрѣлъ на меня гробомъ, а Эривань, съ садами своими, все это время представлялась въ самомъ улыбающемся видѣ; однако, клянусь колпакомъ великаго Канта, что вооружась

всею тяжестью его философии, я поссорюсь съ этимъ гостемъ, если онъ опять вздумаетъ посѣтить меня,—не позволяй и ты тоскѣ владѣть тобою, возьми съ меня примѣръ рѣшительности. Право, намъ стыдно поддаваться слабости, мы-ли не старались напитать себя духомъ бодрости, мы-ли не усердно бивали поклоны при молитвѣ—«духъ-же смиренномудрія, терпѣнія и любви, даруй мнѣ, рабу твоему?»... Однако, далѣе.

Пока продолжалась боевая жизнь наша, то и занятія, и увеселенія съ нею согласовались, и нельзя сказать, чтобы жизнь эта вовсе лишена была пріятностей—она представляетъ иногда такія минуты, которымъ позавидовали-бы самые прихотливые искатели забавъ. Конечно, минуты эти не часто повторяются и тѣмъ болѣе умѣютъ ихъ цѣнить тѣ, которые, непрерывно подвергаясь лишеніямъ, научились всѣмъ пользоваться. Привычка жить отъ дня до дня уменьшаетъ скуку, товарищество разгоняетъ ее, а кто въ самомъ себѣ находитъ развлеченіе, тому вездѣ не худо.

Теперь весь отрядъ въ крѣпости, пріятели и знакомые, собираясь вмѣстѣ, проводятъ праздные часы, кто какъ можетъ. Я ничего не умѣю сказать тебѣ о главнѣйшихъ занятіяхъ ихъ, потому что, имѣя достаточно собственныхъ, рѣшительно нигдѣ никогда не бываю. Боюсь терять время свободное отъ службы, ибо столько собралось дѣла, что, не смотря на продолжительность здѣшней зимы, едва-ли успѣю все кончить.

Бываютъ иногда званые обѣды и сборы болѣе обыкновенныхъ—гремятъ полковныя музыки, льется шампанское въ тостахъ и оживляется удовольствіе въ сердцахъ присутствующихъ. Ты знаешь, что я не охотно посѣщалъ подобные пиры, и теперь не лежитъ къ нимъ сердце. Съ удовольствіемъ, однако, смотрю я на угощенія, дѣлаемыя начальни-

комъ области здѣшнимъ старшинамъ и чиновникамъ. Эти праздники видимо сближаютъ и русскихъ съ магометанами и магометанъ съ армянами; закоренѣлая ненависть мусульманъ къ христіанамъ, мало по малу, смягчается и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при подобныхъ поступкахъ она скоро исчезнетъ.

Наконецъ, въ Карсѣ есть одинъ домъ семейный. 39-го егерскаго полка подполковникъ Пулло съ женою своею разставались только на время военныхъ дѣйствій. Трудный, ускоренный походъ изъ Крыма въ Грузію совершили они вмѣстѣ. Полки двинулись для усмиренія джарскихъ лезгинъ—она остановилась въ пограничномъ городѣ; расположились на квартирахъ въ с. Али-абатѣ, за Алазанью, гдѣ русскіе до толѣ бывали только мимоходомъ,—мужъ боится вызвать ее, не довѣряетъ безопасности дорогъ, ожидаетъ вѣрнаго случая—она, не дожидаясь, утѣшаетъ его своимъ прибытіемъ; пошли въ Персію—она осталась въ Тифлисѣ; по взятіи Эривани, 39-му полку пришлось тамъ зимовать—она пріѣзжаетъ; войска стали на границѣ Турціи—она вслѣдъ за нами, тронулись впередъ—она ожидаетъ въ Гумрахъ. (Черезъ рѣчку Арпачай непріятельская земля; въ Гумрахъ только одинъ баталіонъ пѣхоты и отъ внезапнаго нападенія на скорую руку сдѣланное каменное укрѣпленіе). Верутъ Карсѣ и подполковникъ Пулло назначается комендантомъ. „Ты можешь пріѣхать—пишетъ онъ къ ней, но лучше сдѣлаешь, если подождешь нѣсколько—здѣсь открывается чума.“ Она получаетъ письмо его, садится въ коляску—и въ Карсѣ.

Не разбирая опасностей, которымъ подвергалась она, не считывая трудовъ, которые переносила и къ которымъ, по воспитанію своему, не могла привыкнуть, не разсматривая убойственной скуки, которую должна терпѣть—взгляни только

на разстояніе, которое сдѣлала, на походную жизнь, третій годъ продолжающуюся, и скажи—думаешь-ли ты, что если-бы женщины служили и подобно мужчинамъ бросались изъ угла въ уголъ по бѣлому свѣту, согласились-ли-бы мужа таскаться за ними, лишаясь всѣхъ удобствъ? Н. К., позвольте узнать и ваше объ этомъ мнѣніе?

Не знаю, что-бы дѣлали мужа, будучи поставлены въ положеніе женъ, но тысячи примѣровъ видѣлъ величія характера женскаго и уважаю ихъ. Мы велики на словахъ; онѣ на дѣлѣ, и давно уже убѣжденъ я, что онѣ несравненно лучше насъ.

Встрѣчая въ первый разъ любопытный предметъ, мы съ жадностію его рассматриваемъ; чѣмъ необыкновеннѣе предметъ этотъ, тѣмъ сильнѣйшее дѣлаетъ на насъ впечатлѣніе и никогда не изглаживается изъ памяти; рассматривая, впоследствии, подобные-же предметы, мы всегда вспоминаемъ тотъ, который первоначально поразилъ наше вниманіе.

Въ нравственномъ отношеніи вліяніе перваго примѣра еще сильнѣе и Александра Павловна Пулло можетъ почитаться основательницею будущаго преобразованія эриванскихъ и карскихъ жительницъ. Онѣ никогда ее не забудутъ—надобно видѣть, съ какимъ вниманіемъ смотрятъ на нее азіятки. Однажды, имѣвши случай учавствовать въ ея прогулкѣ по городу, я былъ свидѣтелемъ множества весьма занимательныхъ явленій. Работавшія близъ домовъ турчанки, оставляли занятія свои и въ живописныхъ положеніяхъ съ изумленіемъ смотрѣли на нее, говорившія оставались съ полукрытыми ртами, большіе глаза ихъ становились еще болѣе, пряслицы переставали вертѣться, руки замирали на томъ размахѣ, при которомъ застало ихъ это необычайное для нихъ зрѣлище. Иныя бросались съ крикомъ въ комнаты и вызывали подругъ

своихъ, встрѣчающіяся, забывая о присутствіи мужчины, раскидывали покрывалы свои, тѣ прикасались къ ней, другія говорили ей привѣтствія. Скромность молодой женщины робѣть, видя себя предметомъ чьего-бы то ни-было нескромнаго удивленія, и живой румянецъ измѣнялъ чувствамъ Александры Павловны.

Иные говорятъ, что въ чертахъ лицъ мужскихъ, вообще, яснѣе отпечатываются ощущенія душевныя—мнѣ кажется, что это тогда только бываетъ, когда дѣйствуютъ сильныя страсти, при слабыхъ-же потрясеніяхъ сердца я гораздо лучше читаю въ женскихъ, нежели мужскихъ фізіономіяхъ. Ты какъ думаешь?

Командантъ нашъ живетъ очень хорошо, командантъ привѣтлива, мила, и всякій вечеръ у нихъ собираются, играютъ на нѣсколькихъ столахъ въ вистъ, бостонъ и другія игры, которыхъ названія я не припомню теперь—онѣ у васъ въ столицѣ, говорятъ, въ большой модѣ. Я все тотъ-же невѣжда, любезный другъ, даже въ дурачки забылъ играть—вотъ что значить давно съ бабушкой не видаться. Мнѣніе мое на счетъ удовольствія, доставляемаго карточною игрою, не перемѣнилось, и я все полагаю, что если уже наскучило думать, говорить, то и въ такомъ случаѣ гораздо забавнѣе пускать мѣльницу пальцами, нежели играть въ карты. Впрочемъ, я не утверждаю этого, а говорю только о себѣ—о вкусахъ нельзя спорить.

Присутствіе умной, любезной женщины всегда распространяетъ вокругъ себя тонъ приличія, вѣжливости и всего хорошаго,—казарменныя остроты прилипаютъ къ гортани, ловкая хозяйка умѣетъ все такъ уладить, такъ одушевить, что любо смотреть. Скромная непринужденность царствуетъ въ обществѣ образованной женщины—и я охотно-бы отрывался

иногда отъ занятій, чтобы въ домѣ коменданта вспомнить давно-минувшее; но думая о своемъ удовольствіи, не надобно забывать, что съ тѣмъ вмѣстѣ налагаешь и на себя обязанность, доставлять другимъ удовольствіе. И такъ, мнѣ нечего тамъ дѣлать—любезничить не люблю, быть истинно любезнымъ не надѣюсь, наскучить собою—не хочется. Боюсь, чтобы терпѣніе ласковой хозяйки не прервалось и чтобъ она не стала

Зѣвать, и думать про себя:

Когда-же чертъ возметъ тебя...

А потому лучше забиться въ свою каморку, курить трубку и ожидать, пока судьба снова приведетъ туда, гдѣ буду увѣренъ, что не принесу съ собою скуки.

Скажешь-ли теперь, что я лѣнивъ? Каково-то будетъ тебѣ читать? Мнѣ хорошо—я кончилъ.

P.S. Напомни обо мнѣ женѣ твоей и поцѣлуй малютку.

Ермоловъ и Паскевичъ (*).

Съ прибытіемъ на Кавказъ, Паскевичъ, уполномоченный особыми инструкціями, видѣлъ уже въ Ермоловѣ падающаго соперника; однако, на первый разъ они встрѣтились любезно. Но Паскевичъ, конфиденціально снабженный силою, началъ предъявлять претензію начальствующаго, а Ермоловъ, не смотря на гнетущія его обстоятельства, не хотѣлъ смиренно уступить ввѣренную ему власть: явились пререканія между главными начальниками въ самый важный моментъ военнаго времени и мѣстныхъ смуть. Сначала раздражительный, увлекающійся подозрительными впечатлѣніями, Паскевичъ видѣлъ около себя во всемъ какую-то интригу Ермолова и его близкихъ подчиненныхъ, будто-бы не желавшихъ должною готовностію быть исполнителями его распоряженій. Ермоловъ, находясь еще подъ обаяніемъ своего прежняго достоинства и признанной высокой репутаціи, считалъ Паскевича какъ-бы случайнымъ временщикомъ, желавшимъ возвыситься на его счетъ. Это соперничество властвующихъ тяжело отозвалось на подчиненныхъ и въ особенности на войско, и безъ того отягощенное трудами и лишеніями начавшейся кампаніи. Но когда Ермоловъ палъ, восторжествовав-

(*) Статя эта была напечатана въ Русскомъ Архивѣ за 1873 г., и является здѣсь въ болѣе исправленномъ и дополненномъ видѣ.

шій, благородный по душѣ Паскевичъ, созналъ свою несправедливость и, подъ явленіемъ чрезвычайныхъ воинскихъ успѣховъ, къ концу персидской кампаніи, сдѣлался добръ и милостивъ, обращаясь съ похвалою къ тѣмъ самымъ войскамъ, о которыхъ такъ дурно прежде относился, къ тѣмъ начальникамъ частей, на которыхъ такъ мало сначала полагался.

Въ виду этого, не желая опровергать односторонніе взгляды Паскевича на войско и состояніе дѣлъ, имъ самимъ послѣ опровергнутые, на положеніе края, совершенно не подходящаго по своему свойству и характеру подъ мѣрку тогдашняго строя въ Россіи, я, какъ свидѣтель и частію участникъ тогдашнихъ событій, рѣшаюсь сдѣлать нѣкоторыя поясненія на донесенія Паскевича покойному Императору Николаю Павловичу и другимъ правительственнымъ лицамъ (Русская Старина 1872 г., № 5, 6 и 7).

Начнемъ съ вещеваго довольствія войска, найденнаго въ такомъ дурномъ видѣ Паскевичемъ. Оно получалось изъ ставропольской комиссіи, куда полковые приѣмщиками изъ Закавказья съ пѣшими командами отправлялись въ сентябрѣ мѣсяцѣ для полученія аммуниціи на слѣдующій годъ, и часто для пополненія вещей, недобранныхъ еще, по милости комиссіи, за прошлое время; въ полки-же возвращались приѣмщики, по причинѣ бездорожья зимою и весною въ горахъ, на арбахъ и больше выюкахъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ слѣдующаго года, т. е. полгода спустя послѣ назначеннаго срока для довольствія, когда рубахи и сапоги износились въ прахъ, а мундиры были въ заплаткахъ, да еще нужно было время для ихъ постройки. Ермоловскіе протесты по этому предмету были безсильны въ Петербургѣ: тузы-подрядчики

и сытые тогдашніе комисіонеры не обращали на нихъ вниманія. Когда Николай Павловичъ во время коронаціи подарилъ, при перемѣнѣ формы, всѣмъ офицерамъ арміи сукна на обмундировку натурою, то пишущій сіи строки получилъ сукно на скортукъ буквально бурога цвѣта, добротою въ родѣ байки, хотя образчики изъ комиссаріата были высланы порядочные. Изъ казенныхъ лосинныхъ фабрикъ лосинныя и юфтовыя вещи отпускались гадья, и только при Линденѣ и С. П. Шиповѣ (генераль-крюгсъ-коммисарахъ) въ тридцатыхъ годахъ началось довольствіе войскъ лучше.

Въ сильный разгаръ разразившейся персидской тревоги аммуничныя вещи только подвозились въ штабъ-квартиры; между тѣмъ, войска, разбросанныя въ мелкихъ командахъ, съ работъ и разныхъ постовъ и укрѣпленій, на-легкѣ, въ чемъ попало, стремглавъ спѣшили къ извѣстнымъ пунктамъ; въ виду угрожающей опасности, не только вещами, но и деньгами, некогда было ихъ удовлетворить, по милости запоздалыхъ отпусковъ изъ комиссіи. Вотъ и причина найденнаго Паскевичемъ жалкаго состоянія войскъ при ихъ осмотрѣ во время похода—и Ермоловъ тутъ былъ не виноватъ. Точно также и при Паскевичѣ мы возвратились изъ Персіи въ дырахъ и заплатахъ, не только солдаты, но и офицеры, измѣрившіе въ теченіе года своими шагами каменистыя, безпріютныя пустыни Персіи. Кавказскому войску въ то время на роду было написано—ходить въ лохмотьяхъ, купить негдѣ, а одежда на работахъ и въ походѣ по каменистымъ дебрямъ и мѣстнымъ густымъ чащамъ рѣшительно горѣла на людяхъ и не выслуживала срока.

Теперь обратимся къ фронтовой части. Кавказскіе солдаты какъ при Ермоловѣ (чего прежде не знали въ Петербургѣ), такъ и при Паскевичѣ и послѣ (что уже знали хоро-

по) были только мастера на марши, но не маршировку, и фронтальная эзерция при Паскевичѣ нисколько не подвинулась, да и некогда было подвигаться въ постоянныхъ походахъ. На парадахъ, при занятіи Тавриза и послѣ штурма Ахалциха, солдаты въ шинеляхъ, офицеры въ сюртукахъ проходили мимо Паскевича (бывшаго въ мундирѣ, какъ уже сказано въ текстѣ) колоннами, шагомъ и строемъ ермоловскихъ временъ, и получали искреннюю благодарность. Дибичъ, при осмотрѣ войска, выказалъ болѣе безпристрастія и справедливости; онъ съ похвалою отозвался объ офицерахъ и отдалъ должную цѣну соблюденію строгой дисциплины въ войскахъ, которое было настолько обучено, что знало свое солдатское дѣло, хотя безъ утонченной шагистики, хорошо, какъ показали результаты персидской и турецкой кампаній. Если нѣкоторые баталіоны не умѣли построиться въ каре, какъ доносилъ Паскевичъ, то такихъ могло быть два-три баталіона, разбитыхъ по постамъ и укрѣпленіямъ по-ротно и даже менѣе, постоянно конвоировавшихъ *оказии* и не сводившіеся въ баталіонный составъ по-нѣскольку лѣтъ—и это были привыкшіе къ постоянной перестрѣлкѣ и переходамъ солдаты; тогда линейныхъ баталіоновъ не было. вмѣстѣ съ боевыми подвигами, кавказскій солдатъ былъ чернорабочій человекъ при возведеніи громадныхъ построекъ и проведеніи дорогъ, очень дешево обходившихся казнѣ, такъ какъ солдаты получали только по 5 коп. въ день безъ добавки порціоновъ и то не всегда, ибо штабъ-квартиры и казармы строились безвозмездно, а офицеры жили на собственный счетъ. Когда грузинскій гренадерскій полкъ, при новомъ составѣ гренадерской бригады, переведенъ былъ въ г. Гори въ 1834 году, то онъ свою штабъ-квартиру, выстроенную имъ безъ всякихъ пособій на урочищѣ Мухровани, т. е. пустомъ мѣстѣ, долженъ

былъ передать въ артилерійскую бригаду безденежно.

Но передъ началомъ персидской войны было въ модѣ и какимъ-то расчетомъ бросать грязью въ кавказскаго солдата— этого отчужденнаго отъ родины, изнывавшаго въ скукѣ и лишенияхъ, первоначальнаго подвижника русской военной славы на Кавказѣ.

Перейдемъ къ оцѣнкѣ, которую Паскевичъ дѣлаетъ политикѣ и администраціи Ермолова. Какъ солдатъ, служившій подъ побѣдоносными знаменами своего полководца, я принадлежу къ числу почитателей военной репутаціи Паскевича, положившаго много славы въ русскую военную исторію; но далеко не поклонникъ его административной дѣятельности и еще менѣе политической. Изучая прилежно военныхъ писателей и поклоняясь военному генію Наполеона I-го, какъ боевой генераль, онъ никогда не занимался гражданскимъ и политическимъ строемъ общества. И тамъ, гдѣ Ермолова трудно было поддѣть на удочку, тамъ легко было пустить туману въ глаза Паскевичу. Военный Ермоловъ былъ добръ и снисходителенъ, при требованіи *однако-же* строгой дисциплины; гнѣва его всѣ боялись, хотя ограничивался онъ только, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, ѣдкою бранью. Гражданскій Ермоловъ и администраторъ былъ требователенъ и разборчивъ въ чиновникахъ и, по примѣру Циціанова и Торماسова, строга къ туземцамъ; онъ зналъ сколько надѣлало вреда краю и государству управленіе Гудовича и Ртищева. Оставайся Ермоловъ долѣе на Кавказѣ, много-бы пало оригинальныхъ, но не имѣющихъ смысла декорацій, украшающихъ народныя представленія. Паскевичу-же не доставало многого—ермоловской простоты и проникаемости, какъ равно усидчиваго труда и той бережливой траты казенныхъ денегъ, кою отличался Ермоловъ, доходя не-рѣдко до скупости.

Если при зоркомъ управленіи Ермолова и могли быть упущенія и злоупотребленія, довольно значительныя по гражданской части, какъ доносили Паскевичъ—и которыхъ однакоже онъ и Дибичъ не нашли—то при немъ они пошли въ большей степени. Всѣ факты того времени показываютъ, съ какимъ подозрительнымъ недоброжелательствомъ смотрѣли высшіе сановники на всю дѣятельность Ермолова и какъ желали оправдать все, что онъ осуждалъ или преслѣдовалъ.

Такъ, подполковникъ Высоцкій и оберъ-провіантмейстеръ корпуса Семиковъ, судившіеся давно (одинъ за лихоимство и грабежи при управленіи ширванскимъ ханствомъ, другой за казнокрадство до сотни тысячъ при заготовленіи провіанта въ Саратовъ для Кавказа), были немедленно освобождены Паскевичемъ изъ подъ ареста, и дѣла ихъ брошены безъ послѣдствій, а Высоцкій пользовался еще нѣкоторымъ вниманіемъ за доносы на Ермолова и получилъ въ командованіе баталіонъ. Полковникъ Реутъ не пошелъ-бы въ ходъ и не дослужился-бы до генеральскихъ чиновъ за плохія распоряженія въ крѣпости Шушѣ, будучи частію виновенъ въ гибели 3-хъ ротъ при отступленіи изъ Герюсъ, не говоря уже о поспѣшномъ его отступленіи въ крѣпость изъ штабъ-квартиры, бросивши казенное и солдатское имущество на разграбленіе непріятели.

А между тѣмъ человекъ, *известный* *подъ прозваніемъ Ваньки Каина*, о коемъ даже Дибичъ отозвался неблагопріятно, сдѣлался приближеннымъ лицомъ Паскевича и главнымъ переводчикомъ, именно потому, что Ермоловъ хотѣлъ его нѣсколько разъ выслать за разныя плутни на житье въ Россію и удерживался только изъ снисхожденія къ близкому родству его съ почтеннымъ княземъ В. О. Б.,—тогда какъ честный переводчикъ Аббасъ-Кули—знатокъ мѣстныхъ языковъ и мусульманской литературы, былъ отдаленъ на второй планъ, не

смотря, что Ванька Кайнъ могъ быть только словеснымъ переводчикомъ. Также плохой репутаціи, изъ поляковъ, провіантскій комисіонеръ Коробчевскій (носившій въ подраженіе выраженія азіятцовъ прозвище *карапчилы*, т. е. вора), бывший при Ермоловѣ въ черномъ тѣлѣ, сдѣланъ былъ походнымъ оберъ-провіантмейстеромъ, и въ сообществѣ съ Ванькою Кайномъ, при посредствѣ дежурнаго штабъ-офицера блажнаго и смѣшнаго В—го, нажилъ значительное богатство въ продолженіи персидской и турецкой кампаній подь *не дремящимъ* надзоромъ интенданта Жуковскаго, отъ котораго такъ много ожидали Паскевичъ и Дибичъ,—тогда какъ этотъ Жуковскій, бывший прежде интендантомъ 2-й арміи, былъ удаленъ отъ должности и попалъ подь начеть по изслѣдованію адъютанта начальника штаба 2-й арміи Бурцова. За полезную службу Жуковскаго на Кавказѣ, означенный начеть былъ сложенъ по представленію Паскевича. Бурцовъ, бывало, съ усмѣшкой намъ говорилъ: «каково мнѣ встрѣчаться съ Жуковскимъ? Бывало, онъ униженно заискивалъ у меня, а теперь онъ гордо на меня смотритъ, когда его прошу отпустить деньги или вещи въ полкъ.»

Не оправдывая Ермолова съ юридической точки зрѣнія въ его крутыхъ мѣрахъ въ дѣлѣ уничтоженія ханскаго грубаго невѣжественнаго управленія (что онъ однако поставилъ себѣ задачею съ самого прибытія на Кавказъ и заявлялъ о томъ правительству)—онъ можетъ найти по сему болѣе снисходительный взглядъ и одобреніе въ глазахъ политика. Прежде всего пускай укажутъ намъ историки, какое государство, сдѣлавшись могущественнымъ, разрасталось, сплывалось и поглощало въ себѣ другія народности и политическія особи на основаніи легальной правды и нравственной справедливости; конечно, тѣнь Кавура и здравствующій Бисмаркъ одобритель-

но улыбнутся, когда узнаютъ, что далеко ранѣ ихъ два русскихъ генерала, одинъ—измѣннически, безвременно сведенный въ могилу, другой—безвременно, политически скоропенный, преслѣдовали тѣ-же принципы *объединенія*, уничтожая варварскихъ властителей, случайно водворившихся набѣгами или политической неурядицею безпрестанныхъ кровавыхъ азіатскихъ смуть и хищеній,—какъ они уничтожили послѣ властителей уже несравненно высшаго порядка, признанныхъ легально и по договорамъ. И конечно, улыбка ихъ будетъ двусмысленна, когда при томъ-же узнаютъ, что бѣжавшій Мехти-Кули-ханъ карабагскій, послѣ окончанія персидской войны въ 1828 году, безъ всякаго на то повода былъ вызванъ изъ Персіи обратно въ Карабахъ.

А между тѣмъ, вскорѣ пожалованный фельдмаршалъ разсуждалъ въ 1826 году, со словъ какого-нибудь Ваньки Каина и другихъ недовольныхъ Ермоловымъ туземцевъ: «Честолюбіе здѣшнихъ начальниковъ края дорого стоитъ Россіи; честолюбіе Циціанова, который, съ большими способностями, побѣдами и ухищреніями, пріобрѣлъ подъ покровительство Россіи четыре провинціи—стоитъ Россіи десятилѣтней войны; честолюбіе нынѣшняго начальника произвело новую войну—въ этомъ всѣ согласны. Персіане сіе утверждаютъ; Аббасъ-Мирза, къ коему я посылалъ съ согласіемъ на его предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, это утверждаетъ!» Хороши авторитеты!

Да, прочное обладаніе Грузіей и Закавказьемъ было немислимо и не стоило тѣхъ жертвъ безъ полного покоренія ханствъ, съ цѣлью обуздать горцевъ и смирить Персію, постоянно поддерживавшую враговъ нашихъ,—и планъ Екатерины II былъ разумный въ завоеваніи сначала западнаго побережья Каспія и уже завладѣнія потомъ Грузією, охраняя ее сначала не большимъ отрядомъ.

Но держась безпристрастія, нельзя не признать справедливости упрековъ и протеста Паскевича противъ полученія княземъ Мадатовымъ въ даръ отъ карабагскаго хана значительнаго имѣнія, основываясь на документахъ, напечатанныхъ въ «Чтеніи общества исторіи и древностей російскихъ», книга 3-я за 1867 годъ,—мы излагаемъ вкратцѣ обстоятельства дѣла.

Въ представленіи своемъ покойному Императору Александру I, отъ 31-го мая 1819 года, Ермоловъ говорить:

«Мехти-ханъ карабагскій вошелъ ко мнѣ съ просьбою, чтобы я позволилъ генераль-маіору князю Мадатову принять отъ него въ даръ *нѣкоторыя* помѣстья, предлагаемыя ему, какъ уроженцу Карабага, его единоземцу, съ которымъ онъ *знакомъ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ* (*), прежде нежели *вытхалъ* онъ въ Россію.»

Предки генераль-маіора князя Мадатова владѣли точно не малымъ имѣніемъ, но лишились его случаями войны и другими несчастіями, многократно испытанными Карабагомъ; и ханъ отдаетъ часть того, что имъ *принадлежало*; но послѣ оказалось, что этою частію во *сто тысячъ* десятинъ владѣли прежде Шахъ-Назаровы, а не предки Мадатова, и этого Ермоловъ не опровергаетъ, а только, между прочимъ, пишетъ князю Волконскому отъ 11-го августа 1821 года, чисто въ персидскомъ вкусѣ: «По возвращеніи (Шахъ-Назаровыхъ) въ Карабагъ, нѣкоторые изъ нихъ воспользовались имуществомъ, *но не по правамъ своимъ*, ибо бѣжавшіе ихъ не имѣютъ, но по собственному *произволу* хана, ибо въ ханствѣ (говоритъ ниже) можетъ онъ дать имѣніе кому хочетъ, безпрекословно и безо-

(*) Это знакомство съ молодыхъ лѣтъ обратилось скоро однако-жь, не смотря на богатый подарокъ, въ ожесточенную вражду съ Мадатовымъ, бывшую причиною бѣгства хана въ Персію.

всякой отвѣтственности.» А изъ представленія Императору Александру I, отъ 12-го апрѣля 1820 года, видно, что трактатомъ съ карабагскимъ ханомъ въ 5-мъ артикулѣ, 3-й пунктъ, предоставлены ему только доходы съ владѣній. Между тѣмъ бѣжавшіе Шахъ-Назаровы были не преступники, не измѣнники, а спасали свою жизнь отъ гибели варварскаго разгрома персіянами, бросая свое имущество на расхищеніе жестокаго врага; слѣдовательно, они имѣли право, когда этотъ врагъ-грабитель покоренъ русскимъ оружіемъ и лишенъ самовластія (о чемъ такъ справедливо хлопоталъ въ другихъ случаяхъ Ермоловъ), ходатайствовать о возвратѣ своего имущества, когда оно еще передается постороннему лицу, не согласно всѣмъ юридическимъ порядкамъ и даже, пожалуй, историческимъ фактамъ. Ибо, вопреки заявленію (тамъ-же) Ермолова, карабагскіе ханы и мелики могли временно быть самостоятельными, когда бывали въ Персіи неурядицы въ правленіи и междуусобіи, но это бывало не-долго. Еще Шахъ-Аббасъ, называемый персіянами великимъ, болѣе столѣтія прежде, покоривъ прикаспійскія ханства и самую Грузію, владѣлъ ими самовластно, замучилъ княгиню Кетевану, предоставивъ грузинскимъ царямъ, своимъ вассаламъ, только титулъ *Вали*—намѣстника; съ этимъ титуломъ грузинскіе цари (величавшіеся такъ у насъ по милости переводчиковъ и незнанію нами политическаго значенія Грузіи) дожили до русскаго владычества. При Надиръ-шахѣ и послѣ Ага-Магометъ-ханѣ не могло быть мѣста ни феодальному правленію армянъ въ Карабагѣ, ни самовластію хановъ, поставленныхъ персіянами безъ преемства въ потомствѣ, которое приобрѣталось только силою или случайностію. Мелики и ханы, какъ вообще бывало въ Азіи, во время смутъ и переворотовъ, могли временно никому не подчиняться и захватить земли во владѣніе, но вслѣдъ затѣмъ тяжело при-

цѣлится жизнью и имуществомъ при возстановленіи порядка и грозной власти въ Персіи, нетерпѣвшей крупныхъ землевладѣльцевъ и особенно христіанъ, равно не допускавшей родовыхъ титуловъ и аристократіи. Все это, конечно, надобно провѣрить ориенталистамъ, но не мѣстнымъ, по національному пристрастію обыкновенно выдающимъ легендарныя преданія за исторію, а какому-нибудь кропотливому ученому русскому или нѣмецкому. Когда-же русскіе силою оружія и большихъ жертвъ уничтожили власть персіянъ и турокъ въ Закавказьѣ, территория лежала на большія пространства пустынею, необитаемою цѣлыя столѣтія, тогда многіе туземцы стали требовать *возвращенія* правъ на такія, давно запустѣвшія земли, которыхъ персіяне и турки за ними никогда не признавали, да ими никто и не интересовался по малолюдству населенія и изобилію удобной земли по долинамъ и предгорьямъ; древніе собственники ея—столѣтія тлѣли въ могилахъ, не оставивъ потомства, сплошь истребленнаго частыми варварскими нашествіями; на могилахъ этихъ въ позднѣйшее время изрѣдка водворялось, хотя одного происхожденія, но совершенно чуждое имъ по родству и узамъ крова, населеніе, незнавшее даже—кто именно были прежніе владѣльцы той мѣстности, безслѣдно исчезнувшіе съ лица земли.

На эти, запустѣвшія столѣтіями безлюдныя мѣстности, при водвореніи тишины подъ владычествомъ, какъ уже сказано, русскихъ, явились претендаты съ документами очень сомнительнаго свойства—обыкновенно писанные на лоскуткѣ бумаги за печатью грузинскаго царя или хана, нигдѣ не засвидѣтельствованные, ни въ какія актовыя книги не записанные; вырѣзка-же очень нехитрыхъ печатей ничего не стоила, и подѣлка фальшивыхъ документовъ была въ большомъ ходу, что Ермоловъ строго преслѣдовалъ, но послѣ стали смотрѣть сни-

сходительнѣе; поэтому, пресловутый князь Гокчайскій можетъ считаться только подражателемъ, менѣе счастливымъ, задумавшимъ дѣло слишкомъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, не по чину и званію.

Тогдашній комитетъ министровъ понялъ несообразность представленія Ермолова и при разсмотрѣніи нашель къ утвержденію его слѣдующія препятствія: 1-е—что ханы не могутъ располагать имѣніями, къ ханствамъ ихъ принадлежащими, иначе, какъ въ пользу только наслѣдниковъ, конхъ и самое утвержденіе зависитъ отъ Высочайшей власти; 2-е—что чиновникамъ, въ російской службѣ находящимся, неприлично пользоваться подобными отъ хановъ подарками.

Комитету министровъ, особенно Нессельроде, знавшему подробности дѣла отъ Шахъ-Назаровыхъ, казалось, конечно, страннымъ, что ушедшему за двадцать лѣтъ назадъ изъ Карабага бѣднымъ юношею Мадатову, возвратившемуся теперь генераломъ, ханъ предлагаетъ, во имя стараго знакомства съ молодыхъ лѣтъ, принять большое имѣніе, и гдѣ-же—въ Карабагѣ, въ благодатной мѣстности, которую персіяне офиціально называли Гюлистаномъ, страною розъ! (*) Не-даромъ Паскевичъ и послѣ само правительство отнеслись недовѣрчиво къ такому громадному подарку. Вѣдь при всѣхъ качествахъ храброго генерала, князя Мадатова, игравшаго, впрочемъ, всегда второстепенную роль, нельзя еще его причислить къ стаѣ

(*) Нельзя не удивляться, какъ могъ Ермоловъ, знавшій востокъ, писать въ представленіи Императору Александру I подобныя фразы. *Вильдъ* Мадатова въ Россію, конечно, было бѣгство, какъ и Шахъ-Назаровыхъ, чего, пользовавшіеся ласками хановъ армяне, не дѣлали; и какого рода могло быть «знакомство» у самовластнаго, гордаго хана, съ приниженнымъ, порабощеннымъ молодымъ христіаниномъ, на котораго онъ могъ смотрѣть только небрежно и съ грубыми замашками.

старыхъ наполеоновскихъ маршаловъ, надѣленныхъ богатствами и титулами, или сравнить съ нашими славными Багратионами и Милорадовичами.

Да, это дѣло было Ахилессовою пятою Ермолова, въ которую язва, вѣроятно, получена отъ традиціи потемкинской эпохи, коей онъ былъ въ юности свидѣтелемъ.

Вся исторія бѣгства Мехти-кули-хана карабагскаго и ссора его съ племянникомъ—согласна съ истиною въ донесеніяхъ Паскевича, за исключеніемъ попытки отравленія. Хана сначала поссорили съ племянникомъ и послѣ выстрѣла въ послѣдняго, хана застращали Сибирью за покушеніе на жизнь русской службы полковника и, чтобы дешево его сбыть съ рукъ, дали возможность, какъ прежде ширванскому хану, бѣжать въ Персію; а Джафаръ-кули-агу, собственно потерпѣвшаго въ этомъ дѣлѣ, сослали на житье въ Симбирскъ, вопреки всякой справедливости, гдѣ онъ жилъ однако порядочно и посѣщалъ не-рѣдко общество.

Надобно припомнить, между прочимъ, что Карабагъ былъ въ 1812 году еще спорною областію между воюющими, и только въ 1813 году гулистанскимъ миромъ присоединенъ къ Россіи—слѣдовательно, Джафаръ-кули-ага не могъ быть обвиняемъ *въ измѣнѣ*, удалившись тогда въ Персію и дѣйствуя противъ насъ враждебно, по праву еще продолжавшейся войны.

Судьба, такъ щедро благодѣтельствовавшая князю Мадатову съ юности до самаго конца жизни, возведи его изъ неизвѣстнаго выходца карабагскаго на нѣкоторую извѣстность русскаго генерала, доставивъ особенною случайностію богатство, наконецъ, по смерти украшаетъ титуломъ знаменитости, въ ущербъ лаврамъ, дѣйствительно, извѣстнаго полководца. Сохраняя должное уваженіе къ княгинѣ Мадатовой, мы при этомъ случаѣ нисколько не удивляемся, что она, благоговѣя къ

памяти своего мужа, желаетъ его выставить въ блестящемъ свѣтѣ; но странно, что она находитъ отголосокъ въ серьезномъ журналѣ, посвященномъ историческимъ матеріаламъ. Безпристрастная-же исторія будетъ судить иначе—и отдастъ каждому только должное, безъ преувеличиваній. Въ кавказской войнѣ десятки второстепенныхъ русскихъ генераловъ проявили свою энергическую дѣятельность и мужество, нисколько не менѣе князя Мадатова, но все-таки не достигли знаменитости, хотя исторія о нихъ отзовется съ похвалою. Многочисленность подвиговъ и принесенныхъ жертвъ задерживаютъ туманомъ передъ потомствомъ отдѣльныя личности подвижниковъ; но генерала Мадатова хотятъ выдѣлнить изъ этой стаи кавказскихъ орловъ и посадить по-выше! Между тѣмъ какъ онъ въ продолженіе десяти лѣтъ командовалъ, кажется, въ двухъ непродолжительныхъ экспедиціяхъ (не помнимъ, за неимѣніемъ подъ рукою матеріаловъ), а болѣе жилъ въ Тифлисѣ (гдѣ выстроилъ прекрасный домъ) или Карабагѣ. Ермоловъ-же обыкновенно въ серьезныхъ и продолжительныхъ походахъ распоряжался самъ, и когда не позволяли дѣла, посылалъ подручныхъ генераловъ, но давалъ имъ *дядьку*—начальника штаба Вельяминова 2-го, и его внушенія принимались за ермоловскія, коимъ остерегались противорѣчить. Послѣ Вельяминова 2-го, только генералъ-маіоръ Грековъ 1-й пользовался особеннымъ довѣріемъ Ермолова и занималъ постъ въ Чечнѣ, далеко опаснѣе и важнѣе карабагскаго. А о немъ провозгласители знаменитостей молчатъ, не смотря что Ермоловъ, сожалея о его гибели отъ кинжала, не нашель кому ввѣрить постъ послѣ уважаемаго имъ покойника, и самъ временно занялъ его мѣсто.

Если второстепенные подчиненные генералы будутъ выставлены главными виновниками побѣдъ въ ущербъ ихъ

главнокомандующимъ, тогда придется лишить лавровъ многихъ полководцевъ и надобно передѣлывать военную исторію. Въ такомъ случаѣ и въ шамхорскомъ сраженіи успѣхъ побѣды надобно-бы приписать полковнику Шабельскому (извѣстному генералу) блистательною атакою съ нижегородскими драгунами (слава которыхъ началась съ этого дня), сбившими и совершенно поразившими непріятеля, а распоряженіе боемъ—генералу Вельяминову,—но исторія весьма справедливо отнесла честь шамхорской побѣды князю Мадатову,—не говоря уже объ умномъ, мужественномъ Вельяминовѣ, котораго совсѣмъ стушевываютъ; подъ Елизаветполемъ столько-же способствовали успѣху, какъ и князь Мадатовъ, командиры полковъ ширванскаго—Грековъ 2-й, и грузинскаго—графъ Симоничъ, своею блистательною храбростію и самоотверженіемъ: первый убить, нанося рѣшительный ударъ въ штыки, прорвавшій центръ непріятельской силы, второй тяжело раненъ, во-время поддерживавъ его при послѣдовавшемъ натискѣ огромнаго полчища персіянъ; но Паскевичъ все-таки справедливо остается героемъ дня, какъ славный вождь и человекъ несомнѣнной рѣшительности и мужества—конечно, не уступая въ нихъ князю Мадатову.

Княгиня Мадатова, желая озарить ореоломъ славы память своего мужа, бросаетъ въ сообщенныхъ свѣдѣніяхъ свѣтъ на нѣкоторые факты противъ своего желанія: 1-е—что Ермоловъ не имѣлъ въ виду, что-бы Паскевичъ, посланный къ Елизаветполю на усиленіе князя Мадатова, разбилъ Абассъ-Мирзу, какъ о томъ далъ предписаніе. Ибо, что можно подумать въ такомъ случаѣ о Вельяминовѣ—который былъ не простымъ начальникомъ штаба, а одна дума, одно пожеланіе съ своимъ начальникомъ, другомъ Ермоловымъ, знавшій всѣ его завѣтныя тайны—когда Паскевичъ, въ виду наступающаго со всѣ-

ми силами непріятеля, дѣлаетъ войску маневры для предстоящаго немедленнаго боя, — Вельяминовъ, не смотря на измѣнившіяся обстоятельства, говорить, по старому, безцеремонно Мадатову, раздѣляющему военные планы Паскевича: «тѣшьтесь, князь, что-бы послѣ не отвѣчать»; значить, ходившіе тогда слухи, что Паскевичъ далъ подъ Елизаветполемъ сраженіе вопреки намѣреніямъ Ермолова — имѣютъ основаніе; 2-е обвиненіе Мадатова — въ уклоненіи его снабжать продовольствіемъ дѣйствующія войска, есть уже не придирчивость предубѣжденнаго, раздражительнаго Паскевича, а законное обвиненіе. Если князь Мадатовъ не возгнушался въ мирное время быть поставщикомъ провіанта въ 42-й егерскій полкъ въ Карабагѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ начальникомъ, и въ полкъ, на который онъ имѣлъ вліяніе по мѣстному его расположенію, когда конкурентовъ-поставщиковъ всегда можно было найти и провіантскіе комисіонеры могли свободно распоряжаться, — то князь Мадатовъ не долженъ былъ обижаться, что Паскевичъ поручаетъ ему озаботиться пріисканіемъ продовольствія въ такое тяжелое, критическое время, когда сражающееся войско въ немъ нуждается, а край въ возстаніи и обыкновеннымъ путемъ ничего достать нельзя. Это не значить — дѣлать его провіантмейстеромъ — какъ важно говорить Мадатовъ, когда самъ заявлялъ, что онъ имѣетъ большое вліяніе на жителей, слѣдовательно, долженъ знать лично вліятельныхъ туземцевъ, къ которымъ можно было обратиться и съ ласкою, и съ угрозою; не священнымъ-ли долгомъ было съ его стороны употребить все стараніе — помочь въ крайней нуждѣ войску? Тутъ каждый генераль, по долгу службы, долженъ быть провіантмейстеромъ, когда другихъ средствъ не предвидится, — и 3-е — въ письмѣ къ Мадатову, Ермоловъ, восхваляя его полезную, отличную службу, сожалѣетъ о прискорбномъ случаѣ, что прахъ родителей

его выброшенъ изъ могилы взбунтовавшимися жителями; между тѣмъ извѣстно, что азіятцы не тревожатъ на кладбищѣхъ могилъ давно усопшихъ, а только разрываютъ недавно схороненныхъ послѣ сраженія съ цѣлю ограбленія—значить, велика была ненависть у мѣстныхъ жителей къ дѣятельности князя Мадатова!

В. Андреевъ.

Отступление изъ Хунзахъ (*).

(1843 годъ).

16-го ноября, на разсвѣтѣ, я получилъ снова предписаніе В. Н. оставить Хунзахъ и слѣдовать въ Темиръ-Ханъ-Шуру; въ 4 часа по полудни я уже выступилъ къ Зырянамъ.

Еще 11-го числа я донесъ, что мнѣ выгоднѣе защищаться до послѣдняго въ Хунзахѣ, нежели отступать въ Темиръ-Ханъ-Шуру, но въ продолженіе 5-ти дней обстоятельства совершенно перемѣнились:

1. Только 13-го числа я положительно узналъ, что Хаджи-Муратъ двинулся изъ Сіуха съ значительною партіею на соединеніе съ Шамилемъ; слѣдовательно, безъ упорнаго боя отрядъ могъ (***) выйти изъ аварской долины.

2. До 14-го числа лазутчики утверждали, что самъ Шамиль, чрезъ Араканы, прошелъ къ Зырянамъ и Ирганаю, а укрѣпленіе балаканское намѣренъ атаковать особою партіею, со стороны Мовсоха, и это подтвердилось свѣдѣніемъ, полученнымъ мною отъ нарочныхъ В. П., которые принесли мнѣ первое предписаніе и, наконецъ, самымъ предписаніемъ

(*) Статья эта составляетъ вопію съ рапорта командующаго аварскимъ отрядомъ генеральнаго штаба подполковника Пассека, *написанную собственною его рукою*. Донесеніе это, замѣчательное по ясности, искусству изложенія и полнотѣ, было въ свое время перепечатано во многихъ журналахъ и, между прочимъ, въ трудѣ г. Окольничаго — «Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ» — *но не вполне*. Окольничій ограничился выпискою изъ этого донесенія включительно по 16-е декабря, т. е. до времени полученія Пассекомъ извѣстія о прибытіи генерала Гурко въ Бурундумъ-кале. Здѣсь-же записка Пассека печатается *цѣликомъ*, съ подлинной его *рукописи*, безъ всякихъ измѣненій.

Ред.

(**) Въ трудѣ Окольничаго напечатано: *не могъ*.

Ред.

отъ 8 ноября; на разсвѣтъ-же 12-го числа эти свѣдѣнія подтвердились письмами отъ начальствующаго въ Зырянахъ штабсъ-капитана Эггера, и въ Балаканахъ—маіора Масловскаго. 16-же я положительно узналъ, что Шамиль въ Казаницахъ, балаканское ущелье не занято непріателемъ—слѣдовательно, предстояла полная возможность достигнуть отряду, по крайней мѣрѣ, до Зырянъ.

3. Взятіе Гергебиля, пзмѣна Акуши и Цудахара, потомъ Мехгулы и Шамхальства, наконецъ, заключеніе отряда въ Темиръ-Ханъ-Шуръ и потеря хунзахской всей баранты—распространили въ Хунзахѣ страхъ и уныніе,—а проски Хаджи-Мурата—склонить хунзахцевъ на свою сторону, усиливались съ каждымъ днемъ. Въ продолженіи 13 и 14-го чиселъ я заарестовалъ 4-хъ человекъ, будто-бы бѣжавшихъ отъ мюридовъ и принесшихъ извѣстіе о потерѣ хунзахской баранты, о занятіи Дженгутая, Казаницы и Тарковъ. Не смотря на одобренія съ моей стороны правителя Аваріи—маіора князя Орбелиани, страхъ жителей былъ такъ великъ, что утвердительно можно сказать: при первомъ появленіи Шамиля подв Хунзахомъ и первой непріательской канонады, селеніе не осталось-бы намъ вѣрнымъ. Невѣрность-же жителей, отъ чего-бы она не произошла, поставила-бы отрядъ въ опасное положеніе.

4. Я узналъ, что полковникъ Яенискій получилъ предписаніе оставить Балаканы, и опасаяся, что онъ, по малому запасу провіанта, не рѣшится долѣе удерживаться въ балаканскомъ укрѣпленіи (*). Оставленіе-же балаканскаго укрѣпленія ставило аварскій отрядъ въ весьма опасное положеніе.

(*) По прибытіи въ Балаканы, я узналъ отъ пол. Яенискаго, что онъ намѣренъ былъ ждать меня еще три дня, и потомъ отступить въ Зыряны.

Когда-же неприятель узналъ, что Балаканы оставлены, то немедленно занялъ-бы ущелье, какъ сдѣлалъ послѣ, перегородилъ его завалами и занялъ-бы хребты Орчло и Танусъ-балъ, а тогда $3\frac{1}{2}$ баталіона, имѣя больныхъ и раненныхъ, цѣлый обозъ съ женами и дѣтьми аварцевъ, должны-бы были, сперва сбить неприятеля съ хребтовъ, а потомъ, преслѣдуемые имъ, штурмовать завалы Хаджи-Мурата въ самомъ ущельѣ. Операция весьма опасная, если и возможная, и мнѣ необходимо было, до оставленія Балаканъ, послѣпить выступленіемъ изъ Хунзаха.

5. Имѣя возможность достигнуть Зырянъ, я облегчалъ спасеніе отряда тѣмъ, что усиливалъ его $1\frac{1}{2}$ баталіонами, присоединивъ къ себѣ гарнизоны изъ Балаканъ и Зырянъ, ставилъ отрядъ въ невозможность отъ вѣрности жителей, и при первомъ успѣхѣ нашихъ войскъ на плоскости, я могъ имѣть свободный доступъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. А когда-бы я остался въ Хунзахѣ и балаканское ущелье было-бы занято неприятелемъ, то главный отрядъ, опрокинувъ Шамиля съ плоскости, долженъ-бы пробиваться черезъ балаканское ущелье, чтобы освободить меня, но для этого войска съ линій, которыя, какъ я рассчитывалъ, могли послѣть на помощь Шурѣ, не могли усилить дагестанскаго отряда настолько, чтобы онъ могъ предпринять наступленіе къ Хунзаху, и погибель аварскаго отряда была-ба неизбѣжна. При томъ, по оставленіи балаканскаго укрѣпленія, какъ-бы и зырянскіе $1\frac{1}{2}$ баталіона, на невыгодной позиціи при Зырянахъ, не долго могли держаться, а Шамиль вѣрно употребилъ-бы всѣ усилія овладѣть Зырянами, владѣя балаканскимъ ущельемъ, имѣя цѣлый мѣсяцъ свободы, и понимая, что тогда цѣлый отрядъ дѣлался уже неперемѣнной жертвой.

Всѣ эти соображенія заставили меня послѣпить вы-

ступленіемъ изъ Хунзаха; въ продолженіи 10 часовъ я окончилъ всѣ сборы. Необходимость уничтожить запасы, рубить лафеты, заклеповать орудія и кидать въ кручу, оставлять укрѣпленіе и селеніе, добровольно принявшее насъ и вѣрно служившее своему государю—невольнo возбудило самое прискорбное чувство, и скорбь эта, увеличиваясь плачемъ мужчинъ и женщинъ, которые прощались и съ своимъ правителемъ княземъ Орбеліани, цѣлуя руки и платье. Въ 5 часовъ по полудни, 16-го ноября, отрядъ оставилъ Хунзахъ, безъ выстрѣла, прошелъ мостикъ близъ водопада, и тогда только хунзахцы, для своего оправданія предъ Шамилемъ, начали преслѣдовать насъ—сперва слабо, а потомъ, когда у танусскаго подъема усилили ихъ партію изъ Сіуха, довольно рѣшительно.

Я распредѣлилъ войска для отступленія въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ шли 2-й баталіонъ куринскаго и 3-й баталіонъ кабардинскаго полковъ, съ 4-мя горными единорогами имѣя впереди себя всѣхъ казаковъ моихъ, за ними всѣ тяжести, раненые, больные, семейства хунзахцевъ и выски подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ грузинскаго линейнаго № 14 баталіона, арріергардъ состоялъ изъ 1-го баталіона его свѣтлости полка съ 2-мя горными единорогами.

Достигнувъ танусскаго подъема, 3-й баталіонъ кабардинскаго полка съ 2-мя горными единорогами расположился на позиціи, пропустилъ всю колонну, прикрывая движеніе ее отъ нападенія со стороны Сіуха, и потомъ составилъ арріергардъ отряда, а 1-ый баталіонъ его свѣтлости полка долженъ былъ поддерживать арріергардъ.

Непріятель нѣсколько разъ бросался въ пашки, но храбрые кабардинцы опрокидывали ихъ въ штыки и непріятель снова открывалъ убійственный огонь; между тѣмъ, 1-ый бата-

ліонъ его свѣтлости полка устроилъ эшелонъ на хребтѣ Танусь-балъ, принялъ на себя кабардинцевъ и, пропустивъ ихъ, открылъ сильный огонь съ высотъ, прилежащихъ дорогѣ; непріятель ослабилъ преслѣдованіе и фельдмаршалъцы продолжали отступление безъ боя.

Въ это время взорвало хунзахскій паркъ—и бѣлый столбъ свѣта освѣтилъ Хунзахъ; взрывъ слѣдовалъ за взрывомъ, непрерывно лопались гранаты, какъ будто началась сильная каюпада, и, наконецъ, зарево пожара показалось надъ ауломъ. По словамъ перебѣжчиковъ, взрывъ парка разрушилъ казармы, комендантскій домъ, часть крѣпостной стѣны и полуразрушенныя зданія охватить пожаръ; при этомъ погибло нѣсколько мюридовъ, пріѣхавшихъ изъ Голотля; еще на другой день гранаты разносило по селенію и жители два дня скрывались въ селеніяхъ. Хунзахцевъ я предупредилъ, что будетъ взрывъ и чтобъ они не ходили въ крѣпость.

Быстрога, съ какою я собрался изъ Хунзаха, и скрытность моего намѣренія до послѣдняго часа даже отъ офицеровъ—способствовали отряду съ малой потерей пройти хребты Танусь-балъ и Орчло; преданные мюридамъ, хунзахцы поскакали въ Сіухъ, Голотль и Буцру во время самого моего выступления изъ Хунзаха, и одинъ Кучубуръ съ партією изъ Сіуха носилъ на помощь хунзахцевъ, но онъ не успѣлъ предупредить насъ на хребтахъ. Снѣгъ и гололедица до крайности замедляли наше движеніе—лошади и вьюки падали въ кручу, горные единороги спускали на рукахъ, только въ 4 часа утра, 17-го числа, отрядъ спустился въ балаканское ущелье, а въ 11 часовъ утра достигъ укрѣпленія. Въ это время показались на кручахъ Арактау занозавшія партіи сосѣднихъ деревень къ Арактау: Цатаниха, Буцры, Ирганая (*) и Могоха.

(*) Въ трудѣ Окольного напечатано: *Урканей*.

Потери наши при отступленіи состояли убитыми изъ 1 оберъ-офицера и 2-хъ нижнихъ чиновъ, ранеными—изъ 2-хъ оберъ-офицеровъ и 27 нижнихъ чиновъ.

По прибытіи отряда въ Балаканы, полковникъ Ясинскій собрался въ продолженіи 4-хъ часовъ, раздавъ снаряды на руки, и, по неимѣнію лошадей для перевозки 3-хъ полевыхъ орудій и 1 горнаго единорога, назначень былъ 2-й баталіонъ его свѣтлости полка; оставшіеся снаряды и порохъ приготовлены были для взрыва.

Въ 3 часа по полудни я выступилъ изъ Балаканъ: авангардъ мой состоялъ: изъ саперной команды. 1-го баталіона его свѣтлости полка съ 3-мя горными единорогами, за нимъ слѣдовалъ 2-й баталіонъ его свѣтлости полка, съ 3-мя полевыми орудіями;—потомъ выюки, раненые и больные подъ прикрытіемъ линейныхъ ротъ; арріергардъ состоялъ: изъ 3-го баталіона кабардинскаго и 2-го баталіона куринскаго полковъ съ 4-мя горными единорогами. Авангардъ, не ожидая главной колонны, долженъ былъ спѣшить занять селеніе Зыряны и сады, прилегающіе къ дорогѣ, а въ случаѣ, еслибъ выходъ изъ ущелья былъ перегороженъ завалами и занятъ непріателемъ, то ожидать 2-й баталіонъ его свѣтлости полка съ полевыми орудіями и моего прибытія; самъ я оставался въ арріергардѣ. Непріатель, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, кончилъ тѣмъ преслѣдованіе; спустя полчаса по уходѣ нашемъ изъ укрѣпленія, сдѣлался взрывъ парка.

Въ 4½ часа авангардъ мой занялъ сел. Зыряны и ближайшіе сады, а въ 5 часовъ партія Муссы-балаканскаго, занявъ противоположные сады селенію, завязала перестрѣлку и въ то-же время могохцы, буцрынды и оркачинцы начали спускать камни въ ущелье со скалъ Арактау. Но такъ какъ большая часть больныхъ и выюковъ уже прошла къ переправѣ при укрѣпленіяхъ Зырянахъ, то непріатель весьма мало нанесъ

намъ вреда; ранено 1 оберъ-офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ.

Вечеромъ-же 17-го числа я отправилъ лазутчиковъ узнать—существуетъ-ли башня въ Бурундукъ-кале и подъемъ выхода; сдѣлавъ всѣ распоряженія для немедленнаго выступленія на-легкѣ, еслибъ узналъ, что башня занята русскими, или, по крайней мѣрѣ, цѣль подъемъ и выходъ не занять сильной непріятельской партіею. Посланные не узнали ничего положительнаго, а лазутчики, отправленные вечеромъ 17-го числа, ночью-же дали мнѣ знать, что башня разрушена и что много непріятельскихъ огней разложено надъ выходомъ и у подъема бурундукалинскаго или у волчьихъ воротъ.

Получивъ это свѣдѣніе, я до разсвѣта еще переправилъ 2-й баталіонъ его свѣтлости полка съ 2-мя горными единорогами, съ цѣлью внезапно захватить селеніе Зыряны, и чтобъ утвердиться при селеніи Зырянахъ, вслѣдъ за фельдмаршалцами, переправилъ сводный линейный баталіонъ и саперную роту.

Позицію при сел. Зырянахъ я намѣревался удерживать до рѣшительнаго наступленія Шамиля—она была важна для насъ потому, что совершенно командуетъ укрѣпленіемъ, и непріятель, владѣя ею, могъ нанести намъ значительныя потери.

Съ разсвѣтомъ сел. Зыряны были заняты безъ всякой потери, но непріятель завязалъ сильную перестрѣлку съ противоположныхъ садовъ селенія; когда-же переправились сводный линейный баталіонъ и саперы, я повелъ ихъ по рѣкѣ въ обходъ садовъ—саперы составляли резервъ линейнаго баталіона. Обходная колонна, пройдя ближайшія сады, стремительно бросилась захватить единственную дорогу вдоль Койсу, по которой непріятель могъ отступить къ балаканскимъ хуторамъ, въ это-же время 2-й баталіонъ его свѣтлости полка бросился прямо въ сады; непріятель, опасаясь быть отрѣзан-

нымъ, бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло. Во время перестрѣлки мы имѣли 4 раненыхъ, во время-же атаки ни одного.

Занявъ узкій перешеекъ дороги по Койсу и выходя изъ балаканскаго ущелья, я приказалъ перегородить ихъ прочными завалами.

Едва сдѣланы были необходимыя распоряженія для удержанія позиціи при сел. Зырянахъ, какъ сильная непріятельская партія показалаcя на высотахъ противъ укрѣпленія со стороны Ирганая и Араканъ.

Я поспѣшилъ на правый берегъ Койсу, а когда прибылъ въ лагерь при укрѣпленіи, непріятель уже бросился на 8-ю роту кабардинскаго полка, но поручикъ Дуровъ (*) твердо выдержалъ первый ихъ натискъ, между тѣмъ къ атакованной высотѣ (редуть № 1) я направилъ 7-ю роту кабардинскаго и 2-й баталіонъ куринскаго полковъ, съ 2-мя горными единорогами, а 2-я и 3-я роты кабардинскаго—подъ начальствомъ штабсъ-капитана Эггера, двинулись сбить непріятеля съ высотъ (редуть № 5).

Рѣшительное наступленіе съ нашей стороны заставило непріятеля отступить съ обоихъ пунктовъ на дальнѣйшій шпиль. Хаджи-Муратъ утвердилъ 8 значковъ на ружейный выстрѣлъ отъ насъ и открылъ довольно сильный огонь. Я скрылъ войска за покатоcтію, не отвѣчая на непріятельскіе выстрѣлы, только горные единороги, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гуннина, обстрѣливали окружающія высоты картечью, а балки гранатами. Когда солдаты отдохнули, а Хаджи-Муратъ имѣлъ время увѣриться, что мы не рѣшились его атаковать на крѣп-

(*) Прикомандированный отъ оренбургскаго линейнаго № 5-го баталіона.

кой позиціи, я приказалъ сдѣлать общее и рѣшительное наступленіе. Чтобы атаковать шпиль, занятый Хаджи-Муратомъ, надобно войскамъ проходить узкій перешеекъ между двумя обрывами, подъ вѣрными перекрестными выстрѣлами непріятеля, но храбрые кабардинцы и куринцы перебѣжали перешеекъ и быстро приблизились къ подошвѣ шпиля. Мюриды, неожиданно атакованные, были смущены, не смотря на то, держались до крайности, стрѣляли въ упоръ, когда стремительный натискъ въ штыки обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство, такъ-что тѣснящіяся толпы мюридовъ на склонѣ занятаго нами шпиля, были поражаемы безотвѣтно съ ихъ стороны нашимъ мѣткимъ батальнымъ огнемъ. Всадники безъ лошадей, въ томъ числѣ Хаджи-Муратъ и всѣ знаменщики, разбѣжавшіеся лошади, сбросившіеся раненные подъ кручу, оставленные бурки и шубы, торбы съ собственными припасами—все доказывало, какъ нечаянно было захвачено скопище горцевъ, и какъ неожиданно опрокинуто нами. Впереди всѣхъ при атакѣ былъ кабардинскаго полка прапорщикъ Савиничъ—въ числѣ охотниковъ. часть аварцевъ съ княземъ Орбелиани и храбрымъ подпоручикомъ Анановымъ; значки были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ солдатъ и только спаслись тѣмъ, что бросились прямо подъ кручу. Партиа Хаджи-Мурата въ этомъ дѣлѣ была усилена пямхальцами и мехтудинцами.

Въ то-же время, какъ мы атаковали Хаджи-Мурата, штабсъ-капитанъ Эггеръ, съ полубаталіономъ командуемаго имъ кабардинскаго баталіона, сбиль непріятеля съ сѣвдующихъ высотъ и занять возвышенный шпиль хребта.

Пораженіе Хаджи-Мурата 19-го ноября имѣло самыя благоприятныя послѣдствія—непріятель уже не рѣшался занимать и даже показываться на высотахъ передъ укрѣпленіемъ, съ которыхъ могъ поражать насъ въ укрѣпленіи не только пу-

печнымъ, но и ружейнымъ огнемъ. И если-бы непріятель утвердился на нихъ, то положеніе отряда было-бы самое бѣдственное, не говоря объ огромной потерѣ, которую понесли-бы мы—войска не имѣли-бы дровъ и фуража цѣлыхъ двѣ недѣли, въ самое холодное время солдаты запасались колючкой съ занятыхъ нами высотъ и фуражемъ для лошадей, которыя составляли пищу отряда.

Потеря наша состояла убитыми изъ 9 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1 оберъ-офицера и 11 нижнихъ чиновъ; потеря непріятельская была значительная—объ этомъ можно было судить по падающимъ, уносимымъ и оставленнымъ на мѣстѣ и по словамъ перебѣжчиковъ.

Вечеромъ-же, 19-го-же числа, Хаджи-Муратъ обошелъ троиниками Зыряны и спустился къ Койсу, на кудухскій бродъ, а 20-го, перевалившись черезъ Арактау, явился противъ нашихъ заваловъ, въ балаганскомъ ущельѣ; часть горцевъ начали устроить завалы на первомъ подъемѣ ущелья, а другая начала обходить нашъ завалъ, обстрѣливать и спускать камни. Чтобъ не дать мюридамъ утвердиться надъ нашимъ заваломъ и съ перваго дня отнять охоту обходить насъ—я приказалъ послать охотниковъ отъ 2-го баталіона его свѣтлости полка, сбить горцевъ съ кручъ и скалъ, а для содѣйствія охотникамъ, послать 3-ю роту грузинскаго линейнаго № 14 баталіона идти въобходъ горцевъ, къ вершинѣ хребта.

Охотники, не смотря на огонь мюридовъ и спускаемые камни, безостановочно преслѣдовали ихъ по кручамъ и скаламъ, а когда линейная рота достигла вершины хребта и угрожала захватить болѣе упорныхъ, то горцы оставили трудно-доступные карнизы и пещеры и скрылись на Арактау.

Потеря наша состояла изъ 1-го убитаго, 5-ти раненыхъ и 6-ти контуженныхъ камнями нижнихъ чиновъ.

20-го день и ночь работали ретраншанментъ около лагеря

при укр. Зырянскомъ, рубили сады и заготовляли дрова на случай, если необходимость заставитъ оставить позицію при селеніи.

21-го числа непріятель значительно усилился въ балаканскомъ ущельѣ; большія толпы мюридовъ показались противъ нашихъ заваловъ, масса горцевъ заняла хребетъ Арактау и начали спускать камни на нашу позицію; другая масса открыла сильный огонь съ оконечности балаканскаго хребта по войскамъ, занимавшимъ селеніе, а между тѣмъ устроили батарею (№ 13), поставили легкое орудіе и въ часъ по полудни началось дѣйствіе ядрами и картечью по укрѣпленію и лагерю. Наши батареи и стрѣляли не отвѣчали на непріятельскій огонь—сбить ихъ орудія было невозможно, потому что видно было только одно дуло; перестрѣливаться же нашимъ стрѣлкамъ съ ними, значило, напрасно выставлять себя, подвергаясь вѣрнымъ выстрѣламъ; всѣ войска были, по возможности, скрыты отъ артилерійскаго и ружейнаго непріятельскаго огня,—работы днемъ были прекращены.

Потеря наша въ этотъ день состояла изъ раненыхъ 2-хъ ядрами, 4-хъ пулями и 5-ти камнями. Канонада изъ непріятельскаго орудія и усилія непріятели—сбить насъ съ позиціи при сел. Зыряны, продолжалась и въ слѣдующіе дни.

Между тѣмъ 23-го числа прибыла сильная партія въ Ирганай отъ Бурундукъ-кале, такъ что противъ насъ собралось 18 значковъ, не считая скопица въ Араканахъ. Ночью же 22-го числа солдаты устроили себѣ небольшія землянки, для укрытія отъ непріятельскаго орудія, а 23-го ноября редуты № 1, 2, 3 и 4,—въ слѣдующіе-же—усилили ихъ оборону, потомъ устроили редуты № 5 и 6 и продолжали работу ретраншамента.

Войска были распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

два горныхъ единорога и 3-й баталіонъ кабардинскаго полка расположены были въ срединѣ садовъ зырянскихъ и цѣлая рота занимала заваль противъ балаканскаго ущелья, которое было перегорожено стѣнкой; сел. Зыряны занято было 2-мя ротами 2-го баталіона его свѣтлости полка съ 1-мъ горнымъ единорогомъ и 4-мя крѣпостными ружьями; цѣпь передъ селеніемъ и башнею занимала рота грузинскаго линейнаго № 14 баталіона, другія двѣ линейныя роты занимали завалы на дорогѣ по Койсу, содержа сильный пикетъ надъ скалою, подъ которой были устроены наши завалы.

1-й баталіонъ его свѣтлости полка, двѣ роты 2-го баталіона куринаскаго полка и команда саперъ съ 2-мя горными единорогами составляли главный резервъ, который занималъ лагерь при укрѣпленіи; самое укрѣпленіе занимали взводъ навагинской роты и аншеронская команда въ 4-е человѣка. (*) Всѣ зданія укрѣпленія были очищены подъ больныхъ и раненыхъ. Редуты № 1 и 2 заняты были двумя ротами 2-го баталіона его свѣтлости полка, № 3 и 4—ротою куринаскаго баталіона, сверхъ того редуть № 3-й былъ вооруженъ двумя горными единорогами, № 5-й—особою командою въ 24 человѣка при офицерѣ отъ 1-го баталіона его свѣтлости полка,—наконецъ, редуть № 6—взводомъ навагинской роты и вооруженъ 2-мя полевыми единорогами, а главный ретраншантъ при укрѣпленіи—2-мя полевыми орудіями и 3-мя мортирками 10 и 6-ю фунтовыми.

Силы отряда простирались до 2400 штыковъ при 7 горныхъ, 4-хъ полевыхъ, 3-хъ крѣпостныхъ орудіяхъ и 3-хъ мортиркахъ. Площадь, окружающая укрѣпленіе Зыряны, составляла плацдармъ для отряда, а высоты, прилегающія къ первой—заваль, который я рѣшился удерживать до послѣдней крайности, предполагая, что если Шамиль обратится противъ меня со всѣми скопищами, то я оставляю позицію при сел. Зы-

(*) Въ трудѣ Околынича напечатано: въ 40 человѣкъ.

ряны, сосредоточу войска при укрѣпленіи, чтобъ совокупностію силъ имѣть возможность отражать атаки всѣхъ скопищъ Шамиля.

30-го числа Хаджи-Муратъ, послѣ тщательныхъ усилій овладѣть позиціей при Зырянахъ, перешель въ Араканъ; потеря наша въ продолженіи 9-ти послѣднихъ дней состояла ранеными: картечью 8, пулями 4, камнями 7, контуженныхъ изъ 12-ти нижнихъ чиновъ. Непріятельское орудіе по прежнему продолжало дѣйствовать, но уже гораздо слабѣе; часть горцевъ осталась въ балаканскомъ ущельѣ и по прежнему, Ирганай былъ занятъ мюридами.

Двѣ недѣли прошло, какъ отрядъ занялъ Зыряны; 12-ть нарочныхъ были отправлены мною въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ донесеніями, и не одинъ изъ нихъ не возвращался къ намъ, ни одинъ не принесъ намъ извѣстія, что существуетъ еще Шура, а много разъ слышали отъ мюридовъ, что Шура взята, и намъ предстоитъ гибель. Хотя мы не давали этому извѣстію никакого вѣроятія, но нельзя было не усумниться, что Шура находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. И мы предоставленные тягостной неизвѣстности, съ малымъ запасомъ сухарей, не смотря на уменьшеніе дачи до 1-го фунта, безъ соли и мяса, окруженные со всѣхъ сторонъ въ горной котловинѣ, откуда сама природа тѣснинами и громадами скалъ заслоняла выходъ на плоскость—готовыми были къ смертной, но отчаянной борьбѣ.

Трудно или лучше невозможно выразить того мучительнаго, жгучаго чувства, которымъ наполнены были душа и сердце каждаго изъ насъ. Насъ уже не радовало уничтоженіе всѣхъ покушеній непріятели и страхъ, какой мы внушили къ себѣ; но чѣмъ болѣе угасала надежда на спасеніе, тѣмъ рѣшительнѣе и предприимчивѣе дѣлалась войска. Зная нравств-

венную силу ихъ, я рѣшился ждать извѣстія и вспомоствованія съ плоскости, пока не съѣдимъ послѣдняго сухаря—и тогда, призвавъ на помощь Господа-побѣдодавца, штыками проложить себѣ дорогу.

Конечно, проходя непроходимые доступы безъ тропинокъ, поднимаясь и спускаясь по крутизнамъ и скаламъ на безоблачные хребты, я ни въ какомъ-бы случаѣ не спасъ ни артилеріи, ни больныхъ, ни раненыхъ, но можетъ быть спасъ-бы остатки храбрыхъ! А если-бы погибли и всѣ, то не лучше-бы погибнуть намъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели унизить себя постыдной сдачей!

Но вдругъ, въ 11 часовъ вечера, 1-го декабря, къ неописанной радости всего отряда, я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 25 и 29 чиселъ, въ которомъ вы извѣщаете, что мы можемъ быть выручены соединенными силами дагестанскаго отряда и отряда генерала Фрейтага черезъ 30 дней. Извѣстіе это оживило, воскресило солдатъ и офицеровъ, какъ будто призвало снова къ жизни—и на-утро во всѣхъ баталіонахъ служили благодарственный молебенъ.

Съ 30-го ноября непріятель уже не предпринималъ ничего.

6-го декабря, не смотря на труды и холодъ, мы не забыли вознести наши теплыя молитвы Господу о здравіи великаго именинника—и скалы Дагестана при испрошеніи долготїя Государю Императору огласились громомъ нашихъ батарей и далеко разнесли его по непокорнымъ племенамъ Кавказа; русскіе еще торжествовали въ горахъ тезоименитство своего Государя, какъ-бы въ предзнаменованіе скорой покорности горъ державной волѣ Его.

9-го числа я снова получилъ письма вашего превосход-

дителя отъ 3, 5 и 7 чиселъ; срокъ нашего избавленія уменьшался, предполагалось совершить его къ 20 декабря.

Между тѣмъ 7-го декабря наступили сильные морозы, къ бѣдствіямъ присоединилось новое бѣдствіе—положеніе отряда было ужасное: большая часть солдатъ была безъ полушубковъ, а многіе не имѣли рубахъ и сапогъ, 10 дней уже солдаты питались 1 фунтомъ сухарей безъ соли. На холодѣ, безъ пищи, я опасался, что откроется повальная болѣзнь, а у насъ уже не доставало помѣщенія для обыкновенныхъ больныхъ, хотя ихъ съ ранеными во все время не было больше 180 человекъ.

Положеніе отряда точно было бѣдственное, но духъ въ войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ, и онъ, кажется, поддерживалъ физическія силы солдатъ. По прежнему ночью съ усердіемъ продолжали работу для усиленія окоповъ и самой крѣпости,—днемъ два раза ходили за дровами, фуражемъ, на дрова ломали колючку по крутизнамъ горъ и рвали скудную траву, разгребая снѣгъ. Я давалъ общій роздыхъ войскамъ только отъ 11 часовъ утра до 1 часа по полудни, когда солнце умѣряло холодъ и сонъ не бывалъ такъ опасенъ; а чтобъ имѣть менѣе больныхъ, я приказалъ всѣхъ слабыхъ помѣщать въ госпиталь, чтобъ въ теплѣ, на свѣжемъ хлѣбѣ и на полу-фунтѣ мяса, отдохнули и оправились; для этого я сберегъ какую нашелъ муку и заблаговременно отобралъ скотъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ и командъ. Для поддержанія силъ солдатъ, я разрѣшилъ и уговаривалъ ѣсть мясо лошадей; не смотря на отвращеніе, постепенно все большее число побуждало предразсудокъ и, наконецъ, при содѣйствіи священника грузинскаго линейнаго № 14 баталіона, отца Данила Попруженко, всѣ принялись за конину и послѣ дѣлили кости лошадей.

Воспоминанія 1812 года превращались въ дѣйствительность, особенно когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента или рогожи, вмѣсто плаща, и въ галошахъ изъ куска сырой кожи или войлока на ногахъ, вмѣсто сапогъ.

13-го декабря вода въ Койсу значительно упала и пошелъ большой ледъ, такъ что паромная переправа прекратилась; я приказалъ сдѣлать мостъ на козлахъ, къ 15-му числу онъ уже былъ готовъ и тѣмъ значительно облегчилось наше бѣдственное сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Койсу.

13-го-же числа огромныя массы горцевъ перешли изъ Араканъ въ Ирганай; между тѣмъ, всѣ окрестныя горы со стороны Араканъ заняты были большими толпами мюридовъ, а съ главнаго шпіля Хаджи-Муратъ, Магометъ—кадій акушинскій—обозрѣвали наши укрѣпленія. Въ то-же время непріятель усилился и со стороны Балаканъ и усилилъ дѣйствіе изъ орудія.

15-го вывезенъ былъ горный единорогъ изъ Араканъ, и съ высоты (Д) открыто изъ него дѣйствіе по войскамъ при сел. Зыряны; главный шпіль былъ занятъ большою партией и часть ее спустилась къ редуту № 5.

Я вывелъ изъ лагеря 1-ый баталіонъ его свѣтлости полка и 2 роты куринцевъ съ 2 горными единорогами, и двинулся на хребетъ, съ тѣмъ, чтобы занять главный шпіль и овладѣть горнымъ единорогомъ; при приближеніи нашемъ горцы оставили хребетъ и заблаговременно увезли орудіе.

15-го числа, въ 10 часовъ утра, Хаджи-Муратъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ, отъ имени Шамиля, яляется пропустить насъ съ честью въ Шуру, только-бы мы оставили Зыряны, и просилъ, чтобы я выслалъ кого-нибудь для переговоровъ.

Я отвѣчалъ Хаджи-Мурату, что не иначе выступлю изъ Зырянъ, какъ получивши на это предписаніе вашего превосходительства и когда мнѣ дадутъ въ аманаты Хаджи-Мурата или Кибитъ-Магому, а съ нашей стороны предлагалъ себя въ аманаты бывший правитель Аваріи, князь Орбеліани. Съ отвѣтомъ къ Хаджи-Мурату и донесеніемъ вашему превосходительству вызвался ѣхать подпоручикъ Анановъ, лично извѣстный Шамилю; я просилъ Хаджи-Мурата пропустить его съ моимъ донесеніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Онъ былъ встрѣченъ мюридами, въ виду нашего, весьма дружески и, по словамъ выходцевъ, принять Хаджи-Муратомъ и отправленъ въ Казанищи, но на дорогѣ получено было извѣстіе о разбитіи Шамили подъ Казанищами, а потому Ананова отправили въ Тлохъ, гдѣ онъ находится и теперь.

16-го числа весь день огромныя скопища непріятеля проходили къ Араканамъ изъ Ирганая и отъ волчьихъ воротъ, числомъ не менѣе 6 т., а 17-го, на разсвѣтѣ, я получилъ извѣстіе отъ вашего превосходительства, что отрядъ командующаго войсками генераль-лейтенанта Гурко прибылъ въ Бурундукъ-кале.

Получивъ это извѣстіе, я немедленно послѣпилъ съ 2 баталіонами и 2 горными единорогами овладѣть Ирганасмъ, чтобы войдти въ связь съ главнымъ дагестанскимъ отрядомъ. Приблизившись къ Ирганая, я послалъ сказать жителямъ, чтобы покорились, но они не хотѣли слышать о покорности и обѣщали драться, если пойдемъ на селеніе,—но когда былъ открытъ огонь изъ орудій и 2-ой баталіонъ куринскаго полка обошелъ селеніе съ высотъ, тогда жители бѣжали. Занявъ селеніе куринскимъ баталіономъ и расположивъ двѣ роты 1-го баталіона его свѣтлости подка на высотахъ къ ир-

ганайскому ущелью, я отправился съ 2 ротами 1-го баталіона его свѣтлости полка и конными аварцами въ Бурундукъ-кале.

На полдорогѣ я встрѣтилъ авангардъ главнаго отряда, а потомъ командующаго войсками и ваше превосходительство.

Общія привѣтствія, радость и слезы, начиная отъ простыхъ солдатъ до командующаго войсками, были такой торжественной, неоцѣненной наградою, что далеко искушили всѣ опасности, какія мы пережили, всѣ труды и нужды, какіе перенесли, и день, и часъ этой встрѣчи никогда не изгладится изъ нашей памяти.

Вечеромъ начали приводить въ исполненіе приказанія командующаго войсками: были брошены въ Койсу всѣ снаряды изъ парка, 3 чугунныя орудія, которыя невозможно было доставить въ Шүрү по трудности зимней дороги, по необходимости быстрого отступленія, чтобъ избѣжать огромныхъ потерь и по невозможности увести орудія на морскихъ станкахъ, станки и зарядные ящики были сожжены. Въ 8 часовъ вечера выступила въ Бурундукъ-кале колонна въ три баталіона: 3-го ашперонскаго, 1-го куринскаго полковъ и сводный линейный съ ранеными, больными семействами аварцевъ, арканскими аманатами и арестантами. Въ полночь сняты были секреты, цѣпи съ позиціи при сел. Зырянахъ, передовая часть войскъ прошла за резервъ, а потомъ резервъ, поддерживавъ огни бивуакъ, соблюдая тишину, отступилъ въ углубленіе. По переходѣ резерва черезъ мостъ, паромъ былъ прорубленъ и спущенъ на воду, средніе козлы моста опрокинуты. Къ 2-мъ часамъ по полуночи были сняты орудія и роты съ редутовъ, и войска построились къ отступленію, а въ 4 часа утра, 18 декабря, наконецъ, послѣ 30-ти дневнаго заключенія, аварскій отрядъ, по милости Божіей, выступилъ въ Бурундукъ-кале.

Потеря наша въ продолженіе всего времени, начиная съ отступленія изъ Хунзаха до выхода изъ Зырянъ, состояла убитыми изъ 1 оберъ-офицера и 12 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 4 оберъ-офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ, контуженными изъ 28 нижнихъ чиновъ.

Подъ сел. Ирганай аварскій отрядъ, миновавъ арріергардъ главныхъ силъ, составилъ боевую колонну.

Когда начинало свѣтать и арріергардъ былъ уже на половинѣ дороги къ Бурундукъ-кале, раздался пушечный выстрѣлъ со стороны Зырянъ, и, спустя полчаса, показались первые конные мюриды—непріятель былъ введенъ въ заблужденіе письмомъ вашего превосходительства къ араканцамъ, чтобъ они сдались, или будутъ наказаны силою оружія; по всему видно, что они ожидали наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны, а неисправность непріятельскихъ секретовъ довершила ошибку Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы и дала намъ возможность отступить черезъ тѣснины ирганайскаго ущелья безъ всякой потери.

Массы горцевъ Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы, конныя и пѣшія, съ 20 значками догнали отрядъ подъ самымъ Бурундукъ-кале и стремительно атаковали нашъ арріергардъ; съ разрѣшенія командующаго войсками я отправился къ атакованной части войскъ, которую немедленно подкрѣпилъ 1-мъ баталіономъ его свѣтлости полка.

Зная, что отступление передъ 4 т. скопищемъ горцевъ поведетъ къ огромной потерѣ, я рѣшился, не давъ непріятелю времени утвердиться на высотахъ при Бурундукъ-кале, сдѣлать общее и быстрое наступленіе всѣмъ арріергардомъ. Стѣны ущелья при Бурундукъ-кале образуются изъ отдѣльныхъ гребней значительной высоты, съ крутыми скатами и скалами; это позволяетъ непріятелю занять крѣпкую позицію на ружей-

ный выстрѣлъ отъ дороги по ущелью и поражать колонны перекрестнымъ огнемъ, а рядъ гребней, возвышавсь одинъ надъ другимъ, отступать съ позиціи на позицію.

Непріятель занялъ первые гребни, гдѣ и утвердиль значки—новыя толпы мюридовъ слѣпили къ занявшимъ позицію.

Для атаки лѣвыхъ высотъ я направилъ 1-й баталіонъ алшеронскаго и 4-й баталіонъ кабардинскаго полковъ, а правыхъ— 2-й баталіонъ тифлискаго полка; 1-й-же баталіонъ его свѣтлости полка, съ горными единорогами, продолжалъ наступленіе по ущелью.

Неожиданное рѣшительное наступленіе войскъ нашихъ и обходы всегда одной частью высотъ, занятыхъ непріателемъ, были причиною легкаго завладѣнія тремя рядами гребней, на которыхъ горцы хотѣли утвердиться, и, наконецъ, совершеннаго отступленія ихъ на всѣхъ пунктахъ.

Непріятель, раскинутый по тремъ направленіямъ, не имѣлъ уже ни единства, ни рѣшительности—дѣло продолжалось всего часъ; потеря наша состояла убитыми изъ 9 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1 оберъ-офицера и 15 нижнихъ чиновъ; 9 тѣлъ непріятельскихъ остались въ нашихъ рукахъ, а потеря горцевъ, по словамъ выходцевъ, была весьма значительна.

Въ 2 часа по полудни я двинулся обратно въ Бурундукъ-кале; непріятель уже не осмѣлился преслѣдовать насъ, и я остался на позиціи съ 1-мъ баталіономъ его свѣтлости и 3-мъ баталіономъ кабардинскаго полковъ, съ 2 горными единорогами, до 8 часовъ вечера, пока всѣ тяжести и главная колонна перевалились черезъ койсубулинскій хребетъ.

Не смотря на гололедицу, которая заставила въ нѣсколькихъ мѣстахъ тащить на рукахъ орудія и зарядные ящики, аррьергардъ прибылъ въ Казаници къ 2 часамъ утра.

Въ полдень, 19 декабря, аварскій отрядъ въ боевомъ порядкѣ, съ распущеннымъ знаменемъ аварскаго ханства, вступилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, привѣтствуемый выстрѣлами со всѣхъ батарей,—а 20-го служилъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и благодарилъ за чудное свое избавленіе Господа силъ. Ему, единому, слава!

Пассекъ.

Описаніе нашествія скопищъ Шамиля на Кахетію въ 1854 году.

Лѣвѣмъ флангомъ лезгинской кордонной линіи, съ 1847 года, названа линія укрѣпленій постовъ и вышекъ, расположенныхъ впереди Кахетіи, частію у подошвы главнаго кавказскаго хребта, частію на самомъ хребтѣ горъ, на пространствѣ отъ Мсхалтъ горы и Угельтехили до горы Саирмо и рѣки Сторы.

Такое пространство линіи, доходящее до 110 верстъ, не имѣло никогда правильнаго и надежнаго матеріальнаго устройства.

Не знаю, почему столь восторженно одобренные и утвержденные начальствомъ проекты объ устройствѣ обороны Кахетіи полковниковъ Гродскаго и князя Меликова (*) въ 1850 году приводились въ исполненіе безъ малѣйшей энергіи, въ самомъ искаженномъ видѣ и съ такою медленностію, что впоследствии какъ будто забыли даже о существованіи этихъ проектовъ.

Не буду описывать, въ чемъ состояли предположенія Гродскаго и князя Меликова, но скажу однако, что тѣ лица, отъ которыхъ зависѣло дать средства къ скорому выполненію этихъ полезныхъ для края мѣръ, пренебрегли какъ ими, такъ и временемъ, предполагая, что лезгинская линія пустой и

(*) Нынѣ генераль-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, командующій войскамъ въ Дагестанской области.

безполезный предметъ относительно нашей кавказской войны. Кому-же была поручена эта линія—думалъ иначе, но спорить противъ нихъ было невозможно.

Бывшій начальникомъ лѣваго фланга лезгинской кордонной линіи съ 1850 по 1854 годъ, полковникъ князь Меликовъ, зная хорошо обстоятельства и неустроенное положеніе ввѣреннаго ему края, 4-го января 1854 года подалъ, по начальству, записку, въ которой, объясняя невозможность дать во-время помощь Кахетіи изъ Закаталъ, на случай нашествія Шамиля на этотъ край, просилъ: усилить на флангѣ число войскъ такъ, чтобъ, кромѣ двухъ баталіоновъ, расположенныхъ для охраненія укрѣпленій и нѣкоторыхъ ущелій и грузинской дружины, занимающей посты и вышки на передовой и нижней линіяхъ, были-бы еще два баталіона пѣхоты, четыре сотни казаковъ, съ четырьмя горными орудіями, для движенія по плоскости, куда надобность потребуетъ; для усиленія-же горныхъ пунктовъ, занимаемыхъ малочисленными караулами, составить временную милицію въ 300 человекъ, и особую резервную милицію въ 1500 составъ для вызова только въ самыхъ тревожныхъ обстоятельствахъ; грузинскую-же дружину усилить возвращеніемъ къ ней всѣхъ откомандированныхъ частей ея,—кромѣ того, немедленно устроить обороны по проекту, поданному имъ въ 1850 году, построить каменную ограду кварельскаго укрѣпленія, снабдить всѣ передовые посты порохомъ, хлѣбомъ и водою для обезпеченія ихъ на случай долгой осады; приспособить жителями средствами разрушенныя сельскія укрѣпленія къ оборонѣ отъ непріятеля и куда могли-бы входить жители съ имуществомъ и держаться до поданія имъ помощи войсками.

Эта записка полковника князя Меликова была принята въ Тифлисѣ съ такимъ-же одобреніемъ, какъ проектъ его за

четыре года передъ тѣмъ. Въ этомъ-же мѣсяцѣ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника джаробълоканскаго округа и всей лезгинской кордонной линіи; постъ весьма важный и лестный для молодаго человѣка въ чинѣ полковника. Князь Меликовъ имѣлъ столько энергіи и практическаго ума и такъ хорошо зналъ край, а въ особенности Кахетію, что, дѣйствительно, выборъ его на эту должность былъ безошибоченъ. Ему дано право располагать всеми войсками лезгинской линіи, по собственному его усмотрѣнію, и вмѣнено въ обязанность, въ видѣ распространенія его власти, охранять нухинскій уѣздъ и рѣку Куру—какъ единственный путь, по которому должны были двигаться транспорты съ продовольствіемъ на всю закавказскую армію.

Военныхъ средствъ у князя Меликова для всего этого было весьма недостаточно, почему онъ и не могъ удѣлить Кахетіи столько войскъ, сколько требовалъ своею запискою; однако, признать себя заранѣе не въ силахъ удовлетворить ожиданіямъ начальства—было для него слишкомъ щекотливо.

Поэтому, вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, энергія и дѣятельность Меликова удвоились; въ концѣ февраля 1854 года онъ прибылъ изъ Тифлиса въ званіи начальника всей лезгинской линіи (вскорѣ онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры), прямо въ Кахетію и, пригласивъ назначеннаго начальникомъ лѣваго фланга линіи, полковника фонъ-Кульмана, талавскаго уѣзднаго начальника и здѣшнихъ помѣщиковъ, поѣхалъ съ ними въ каждую деревню, осмотрѣлъ старинныя сельскія крѣпости, поставилъ рабочихъ на возобновленіе ихъ, далъ росписаніе, какія селенія, въ какой крѣпости, должны искать убѣжища, назначилъ изъ помѣщиковъ крѣпостныхъ начальниковъ, полковнику фонъ-Кульману приказалъ приступить къ постройкѣ каменной стѣны кругомъ кварельскаго укрѣпленія;

окончить постройки кодорской башни и сацхенискаго укрѣпленія, снабдить всѣ передовые посты продовольствіемъ и боевыми припасами; разрѣшилъ жителямъ покупку пороха и свинца изъ кварельскаго парка, и, назначивъ на охраненіе Кахетіи, кромѣ постоянно находящихся въ ней одного баталіона тифлискаго полка, грузинскаго линейнаго № 12-го баталіона и грузинской дружины, одинъ баталіонъ мингрельскаго полка, три сотни казаковъ, три сотни временной милиціи и 500 человекъ резервной и два горныхъ единорога, 7-го марта отправился въ Закаталы. Слѣдовательно, противу числа войскъ, означенныхъ въ запискѣ князя Меликова, на усиленіе прежнихъ оборонительныхъ силъ, ему пришлось дать Кахетіи вдвое меньше,—а именно: вмѣсто двухъ баталіоновъ—одинъ, вмѣсто 1500 резервной милиціи—только 500, вмѣсто 4-хъ сотенъ казаковъ—3, да и тѣ въ самомъ слабомъ составѣ, а вмѣсто 4-хъ горныхъ орудій—только два. Прибывъ туда, кажется, первымъ долгомъ онъ поставилъ снова повторить полковнику фонъ-Кульману о снабженіи всѣхъ передовыхъ пунктовъ линіи тройнымъ комплектомъ боевыхъ припасовъ, по числу чиновъ, составлявшихъ гарнизоны, и достаточнымъ количествомъ провіанта (*), за симъ онъ просилъ его наблюдать, чтобы приведеніе въ оборонительное положеніе старинныхъ укрѣпленій было окончено въ возможно-ближайшій срокъ (**). Объ этомъ-же повторено предписаніемъ, отъ 27-го апрѣля, № 287. Такимъ образомъ, стараясь улучшать средства обороны Кахетіи, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упустилъ изъ виду своевременно сблизиться, чрезъ вѣрныхъ лазутчиковъ, съ Хара-Ибрагимомъ, наибомъ анцухскимъ, человекомъ умнымъ и пользо-

(*) См. предп. 9-го марта, 1854 года, № 511.

(**) См. предп. отъ 2-го апрѣля, № 172

вавшимся довѣріемъ Шамиля, чтобъ чрезъ него имѣть всѣ свѣдѣнія о преднамѣреніяхъ Шамиля насчетъ Кахетіи. Князь Меликовъ издержалъ значительныя суммы—Хара-Ибрагимъ сдѣлался вѣрнымъ слугою его и сталъ сообщать ему обо всемъ съ строгою точностію.

Въ началѣ іюня онъ пріѣхалъ опять въ Кахетію, но при осмотрѣ линій остался недоволенъ ходомъ исполненія его распоряженій.

18-го числа, этого-же мѣсяца, онъ прислалъ полковнику фонъ-Кульману слѣдующее секретное предписаніе:

«При настоящемъ положеніи дѣлъ на Кавказѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Шамиль замышляетъ нынѣшнимъ лѣтомъ вторгнуться въ наши предѣлы всею массою повинующихся ему горцевъ. При этомъ, по всей вѣроятности, цѣлью его будетъ не одно раззореніе покорныхъ намъ жителей или тревоженіе линіи, но достиженіе самыхъ рѣшительныхъ результатовъ; весьма быть можетъ, что онъ будетъ дѣйствовать сосредоточенно по одному какому-нибудь направленію, на другихъ-же будетъ ограничиваться демонстраціями съ тѣмъ, чтобы развлекать наше вниманіе и оттянуть заблаговременно наши главныя силы отъ той стороны, куда направлены будутъ главныя его усилія.

«Неизвѣстность, въ которой находимся мы насчетъ замысловъ Шамиля, заставляетъ насъ быть готовыми къ первоначальному отпору на всѣхъ пунктахъ, оберегая главныя наши силы для отраженія сосредоточенной массы. Настоящая цѣль Шамиля объяснится не иначе, какъ ходомъ самаго дѣла: распоряженія, сдѣланныя нами въ то время, когда намѣренія непріятеля еще не вполне обнаружились, могутъ повлечь за собою самыя пагубныя для насъ послѣдствія.

«Эти военныя разсужденія объясняютъ вашему высоко-

благородію, въ общихъ чертахъ, соображенія, которыми вы должны руководствоваться съ случаѣмъ появленія непріятели въ значительныхъ силахъ противъ ввѣреннаго вамъ лѣваго фланга лезгинской кордонной линіи. При этомъ должны вы имѣть въ виду своевременное подавіе помощи отдѣльнымъ передовымъ постамъ и мѣстнымъ жителямъ.

«Для доставленія тѣмъ и другимъ первоначальной самостоятельной обороны на нѣкоторое время, приняты уже дѣйствительныя мѣры. Передовые посты и башни, которые предположено удерживать за собою, совершенно обезпечены въ отношеніи къ запасамъ воды, провіанта и военныхъ припасовъ. Въ селеніяхъ возобновлены старинныя укрѣпленія, военная организація мѣстныхъ жителей приведена въ порядокъ, остается только наблюдать, чтобы не произошло никакихъ отступленій отъ этого порядка.

«За очищеніемъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ присутствіе войскъ въ настоящее время оказывается излишнимъ, въ распоряженіи вашего высокоблагородія будутъ находиться два баталіона пѣхоты, три сотни казаковъ, четыре орудія, пять сотенъ милиціи и пять сотенъ грузинской дружины—этотъ отрядъ составитъ подвижной резервъ лѣваго фланга, который направите вы туда, куда надобность укажетъ.

«При появленіи непріятельскихъ скопищъ передъ селеніями, жители обязаны немедленно перегнать скотъ свой на правый берегъ Алазани; семейства и имущество свое помѣстить внутри возобновленныхъ сельскихъ укрѣпленій, что не помѣстится въ укрѣпленіяхъ, можетъ быть зарыто въ землю. Все жители, способные носить оружіе, должны лично участвовать въ оборонѣ селенія и въ удержаніи на первое время непріятели, въ какихъ-бы силахъ онъ ни наступалъ, къ чему весьма способствуетъ самая система расположенія селеній,

большую часть окруженных садами, заборами и каменными оградами.

«Если даже нападение произведено будетъ одновременно на нѣсколько пунктовъ завѣдываемой вами линіи, то въ скоромъ времени должно обнаружиться, куда непріятель наступать въ наибольшихъ силахъ, или какой пунктъ подвергается наибольшей опасности. Для подкрѣпленія такого пункта должны вы направиться къ нему съ подвижнымъ резервомъ. Само-собою разумѣется, что при этомъ всего важнѣе направиться туда именно, гдѣ присутствіе резерва окажется дѣйствительно наиболѣе нужнымъ, и остерегаться ложныхъ движеній и демонстрацій, которыя, вѣроятно, непріятель будетъ производить для того, чтобы ввести васъ въ заблужденіе насчетъ настоящихъ своихъ намѣреній.

«Окончательная раздѣлка съ непріятелемъ выпадетъ исключительно на вашу долю только въ такомъ случаѣ, если все покушеніе его будетъ не-болѣе, какъ демонстраціею, произведенною съ намѣреніемъ отвлечь наше вниманіе и наши войска отъ той стороны, куда направитъ онъ наибольшія усилія свои. Если-же окажется, что дѣйствительно самъ Шамиль съ главнымъ скопищемъ обратился на завѣдываемую вами часть лезгинской линіи, то я, безъ малѣйшаго замедленія, поспѣшу къ вамъ на помощь съ силами, достаточными для отраженія горцевъ и для нанесенія имъ пораженія. Въ такомъ случаѣ вы можете рассчитывать и на содѣйствіе со стороны начальника тушино-пшаво-хевсурскаго округа. Само-собою разумѣется, что на-оборотъ обстоятельства могутъ потребовать движенія командуемаго вами резерва въ грузинскія деревни Тушетіи, если Шамиль устремится туда съ главнымъ своимъ скопищемъ.

«Въ заключеніе замѣчу вамъ, что въ самой подробной

инструкціи не могутъ быть предусмотрѣны всѣ случаи, которые могутъ вамъ представиться, и что таковая инструкция только бесполезно стѣснила-бы васъ въ вашихъ дѣйствіяхъ. Изложивъ здѣсь въ общихъ чертахъ соображенія, которыми вы должны руководствоваться на первое время, я твердо увѣренъ, что собственная ваша находчивость, рвеніе къ службѣ и хладнокровная предприимчивость укажутъ вамъ наилучшій способъ дѣйствія во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.»

Въ концѣ іюня войска лѣваго фланга занимали слѣдующія позиціи:

1) Грузинская дружина занимала всѣ посты, вышедши на линіи и горныя дороги по главному хребту, малыми караулами.

2) Грузинскій линейный № 12-й баталіонъ, стоя въ полномъ составѣ въ Сацхенисахъ, занимался построеніемъ тамошняго укрѣпленія и вмѣстѣ съ одною сотнею казаковъ, расположенною около упраздненнаго бѣжаньянскаго укрѣпленія, прикрывалъ со стороны спусковъ съ Годзаль-Адатла и Бахояни деревни: Новыя Гавази, Стар. Гавази, Чиканы, Кучатаны и Санаварды.

3) 3-й баталіонъ мингрельскаго полка былъ въ Кварели: двѣ роты составляли гарнизонъ укрѣпленія, а двѣ, квартируя въ деревнѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ укрѣпленія, занимались заготовленіемъ матеріаловъ для постройки каменной ограды этого укрѣпленія. Этимъ баталіономъ полагалось прикрывать Кварель со стороны Долисъ-Губе и Дуруджи.

4) Шуагорское ущелье было занято 500 человекъ резервной милиціи, расположенной въ Хандо. Ущелье шуагорское казалось самымъ неудобнымъ для движенія непріятеля, ибо сверхъ этой милиціи его охраняли похальская и шуагорская башни, а шильдинскіе сады представляли отличную

оборону противу непріятельской кавалеріи.

5) 3-й баталіонъ тифлискаго полка, съ двумя горными единорогами, былъ поставленъ на Кодорѣ для окончанія постройки тамошней башни и долженъ былъ прикрывать селенія: Сабу, Энисели, Грими, Алматы и другія, лежащія по теченію кодорской рѣчки,—

и 6) Двѣ сотни казаковъ и три сотни временной милиціи стояли между Аргани и Напареули, противу лопотинскаго ущелья.

И такъ, всѣ ущелья были закрыты и всѣ главные спуски заняты войсками.

Съ перваго взгляда на такое расположеніе войскъ казалось, что непріятель, встрѣчая вездѣ препятствія, хоть настолько времени, пока могли послѣть подкрѣпленія съ другихъ пунктовъ, не будетъ въ состояніи прорваться сквозь линію,—но послѣдовавшія обстоятельства показали другое.

28-го іюня явились къ полковнику фонъ-Кульману лазутчики и объявили, что Шамиль съ большими силами дагестанцевъ и чеченцовъ уже прибылъ въ дер. Караты, откуда, по присоединеніи на пути дидойскаго общества, возьметъ направленіе, какъ они слышали, чрезъ Тушетію на плоскость, въ г. Телавъ, или на военно-грузинскую дорогу. Другія-же общества—калаковское, анцухское и капучинское, всѣ, начиная съ 16-ти лѣтнаго возраста до стариковъ—уже собраны на полянѣ Баць-батели, которыхъ лазутчики видѣли сами и которыя намѣрены спуститься, чрезъ Сацхенисы или другія дороги, на плоскость для нападенія на грузинскія деревни; всѣ они, какъ и сборище Шамиля, конныя, а пѣшія будутъ занимать высоты и спуски.

Сынъ Шамиля и Даніель-бекъ такъ-же, съ большимъ сборищемъ, двинутся въ Казикумухъ.

По полученіи этого свѣдѣнія полковникъ фонъ-Кульманъ предписалъ командиру 3-го баталіона тифлискаго полка, находящагося на Кудорѣ, быть совершенно готовымъ къ спуску на плоскость, какъ только обнаружится движеніе непріятеля, оставивъ въ строящейся башнѣ команду мастеровыхъ; 3-му баталіону мингрельскаго полка и казакамъ приказалъ быть также готовыми къ движенію, куда надобность потребуетъ, — а жителямъ кварельскаго участка объявилъ ввести семейства свои въ сельскія укрѣпленія, а скотъ перегнать на правую сторону Алазани, *если только подтвердятся слухи и непріятель будетъ открытъ.*

Обо всемъ этомъ, въ тотъ-же день, донесъ начальнику лезгинскаго отряда, князю Меликову, и увѣдомилъ тушинскаго окружнаго начальника, полковника князя Челокаева. Но, не смотря на эти своевременныя и необходимыя къ скорому исполненію мѣры полковника фонъ-Кульмана, надобно признаться, что при такихъ условіяхъ, въ какихъ они были предлагаемы, было все равно, что если-бы не послѣдовало никакого распоряженія, потому что кто знаетъ мѣстность лезгинской линіи, тотъ легко пойметъ, что положительное свѣдѣніе и открытіе движенія непріятеля могли послѣдовать только въ то время, когда онъ уже сдѣлалъ-бы вторженіе въ кахетинскія деревни чрезъ главный хребетъ лѣсами и соединеннымъ съ ними сельскими садами. До подъема на вершину главнаго хребта непріятель не могъ быть замѣченъ нашими караулами; для спуска-же отсюда на плоскость нужно было ему только три часа—слѣдовательно, извѣстіе отъ передовыхъ карауловъ о появленіи непріятеля дошло-бы до жителей и начальства Кахетин одновременно съ нападеніемъ.

О прибытіи въ Карту и объ этомъ намѣреніи Шамилъ было сообщено князю Меликову и Хара-Ибрагимомъ еще ра-

нѣе, чѣмъ онъ получилъ донесеніе полковника фонъ-Кульмана, но вслѣдъ за симъ онъ былъ извѣщенъ Хара-Ибрагимомъ, что Шамиль потребовалъ къ себѣ андухцевъ и дидойцевъ. Изъ этого онъ заключилъ, что намѣреніе непріятеля перемѣнилось, и Шамиль, отзывая горскія общества, прилегающія къ Кахетин на востокъ, замысливаетъ напасть, или, по примѣру 1853 года, на джаробѣлоканскій округъ, или-же на нухинскій уѣздъ. Поэтому главное вниманіе начальника отряда обратилось на правый флангъ линіи.

Между тѣмъ дѣло вышло такъ: Шамиль, узнавъ о секретномъ сношеніи съ нами Хара-Ибрагима и нѣкоторыхъ дидойскихъ старшинъ, замаскировалъ свое предпріятіе, и въ то самое время, когда послалъ андухскому и дидойскому обществамъ приказаніе слѣдовать въ Барату, онъ самъ, со всѣмъ скопищемъ своимъ, пошелъ къ нимъ на-встрѣчу въ Анкратъ и оттуда, быстро повернувъ ихъ назадъ, велѣлъ идти чрезъ Барибъ-мейданъ и Кидеро въ Кахетію. По прибытіи въ Андухъ, тотчасъ-же арестовалъ Хара-Ибрагима и снялъ съ него званіе наиба, а двумъ дидойскимъ старшинамъ, служившимъ намъ лазутчиками, Кочли Махмату и Торе Хебици, отрубили головы.

Какъ этотъ маневръ, такъ и эта строгость лишили насъ всякой возможности знать—что въ эти дни совершалось по ту сторону горъ. Только уже въ 8 часовъ вечера, 2-го іюля, нашъ горный карауль, выставленный съ похалисъ-тавской башни, на Ниникось-цихе, увидѣлъ движеніе огромныхъ массъ непріятельской пѣхоты и конницы. Какъ только карауль приближалъ и даль знать завѣдывающему башнею, хорунжему грузинской дружины князю Чавчавадзе, этотъ тотчасъ-же отправилъ 4-хъ человекъ милиціонеровъ съ краткимъ донесеніемъ въ кварельское укрѣпленіе къ командиру дружины, подпол-

ковнику князю Кобулову. Въ рапортѣ Чавчавадзе было сказано, что непріятель въ огромномъ числѣ показалея противъ его башни со стороны Ниникось-цихе, — что онъ приготовился защищаться и, не имѣя времени подробно писать, просилъ вѣрить разсказу посланныхъ имъ милиціонеровъ, и что онъ, въ тоже время, далъ знать, чрезъ шуагорское ущелье, въ селеніе Шилды, адъютанту главнокомандующаго, подполковнику князю Чавчавадзе, командовавшему 500 человекъ резервной милиціи, расположенной въ урочищѣ Хаңдо.

Было 11 часовъ ночи, милиціонеры доставили эту бумагу въ Кварель и объявили, что горцы идутъ въ такомъ числѣ конныхъ и пѣшихъ партій, что они никогда такого большаго сбора непріятеля не видѣли и, что они идутъ по двумъ направлєніямъ—одни спускаются въ шильдинское ущелье, другіе въ кварельское.

Командиръ дружины, подполковникъ князь Кобуловъ, рапортъ князю Чавчавадзе передалъ мнѣ, какъ завѣдывавшему управленіемъ начальника лѣваго фланга, а я, тотчасъ-же, отправилъ его къ полковнику фонъ-Кульману, находившемуся тогда въ укр. Сацхенисахъ, и, пользуясь довѣріемъ его, сообщилъ объ этомъ движеніи непріятеля всѣмъ частнымъ начальникамъ отъ себя, повторяя приказаніе полковника фонъ-Кульмана, означенное въ донесеніи его князю Меликову, а также написалъ телавскому уѣздному начальнику и кварельскому участковому засѣдателю, присовокупивъ послѣдному просьбу—ввести немедленно всѣ семейства жителей, безъ исключенія, въ старинныя сельскія крѣпости, — на всѣхъ дорогахъ, идущихъ въ деревню, выставить секреты изъ жителей, — всѣ проходы, по деревнѣ, идущіе на базары и оттуда къ крѣпости, заложить камнями сухой кладки, приказавъ жителямъ быть осторожными и всѣмъ поголовно, кто только можетъ

владѣть оружіемъ, быть подъ ружьемъ для встрѣчи непріятели.

Князь Кобуловъ, возвѣстивъ жителямъ объ угрожающей опасности, тремя сигнальными пушечными выстрѣлами вызвалъ весь кварельскій гарнизонъ, приказалъ воинскому начальнику, маіору Соколову, на-скоро устроить развалившійся частокоть укрѣпленія и сообщилъ письменно всѣмъ постамъ, ему подчиненнымъ на кордонной линіи, а также и уѣздному начальнику и предводителю телавскаго дворянства.

Подполковникъ князь Чавчавадзе, получивъ въ Шильдахъ извѣстіе о появленіи непріятели на главномъ хребтѣ, также въ 11 часовъ ночи объявилъ жителямъ селенія необходимость въ ту-же ночь войти въ сельское укрѣпленіе; но всѣ убожденія его въ Шильдахъ остались также тщетными, какъ въ Кварели приказанія участковаго засѣдателя, потому что жители деревень до того уже привыкли къ этимъ слухамъ, болынею частію ложнымъ, что, наконецъ, не хотѣли вѣрить и въ настоящее время, когда опасность дѣйствительно была неизбежна и очень близка.

Полковникъ фонъ-Кульманъ, во 2-мъ часу по полуночи, получивъ посланный мною рапортъ хорунжаго князя Чавчавадзе съ дополненіемъ, сдѣланнымъ мною по показанію при-слапныхъ милиціонеровъ, въ ту-же минуту отправилъ это извѣстіе князю Меликову въ Закаталы, и въ тотъ-же часъ, призвавъ управляющаго гавазскимъ поселеніемъ, капитана князя Абхазова, вмѣстѣ съ нимъ распорядился переселить семейства и скотъ жителей селеній Гавазы, Чикаани, Кучатаны и Санавардо за Алазань; вооруженныхъ жителей тѣхъ-же селеній собралъ въ Чикаани, семейства гавазскихъ поселянъ ввелъ въ укрѣпленіе Сацхенпсъ, а жителей мужескаго пола оставилъ въ самомъ поселеніи и давъ надлежащее на-ставленіе къ оборонѣ капитану князю Абхазову, самъ, съ

двумя ротами линейнаго баталіона и сотнею казаковъ, въ 12 часовъ, 3-го числа, отправился въ Кварели.

Вся ночь въ кварельскомъ укрѣпленіи прошла въ усиленной дѣятельности, такъ что нижніе чины отдохнули отъ работъ уже по утру. Непрiятель не показывался; изъ Шильдъ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія. Наконецъ, въ 9-ть часовъ утра, прiѣхалъ оттуда посланный мною казакъ и на вопросъ мой отвѣчалъ, что онъ изъ Шильдъ выѣхалъ въ седьмомъ часу, что тамъ все благополучно, о непрiятелѣ ничего не слыхать и, что бумагъ ему никакихъ не дали.

Обходные милиціонеры возвратились также изъ ущелья Дуруджи—что впереди Кварели, ничего не зная о появленіи непрiятельскихъ скопищъ. Мы были въ недоумѣніи и начали уже подозрѣвать, что партія, показавшаяся на горѣ Ниникость-цихе, вѣроятно, была не большая и, будучи открыта нашимъ карауломъ, вернулась назадъ въ горы.

Разсуждая объ этомъ съ подполковникомъ княземъ Кобуловымъ, я былъ отозванъ въ сторону шедшимъ въ то время по крѣпостной площади мингрельскаго полка капитаномъ Хандампировымъ, который съ комическимъ хладнокровіемъ объявилъ мнѣ, что полчаса тому назадъ прiѣхалъ изъ селенія Кварели баталіонный адъютантъ, поручикъ Лысяковъ, съ извѣстіемъ, что жители получили вѣрное свѣдѣніе, что Шамиль сегодня утромъ завладѣлъ селеніемъ Шильды и сжегъ его.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило насъ, а еще болѣе удивило, что баталіонный адъютантъ и его командиръ, капитанъ Янау, сочли лишнимъ объ этомъ объявить начальству.

Князь Кобуловъ, поручивъ укрѣпленіе и свою кордонную дистанцію воинскому начальнику, майору Соколову, тотчасъ же взялъ одну роту мингрельскаго полка и отправился въ Шильды; а я, донеся объ этомъ полковнику фонъ-Кульману, поѣ-

халь въ деревню Кварели повѣрять—исполнено-ли все то, о чемъ просилъ участковаго засѣдателя, относительно ввода семействъ въ сельскую крѣпость и приготовленія жителей къ оборонѣ.

Въ деревнѣ Кварели встрѣтилъ меня участковый засѣдатель, который разсказалъ, что жители не слушали его до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрились сами въ угрожающей опасности извѣстіемъ, полученнымъ изъ Шильды. При мнѣ большая часть семействъ уже была въ крѣпости, а остальная торопилась войти—суматоха была страшная во всей деревнѣ.

Возвратившись назадъ въ укрѣпленіе, я увидѣлъ князя Кобулова, который, встрѣтивъ на пути отъ Кварель къ Шильдамъ, на Купсь-царскомъ полѣ, скопище до 2000 человекъ, не рискнулъ пробиться сквозь такую массу съ одною ротою,—тѣмъ болѣе, что не имѣлъ на то приказанія, возвратился обратно въ укрѣпленіе.

Въ два часа пополудни я получилъ отъ полковника фонъ-Кульмана записку, въ которой онъ увѣдомлялъ о своемъ выступленіи изъ Сацхенисъ и предлагалъ подполковнику князю Кобулову къ двумъ ротамъ мингрельскаго полка, расположеннымъ въ деревнѣ Кварель, придать одно легкое орудіе изъ упряжнаго взвода кварельскаго артилерійскаго гарнизона и идти съ ними на помощь селенію Шильды и, во что-бы ни-стало, открыть сообщеніе между этими двумя селеніями.

Приказаніе это было исполнено безъ малѣйшаго замедленія. Но не прошло полчаса по уходѣ подполковника князя Кобулова, какъ дали знать изъ деревни Кварель, что чрезъ горы, отдѣляющія Кварель отъ Шильды, противу долочобскаго поста, показалась партія горцевъ. Я послалъ дать знать объ этомъ князю Кобулову; вскорѣ посланный казакъ привезъ мнѣ записку, что князь Кобуловъ уже приближается къ Шильдамъ, откуда слышна перестрѣлка, и что считаетъ уже болѣе воз-

можнымъ, по близости, помочь Шильдамъ, нежели Кварели.

Вскорѣ прибылъ и полковникъ фонъ-Кульманъ, и партія, показавшаяся противъ Долочобы, вѣроятно, замѣтившая его движеніе, скрылась за горы.

Между тѣмъ непріятель, въ 5-ть часовъ по-полудни, разбилъ огромный лагерь на вершинѣ Патараялаги, въ виду кварельскаго укрѣпленія. Фасъ лагерь, обращенный къ намъ, состоялъ изъ 60-ти палатокъ. Движеніе народа и разноцвѣтные значки были видны простымъ глазомъ.

Но что сдѣлалось съ Шильдами—мы ничего не знали до поздней ночи. Въ 11-ть часовъ, съ 3-го на 4-е число, наконецъ, фонъ-Кульманъ получилъ отъ подполковника князя Чавчавадзе письмо, адресованное къ князю Кобулову.

Письмо это хотя весьма слабое описаніе истины—но, на всякій случай, помѣщаю здѣсь слово въ слово:

«Сегодня, въ 7-мь часовъ утра, мы были атакованы большими конными и пѣшими непріятельскими силами. Дѣло въ деревни продолжалось до 11-ти часовъ. По средствамъ, которые мы имѣли, какъ гг. сотенные командиры, такъ и люди, вели себя примѣрно. Потеря у непріятели огромная. Съ нашей стороны убитыхъ немного, нѣсколько женщинъ и мальчиковъ захвачены изъ крайнихъ саклей.

«Въ исходѣ двѣнадцатаго часа часть кавалеріи потянулась къ Эниселямъ, куда я тотчасъ-же направилъ 150 человекъ своей дружины. Часть-же кавалеріи ихней бродитъ по окрестностямъ, а другая расположилась у поста Хандо.

«Вообще помощи намъ до сихъ поръ никакой не дано—а этими средствами нѣтъ возможности предпринять намъ рѣшительнаго.

«Просьба моя къ тебѣ очень большая и она важная— доставить намъ, сегодня-же, два пуда пороху и свинцу че-

тыре пуда, а то мы рискуемъ остаться безъ выстрѣла.

«Ради Бога, скорѣй помоги намъ порохомъ и свинцомъ.

Твой Давидъ Чавчавадзе.»

«3-го іюля,

въ 12½ час. по-полудни.»

«Письмо это казакъ привезъ назадъ, по неимѣнію проѣзда; теперь снова посылаю. Одинъ изъ плѣнныхъ сказалъ намъ, что самъ Шамиль и Султанъ въ Хандо.»

Отправивъ въ Шильды требуемый порохъ и свинець, полковникъ фонъ-Кульманъ, по содержанію этого письма и по разсказу привезшихъ его милиціонеровъ и казаковъ, въ ту-же ночь донесъ генералу князю Меликову (отъ 3-го іюля, № 1073) о нападеніи и сожженіи непріятелемъ сел. Шильды, о прерваніи сообщенія между этимъ селеніемъ и Кварелью, о поджогахъ горцами селеній: Пашаани, Турисъ-цихе, Сабуй, Грени и Энисели и объ отправленіи, съ двумя ротами и однимъ орудіемъ, подполковника кн. Кобулова на помощь къ подполковнику князю Чавчавадзе. Вмѣстѣ съ этимъ, отъ 3-го же іюля, № 1074, увѣдомивъ о спускѣ непріятеля въ Кахетію тушинно-пшаво-хевсурскаго окружнаго начальника, полковника князя Челокаева, онъ просилъ о высылкѣ къ нему форсированнымъ маршемъ изъ Тіонетъ 4-го баталіона навагинскаго полка, составлявшаго резервъ войскъ лѣваго фланга линіи.

Утромъ-же 4-го числа онъ отправилъ два отношенія: одно за № 1076—къ сигнахскому уѣздному начальнику, прося выслать резервную милицію, а другое—командующему двумя дивизіонами шижгородскаго драгунскаго полка, находящемуся

на Карагачѣ, за № 1077, совѣтуя ему двинуться по правому берегу Алазани вверхъ, до г. Телава.

Между тѣмъ полковникъ фонъ-Кульманъ получилъ другое письмо отъ подполковника князя Чавчавадзе (отъ 4-го іюля) слѣдующаго содержанія:

«Торопясь имѣть скорѣе отъ васъ наставленіе—какого рода должны быть дальнѣйшія мои дѣйствія, и не имѣя еще всѣхъ подробностей вчерашняго нашего дѣла, которое продолжалось отъ 7-ми до 12-ти часовъ по полуночи, я обо всемъ буду имѣть честь довести вамъ при первой возможности.

«Теперь-же слѣшу васъ увѣдомить, что непріятель вчера отступилъ къ Хацдо, въ весьма большомъ количествѣ какъ кавалеріи, такъ и пѣхоты, гдѣ и нынче находится.

«Средства мои въ настоящее время состоятъ изъ двухъ ротъ мингрельскаго полка, баталіона тифлискаго полка и 400 челов. милиціонеровъ, изъ коихъ, на худой конецъ, въ крѣпости надо оставить 300 челов. Большая-же часть остальныхъ милиціонеровъ употреблена на занятіе разныхъ дорогъ, чтобы знать—какое направленіе возьметъ непріятель.

«Считаю долгомъ сообщить вамъ, что ежели не будетъ усиленъ ввѣренный мнѣ отрядъ, то непріятель можетъ нанести значительный вредъ цѣлой Кахетіи; въ особенности, при настоящихъ обстоятельствахъ, безъ кавалеріи, пѣгъ возможности ничего предпринять, тѣмъ болѣе, что главная сила непріятельская въ конницѣ.

«Жду съ нетерпѣніемъ вашего наставленія, какъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ случаѣ. 4-го іюля, 1854 года.»

Полковникъ фонъ-Кульманъ не сомнѣваясь, что къ ночи, съ 4-го на 5-е число, могутъ прибыть въ его распоряженіе два дивизіона драгунъ и сигнахская резервная дружина, послалъ князю Чавчавадзе слѣдующее предписаніе:

„Получивъ письмо ваше отъ 4 іюля, я усмотрѣлъ, что у вашего сіятельства собраны въ настоящее время одинъ баталіонъ тифлискаго полка, двѣ роты мингрельскаго, часть грузинской дружины и 400 чел. милиціонеровъ резервной кахетинской милиціи; но при всемъ томъ, не имѣя кавалеріи, вы не можете предпринять ничего рѣшительнаго противу огромныхъ скопищъ Шамиля, предающихъ раззоренію селенія телавскаго уѣзда. Вполнѣ соглашаясь съ вами въ необходимости усилить отрядъ противу этихъ скопищъ, я прошу ваше сіятельство съ частями войскъ, находящимися у васъ, съ наступленіемъ ночи, двинуться, форсированнымъ маршемъ, къ посту Куйсцкарю (что между Шильдъ и Кварелью), оставивъ въ шильдинской крѣпости, для охраненія тамошнихъ семействъ, вооруженныхъ жителей этаго селенія и 100 челов. резервной милиціи. Съ наступленіемъ ночи я то-же пойду съ сотнею казаковъ, съ однимъ орудіемъ, къ Куйсцкарю, гдѣ буду ожидать вашего прибытія. По соединеніи-же я предприму, по указанію обстоятельствъ, рѣшительное дѣйствіе противу непріятели. 4-го іюля, № 1078.“

Но вмѣсто ожидаемой помощи, полковникъ фонъ-Кульманъ получилъ рапортъ князя Челокаева, что онъ не можетъ отправить къ нему 4-й баталіонъ навагинскаго полка, по неимѣнію совершенно провіанта у нижнихъ чиновъ, и что пріемщикъ посланъ въ Анануръ; сигналахскій уѣздный начальникъ-же, отношеніемъ отъ 4-го іюля, № 6-й, увѣдомилъ его, что онъ не можетъ ему выслать резервную дружину, потому, что непріятель въ большой массѣ показался на лѣвомъ берегу Алазани и сигналахскій уѣздъ нуждается въ вспоможеніи, а бумагу, отправленную къ командиру драгунскими дивизіонами, привезли назадъ, такъ какъ драгуны были взяты до того времени въ Загаты.

Почему сигналахскій уѣздный начальникъ увѣрялъ, что уѣздъ этотъ въ опасности и гдѣ онъ видѣлъ въ большихъ массахъ непріятели—неизвѣстно?

Утромъ, того-же дня, полковникъ фонъ-Кульманъ приказалъ мнѣ съѣздить въ деревню Кварель и посмотреть всели въ порядкѣ и въ готовности къ оборонѣ. По приѣздѣ туда, участковый засѣдатель предложилъ мнѣ подняться на одну изъ крѣпостныхъ башенъ и взглянуть на дымившіяся деревни по правую сторону Алазани.

Это была ужасная картина! Увидѣвъ это, не оставалось и тѣни сомнѣнія противу того, что непріятель, недовольствуясь сожженіемъ Шильды, переправился черезъ Алазань и предавалъ все, въ буквальный смыслѣ, огню и мечу.

Вечеромъ, въ 12-ть часовъ, фонъ-Кульманъ получилъ изъ Шильды отъ князя Кобулова, отъ 4-го іюля, слѣдующее письмо:

„Эти два дня люди всѣ стоятъ подъ ружьемъ и имѣютъ съ непріятелемъ сильныя дѣла. Сегодня, въ 9-ть часовъ утра, мы пошли по слѣдамъ непріятельской кавалеріи, перешедшей за Алазань, и жегшей много деревень за Алазанью; отрядъ состоялъ изъ 3-хъ ротъ тифлисскаго егерскаго полка при двухъ орудіяхъ, двухъ сотенъ резервной милиціи, конной и пѣшей команды милиціонеровъ грузинской дружины,—но дошедъ до Алазани, по случаю большой воды и неимѣнія переправы, не могли переправить орудія и солдатъ; поэтому князь Чавчавадзе, выбравъ позицію около берега Алазани, началъ ожидать отступленія непріятели. Нѣсколько партій непріятельской кавалеріи совершенно уничтожено мѣткими выстрѣлами солдатъ и милиціонеровъ и утоплены въ Алазанѣ преслѣдованіемъ милиціонеровъ, такъ что свыше 40-ка тѣлъ осталось на мѣстѣ; вечеромъ должны были фор-

сированнымъ маршемъ идти на выручку Шильды, занятой пѣшими горцами, гдѣ мы еще застали непріятеля и вытѣснили изъ деревни, но сады все еще заняты непріятелемъ. У насъ тоже есть убитые и раненые, но мало.“

„Михаилъ Самойловичъ, у насъ совершенно нѣтъ уже патроновъ для милиціи и поэтому покорнѣйше прошу васъ прислать, только при сильномъ конвоѣ, снаряды.“

„Непріятель все еще стоитъ въ Хандо и день ото-дня увеличивается въ огромномъ числѣ и, по словамъ плѣннаго чеченца, сынъ Шамиля и Давіель-Султанъ здѣсь, въ Хандо, а самъ Шамиль—на Похалѣ; изъ этого можете судить объ огромномъ числѣ непріятеля. Михаилъ Самойловичъ, люди, не имѣя ни минуты отдыха, отъ чрезвычайной ходьбы, утомляются, и поэтому не мѣшало-бы, до подавія помощи княземъ Меликовымъ, потребовать дружины изъ сѣнахскаго уѣзда. Князь Давидъ Чавчавадзе нездоровъ и сегодня едва превозмогалъ болѣзнь. Непріятельская пѣшая партія сейчасъ спустилась въ большомъ числѣ.“

Прочитавъ письмо это, фонъ-Кульманъ питался еще надеждою, основанною на вѣроятіи, что недолго придется ждать помощи со стороны войскъ праваго фланга кордонной линіи, но, къ крайнему удивленію и несчастью, на разсвѣтѣ, 5-го числа, онъ узналъ изъ нижеслѣдующаго предписанія князя Меликова, что донесенія его о вторженіи Шамиля въ Кахетію не дошли до него.

Князь Меликовъ писалъ, отъ 4-го іюля, № 488, изъ Закаталъ:

«Сейчасъ получено мною извѣстіе, будто многочисленное скопище горцевъ расположилось на урочищѣ Барибъ-мейданѣ и, что самъ Шамиль лично находится при этомъ скопищѣ.

«Хотя извѣстіе это отчасти согласуется съ тѣми, которыя получаютъ чрезъ нѣкоторыхъ лазутчиковъ о намѣреніи Шамля двинуться въ Кахетію и въ Тунетію, но я сомнѣваюсь въ справедливости его, преимущественно потому, что не получаю отъ васъ никакого донесенія о появленіи скопища горцевъ противъ завѣдываемаго вами фланга. Урочище Барибъ-мейданъ находится такъ близко отъ горныхъ карауловъ хубіарскаго, похались-тавскаго, что расположеніе на немъ многочисленнаго скопища не могло-бы не остаться незамѣченнымъ.

«Во всякомъ случаѣ, покорно прошу ваше высокоблагородіе, съ полученіемъ сего отправить лазутчиковъ и принять самыя дѣятельныя мѣры къ разъясненію истины. Если окажется, что дѣйствительно самъ Шамль направляется противъ лѣваго фланга, то, по первому отъ васъ о томъ донесенію, я поспѣшу къ вамъ со всею кавалеріею лезгинскаго отряда и конными орудіями, вслѣдъ затѣмъ прибудетъ и пѣхота съ пѣшею артилеріею. Изъ этого вы видите, что должны быть крайне осмотрительны въ вашихъ донесеніяхъ, потому что Шамль можетъ воспользоваться произведенною у насъ ложною тревогою и сосредоточеніемъ войскъ на одной оконечности линіи, для того, чтобы въ то самое время двинуться со всею массою своихъ силъ на другой конецъ линіи, куда помощь тогда уже не въ состояніи будетъ поспѣть совершенно.»

И такъ свѣдѣнія изъ Шильдъ получались одно ужаснѣе другаго въ то время, когда помощи не было ни-откуда. Полковникъ фонъ-Кульманъ, сообщивъ обо всемъ, что зналъ, князю Меликову съ тѣмъ-же нарочнымъ, который привезъ предписаніе, не могъ болѣе обнадеживать князя Кобулова въ намѣреніи—предпринять что-либо рѣшительное противъ непріа-

теля. пока наличныя войска его должны были охранять и Шильды, и Кварель, и другіе пункты линій, могшіе также подвергнуться нападенію. Поэтому рѣшился оставить уже разоренныя Шильды, до нѣкотораго времени, безъ войскъ, чтобы имѣть одинъ, хотя слабый, но свободный отрядъ для дѣйствія внѣ деревень. Но чтобы не дать замѣтить непріятелю, что Шильды оставлены совершенно безъ войскъ, онъ предписалъ князю Кобулову выйти оттуда ночью (съ 5-го на 6-е число). Вотъ въ чемъ заключалось это предписаніе:

«Предлагаю вашему сіятельству, съ наступленіемъ ночи сего числа, со всѣми войсками, подъ командою вашею состоящими, не смотря ни на какія обстоятельства, прорваться чрезъ непріятеля и слѣдовать въ куйсецарскому посту, по прибытіи туда меня о томъ увѣдомить, стараясь взять съ собою какія возможно будетъ семейства и доставить въ Кварель. 5-го іюля, № 1080.»

Какъ только полковникъ фонъ-Кульманъ отправилъ эту бумагу—какъ послѣднюю мѣру крайности, къ нему прискакалъ одинъ нарочный и объявилъ ему, что, наконецъ, идутъ драгуны, казаки и артилерія, посланные княземъ Меликовымъ на помощь Кахетіи, и что чрезъ нѣсколько часовъ они будутъ въ Кварели.

Эта была великая минута, возстановившая нравственныя силы наши. Каждый говорилъ объ этомъ съ какимъ-то лихорадочнымъ экстазомъ и съ улыбкою на лицѣ, и на нѣкоторое время, казалось, мы всѣ забыли о несчастіи Шильды и другихъ деревень, которое знали только изъ частью преувеличенныхъ, частью—неполныхъ разсказовъ.

Князь Меликовъ получилъ первое донесеніе фонъ-Кульмана о появленіи горцевъ на главномъ хребтѣ, отправленное 3-го числа, только на другой день въ два часа по-полудни.

Не дожидаясь отвѣта на предписаніе за № 488, онъ тотчасъ-же отправилъ форсированнымъ маршемъ изъ Закаталъ, подъ командою подполковника Барковскаго, два дивизиона драгунъ нижегородскаго полка, четыре сотни донскаго казачьяго № 48-го полка и четыре орудія линейной казачьей № 5-го батареи. Этому штабъ-офицеру поручилъ при слѣдованіи чрезъ Лагодехи приказать командиру тамъ находящагося постоянно въ совершенномъ бездѣйствіи 2-го баталіона тифлискаго полка, подполковнику Кононовичу, идти вслѣдъ за кавалеріею, но баталіонъ этотъ опоздалъ, не пришелъ съ кавалеріею, хотя ему предстояло сдѣлать переходъ вдвое меньше до Кварели. Въ часть по-полудни, 5-го числа, подполковникъ Барковскій былъ уже на берегу рѣчки Дуруджи.

Получивъ такое подкрѣпленіе, фонъ-Кульманъ, конечно, уже не только не считалъ нужнымъ оставить Шильды безъ войскъ, но самъ поспѣшилъ туда. Взявъ съ собою изъ кварельскаго укрѣпленія еще одну сотню и одну роту мингрельскаго полка, прошелъ чрезъ селеніе Кварели, гдѣ присоединились къ нему вооруженные жители этаго селенія, подъ командою участковаго засѣдателя, прапорщика князя Давида Чавчавадзе и гавазскаго поселенія, подъ командою капитана князя Абхазова, и сотня грузинской дружины. И такъ колонна его, состоявшая изъ 2-х дивизионовъ драгунъ, 5 сотенъ казаковъ, одной роты и одной сотни пѣхоты и жителей при 4-хъ орудіяхъ, всего 2200 человекъ, въ 3½ часа по полудни, двинулась впередъ и послѣ незначительной ружейной перестрѣлки на Концхи (возвышенности у входа въ Шильды), занятой горцами, которые тотчасъ-же бѣжали, въ 7-мъ часовъ вступила въ полураззоренное селеніе. Съ Концхи мы видѣли неприятельскій лагерь на Хандо, какъ на ладони, и, по необыкновенному движенію народа, замѣтно было, что горцы сильно

встревожились приходомъ нашей кавалеріи и торопились занимать опушки лѣса по склону горъ. Жители Шильдъ были, конечно, обрадованы прибытіемъ такой значительной помощи, но чувства ихъ выражались крупными слезами и горькими рыданіями, когда они сами, будучи внѣ опасности, свободно начали ощущать огромную потерю свою въ близкихъ и имуществѣ. На пути слѣдованія мы узнали однако, что никто столько не потерялъ, какъ подполковникъ князь Давидъ Чавчавадзе; но онъ самъ, не зная этого, встрѣтилъ фонъ-Кульмана во главѣ войскъ и жителей, бывшихъ въ Шильдахъ, хотя его мучило какое-то темное подозрѣніе и былъ нездоровъ.

Здѣсь мы узнали также, что непріятель овладѣлъ и башнями похались-тавскою и шуагорскою. Дѣйствія непріятели происходили въ слѣдующемъ порядкѣ.

Какъ мы сказали выше, движеніе его противъ Кахетіи первый разъ открылъ нашъ горный карауль, въ 8 часовъ вечера, 2-го іюля, и тотчасъ-же далъ знать гарнизону похались-тавской башни, который приготовился защищаться. Начальникъ непріятельскаго авангарда, вѣроятно, полагая, что башня эта, составляющая прикрытіе дорогъ, спускающихся въ шильдинское и кварельское ущелья, можетъ быть взята легко подъ вліяніемъ одного только впечатлѣнія и тѣмъ уничтожена преграда на пути движенія его, послалъ противъ башни часть своей кавалеріи. Горцы, подсекавъ на самое близкое разстояніе, начали требовать отъ гарнизона сдачи башни, но въ отвѣтъ на это получили со всѣхъ бойницъ ружейный залпъ. Опрокинутые назадъ, они почти на полчаса прекратили всякое открытое нападеніе; но по прибытіи главнаго скопища, Шамиль устроилъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, батарею изъ двухъ горныхъ единороговъ и одного подеваго орудія и началъ разбивать башню.

Такимъ образомъ, занявъ гарнизонъ башни собственною обороною, онъ послалъ до 10000 человекъ конницы и пѣхоты въ шильдинское ущелье подъ командою сына своего Кази-Магомета и Даніель-бека, бывшаго элисуйскаго султана, а остальную часть пѣхоты и конницы до 5000 человекъ оставилъ при себѣ, на горѣ Похали.

Скопица Кази-Магомета и Даніель-бека, по спускѣ въ ущелье утромъ 3-го числа были вновь задержаны, на нѣкоторое время, шуагорскою башнею, но горцы вскорѣ пренебрегли ничтожнымъ сопротивленіемъ, которое могъ оказать малочисленный гарнизонъ ея, и устремились къ Хандо.

Между тѣмъ резервная милиція наша, самовольно, не смотря ни на какія требованія, просьбы и угрозы согенныхъ командировъ и начальника сей милиціи, подполковника князя Чавчавадзе, оставила Хандо еще до прихода туда непріятеля и отступила въ самое селеніе Шильды. Въ этомъ именно заключалась одна изъ главныхъ причинъ такого безпрепятственнаго вступленія горцевъ въ это селеніе и такого ужаснаго разоренія его; непріятелю почти невозможно было-бы пройти въ селеніе по узкимъ дорогамъ, ведущимъ въ него между заборами густыхъ виноградныхъ садовъ, если-бы милиція защищала-бы тѣ дороги, потому что первый убитый непріятельскій всадникъ, съ своею лошадыю, въ этихъ узкихъ проходахъ составилъ-бы непреодолимую баррикаду, и горцы должны были-бы проходить три версты сквозь перекрестный огонь.

Но милиція, пришедшая изъ Хандо, толпилась у воротъ крѣпости, шумѣла, врывалась въ ворота и, наконецъ, вся заперлась внутри, исключая весьма немногихъ человекъ, сдѣлавшихся вскорѣ жертвою бесполезной отваги.

Жители-же, еще съ разсвѣта, вышли на полевые работы, нисколько не вѣря опасности.

Пользуясь такимъ безпорядкомъ, непріятель густыми толпами ввалился въ селеніе сѣверными проходами и съ 7-ми до 11 часовъ утра предавалъ Шильды страшному раззоренію.

Въ 11-ть часовъ горцы раздѣлились на три партіи: одна возвратилась изъ селенія на Хандо съ плѣнными и добычею, другая пошла южными воротами къ деревнямъ Чинчріани, Турисъ-цихе и Пашаани и забрала въ плѣнъ всѣхъ бывшихъ на полевой работѣ шильдинцевъ и жителей этихъ деревень; третья-же устремилась на западъ и, переправившись черезъ рѣчку Чельти, прошла селенія Греми, Энисели, Накалакеви и Шакріани; но здѣсь, замѣтивъ поспѣшное движеніе изъ Напареуль временной милиціи, подъ командою шакріанскаго помѣщика князя Георгія Джорджадзе, должна была отказаться отъ дальнѣйшаго предпріятія.

Когда непріятель вышелъ изъ селенія Шильды, тамъ было найдено множество убитыхъ жителей и между ними четыре тѣла, безъ одежды, съ выбритыми головами, и по этому одному можно было думать, что горцы оставили на мѣстѣ четыре тѣла; но въ реляціи число это умножено въ сто-двадцать разъ; потеря-же наша въ этотъ день была громадная, потому что участи мѣстныхъ жителей подвергалось огромное число приходящихъ въ эти селенія каждое лѣто, для заработковъ, бѣдныхъ жителей сигвахскаго уѣзда и другихъ частей Кахетіи.

Какъ только узнали въ Телавѣ о спускѣ непріятели въ Шильды, телавскій уѣздный начальникъ, князь Андрониковъ, и предводитель дворянства, князь Кобуловъ, сдѣлавъ пѣкоторыя распоряженія о безопасности телавскаго участка, собрали дворянъ и предложили имъ идти на помощь жителямъ лѣваго берега Алазани. Предложеніе это было единодушно принято всѣми и, собравъ значительное число прислуги и те-

лавскихъ мѣщанъ, дворяне эти около 5 часовъ вечера направились къ Алазани, но лишь только-что переѣхали эту рѣку, они были встрѣчены второю партіею горцевъ, не-далеко отъ селенія Чинчріани, разсѣяны и съ урономъ прогнаны назадъ. Уѣздный начальникъ и нѣкоторые другіе, не найдя брода, бросились въ такую глубину воды, что многіе, въ томъ числѣ князь Константинъ Чавчавадзе, не будучи въ состояніи выплыть, утонули, а самъ уѣздный начальникъ былъ едва спасенъ однимъ казакомъ его полицейской команды.

Около 6-ти часовъ вечера непріятель отступилъ со всѣхъ сторонъ къ лагерю своему на Хандо и въ то-же время приници въ Шильды отправленныя изъ Кварель двѣ роты мингрельскаго полка съ однимъ полевымъ орудіемъ, подъ команду подполковника князя Кобулова, и изъ Кудоръ 3-й батальонъ тифлискаго полка съ двумя горными единорогами, подъ команду маіора князя Туманова.

Ночью съ 3-го на 4-е число Шильды были въ постоянной тревогѣ. Горцы подкрадывались садами къ войскамъ, расположеннымъ на площади, впереди крѣпости, и беспокоили ихъ залпами изъ ружей.

Ободренные успѣхомъ прошедшаго дня Казы-Магометъ и Даніель-бекъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго опасенія 6-ти ротъ пѣхоты при 3-хъ орудіяхъ, состоявшихъ въ Шильдахъ, кромѣ 500 человекъ милиціи, и собранныхъ жителей—на другой день, въ 6 часовъ утра, направили изъ Хандо чрезъ Шильды всю кавалерію на правый берегъ Алазани. По первому извѣстію объ этомъ движеніи подполковникъ князь Чавчавадзе, взявъ три роты тифлискаго полка, двѣ—мингрельскаго при 3-хъ орудіяхъ, часть грузинской дружины и двѣ сотни резервной милиціи, послѣшили за непріателемъ; но съ одной стороны немѣніе кавалеріи, съ другой—полноводье

Алазани, воспрепятствовали ему догнать горцевъ, — и потому онъ долженъ былъ ограничиться только наблюденіемъ за движеніемъ ихъ, чтобъ отрѣзать имъ отступленіе.

Слѣды ихъ началъ обозначаться густымъ дымомъ пожаровъ въ селеніяхъ: Тогніани, Кондолы, Кисисъ-хеви, Цинандалы, Насомхари и Шалаури (рапортъ телавскаго уѣзднаго начальника отъ 5 іюля, 1854 г., № 20). Раззоривъ эти селенія, горцы раздѣлились на множество мелкихъ партій и начали отступать за Алазань, переправляясь въ разныхъ мѣстахъ частями. Вечеромъ одна изъ этихъ партій направилась къ рѣкѣ противу нашей засады. Какъ только она вступила въ глубину рѣки, по ней была пущена картечь и данъ залпъ изъ ружей. Горцы вдругъ смѣшались неожиданностію. Пользуясь этимъ, есауль грузинской дружины Маржановъ и нѣсколько конныхъ милиціонеровъ мгновенно выхватили шашки и бросились на нихъ. Эта маленькая рукопашная схватка, можно сказать, была въ описываемое нами событіе самая блестящая битва и единственная, кончившаяся нашимъ успѣхомъ.

Между тѣмъ непріятель, желая оттянуть наши войска отъ переправы, началъ производить въ Шильдахъ ложныя тревоги. Объ этомъ дали знать князю Чавчавадзе и онъ долженъ былъ идти туда форсированнымъ маршемъ. Подойдя къ высотѣ Концхи и зная, что оставшіяся за Алазанью партіи горцевъ будутъ проходить чрезъ это мѣсто, онъ приказалъ капитану Хитрово остаться тамъ на всю ночь съ двумя ротами мингрельскаго полка и съ двумя орудіями и всѣми мѣрами стараться отбивать у нихъ плѣнныхъ. Но капитанъ Хитрово, въ 9-ть часовъ вечера, разсѣявъ артилерійскимъ огнемъ одну маленькую партію и отбивъ у ней одну старуху и одну лошадь, покинулъ позицію и пришелъ тоже въ

Шильды. На вопросъ, почему онъ это сдѣлалъ, отвѣчалъ, что онъ совершенно увѣренъ, что непріятеля болѣе нигдѣ уже нѣтъ. Такимъ образомъ 4-го числа плѣнные и добыча съ праваго берега Алазани, при достаточномъ числѣ нашихъ войскъ въ Шильдахъ, были взяты и проведены горцами въ свой лагерь также безпрепятственно, какъ и наканунѣ изъ Шильды и другихъ селеній лѣваго берега.

Въ этотъ-же день послѣ болѣе двухъ-суточного бомбардированія и почти совершеннаго разрушенія похалист-тавской башни, Шамиль успѣлъ вынудить гарнизонъ ея къ сдачѣ, а за нимъ сдался, вслѣдствіе обмана, и гарнизонъ шуагорской башни.

5-го числа Кази-Магометъ и Даніель-бекъ, занятые отпращиваніемъ изъ Хандо въ лагерь Шамиля плѣнныхъ и добычи, ничего не предпринимали противу кахетинскихъ селеній, а вечеромъ, въ 7-мъ часовъ, какъ мы уже сказали выше, прибыли въ Шильды съ отрядомъ полковникъ фонъ-Кульманъ.

И такъ въ Шильдахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ непріятельской позиціи, у насъ было 7-мъ ротъ регулярной пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ, 5-ть сотенъ казаковъ, двѣ сотни грузинской дружины, 5-ть сотенъ резервной милиціи, 7-мъ орудій и до 2000 хорошо вооруженныхъ жителей. Солнце стояло еще довольно высоко и начальники частей разсуждали съ полковникомъ фонъ-Кульманомъ о томъ, чтобъ напасть на непріятеля и прогнать его съ позиціи въ горы, но подполковникъ Барковскій, представляя невозможность сдѣлать что-нибудь въ этотъ день кавалеріею, сильно утомленною быстрымъ движеніемъ изъ Закаталь, упросилъ фонъ-Кульмана отложить это намѣреніе до утра.

Наступила ночь и горцы начали, по обыкновенію, под-

крадываться къ нашей цѣпи и тревожить отрядъ ружейными выстрѣлами; но только-что начало разсвѣтать, 6-го числа все успокоилось и намъ дали знать обходные, что непріятель уже нѣтъ въ Хандо, и вскорѣ замѣтили движеніе его въ огромныхъ массахъ на гору Похали.

Вечеромъ 6-го числа прибылъ съ отрядомъ $4\frac{1}{2}$ баталіоновъ князь Меликовъ и расположился лагеремъ на рѣчкѣ Бурсѣ, около самаго селенія Кварели, прикрывъ его со стороны корьянскаго ущелья. Непріятель, замѣтивъ это, болѣе уже не рѣшался спускаться на плоскость.

Шамилъ простоялъ на горѣ Похали еще четыре дня, затѣвая разные пустые переговоры; но видя, что ничего болѣе ему не удастся, 10-го іюля снялся оттуда и ушелъ чрезъ Дидо и Анкратъ во-свои.

Кто знаетъ мѣстность горы Похали и подступы къ ней — нѣтъ ни малѣйшей нужды объяснять ему, почему князь Меликовъ не атаковалъ Шамиля.

Князь Баратовъ ().*

(*) Авторъ статьи — маіоръ князь Баратовъ, исторіографъ Грузинъ, нынѣ умершій.

Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ въ сраженіи при Кюрюкъ-дара, 24-го іюля, 1854 года.

По отданной въ ночь съ 23-го на 24-е число дислокаціи, снявшись въ полночь съ лагернаго расположенія, войска въ безмолвной тишинѣ двигались по направленію къ Мешко. Въ авангардѣ—двѣ сотни охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова, 3 сотни линейныхъ казаковъ полковника Сдоблева и стрѣлковый баталіонъ; за нимъ—пѣхота въ двухъ эшелонахъ, каждый въ двѣ колонны на 200 шаговъ интервала. Въ первомъ эшелонѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Кишинскаго, были 4 баталіона бѣлевскаго егерскаго полка, 3½ эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника полка, батарея № 4-й и легкая № 7-й батареи 18-й артилерійской бригады и батарея № 2-й батареи кавказской гренадерской бригады; за этимъ эшелономъ—артилерійскій запасный паркъ и фербантъ подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ ряжскаго пѣхотнаго полка, своднаго дивизіона артилеріи, изъ 6-й и 8-й легкихъ батарей 18-й артилерійской бригады и сотни донскихъ казаковъ № 4-й полка. Второй эшелонъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Фетисова, состоялъ изъ 3½ баталіоновъ гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка,

4-хъ баталіоновъ тульского егерскаго полка, батарейной № 1-й и легкой № 1-й батарей кавказской гренадерской бригады; конно-мусульманская бригада князя Андроникова шла съ лѣвой, а сводно-линейный казачій полкъ полковника Камкова—съ правой стороны пѣхоты, на высотѣ передовыхъ колоннъ.

Регулярная кавалерія—6 эскадроновъ нижегородскаго драгунскаго и его королевскаго высочества наследнаго принца Виртембергскаго полка и драгунскіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича и генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полки, донскія № 6 и 7 конныя батареи, дивизіонъ № 15-й линейной конной батареи и три сотни донцовъ № 20 полка, съ двумя конно-ракетными командами, слѣдовали позади пѣхоты. При корпусномъ командирѣ находились двѣ дворянскія грузинскія дружины и команда охотниковъ изъ грековъ борчалинскаго участка. Наши силы состояли изъ 18 баталіоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ драгунъ, 44 пѣшихъ и 20 конныхъ орудій и 2 сотни нерегулярной кавалеріи—всего менѣе 18 т. человекъ.

Войска прошли около 4-хъ верстъ въ сказанномъ направленіи, какъ съ первыми лучами восходящаго солнца показалась непріятельская конница на высотахъ Караяла, и впереди всей колонны, около горы Большой-Ягны, чернѣлись толпы конницы—какъ въ туманѣ видна была непріятельская пѣхота, подоспѣвшая изъ лагеря. Пройдя немного и, выдвинувшись изъ лоцины, скрывавшей волнистую мѣстность Кюрюкьдари, открылась вскорѣ и вся линія непріятельской арміи, представляющая дугообразное расположеніе отъ горы Караяль по направленію къ горѣ Ягны. На вершинѣ первой горы обрисовалась пѣхота съ двумя горными орудіями, у подошвы ея расположена была кавалерія, къ ней примыкала батарея, лѣвѣе—колонны пѣхоты, отдѣленные сильною батареею, соста-

вляли правый флангъ непріятеля,—центръ примыкалъ къ правому флангу огромными массами пѣхоты, расположенной въ двѣ линіи съ резервомъ и выдвинутою на позицію артилеріею.

Ясно видно было, что виднѣвшіяся войска впереди нашей колонны назначены были составлять лѣвый флангъ непріятеля и, по препятствіямъ мѣстности или въ темнотѣ ночи, не могли одновременно съ прочими частями занять предположенныя мѣста; въ самомъ центрѣ непріятеля видно было, что еще войска не окончательно устроены. Одинъ правый флангъ, состоявшій изъ отборныхъ турецкихъ войскъ и, примыкая къ сильной позиціи Караяла, представлялъ совершенно устроенную боевую массу.

Здѣсь представлялось два плана дѣйствій: или немедленно атаковать флангъ непріятеля, или-же перемѣнить фронтъ нашей линіи по направленію турецкихъ войскъ.

Наша боевая линія, протянувшись по направленію къ Мешко, могла подаваться немного впередъ и, остановивъ свой лѣвый флангъ, повернуть во фронтъ и зайти правымъ плечемъ къ непріятельской линіи. Лѣвая оконечность непріятельскаго центра, не прикрытая отставшими около Ягновъ войсками, не могла-бы въ этомъ положеніи принять боя. Турецкой арміи предстояла перемѣна фронта подъ наступательнымъ огнемъ нашей линіи. Оконечность Караяла должна была остаться въ тылу ихъ праваго фланга; войска-же, назначенныя для составленія ихъ лѣваго фланга, не могли-бы вступить въ линію и составили-бы какъ отдѣльный, отрѣзанный отъ главныхъ силъ отрядъ. Смѣлымъ и рискованнымъ движеніемъ этимъ войска наши перемѣнили-бы весь планъ непріятеля—отступленіе къ Карсу дѣлалось невозможнымъ.

Быстрый и дружный натискъ всей линіи могъ даровать намъ побѣду, результатами коей было-бы совершенное истреб-

леніе непріятели, отрѣзаннаго отъ Карса и долженствующаго въ такомъ случаѣ отступить къ селенію Огузлы и полямъ Кадыкъ-ляра.

При преслѣдованіи лагерь турецкій со всею добычею оставался-бы сначала вправо, а потомъ въ тылу нашемъ; путь къ Карсу совершенно былъ-бы очищенъ.

Въ опроверженіе означеннаго предположенія можно возразить, что силы, собиравшіяся на лѣвомъ флангѣ непріятели, могли обойти нашъ правый флангъ и даже ударить намъ въ тылъ,—что при отступленіи турки могли-бы найти сильный опорный пунктъ въ оконечности Карала, что войска, оставшіяся въ лагерьѣ, свѣжими силами могли-бы, при нашемъ преслѣдованіи, сильно дѣйствовать на нашъ правый флангъ и, наконецъ, что такимъ движеніемъ совершенно открывался намъ вагенбургъ.

Движеніе это, какъ выше сказано, болѣе чѣмъ смѣлое, предоставило-бы судьбу всего отряда минутной случайности боя—отступленія намъ уже не было: оставалось или уничтожить совершенно турецкую армію, или со славою лечь на полѣ битвы.

Опытъ доказалъ однакожь, что не такъ не основательны могли-бы оказаться и надежды на успѣхъ. Турецкая армія, не смотря на европейское свое образованіе и необыкновенную стойкость въ дѣлѣ при Кюрюкъ-дара, осталась однако вѣрна преданіямъ предковъ и руководимому ею фатализму: упорно выдерживая первый натискъ, переднія войска при отступленіи влекутъ за собою и заднія линіи. Рѣдко послѣднія принимаютъ участіе въ бою, и, при разстройствѣ одной части, остальные приходятъ въ смущеніе и малодушно отступаютъ, забывая о дѣйствительной своей силѣ и превосходствѣ въ людности.

Эта отличительная черта может, кажется, служить вѣрнымъ руководствомъ въ сраженіяхъ съ турками.

Въ дѣлѣ 24-го числа можно было разсчитывать на внезапность нашего удара противъ смущеннаго непріятеля неожиданнымъ появленіемъ на своемъ флангѣ нашихъ войскъ, на затрудненія, предстоящія туркамъ при перемѣнѣ фронта на огромномъ протяженіи линіи, наконецъ, на испытанное мужество нашихъ войскъ. Непріятеля, находящагося вправо отъ насъ, можно было удержатъ отдѣльною колонною изъ резерва и при разбитіи главныхъ силъ, нѣтъ сомнѣнія, что какъ тѣ, такъ и войска, оставшіяся въ лагерѣ, уклонясь отъ дальнѣйшаго боя, искали-бы спасенія въ бѣгствѣ по направленію къ Карсу, чрезъ высоты, ограждающія тылъ непріятельскаго лагеря. Разстроенному и бѣгущему непріятелю, Караяль, по отдаленію отъ центра, не могъ-бы служить опорой, и поля Башъ-кадыкляра и—Огузловъ содѣлались-бы снова могилою разъединеннымъ толнамъ бѣгущаго турецкаго корпуса. Вагенбургъ-же нашъ, достаточно укрѣпленный противъ башибузуковъ, не могъ-бы сдѣлаться, по отдаленію отъ Караяля, цѣлью покушенія регулярныхъ войскъ. Бой не могъ быть продолжителенъ—минута должна была рѣшить побѣду.

Командующій корпусомъ, осмотрѣвъ позицію, немедленно сдѣлалъ распоряженіе, соображаясь съ распоряженіемъ турецкихъ войскъ, о перемѣнѣ фронта параллельно непріятельскому, и войска, зайдя правымъ плечемъ, стройно двинулись на назначенныя имъ мѣста.

Огромное протяженіе непріятельской линіи, еще болѣе растянутое въ послѣдствіи прибытіемъ отставшаго лѣваго ихъ фланга, влекло за собою протяженіе и нашего фронта, при малочисленности войскъ отряда, значительныя должны были составиться интервалы—и вотъ почему бой 24 числа

представляет три совершенно отдѣльныя битвы, гдѣ мужество и самоотверженіе замѣняли числительность, гдѣ общео связью было только священное чувство чести и долга, воодушевлявшее каждого: отступленія никто не допускалъ—всякій чувствовалъ необходимость умереть или побѣдить.

Чувства эти служили залогомъ побѣды. Побѣда не измѣнила вѣрнымъ сынамъ своимъ. На лѣвый флангъ нашей линіи назначены были сборныя казачьи полковника Скобелева сотни, за нимъ слѣдовалъ нижегородскій драгунскій наслѣднаго принца Виртембергскаго полкъ, донская № 7 батарея, драгунскій Великаго Князя Николая Николаевича полкъ и донской № 20-го полкъ съ ракетными командами; пѣхота бѣглымъ шагомъ слѣдовала сзади, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ бѣлевскаго егерскаго полка, съ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и легкою № 7 батареею, а вскорѣ и два баталіона тульскаго егерскаго полка. Поровнявшись съ центромъ непріятельскимъ, раздались первые выстрѣлы съ турецкихъ батарей—первые предвѣщатели достославной битвы, покрывшей новою славою русское оружіе.

Огонь непріятельскій, по отдаленію, не причинялъ намъ еще вреда, и колонны двигались впередъ. Подходя къ Караялу, нашихъ встрѣтилъ мѣткій огонь штуцернаго турецкаго баталіона, разсыпаннаго въ стрѣлкахъ по скалистой плоскости горы, и гранаты двухъ горныхъ единороговъ удачно рвались посреди нижегородскаго драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, шедшаго въ колоннѣ къ атакѣ. 5-й дивизионъ былъ впереди, за нимъ 4-й и 3-й дивизионы. Въ этотъ моментъ получено было приказаніе подоспѣвшей пѣхотѣ не штурмовать гору, а оставить ее позади себя, податься впередъ противъ праваго непріятельскаго фланга. Для удержанія непріятеля, со стороны горы выдвинуты были два баталіона

1-го тульского и 1-го бѣлевскаго егерскихъ полковъ съ легкою № 7-й батареею; остальная пѣхота зашла лѣвымъ плечемъ и подалась колоннами впередъ къ возвышенности, заслонявшей намъ непріятеля, — нижегородскіе драгуны наслѣднаго принца Виртембергскаго полка по-дивизионно, захавъ лѣвымъ плечемъ, выстроились правѣе и позади пѣхоты, лицомъ къ непріятельскому фронту; двѣ роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона разсыпались на лѣвомъ флангѣ бѣлевцевъ и завели перестрѣлку съ турецкими штуцерными, линейныя казацки полковника Скобелева сотни были переведены на правый нашъ флангъ.

Покуда сіе происходило на самой оконечности нашего лѣваго фланга, драгунскій Великаго Князя Николая Николаевича полкъ, шедшій позади и правѣе нижегородцевъ, норавнявшись съ непріятельскою линіею и встрѣченный сильнымъ артилерійскимъ огнемъ съ батарей, получилъ приказаніе сбить непріятеля съ занимаемой имъ позиціи. Три дивизиона этого полка 1-й, 2-й и 5-й, имѣя впереди командира сводной драгунской бригады, ген.-м. графа Нирода, стяжавшаго въ этотъ день своею рыцарскою храбростію единодушное уваженіе всего отряда, и предводимые полковымъ своимъ командиромъ, полковникомъ Куколевскимъ, быстро и смѣло понеслись впередъ на главную батарею. Вскакавъ посреди орудій, драгуны перерубили прислугу, овладѣвъ 4-мя непріятельскими пушками; но здѣсь встрѣтили ихъ 4-ре турецкихъ баталіона прикрытія и подъ убійственнымъ батальнымъ огнемъ пѣхоты, имѣя еще вправо отъ себя сильную батарею непріятеля, драгуны принуждены были еще отбивать атаки регулярной турецкой кавалеріи, бросившейся изъ-за Караяла на подкрѣпленіе своей артилеріи. Рукопашный бой, явившій столько примѣровъ личной храбрости и самоотверженія какъ

офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ этого полка, не могъ быть продолжителенъ. Уступая превосходству силъ, драгуны быстро отступили мимо подошвы Караада подь огнемъ турецкой стрѣлковой цѣпи и, пройдя лѣвѣе бѣлевцевъ и наслѣднаго принца Виртембергскаго драгунъ, пристроились позади боевой линіи къ остальнымъ дивизионамъ полка. Вскорѣ 3-й дивизионъ этого полка вмѣстѣ съ донскимъ № 20-го полкомъ и ракетною командою былъ направленъ на правый флангъ и принялъ блистательное участіе въ дѣйствіяхъ нашей кавалеріи на этомъ пунктѣ. Во время описанной атаки раненъ командиръ полка полковникъ Куколевскій саблею въ руку, но до окончанія дѣла не оставилъ своего мѣста. Къ общему сожалѣнію, убитъ достойный командиръ 5-го дивизиона полковникъ Спицынъ и командиръ 9-го эскадрона штабсъ-капитанъ Савичъ; тяжело ранены—капитанъ Дренякинъ, штабсъ-капитанъ Жиленковъ, поручикъ Батезатулъ. Смѣлая атака драгунъ Великаго Князя Николая Николаевича полка, скрытая отъ части войскъ нашего лѣваго фланга возвышеніемъ, занятымъ бѣлевцами, была какъ отдѣльный эпизодъ кровавой драмы, долженствовавшей разыгратъ на этомъ пунктѣ нашей боевой линіи. Густые облака дыма, сильный ружейный огонь, прерываемый только гуломъ орудій, возбѣщали бой упорный; съ трепетомъ сжимались сердца при мысли о товарищахъ, съ нетерпѣніемъ ждали закаленные въ бою нижегородцы своей очереди. Минута приближалась—имъ сужденъ былъ подвигъ новый, смерть ждала многихъ, слава каждаго. Съ отступленіемъ Великаго Князя Николая Николаевича полка непріятельскія колонны двинулись впередъ, отборные 3-и баталіона турецкихъ штуцерниковъ шли въ первой линіи. Передъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты и артилеріи, бѣлевцы отодвинулись съ позиціи и съ гикомъ непріятельскіе

стрѣлки показались на возвышенности. Минута была рѣшительная, торжественная. Мгновенная удача непріятеля была несомнѣнна, — турецкія баталіоны, стоявшіе на горѣ Караяль, съ жадностію ждали случая, чтобы ринуться на насъ — еще минута, турки, огибая нашъ флангъ, отбрасывали насъ къ нашему центру и перемѣняли весь ходъ сраженія. Но тутъ стоялъ полкъ, свято хранящій свою вѣковую славу. Побѣдителямъ Кадыкъ-ляра судьба готовила новый подвигъ. Нижегородцы по приказанію своего командира двинулись впередъ. Дивизионъ донской № 7-го батареи — неразлучной сподвижницы подвиговъ нижегородскихъ драгунъ на Кавказѣ, былъ отдѣленъ отъ остальной части своей, дѣйствовавшей вправо отъ нашей линіи, пристроился къ драгунамъ — и храбрый есауль Кульгачевъ, сдѣлавъ предварительно нѣсколько выстрѣловъ гранатами, быстро понесся впередъ — въ 60-ти шагахъ отъ непріятеля снялъ съ передковъ и открылъ картечный огонь. Отважная запальчивость Кульгачева и воспоминаніе удачи въ подобномъ случаѣ подъ Кадыкъ-ляромъ занесли слишкомъ далеко смѣлыхъ донцовъ. Убийственный огонь непріятельскихъ штуцеровъ въ столь близкомъ разстояніи въ мгновение уничтожилъ почти всю прислугу орудій средняго взвода — 34 чело-вѣка были выбиты изъ строя. Командиръ взвода есауль Ресковъ раненъ въ голову, вся упряжь перебита. Кульгачевъ, видя невозможность вывести орудія, съ трудомъ вытаскилъ передки и остальные два орудія своего дивизиона за фронтъ драгунъ, и пристроился вправо къ остальной части батареи; раненые три артиллериста, лежа подъ лафетомъ, зарядили въ послѣдній разъ пушку и сдѣлавъ выстрѣлъ, пали героями.

Остались два орудія безъ передковъ, безъ прислуги, нѣмыми свидѣтелями кроваваго подвига драгунъ, коихъ честь и слава сопряжены были съ охраненіемъ ввѣренныхъ приккры-

тію ихъ пушекъ. Вмѣстѣ съ артилерією справа двинулся и 5-й дивизионъ пижегородцевъ, подѣ начальствомъ испытаннаго въ бояхъ полковника Тихоцкаго; быстро понеслись драгуны на выстроившееся турецкое каре, смѣло врѣзались передніе всадники въ ряды непріятели; умирая на острыхъ штыкахъ его штуцеровъ, напрасно была отвага, напрасны жертвы—съ упорствомъ смыкались ряды, стальная стѣна была непоколебима. Отведя назадъ дивизионъ, полковникъ Тихоцкій подѣ сильнымъ ружейнымъ огнемъ снова началъ строить его въ 50-ти шагахъ отъ оставшихся орудій. Въ этой жестокой схваткѣ тяжело раненъ храбрый штабсъ-капитанъ графъ Менденъ впереди вѣреннаго ему 9-го эскадрона, убитъ прапорщикъ Баснинъ, ранены прапорщики Суриновъ и Готовацкій.

Непріятельскіе стрѣлки ринулись впередъ на наши орудія, а турецкій офицеръ, махая шашкою, старался уже сдвинуть трофеи. Крѣпко билось сердце каждаго. 3-й и 4-й дивизионы, подѣ начальствомъ полковника князя Дондукова-Корсакова, быстро несутся впередъ вправо отъ орудій; при началѣ движенія достойный командиръ 4-го дивизиона полковникъ Шульць уже заплатилъ дань чести, постоянно руководившею храброю его службою и, раненый пулею въ високъ, былъ вывезенъ за боевую линію. Въ головѣ, подѣ командою маіора Петрова, шель 3-й дивизионъ, за нимъ слѣдоваль 4-й. Недолго непріятель владѣлъ орудіями—драгуны опрокинули немедленно отважныхъ и въ пылу своего ожесточенія бросились на баталіонъ, составившій сплошную кучку; переднія шеренги турокъ встрѣтили нашихъ штыкамъ!—стоя на колѣнахъ, заднія—въ упоръ пускали свои выстрѣлы, справа отъ дивизионовъ батальный огонь другаго баталіона выносилъ цѣлыя ряды изъ строя! Драгуны отодвинулись назадъ и, не сводя глазъ съ спорныхъ

орудій, упорно строились подъ тѣмъ-же губительнымъ огнемъ. Въ рядахъ слышны были слова: «умремъ, ребята, но покуда живы, орудій не сдадимъ!».... Долго оставаться въ этомъ положеніи было невозможно! — Кромѣ неумолкаемаго огня штыцеровъ, сильная непріятельская батарея громила съ фронта драгунъ въ интервалы баталіоновъ. 3-й дивизионъ снова бросился въ отчаянную схватку, снова рѣдѣвшая кучка непріятеля встрѣтила его штыками, а съ фланга батальный огонь открылъ свое убійственное дѣйствіе; храбрые командиры эскадроновъ, капитаны Резановъ и Балтѣвскій, пали героями на турецкихъ штыкахъ, полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ тяжело раненъ въ руку, подъ неустрашимымъ майоромъ Петровымъ убита лошадь, штабсъ-капитанъ Кузьминъ-Караваевъ, поручики Петровъ 2-й, Мамуловъ и прапорщикъ Драгилевъ сильно ранены, въ 4-мъ дивизионѣ штабсъ-капитанъ Григоровичъ смертельно пораженъ пулею. Драгуны снова принуждены отойти къ безмолвнымъ орудіямъ, поглотившимъ уже столько жертвъ. Мѣсто боя на пространствѣ 150-ти шаговъ покрыто было болѣе 200 труповъ лошадей. Въ кровавыхъ схваткахъ болѣе половины драгунъ выбыло уже изъ строя, изъ 41-го офицеровъ — 22 убито, ранено или контужено. Но спорныя орудія передъ глазами — и оставшаяся горсть храбрыхъ, малая числомъ, но твердая въ своемъ упорствѣ умереть, но не уступить мѣста, грозно удерживаетъ непріятельскія массы. Въ эту опасную минуту полковникъ Тихоцкій, съ свойственною ему энергіею и военнымъ взглядомъ, выводитъ, наконецъ, изъ бездѣйствія стоящую позади пѣхоту, опасавшуюся за свой тылъ и флангъ отъ турецкихъ баталіоновъ съ Караяла и атакъ непріятельской кавалеріи, стоявшей влѣво. Съ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура влѣво отъ дивизиона бросаются колонны бѣлевцевъ; разстроенный потерями не-

приятель, начинает отступление. Тихоцкій ловит благоприятную минуту, смѣло ударяетъ въ нѣки съ остатками дивизиона и вырываетъ 6 орудій у неприятельской батареи, громившей съ фронта драгунъ. Орудія эти, въ присутствіи генерала Бѣлявскаго, сданы пѣхотнымъ баталіонамъ, слѣдовавшимъ за кавалерією. Справа отъ него атакуютъ вновь горсть 3-го дивизиона, за нимъ слѣдуетъ 4-й и правѣе выдвигаются сформировавшіеся дивизионы драгунскаго Великаго Князя Николая Николаевича полка—ожесточеніе всеобщее, единодушный натискъ непреодолимъ! Кровь товарищей проситъ крови—и неприятельская пѣхота мгновенно смята: отступление превращается въ совершенное бѣгство, чувство пощады исчезло, его замѣнила жажда кровавой мести. Драгуны рубятъ и колятъ бѣгущихъ, каждый турокъ дорого разстается съ жизнью, раненые въ упоръ пускали свои послѣднія пули, но ни что не въ силахъ было охладить всеобщаго воодушевленія. Правый неприятельскій флангъ, окончательно опрокинутый, даетъ возможность рѣшительному наступленію нашего центра. Побѣда не подлежала уже сомнѣнію. Разбирая съ критической точки зрѣнія дѣйствія нашего лѣваго фланга, должно сознаться, что первая отдѣльная атака драгунскаго Великаго Князя Николая Николаевича полка, неподдержанная пѣхотою, была несвоевременна и начата на слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ неприятеля. Подвиги самоотверженія и храбрости противъ превосходныхъ турецкихъ силъ и неразстрѣленныхъ баталіоновъ не могли остановить необходимости отступления, которое совершилось въ безпорядкѣ.

Отступление бѣлевскихъ баталіоновъ съ занятой ими позиціи было необъяснимою ошибкою, чтобы не сказать болѣе—бездѣйствіе ихъ во время боя драгунъ нижегородскаго полка было губельно для послѣднихъ. Опасаться за тылъ и флангъ

свой имъ было нечего. Противъ турецкой кавалеріи могли дѣйствовать сформировавшіеся дивизіоны Великаго Князя Николая Николаевича полка; натискъ войскъ, стоявшихъ на Караялъ, могли удержать оставленные противъ горы два баталіона тульского полка съ артилерією. Отдѣленіе къ этому пункту всей легкой № 7-го батареи было распоряженіемъ самымъ пагубнымъ для драгунъ, лишенныхъ, послѣ перебитія прислуги донскаго дивизіона, артилеріи во все время боя.

Обращаясь къ дѣйствіямъ нижегородскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, ежели можно упрекнуть запальчивость Кульгачева, выдвинувшаго свои орудія на слишкомъ близкое разстояніе отъ турецкихъ баталіоновъ, на невыгодную въ лоцинѣ позицію, то нельзя порицать чувство драгунъ, кровью своею въ неровномъ бою защищавшихъ вѣрными охраненію ихъ пушки. Весь напоръ непріятельскаго праваго фланга, громадная масса пѣхоты и убійственный огонь перекрестныхъ батарей, не могли сдвинуть съ позиціи 6-ть эскадроновъ полка, подъ конецъ часоваго кроваваго боя, представляющихъ незначительную горсть храбрыхъ остатковъ славнаго войска. Драгуны могли оставить орудія и отстунить къ пѣхотѣ; потеря ихъ уменьшилась-бы втрое, но въ эту рѣшительную минуту шагъ назадъ, могъ-бы повлечь за собою дальнѣйшее отступление пѣхоты и не совершенно выстроившихся дивизіоновъ 8-го драгунскаго полка.

Лѣвый флангъ былъ-бы обойденъ, и побѣда, можетъ быть, измѣнила-бы знаменамъ нашимъ; жертва драгунъ была необходима. Едва-ли не важнѣе были ошибки при окончательномъ преслѣдованіи непріятеля. Большая часть войскъ и вся оставшаяся кавалерія лѣваго фланга была притянута къ центру; баталіоны непріятельскіе, стоявшіе на Караялъ, считали свою гибель неизбѣжною. Удивленные удаленіемъ нашихъ войскъ,

они робко спустились по восточной покатости горы и безнаказанно отступили по направлению къ с. Огузлы. Оставивъ часть кавалеріи и пѣхоты противъ отрѣзаннаго отъ своихъ непріятели, турецкіе баталіоны съ 2-мя орудіями принуждены-бы были положить оружіе и украсили-бы новыми трофеями сію достославную побѣду, гдѣ 18 т. армія русскихъ наголову разбила 48 т. анатолійскій корпусъ, составленный изъ отборнѣйшихъ турецкихъ войскъ. Но побѣдителей не судятъ!

Нижегородскій драгунъ.

Кр. Александрополь.

24-го августа,

1854 года.

Приложение 1-е.

**Приложенія къ статьѣ *Нижегородскаго драгуна* —
„Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ при сраженіи Кюрюкь-
дара.“**

Турецкая армія состояла: изъ

- 42-хъ баталіоновъ пѣхоты.
- 6-ти баталіоновъ штуцерныхъ.
- 16-ти полковъ кавалеріи.
- 84-хъ орудій.
- 14-ти тысячъ башибузукъ.

Наши силы состояли: изъ

- 18-ти баталіоновъ пѣхоты.
- 26-ти эскадроновъ драгунъ.
- 26-ти сотенъ иррегулярной кавалеріи.
- 64-хъ орудій.

Потеря непріятели.

- 2820 убитыхъ и нами похороненныхъ на полѣ сраженія.
- 1932 взятыхъ въ плѣнъ нижнихъ чиновъ.
- 84 оберъ-офицера.
- 2 штабъ-офицера.

Съ нашей стороны во время дѣла выпущено 3344 артилерійскихъ снарядовъ.

Наша потеря состояла.

	генер.	шт. офиц.	обер. офиц.	низ. чин.
Убитыхъ . . .	—	4	17	568.
Раненыхъ . . .	1	9	70	1831.
Контуженныхъ.	1	9	24	444.
	2	22	116	2843,

Приложеніе 2-е.

С П И С О КЪ

генералу, штабъ и оберъ-офицерамъ драгунскаго его королевскаго высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка убитымъ, раненымъ и контуженымъ въ сраженіи съ турками 24-го іюля, 1854 года.

Чины имена и фамиліи.	О т м ѣ т к а.
У б и т ы е.	
<i>Капитаны.</i>	
Александръ Резановъ . . .	Пулями въ грудь на мѣстѣ.
Венедиктъ Батіевскій . . .	Пулями въ голову и грудь на мѣстѣ.
<i>Прапорщикъ.</i>	
Николай Баснинъ	Пулями въ голову на мѣстѣ.
Р а н е н ы е.	
<i>Полковники.</i>	
Князь Александръ Дондуковъ-Корсаковъ	Пулею на вылетъ въ лѣвое предплечіе.
Карлъ Шульцъ	Пулею около глаза, пуля вырѣзана около уха.
<i>Штабсъ-капитаны.</i>	
Графъ Оскаръ Менгденъ . . .	Пулею въ поясницу и пуля вырѣзана въ правомъ подреберьѣ.
Стецанъ Григоровичъ . . .	Пулею въ животъ и отъ раны умеръ.

Николай Кузьминъ-Короваевъ.	Пулею въ правое бедро на вылетъ.
<i>Поручики.</i>	
Ипполитъ Петровъ	Сильно раненъ пулею въ грудь, пуля осталась въ груди.
Иосифъ Мамуловъ	Пулею въ правое предплечіе и въ правую сторону груди на вылетъ.
<i>Прапорщики.</i>	
Филимонъ Драгилевъ.	Нанесены въ голову шесть ранъ саблею, изъ коихъ двѣ, проникающія въ полость черепа, и лѣвое ухо разрублено, а также порублены пальцы на лѣвой рукѣ.
Павелъ Рейтеръ	Пулею въ правую ногу.
Иванъ Суриновъ	Раненъ пулею въ ступню лѣвой ноги и контуженъ въ спину.
Контуженные.	
<i>Генералъ-маіоръ.</i>	
Князь Язонъ Чавчавадзе 1-й.	Пулею въ лѣвый бокъ.
<i>Маіоры.</i>	
Викторъ Петровъ	Сильно ушибенъ ружейнымъ прикладомъ въ спину и контуженъ въ правую ногу.
Князь Захарій Чавчавадзе .	Сильно контуженъ пулею въ правый бокъ.
<i>Штабсъ-капитанъ.</i>	
Василій Андреевъ.	Сильно контуженъ пулею въ правую ногу.

<i>Поручикъ.</i>	
Иванъ Вихманъ	Контужень осколкомъ гранаты въ плечо.
<i>Прапорщики.</i>	
Николай Григоровичъ	Контужень въ правое плечо и лѣвый бокъ.
Юсуфъ Султановъ	Оглушенъ на лѣвое ухо разрывомъ гранаты.
Петръ Готовацкій	Раненъ пулею въ шею и верхнюю часть груди.
Егоръ Колупайловъ	Контужень въ спину и раненъ въ лѣвое плечо пулею.

Приложение 3-е.

Свѣдѣнія о числѣ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ воинскихъ чиновъ драгунскаго ея королевскаго высочества наследнаго принца Виртембергскаго полка въ сраженіи съ турками 24 іюля, 1854 года.

	Въ день сраженія состоялось.	Убито.	Ранено.	Контужено.	Взято въ плѣнъ.	Всѣхъ вѣсти пропало.
Генераль	1	—	—	1	—	—
Штабъ-офицеровъ	6	—	2	2	—	—
Оберъ-офицеровъ	34	4	8	5	—	—
Унтеръ-офицеровъ	95	6	21	7	—	—
Музыкантовъ	20	—	1	—	—	1
Рядовыхъ	678	62	132	20	—	1
Нестроевыхъ	28	—	—	—	—	—
Итого	865	72	164	35	—	2
Лошадей	796	189	218	—	—	—

Воспоминанія о кампаніи 1855 года въ Азіятской Турціи.

(Съ картами)

Кампанія 1855 года была кончена. Мнѣ было назначено съ полкомъ зимовать въ г. Елисаветполѣ.

Все воодушевлено было успѣхомъ нашего оружія подъ Карсомъ, и съ необыкновенною энергіею каждый въ своемъ кругѣ дѣйствій готовился къ предстоящему походу съ открытіемъ весны 1856 года. Заботы о приведеніи въ порядокъ матеріальной части полка поглощали всю дѣятельность мою, а воспоминанія прошедшаго уступали мѣсто надеждамъ на будущее.

Заключеніе мира въ Парижѣ тяжело отозвалось въ сердцахъ кавказскаго корпуса. Перо дипломата уничтожало однимъ почеркомъ плоды трех-лѣтней славной борьбы нашей въ Малой Азіи, слѣды нашего оружія и нашей крови подъ Карсомъ.

Всѣ мысли и чувства невольно обратились къ прошедшему; въ воспоминаніяхъ этихъ можно было искать только истинную отраду военному на Кавказѣ. Лично для меня кампанія 1855 года составляетъ самую счастливую и драгоцѣнную эпоху военнаго поприща. Въ первый разъ предоставлено мнѣ было командовать отдѣльными отрядами, и назначенія эти имѣли для меня особенную цѣну, по довѣрію главнокомандующаго при поручаемыхъ мнѣ дѣйствіяхъ. Частное и

ни чѣмъ еще незаслуженное расположеніе и откровенность ко мнѣ Николая Николаевича Муравьева доставили мнѣ счастье вполне узнать и оцѣнить высокую личность человека, привязанность и уваженіе къ которому навсегда и свято сохранию въ сердце моемъ.

Я рѣшился передать бумагѣ впечатлѣнія мои о кампаніи 1855 года. Матеріалами къ этому служили мнѣ только нѣкоторыя официальные бумаги и переписки по ввѣреннымъ мнѣ отрядамъ, а главное—частныя впечатлѣнія и чувства мои при совершившихся событіяхъ.

Составленныя мною записки не имѣютъ характера ни военного описанія—по недостатку на то официальныхъ данныхъ, ни литературнаго повѣствованія—по бездарности къ тому моего военного пера. Записки эти совершенно частныя воспоминанія, писанныя для одного меня. Пусть-же сънисходительностію смотрятъ на нихъ тѣ, которымъ представится заглянуть slučajемъ въ это откровенное изложеніе моихъ мыслей и чувствъ о кампаніи 1855 года.

Послѣ движенія главнаго отряда за Саганлугъ, подѣ начальствомъ самаго главнокомандующаго и послѣ успѣшнаго истребленія турецкихъ запасовъ означеннымъ отрядомъ, въ сел. Бардусѣ, Еникевѣ и Караурганѣ главныя силы предприняли обратное движеніе чрезъ Саганлугъ къ Карсу.

За Саганлугомъ на Ханы-чаѣ оставленъ, по приказанію главнокомандующаго отъ 22-го іюня, отрядъ, подѣ начальствомъ монимъ, въ слѣдующемъ составѣ: два эскадрона нижегородскаго драгунскаго полка, подѣ командою полковника Шульца, двѣ сотни сборнаго линейнаго казачьяго № 1-го полка, подѣ командою войсковаго старшины Тришатнаго, восемь станковъ конно-ракетной № 2-го команды сотника Вакульскаго, двѣ сотни кабардинской милиціи, подѣ командою капитана Кундукова, одна сотня куртинскаго № 2-го полка и полсотни охотниковъ гвардіи полковника Лорисъ-Меликова. Цѣль летучаго отряда, по смыслу того-же приказанія, состояла въ слѣдующемъ: во первыхъ—наблюдать за краемъ отъ перевала чрезъ саганлугскій хребетъ до Зивина, Меджингерта и далѣе; во вторыхъ—стараться водворить ушедшихъ жителей окрестныхъ деревень, поддерживать сношенія съ жителями селенія Бардуса и, вообще, упрочить благопріятное для насъ вліяніе, произведенное въ этой мѣстности появленіемъ главнаго отряда и истребленіемъ значительныхъ запасовъ, приготовленныхъ для турецкой арміи, и въ третьихъ—главнокомандующему угодно было словесно поручить мнѣ собрать всѣ свѣдѣнія объ эрзерумскомъ отрядѣ Вели-пашы, расположенномъ, какъ слышно бы-

ло, въ Керпикевѣ, изслѣдовать пути къ означенной позиціи, собрать свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ въ Эрзерумъ, о расположеніи умовъ жителей въ этомъ городѣ и о мѣрахъ, предпринятыхъ турками для защиты самаго Эрзерума.

Для исполненія указанной цѣли, при малочисленности вѣршнаго мнѣ легучаго отряда, лучшимъ средствомъ считалъ я—безпрестанными и уснаенными передвиженіями скрывать, съ одной стороны, самую численность отряда, а съ другой—заставлять предполагать жителей, что войска сіи составляютъ авангардъ двухъ отдѣльныхъ колоннъ главнаго отряда, имѣющихъ, по принятіи изъ вагенбурга осадной артилеріи, слѣдовать для занятія Эрзерума. Всякій вечеръ зажигалъ я большіе костры и передвигался съ отрядомъ въ теченіе ночи на разстояніи 30-ти и болѣе верстъ по лѣсамъ и тропинкамъ Саганлуга,—на разсвѣтѣ-же являлся около селеній турецкихъ, стараясь поддерживать оныя въ заблужденіи о скоромъ прибытіи главныхъ силъ.

Провіантъ и лишніи тяжести закапывались въ лѣсу, въ ямы, на которыхъ дѣлались знаки, дабы легче находить нами скрытое по возвращеніи на прежнія мѣста. Между тѣмъ я стараясь, согласно данной инструкціи, водворять ушедшихъ въ горы жителей; успокоивая ихъ скорымъ прибытіемъ главныхъ силъ отряда. Мало по-малу поселане начали входить съ нами въ торговыя сношенія и доставлять намъ нѣкоторые жизненные принасы, въ конхъ отрядъ крайне нуждался; мы имѣли при себѣ только одни сухари и нѣсколько штукъ порціоннаго скота, пришедшаго въ негодность отъ уснаенныхъ передвиженій. Палатокъ и тяжестей въ отрядѣ почти не было.

Для обезпеченія отряда, подъ разными предлогами, мною задерживаемы были при ономъ почетнѣйшія лица деревень, изъявлявшихъ покорность; этимъ средствомъ менѣе можно было

предполагать измѣны, такъ какъ лицамъ этимъ объявлено было, что, въ случаѣ не своевременнаго извѣщенія отъ деревень о покушеніяхъ турокъ противъ летучаго отряда, они будутъ немедленно повѣшены.

Мѣра эта оправдалась вполне впоследствии.

24-го іюня отрядъ стоялъ на позиціи около Хань-чай; по полученіи свѣдѣнія, что ольтинскій Шерифъ-бей съ 200 башибузуконъ намѣревается пробраться чрезъ бардуское ущелье къ Еникеву, послана была изъ отряда кабардинская милиція съ охотниками и частию куртинъ; они открыли партію не доходя Еникева, смѣло атаковали ее и опрокинувъ, преслѣдовали до лѣснаго хребта горъ. При этомъ отбито у турокъ 24 лошади и нѣсколько рогатаго скота. Число убитыхъ турокъ неизвѣстно, но куртинами взято въ плѣнъ два человека. Потери наша состояла изъ одного раненаго кабардинскаго всадника.

25-го іюня имамъ бардускій, бывший тогда при отрядѣ, сообщилъ мнѣ объ опасеніяхъ своихъ, что турецкія войска, находящіяся въ ольтинскомъ санджакѣ, узнавъ о малочисленности отряда, могутъ отрѣзать насъ отъ главныхъ силъ. Между тѣмъ, изъ полученныхъ чрезъ лазугчиговъ свѣдѣній, было видно, что Вели-наша, расположившійся съ 12-ю тыс. корпусомъ у Керимева, намѣренъ отрядить также колонну противъ вѣреннаго мнѣ отряда.

Вслѣдствіе этихъ извѣстій я рѣшился оставить занимаемую позицію, и усиленнымъ переходомъ впередъ къ Меджингерту распространить слухъ о приближеніи главныхъ силъ (мнимой второй колонны) чрезъ Мелидюзъ. Въ случаѣ движенія турецкаго отряда противъ меня къ Хань-чаю, гдѣ они меня предполагали, изъ Меджингерта предстоять мнѣ совершенно свободный путь отступленія въ другую сторону чрезъ Мелидюзъ.

Отрядъ, до свѣта снявшись съ Ханы-чая, сдѣлалъ переходъ болѣе 40 верстъ по горамъ и лѣсамъ, по едва проходимымъ тропинкамъ, въ обходъ мелидюзскихъ высотъ, а въ 4 часа по-полудни расположился на южномъ скатѣ Мелидюза, въ лощинѣ, въ двухъ верстахъ отъ Меджингерта. Немедленно отправившись въ это селеніе и принявъ покорность старшинъ, я задержалъ въ отрядѣ аманатовъ, для представленія ихъ главнокомандующему, который по словамъ моихъ на другой день долженъ былъ прибыть съ 1-мъ эшелономъ пѣхоты. Почетному жителю Меджингерта, Селиму, велѣно было отправиться въ деревню и доставить свѣдѣнія о движеніи непріятеля.

Занимаемая отрядомъ позиція во всѣхъ отношеніяхъ была крайне невыгодна—окружающій ее лѣсъ и единственный подъемъ на Мелидюзъ представляли непріятелю всѣ удобства къ прегражденію пути отступленія отряду; по этому, для поддержанія ложно распускаемыхъ слуховъ о прибытіи главныхъ силъ, мною въ этотъ вечеръ употреблена была военная хитрость. Какъ только совершенно стемнѣло, при вечерней зарѣ, въ первый разъ въ летучемъ отрядѣ употреблены были находящіеся у драгунъ барабаны, коихъ звуки ясно слышны были въ с. Меджингертѣ и убѣдили турокъ въ прибытіи пѣхоты; затѣмъ, разложивъ на большомъ пространствѣ бивуачные костры, отрядъ съ посибшностію снялся съ позиціи и благополучно поднялся на возвышенную плоскость Мелидюза, въ ожиданіи извѣстій изъ селенія.

Часу во второмъ почи прискакалъ изъ Меджингерта Селимъ и объявилъ мнѣ, что партія, посланная Вели-пашею подъ предводительствомъ Червесь-хана, для розысканія летучаго отряда, съ вечера прошла чрезъ Зиванъ въ тылъ мелидюзской позиціи и ночуетъ на сѣверномъ скатѣ оной, съ

тѣмъ, чтобы со свѣтомъ идти на Ханы-чай, гдѣ предполагали еще летучій отрядъ.

Немедленно сдѣлано мною распоряженіе объ оставленіи дивизіона драгунъ въ резервѣ на Мелидюзѣ, а съ остальною кавалеріею я двинулся чрезъ высоты, по направленію къ непріятелю. Предъ самымъ разсвѣтомъ высмотрѣны турецкіе bivouачные огни на лѣсистомъ скатѣ, отдѣленномъ врагомъ отъ Мелидюза. Двѣ сотни кабардинцевъ и одна сотня казаковъ скрыто направлены на непріятеля, подъ командою ротмистра Кундукова и есаула Нольде,—остальной сотнѣ казаковъ велѣно, проскакавъ чрезъ Мелидюзъ обратно по направленію къ Зивину, спуститься въ кругой оврагъ и отрѣзать такимъ образомъ единственное отступленіе непріятелю.

Турки такъ мало ожидали нашего отряда въ этой мѣстности, что кабардинцы и казаки, изрубивъ сонныхъ караульныхъ, бросились въ шашки, въ самую середину турецкой партіи—завязалась сильная перестрѣлка и рукопашная схватка, которая вскорѣ кончилась разсѣяніемъ всей партіи; казаки и милиція преслѣдовали бѣгущихъ по лѣсамъ и оврагамъ, а спасавшіеся отъ ихъ ударовъ попадали въ плѣнъ казакамъ, расположеннымъ въ засадѣ на единственномъ пути ихъ отступленія къ Зивину.

Изъ всей партіи, состоящей изъ 300 человекъ, подъ начальствомъ Черкесъ-хана, успѣлъ спастись съ нѣкоторыми всадниками самъ предводитель оной. Кромѣ значительнаго числа разбросанныхъ тѣлъ непріятельскихъ и раненыхъ, скрывшихся въ лѣсахъ, въ рукахъ нашихъ остался значекъ, 34 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ два офицера и секретарь эрзерумскаго валія—на семъ послѣднемъ найдены многія письма и бумаги, наполненныя небывалыми подвигами турецкихъ войскъ, долженствующихъ вскорѣ явиться передъ Тифлисомъ,

также найдены весьма подробныя свѣдѣнія о заготовленномъ провіантѣ въ числѣ до 30 т. четвертей въ Еникевѣ, Караурганѣ и Бардусѣ, истребленномъ предъ тѣмъ нашимъ главнымъ отрядомъ. Кромѣ того, въ этомъ дѣлѣ взято много оружія, лошадей и разныхъ вещей, кои отданы мною участвовавшимъ въ дѣлѣ. Наша потеря состояла въ одномъ убитомъ офицерѣ изъ милиціи, поручикѣ Нахъ-Аргануковѣ, раненыхъ 4-хъ кабардинцахъ и 4-хъ охотникахъ.

По сборѣ всего отряда предпринято обратное движеніе, безъ дороги, по ближайшему пути къ бардуской табии.

Послѣ усиленныхъ трудовъ предшествовавшаго дня и ночи, отрядъ прошелъ около 50-ти верстъ весело и бодро, по немовѣрно-трудной мѣстности, ночевалъ близъ табии, а на другой день, 27-го числа, прибылъ въ Ханы-чай. Старшины окрестныхъ селеній явились съ предложеніемъ услугъ и пригнали съ собою скотину, а также доставили нѣкоторые съѣстные припасы, коихъ офицеры и солдаты лишены были съ пребыванія своего въ летучемъ отрядѣ. Какъ только смерклось, разобранъ былъ провіантъ и ячмень, зарыты въ яму, и ночью отрядъ выступилъ обратно въ Саганлугъ.

Цѣль отряда была исполнена—подробныя свѣдѣнія о силахъ Вели-паши и путяхъ къ Керпикеву (о которыхъ будетъ говорено впоследствии) были собраны; кромѣ вліянія, произведеннаго на край движеніемъ отряда, будущія связи съ жителями упрочены были присутвіемъ въ отрядѣ почетнѣйшихъ лицъ этой мѣстности, слѣдовавшихъ для представленія ихъ главнокомандующему.

Послѣднее отступленіе тѣмъ болѣе необходимое, что отрядъ нуждался въ продовольствіи и былъ обремененъ добычею и плѣнными. Кромѣ того, получено свѣдѣніе, что Вели-паша отрядилъ часть своихъ силъ для розысканія малочис-

леннаго отряда нашего.

28-го числа, перейдя Саганлугъ, кавалерія остановилась въ с. Тазанлы, и въ тотъ-же день я прибылъ съ плѣнными и съ кабардинскою милиціею въ главную квартиру, на позицію при Канниковѣ, для личной передачи главнокомандующему собранныхъ мною свѣдѣній.

Отрядъ Вели-паши, расположенный въ Керпиковѣ, на лѣвомъ берегу Аракса, занималъ позицію на отдѣльныхъ высотахъ лѣваго берега р. Гасанъ-чая, впадающей въ Араксъ, у моста при Керпиковѣ; позиція эта въ сторонѣ моста и деревни укрѣплена была незначительными земляными верками. Силы отряда состояли изъ 4200 человекъ регулярной пѣхоты, 800 человекъ регулярной кавалеріи, 2700 башибузуковъ, при 32-хъ орудіяхъ, кромѣ того, ожидали изъ Эрзерума три баталіона регулярной пѣхоты. Показанія на счетъ турецкихъ силъ хотя и были разногласны, а часто преувеличены, но вышеозначенную цифру можно было считать приблизительно достоверною, такъ какъ первоначально бывший сборъ башибузуковъ до 9 т. человекъ отчасти разошелся по домамъ.

Дороги къ Керпикову, изслѣдованныя летучимъ отрядомъ, вездѣ оказались удобно проходимыми для войскъ до Зивина. черезъ Еникевъ, а до Хоросана—черезъ Меджингертъ. По разспросамъ, далѣе до Керпикова дорога еще болѣе удобна по лѣвому берегу Аракса, по правому-же отъ Топрахъ-гаде черезъ переваль Джени-дахъ пути представляли мало затрудненія. Тѣ-же удобства существовали по долинѣ Аракса черезъ Дели-бабу, Юзь-веранъ, до самаго Керпикова, гдѣ у моста сходились всѣ помянутые пути.

Кромѣ того, пройдя одинъ переходъ отъ Зивина къ долинѣ Аракса, у с. Азагъ пролегла дорога обходная и до-

вольно удобная чрезъ Дали-чермукъ на Гассанъ-кале, оставляя влѣво Керпикевъ и обходя флангъ и тылъ лагеря Вели-паши. По словамъ лазутчиковъ и по одногласнымъ показаніямъ жителей, войска, проходящія по этой горной мѣстности, могли только на весьма маломъ пространствѣ, при выходѣ въ долину Гассанъ-чая, быть подвержены дальнимъ неприятельскимъ ружейнымъ выстрѣламъ.

Расположеніе умовъ въ Эрзерумѣ было въ нашу пользу; укрѣпленія города были незначительны и, за выступленіемъ отряда Вели-паши, въ Эрзерумѣ оставалось около 1000 человекъ слабыхъ и неспособныхъ солдатъ пѣхоты. Болѣе значительныя и сильныя укрѣпленія были воздвигнуты на высотахъ Дава-бойна, въ 5-ти верстахъ отъ Эрзерума, на пути отъ Гассанъ-кале къ этому городу. Позиція эта въ настоящее время не была занята турецкими войсками, кои всѣ расположены были въ лагерѣ у Керпикева.

Во всякомъ случаѣ, позиція Дава-бойна могла быть, хотя съ трудомъ, обойдена, по словамъ лазутчиковъ, съ одного фланга.

Всѣ эти свѣдѣнія и соображенія подали главнокомандующему смѣлую мысль—внезапнымъ пораженіемъ отряда Вели-паши отнять у гарнизона Карса всякую надежду на помощь изъ Эрзерума, а при благоприятныхъ обстоятельствахъ самое завладѣніе этимъ городомъ представляло возможность, распространить вліяніе наше въ самое сердце края, гдѣ намъ сочувствовало христіанское населеніе армянъ и несторіанцевъ по вѣроисповѣданію, а смежное съ ними поселеніе куртинъ—по неудовольствію своему на правительственныя мѣры Турціи во время войны.

Для исполненія этого важнаго плана необходимо было участіе и дѣятельное содѣйствіе баязетскаго отряда, располо-

женнаго на долину Ефрата, подъ начальствомъ генераль-майора Суслова.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ-за Саганлуга назначился летучій отрядъ кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Лорисъ-Меликова, для занятія Кагызмана и устройства управленія въ этой области.

Главнокомандующему угодно было почтить меня порученіемъ—слѣдовать съ означеннымъ отрядомъ въ Кагызманъ, и, подъ видомъ осмотра пути черезъ хребетъ, отдѣляющій долину Аракса отъ Ефрата, проѣхать въ отрядъ генераль-майора Суслова, и переговоривъ съ нимъ о подробностяхъ движенія на Кершикевъ, содѣйствовать къ нравственному убѣжденію его въ возможности исполненія столь обильнаго послѣдствіями плана.

10-го іюля выступила изъ лагеря при Текмэ колонна полковнича Лорисъ-Меликова и прибыла въ тотъ-же день въ Кагызманъ. На слѣдующій день я собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія о путяхъ къ Ефрату, а 12-го числа съ 50 человекъ казаковъ и нѣсколькими отборными куртинскими всадниками, въ сопровожденіи прапорщика вѣреннаго мнѣ полка Стрелмоухова, я двинулся чрезъ хребетъ Ахъ-булахъ, по едва проходной, скалистой и частью покрытой снѣгомъ тропинкѣ, вгѣво отъ селенія Тропаныкъ. За переваломъ встрѣтилъ я кочевья кагызманскихъ куртинъ различныхъ обществъ, радушно принимавшихъ меня, не смотря на междуусобныя распри этихъ племенъ.

Изъ нихъ во время проѣзда моего одно племя имѣло перестрѣлку съ другимъ кочевьемъ, при чемъ отбиты бараны и ранены куртинъ. Появленіе русскихъ на мѣстѣ происшествія и увѣренія мои, что я присланъ главнокомандующимъ для разбора ихъ дѣлъ, заставили куртинъ остановить

дальнѣйшую ссору и обратиться ко мнѣ съ просьбою о разбирательствѣ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, кончившихся миролюбивымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ и угощеніемъ въ кочевьѣ, я могъ слѣдовать далѣе, сопровождаемый старшинами, кои видѣли во мнѣ посланнаго сардаря по ихъ дѣламъ.

Совершивъ почти безъ отдыха въ этотъ день около 80 верстъ по горамъ, покрытымъ частію снѣгомъ, поздно вечеромъ прибылъ въ долину Ефрата, къ с. Мараникъ, гдѣ расположенъ былъ отрядъ генераль-маіора Суслова. Слѣдующій день 13-го числа былъ посвященъ мною на переговоры о предполагаемомъ движеніи къ Кирпикеву и сообщены генералу всѣ собранныя мною свѣдѣнія объ отрядѣ Вели-паши.

Генераль Сусловъ находился въ то время подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго въ отрядѣ дѣйствіями его передѣтѣмъ при Сурпъ-оганесѣ, гдѣ Вели-паша совсѣмъ войскомъ почти безнаказанно успѣлъ спастись отъ неминуемаго пораженія; онъ также крайне былъ озабоченъ и встревоженъ полученными имъ по другимъ предметамъ замѣчаніями главнокомандующаго. Генераль Сусловъ охотно принялъ сдѣланныя ему мною предложенія, нашелъ совершенно возможнымъ движеніе къ Кирпикеву, не сомнѣваясь въ удачѣ при совокупномъ дѣйствіи съ высланными силами отъ главнаго отряда, и въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ онъ главнокомандующему.

Съ полною надеждою на осуществленіе взлѣтѣнной мною мечты, я отправился съ отвѣтомъ 14-го числа обратно въ главный лагерь, въ сопровожденіи того-же конвоя изъ 50-ти челоувѣкъ и нѣсколькихъ куртицъ. Приѣхавъ въ Топрахъ-кале, я зайзжалъ во временно назначенный тамъ дванъ и собралъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о племенахъ куртицъ и о

мѣстности, чрезъ которую мнѣ приходилось проѣзжать, — потомъ двинулся дальше чрезъ крутой переваль Агры-дагъ въ нижній пассинскій санджакъ, оставивъ влѣво гору Кеса-дагъ. Куртины встрѣчали меня вездѣ радушно, а старшины провожали до границъ кочевьевъ своихъ.

При спускѣ въ долину Аракса я послалъ захватить нѣсколькихъ жигелей, пасущихъ стада свои; отъ нихъ узналъ я, что наканунѣ партія башибузуконъ ночевала въ Армутлю и направилась къ Дели-бабѣ. Я поспѣшилъ къ первому селенію и, послѣ труднаго перехода около 60-ти верстъ, въ 5-ть часовъ по-полудни прибылъ въ Армутлю, гдѣ остановился для необходимаго отдыха.

Полковникъ Лорисъ-Меликовъ, который по соглашенію со мной долженъ былъ прибыть съ частію отряда къ этому селенію, соединился только въ 7-мъ часовъ вечера по причинѣ сильныхъ затрудненій мѣстности при движеніи изъ Кагызмана.

Посланные мною разъѣзды до сел. Башкей и Сагаганъ нигдѣ не открыли непріятели, и по причинѣ изнуренія лошадей мы рѣшились ночевать въ Армутлю. На слѣдующій день, 15-го числа, переправившись въ бродъ Араксъ у сел. Каладара, я прибылъ въ Гечеванъ, гдѣ нашелъ дивизіонъ драгунъ и тяжести отряда Лорисъ-Меликова, направленные изъ Кагызмана; въ тотъ-же день вечеромъ, съ малымъ конвоемъ, поспѣлъ я въ главный отрядъ при сел. Текмэ, совершивъ переходъ около 80-ти верстъ въ однѣ сутки.

Главнокомандующій благосклонно одобрилъ все сказанное мною относительно движенія къ Кершикеву. Немедленно послано было генералу Суслову предписаніе выступить по назначенію, а отъ главнаго отряда назначенъ къ движенію за Саганлугъ авангардъ, въ составѣ драгунскаго № 4-го пол-

ка—4-хъ эскадроновъ, драгунскаго № 9-го полка—8-мъ эскадроновъ, донской № 7-го батареи—8-мъ орудій, конно-ракетной № 2-го команды—8-мъ стапковъ, донскаго № 4-го полка—2 сотни, сборнаго линейнаго № 2-го полка—6 сотень, грузинской дворянской дружины 1 сотня, конно-мусульманскаго полка 2 сотни и команды охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова полсотни. Главнокомандующему угодно было ввѣрить авангардъ мнѣ, съ приказаніемъ опередить усиленнымъ движеніемъ главныя силы на два перехода и слѣшить къ Керпикеву для совокупнаго дѣйствія съ отрядомъ генерала Сулова.

Мнѣ предписано было, перейдя Саганлугъ, вступить въ сношеніе съ генераломъ Суловымъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ, имѣя въ виду, въ случаѣ намѣренія Вели-паши, держаться въ Керпикевѣ и невозможности атаковать его имѣющимися средствами, наблюдать за турецкимъ отрядомъ до прибытія главныхъ силъ; въ случаѣ-же отступленія Вели-паши (чего вѣрнѣе можно было ожидать), преслѣдовать его и стараться преградить ему совершенно отступленіе,—а если-бы оказалась невозможность къ тому, то отрѣзать хоть часть его колонны и отбнять тяжести. При этомъ главнокомандующему угодно было до того распространить ко мнѣ лестное свое довѣріе, что онъ разрѣшилъ мнѣ, по соображенію обстоятельствъ, отъ его имени писать Сулову о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ при сближеніи съ непріателемъ, руководствуясь даннымъ мнѣ направленіемъ его высокопревосходительствомъ.

18-го числа весь авангардный отрядъ собрался у сел. Тазанлы, гдѣ оставался на почлегѣ,—19-го числа прибылъ главнокомандующій съ главными силами и расположился лагеремъ у сел. Топоджизъ. Съѣздивъ въ главную квартиру и получивъ послѣднія инструкціи, я выступилъ въ 4 часа пополудни со всею авангардною кавалеріею изъ Тазанлы, пос-

лавъ г. Суслову прилагаемое при семъ увѣдомленіе, въ двухъ экземплярахъ, съ особыми нарочными, а копіи съ онаго главнокомандующему.

«Ваше превосходительство, вчерашняго числа я прибылъ съ авангарднымъ отрядомъ кавалеріи. Сего числа, въ 4 часа по-полудни, выступаю чрезъ хребетъ Саганлугъ, пройду всю ночь, и сдѣлавъ только на разсвѣтѣ приваль, 20-го числа къ вечеру надѣюсь быть въ Зивинѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Велипаши, отдѣлившись на два или на три перехода отъ главныхъ силъ.

«Сегодня главная колонна приходитъ на ночлегъ на мѣсто настоящаго моего лагеря, а завтра слѣдуетъ далѣе. По приказанію главнокомандующаго, сообщая вашему превосходительству о настоящемъ моемъ движеніи, имѣю честь присовокупить, что такъ какъ ввѣренный вамъ отрядъ 20-го числа имѣетъ уже почевать за переваломъ изъ Топрахъ-кале, и почти въ равномъ разстояніи отъ непріятели съ моею кавалеріею, то главнокомандующій полагаетъ, что движеніе двухъ отрядовъ можетъ быть произведено совокупно съ 2-хъ сторонъ, какъ единственное средство застигнуть, ежели не всѣ силы Велипаши, то по крайней мѣрѣ отрѣзать хоть часть его арріергарда, тяжестей, а можетъ быть и орудій. Потому въ ночь съ 20-го на 21-е число вашему превосходительству—предлагаетъ двинуться на-легкахъ, по направленію къ Керпикеву, большою дорогою; тяжестямъ отряда слѣдовать по той-же дорогѣ, при прикрытіи, по усмотрѣнію вашему. Одновременно съ этимъ движеніемъ я выступаю изъ Зивина по главной дорогѣ; не доходя 10—12 верствъ до Керпикева, поверну направо, по обходной—на Гассанъ-кале, чрезъ Дали-чермукъ, во флангъ и тылъ непріятелю.

«Въ случаѣ намѣренія Велипаши держаться въ настоя-

щемъ его лагерѣ, при значительномъ превосходствѣ силъ (что допустить трудно),—ваше превосходительство имѣетъ, не переходя Араксъ, избрать позицію въ виду непріятеля, и ожидать главныхъ силъ, покуда мой отрядъ будетъ отвлекать вниманіе турокъ съ другой стороны; обоимъ отрядамъ бдительно слѣдить за непріятелемъ, и при первомъ его шагѣ къ отступленію, двигаться и преслѣдовать по указаннымъ направленіямъ. Передавая вашему превосходительству волю главнокомандующаго, съ своей стороны полагаю, что Вели-паша не дожидется нашего приближенія, но быстрота движенія и неожиданность такого скорого появленія нашихъ войскъ предъ нимъ, могутъ дать намъ, съ помощію Божіей, возможность застичь хоть часть его войскъ. Посланный съ этимъ письмомъ нарочный, имѣетъ немедленно возвратиться съ отвѣтомъ чрезъ Хорисъ въ Зивинъ, гдѣ я буду находиться. Съ похода буду имѣть честь послать къ вамъ новое увѣдомленіе, а къ разсвѣту 2-го числа отряды, полагаю, будутъ въ виду другъ друга. Прилагаю при семъ карту окрестности и укрѣпленія Кершикева. По соединеніи съ вами, поступаю подъ начальство ваше до прибытія главныхъ силъ, ибо далѣе Гассанъ-кале двигаться не предписано. Отъ всей души желаю вамъ успѣха—съ своей стороны буду содѣйствовать оному, согласно изложеннымъ выше приказаніямъ, и, Богъ поможетъ намъ, надѣюсь, исполнить волю главнокомандующаго. Поручаю себя вашему постоянному ко мнѣ расположенію и прошу распологать вполне мною; я счастливъ буду содѣйствовать хоть чѣмъ-нибудь общему дѣлу, столь важному для насъ. И такъ до 21-го числа и съ Богомъ вперед!»

Отъ 20-го іюля мною получено письмо отъ генерала Броневскаго изъ холоднаго лагеря на Саганлугѣ, въ коемъ онъ сообщаетъ, что главнокомандующій совершенно одобрилъ содер-

жаніе моего письма къ генералу Суслову.

Отрядъ прошелъ всю ночь, сдѣлавъ только незначительный привалъ подь Саганлугомъ, для облегченія выюковъ; къ 9-ти часамъ утра я останоуился, пройдя бардускую табію, около родниковъ, здѣсь былъ сдѣланъ 4-хъ часовой привалъ для фуражировки и варки пици людямъ. Изъ Бардуса потребованы старшины и вновь подтвердились всѣ прежніе слухи о позиціи, силахъ непріятеля и дорогахъ, ведущихъ къ Керпикеву; вслѣдствіе чего мною послано къ генералу Суслову въ Делибабу, гдѣ я полагалъ, что онъ находится, увѣдомленіе въ двухъ экземплярахъ съ различными нарочными о моемъ прибытіи и о послѣдующемъ движеніи.

Въ часъ по-полудни отрядъ выступилъ далѣе и пройдя трудную дорогу чрезъ Караурганъ къ Зивину, останоуился у этого мѣста для необходимаго привала людямъ и лошадамъ, около 7-ми часовъ вечера. Изъ Тазанлы до сего мѣста отрядъ прошелъ около 85-ти верстъ, съ привалами, въ 27-мь часовъ времени. Послѣ 4-хъ часоваго отдыха, съ восходомъ луны, въ 11-ть часовъ ночи кавалерія вновь двинулась впередъ, и съ первымъ разсвѣтомъ находилась уже около селенія Азапъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Аракса. Здѣсь виденъ былъ отрядъ генераль-маіора Сулова, только-что стягивавшійся на противоположномъ берегу рѣки, около сел. Чемерлы. Такое удачное соединеніе отрядовъ въ условный часъ служило залогомъ успѣха, и, съ полною надеждою на оный, я поспѣшилъ къ Сулову для окончательныхъ совѣщаній о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Отрядъ мой останоуился, пройдя сел. Азапъ.

Генераль Суловъ былъ совершенно расположенъ дѣйствовать по прежнимъ указаніямъ. Рѣшено было его отряду идти прямо чрезъ керпиковскій мостъ и дѣйствовать съ фронта, не прибѣгая къ штурму укрѣпленій, въ случаѣ попытки

непріятеля держаться въ оныхъ; мнѣ-же съ отрядомъ предположено было, пройдя по лѣвому берегу до сел. Хара, оттуда повернуть въ горы на Дали-чермукъ, оставить влѣво въ 3-хъ верстахъ Керпикевъ и выдти въ обходъ турецкому лагерю на долину, раздѣляющую высоты отъ Гасанъ-кале. Движеніе это не представляло никакой опасности, ибо для кавалеріи чрезъ рѣку Гасанъ-кале-чай всегда предстоялъ обезпеченный путь отступленія къ Сулову; кавалеріи предстояло при этомъ движеніе верстъ около 20-ти, а отряду Сулова верстъ 12-ть. Все опасеніе состояло въ томъ, чтобы Вели-паша поспѣшнымъ отступленіемъ не предупредилъ-бы неминуемаго пораженія его силъ.

Я возвратился къ отряду и вся кавалерія съ необыкновеннымъ одушевленіемъ двинулась впередъ усиленнымъ шагомъ; блестящіе штыки на противоположномъ берегу показывали, что и пѣхота Сулова тронулась также по своему направленію.

Пройдя около 6-ти верстъ, получена мною записка полковника Лихутина, исправлявшаго должность начальника штаба отряда Сулова, слѣдующаго содержания: «обходить вашему сіятельству вправо отъ непріятеля далеко и мѣстность трудна; можетъ быть турки уже ушли и тогда ихъ можно скорѣе обогнать и отхватить что-либо, слѣдуя по правой сторонѣ Аракса, выйдя съ вашею кавалерією къ намъ. Генераль предоставляетъ это вашему усмотрѣнію; во всякомъ случаѣ вы получите отсюда увѣдомленіе, не доходя до Керпикева. Что тамъ видно—можетъ быть и вамъ не видно Керпикева, но непріятель уже видитъ насъ.»

Спустя нѣсколько минутъ послѣ этой записки получено отъ полковника Лихутина нѣсколько словъ карандашемъ, съ приказаніемъ г. Сулова—переправиться немедленно Араксъ и наипоспѣшнѣе соединиться съ нимъ.

Движеніемъ этимъ разрушался весь первоначальный планъ, ибо гораздо менѣе предстояло возможности отхватить что-либо у непріятели, расположеннаго на лѣвомъ берегу Аракса, переправившись на правый, но впоследствии видно будетъ, что и эту ошибку можно было исправить.

Кавалерія на полныхъ рысяхъ переправилась Араксъ и на дорогѣ получена слѣдующая записка полковника Лихутина: «ваше сіятельство, мы видимъ уже весь турецкій лагерь въ 8-ми верстахъ отъ Керпикева (впоследствии оказалось, что разстояніе менѣе 3 версты), палатокъ много, лагерь на высотахъ, видны два отдѣльные укрѣпленія, въ лагерьѣ движеніе, всѣхъ лошадей гонять изъ окрестностей въ лагерь, двѣ партіи кавалеріи, каждая около 400 или 500 человекъ (*), вышли изъ лагера къ намъ на-встрѣчу—вѣроятно, слѣдятъ и наше, и ваше движеніе. Мы дѣлаемъ привалъ.»

По соединеніи съ г. Суловымъ, кавалерія быстро поехала впередъ, снова перешла Араксъ въ бродъ у моста Керпикева, и съ праваго берега рѣки Гасанъ-чай завязала перестрѣлку съ незначительною партіею башибузуковъ, о которыхъ упомянуто выше; пѣхота вскорѣ подоспѣла и выстроилась за кавалеріею.

Непріятельская позиція въ двухъ-пушечномъ отъ насъ разстояніи ясно открылась передъ глазами нашими.

Турецкій лагерь расположенъ былъ на большихъ высотахъ, примыкающихъ къ Керпикеву, параллельно направленію Гасанъ-чая. Высоты эти отдѣлены отъ Гасанъ-кале и смежныхъ горъ обширною равниною. Турецкій лагерь со множествомъ палатокъ расположенъ былъ на самомъ гребнѣ

(*). Въ печатной книжкѣ «Блокада Карса» показано 4 т. человекъ, стр. 50.

высотъ и укрѣпленъ незначительными земляными верками на двухъ отдѣльныхъ холмахъ, раздѣленныхъ между собою отлогою лощиною. Въ тылу турецкаго лагеря, по направленію къ Гасанъ-кале, незначительный гребень этотъ примыкалъ къ равнинѣ отдѣльною высотой, не занятою непріятелемъ и командовавшею турецкимъ лагеремъ.

Съ прибытіемъ нашихъ войскъ, въ турецкомъ лагерѣ замѣтна была общая суматоха—ясно видно было какъ снимали палатки; изъ 32 орудій, только около 6-ти открыли сначала по насъ безвредный огонь. Намѣреніе непріятеля оставить позицію не подвергалось уже никакому сомнѣнію.

Послѣ нѣкотораго колебанія, отмѣнивъ предположеніе остаться на позиціи въ наблюдательномъ положеніи до прибытія главныхъ силъ (которыя могли прибыть только чрезъ два дня), г. Сусловъ рѣшился идти впередъ. Пѣхота переправилась Гасанъ-чай и двинулась къ сел. Керпикеву.

Со всею кавалеріею обонхъ отрядовъ, въ составѣ 12-ти эскадроновъ драгунъ, 11-ть сотенъ казаковъ, 9½ сотенъ милиціи, донской № 7-й батареи и конно-ракетной команды, разрѣшено было мнѣ идти въ обходъ непріятелю по Гасанъ-чаю, и, переправившись рѣку въ тылу турецкаго лагеря, отрѣзать отступление Вели-паши со стороны Гасанъ-кале, покуда будетъ пѣхота производить демонстрацію съ фронта. Я предупредилъ г. Суслова, что, обойдя непріятеля, намѣренъ занять помянутую выше высоту въ тылу непріятельскаго лагеря и открыть продольный огонь по туркамъ изъ орудій. Первый выстрѣлъ мой долженъ былъ служить сигналомъ рѣшительнаго наступленія пѣхоты; ясное убѣжденіе въ намѣреніи непріятеля оставить позицію—служило ручательствомъ, что дѣло будемъ имѣть съ отступающимъ, или лучше сказать, бѣгущимъ турецкимъ войскомъ.

Кавалерія, выстроившись въ 3 линіи, имѣя въ первой—линейный казачій № 2-й полкъ, два дивизиона нижегородскихъ драгунъ съ несравненною донскою батареею полковника Дологина, во второй—два дивизиона драгунъ того-же полка и донской полковника Хрещатицкаго полкъ, въ третьей—два дивизиона драгунъ № 4-й полка, 6-ть сотенъ мусульманскаго маіора Чернова полка и остальную милицію,—въ стройномъ порядкѣ двинулись по правому берегу Гасанъ-чая; огонь изъ орудій открывали по-дивизионно по толпѣ турецкой кавалеріи, отброшенной на лѣвый берегъ Гасанъ-чая. На огонь этотъ изъ непріятельскихъ укрѣпленій отвѣчало 4 орудія; нѣкоторые ядра удачно ложились въ серединѣ нашихъ колоннъ, продолжающихъ стройное движеніе свое,—при чемъ артилерія наша выбрала удобнѣйшія позиціи, посылая снаряды въ непріятеля.

По мѣрѣ движенія впередъ, турецкая артилерія умолкала, палатки совсѣмъ рѣдѣли, и въ трубу легко можно было видѣть оставленіе непріятелемъ позиціи—это болѣе еще обнаруживалось подхода къ селенію Сюлюй, откуда видны были уходящіе транспорты къ Гасанъ-кале.

Пѣхота Суслова, дойдя до селенія Керпикевъ, остановилась, открывъ весьма дальнюю канонаду по укрѣпленіямъ непріятельскимъ.

Весь отрядъ забылъ усталость, воодушевленный предстоящею побѣдою.

Мною немедленно посланъ былъ направляющій должность отряднаго адъютанта нижегородскаго драгунскаго полка поручикъ Ключаровъ къ Суслову съ извѣстіемъ о положеніи дѣлъ и о томъ, что, пройдя еще немного вверхъ по Гасанъ-чаю; я переправлюсь на лѣвую сторону для атаки непріятеля; при этомъ я просилъ генерала выдвинуться еще

не-много впередъ, и тѣмъ убѣдить непріятели въ намѣреніи ворваться въ укрѣпленіе.

Поручикъ Ключаровъ засталъ генерала Сулова въ крайней перѣшимости и встревоженнаго—онъ опасался значительной потери людей, и на возраженіе, что непріятельскія укрѣпленія почти очищены и турки послѣдно отступаютъ, отвѣчалъ сравненіями прежнихъ дѣйствій на Кавказѣ съ настоящимъ порядкомъ вещей, упоминая о штурмѣ своемъ аула Шилаги въ Дагестанѣ, гдѣ потерялъ 500 человекъ и получилъ награды и благодарность,—а теперь долженъ отвѣчать и за потерю одного человека; въ заключеніе объявилъ онъ Ключарову приказаніе—всей кавалеріи остановиться внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ, на высотахъ, отнюдь не смѣл переходить Гасанъ-чалъ,—свидѣтелями этаго разговора были: полковникъ Алтуховъ, адъютантъ г. Сулова, поручикъ Клу-генъ, старшій докторъ отряда, командиръ батареи капитанъ Гриценко и многіе другіе; полковникъ Лихутинъ при этомъ не былъ.

Получивъ это приказаніе, уничтожающее всѣ справедливыя надежды на успѣхъ, я вновь послалъ къ Сулову нижегородскаго полка поручика Вихмана, прося его разрѣшенія идти впередъ, чтобы застигнуть хоть часть послѣднихъ транспортовъ, спускающихся на равнину. Донской артилеріи есаулъ Кульгачевъ ясно рзсмотрѣлъ въ трубу, что при транспортахъ тянулись и турецкія орудія.

Въ прикрытіи бывшаго турецкаго лагеря оставалась только незначительная партія башибузукровъ. Турецкая артилерія совсѣмъ замолкла. До сумерокъ оставалось около 2-хъ часовъ. Ввѣренный мнѣ отрядъ стоялъ на высотахъ у сел. Сюлой. Поручикъ Вихманъ засталъ пѣхоту въ отступленіи, на правомъ уже берегу Гасанъ-чалъ; Суловъ вновь подтвер-

нилъ ему приказаніе кавалеріи не трогаться съ мѣста, обѣщаясь самъ немедленно прибыть велѣдъ за нимъ; между тѣмъ съ позиціи у Сюлюя видно было, какъ пѣхота наша остановилась на привалъ, и передъ самыми сумерками вмѣстѣ съ нею прибылъ Сусловъ.

Считаю излишнимъ упоминать здѣсь объ объясненіяхъ моихъ съ Сусловымъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ его штаба; скажу только, что когда генераль въ оправданіе свое объяснилъ мнѣ, что имѣеть ясное предписаніе главнокомандующаго, по которому ему не вѣлно атаковать непріятеля, а дожидаться главныхъ силъ, — я вынулъ изъ кармана черновую того предписанія, писанную карандашемъ моею рукою, по приказанію главнокомандующаго, еще въ лагерѣ при Текмѣ, прочиталъ оную въ присутствіи всѣхъ его окружающихъ и не счелъ болѣе нужнымъ продолжать разговора.

Между тѣмъ совершенно смеркло, на мѣстѣ турецкой позиціи зажжены были костры, и только виднѣлось нѣсколько конныхъ башибузуковъ.

Въ продолженіи этаго дѣла уронъ въ кавалеріи состоялъ изъ одного убитаго драгунскаго № 9-й полка и одного раненаго; казаковъ ранено двое, контужень грузинской дворянской дружины 1, ранень 1 и 1 милиціонеръ убитъ; въ колоннѣ генерала Суслова адромъ убитъ одинъ.

Съ разсвѣтомъ, 22-го числа, мѣсто турецкаго лагеря при Керпикевѣ было совершенно пусто, и Сусловъ приказалъ мнѣ со всею кавалеріею поспѣшно идти въ Гасанъ-кале, гдѣ, по его мнѣнію, я долженъ былъ еще застать турецкія тяжести. Мы двинулись быстро чрезъ Гасанъ-чай, по всей дорогѣ находя слѣды поспѣшнаго бѣгства непріятеля: разбросанные патронные ящики, аптека, палатки, арбы и прочее.

Депутація жителей встрѣтила меня у города, при чемъ

объявила, что наканунѣ, съ двухъ часовъ дня, въ совершенномъ безпорядкѣ начали проходить турецкія войска чрезъ ихъ городъ; орудія шли почти безъ прикрытія, и въ 10-ть часовъ вечера протянулся послѣдній турецкій транспортъ.

Немедленно сдѣлано мною распоряженіе о занятіи крѣпости карауломъ драгунъ, а также назначенъ офицеръ для приведенія въ извѣстность казеннаго имущества въ крѣпости и городѣ. Найдено много запасовъ, снарядовъ, хлѣба, оружія и другихъ коммисаріатскихъ вещей. Отрядъ расположился на равнинѣ, впереди Гасанъ-кале, въ 12-ти верстахъ отъ укрѣпленной сильной позиціи Дава-бойна, которая покрыта уже была палатками, и гдѣ укрылась армія Вели-пашы; посланные конные разѣзды впередъ привели нѣсколько отсталыхъ плѣнныхъ, при чемъ и осмотрѣли непріятельскій лагерь у Дава-бойна.

Въ 10-ть часовъ утра прибылъ съ пѣхотою генералъ Сусловъ и расположился лагеремъ около кавалеріи. Онъ крайне озабоченъ былъ послѣдствіями его нерѣшимости, спрашивалъ меня—писалъ-ли я что-либо отъ себя главнокомандующему, и, получивъ отъ меня увѣреніе, что со времени поступленія подъ его начальство, я не считъ приличнымъ посылать донесеніе въ главную квартиру,—онъ немного успокоился. Я передалъ ему записки генерала Броневскаго, полковника Корсакова и полковника Лорисъ-Меликова, по которымъ просили они меня сообщить для доклада главнокомандующему о дѣйствіяхъ подъ Кершикевомъ, представивъ генералу самому отвѣчать на оныя.

23-го числа главнокомандующій прибылъ съ первымъ эшелонемъ и расположился у кершикевскаго моста. Сусловъ отправился въ главную квартиру. Подробности свиданія его съ главнокомандующимъ мнѣ неизвѣстны; но тревожное со-

стояніе его прекратилось, и онъ сказалъ мнѣ возвратившись—
«все сошло благополучно!»

Черезъ нѣсколько часовъ я отправился самъ въ главную квартиру и уклонялся въ разговоръ съ главнокомандующимъ отъ всѣхъ подробныхъ объясненій дѣйствій отряда Сулова; я могъ только замѣтить, что главнокомандующій, высказывая свое неудовольствіе, ясно понималъ неудачу и не желалъ огорчить войска, исполнивша свой долгъ. О дѣлѣ при Керпикевѣ, впоследствии, главнокомандующій никогда не говорилъ со мною.

При прощаніи моемъ съ нимъ, на гарцисарской станціи въ 1856 г. передъ отъѣздомъ его въ Россію, сядясь въ коляску, онъ обнялъ меня, благодарилъ за службу, и сказалъ «кто виноватъ въ керпиковскомъ дѣлѣ—пускай разсудитъ Богъ.» Эти слова глубоко вѣзались въ памяти моего сердца. Я нарочно распространился со всѣми подробностями объ этомъ дѣлѣ, упомянувъ свидѣтелей, переписалъ хранящіяся у меня записки—пусть судитъ меня не одинъ Богъ, а также и люди!.. Въ одномъ только могу попрекнуть себя, что исполнилъ приказаніе Сулова—не переходить черезъ Гасанъ-чай. Я рѣшился-бы дѣйствовать вопреки этого приказанія, и мысль эта не оставляла меня, но отступленіе нашей пѣхоты за Гасанъ-чай остановило намѣреніе.

Нерѣшительныя дѣйствія при Керпикевѣ спасли отъ неминуемой гибели армію Вели-паши. Последнее бѣгство его доказывало деморализацію его войскъ; всѣ тяжести, орудія и значительное число плѣнныхъ должны были оставаться въ нашихъ рукахъ. Должно полагать также, что послѣдствіемъ побѣды было-бы и занятіе Эрзерума. Карскаго гарнизонъ не разсчитывалъ-бы болѣе на мнимыя подкрѣпленія изъ этого города, занятіе Карса облегчилось-бы и весь ходъ кам-

паніи принялъ-бы новый, блестящій оборотъ. Много времени прошло послѣ дѣла при Кершикевѣ, но тяжкое воспоминаніе этой неудачи никогда не оставитъ меня—это единственная темная точка посреди свѣтлыхъ и столь драгоцѣнныхъ для меня воспоминаній кампаніи 1855 года!

30-го іюля отрядъ возвратился къ Текмэ и рѣшена была блокада Карса.

Главный отрядъ раздѣленъ былъ на два отдѣльные отряда, изъ коихъ второй, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Кавалевскаго, расположенъ былъ при селеніи Томра. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ генерала Кавалевскаго отдѣлена была кавалерія, подъ начальствомъ моимъ, въ составѣ 8-ми эскадроновъ нижегородскаго драгунскаго полка, сборнаго линейнаго казачьяго № 2 полка, 2-хъ сотень мусульманскаго № 1-го полка и доńskiej казачьей № 7-й батареи.

2-го августа отрядъ этотъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, и на основаніи диспозиціи, отданной главнокомандующимъ, кавалерія должна была занять пунктъ около селенія Гюдали или Хопанлы съ цѣлю, во-1-хъ, прекратить подвозы къ Карсу отъ гельскаго санджака чрезъ Самаватъ и по верхней эрзерумской дорогѣ, во 2-хъ, открыть сообщеніе съ легкимъ отрядомъ барона Унгернъ-Штернберга, расположеннаго у озера Айри-гель, и въ 3-хъ, опредѣливъ удобныя для сѣнокошенія мѣста, озаботиться заготовленіемъ въ наибольшемъ количествѣ запасовъ сѣна.

Мною избрана была позиція у селенія Хапанлы—какъ болѣе удобная для всѣхъ скрытыхъ движеній. Посылаемые въ ночные разбѣды эскадроны могли въ самомъ не дальнемъ разстояніи отъ Карса слѣдить за непріятелемъ. Ночныя заставы располагались въ долинѣ Самавата, а партіи милиціонеровъ дѣлали поиски къ Ахъ-комѣ и перевалу Кизиль-гядукъ.

Все это вскорѣ ознакомило всѣ части съ окрестною мѣстностію, хотя, къ сожалѣнію, въ одномъ изъ ночныхъ разѣздовъ командиръ 3-го эскадрона нижегородскаго полка, капитанъ Познякъ, палъ жертвою излишней своей запальчивости. Отдѣлившись передъ свѣтомъ отъ эскадрона, чтобы ближе осмотрѣть турецкія укрѣпленія, онъ былъ убитъ непріятельскимъ пикетомъ, эскадронъ бросился выручать своего начальника и вскакавши на гору (впослѣдствіи названную обсерваціонной), увидѣлъ въ лощинѣ значительную часть турецкой кавалеріи; турки, полагая насъ сильнѣе, быстро бросились обратно въ Карсъ, чѣмъ дали возможность эскадрону благополучно возвратиться въ Хопанлы и вынести тѣло своего начальника.

Покосныя мѣста были выбраны мною первоначально въ долину Ахъ-кома, вслѣдствіе чего и назначенъ 4-й баталіонъ бѣлевскаго егерскаго полка, подъ командою полковника Джафаридзе, и расположенъ лагеремъ въ Ахъ-комѣ для покосовъ. Черезъ этотъ пунктъ открыто сообщеніе съ отрядомъ барона Унгернъ-Штернберга и постоянными конными разѣздами охранялось пространство отъ Айри-геля, черезъ Хопанлы къ главному отряду.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о весьма непріятномъ для меня случаѣ на ввѣренной наблюденію моему самаватской дорогѣ. Въ ночь съ 13-го на 14 число, партія около 60-ти человѣкъ, при которой находился бѣжавшій отъ насъ недавно полковникъ Омаръ-бекъ, пробралась изъ Карса почти безнаказанно по самаватской дорогѣ въ гельскій санджакъ. Стоявшій на заставѣ съ сотнею донскаго № 4-го полка сотникъ Болдыревъ, не исполнилъ данной ему инструкціи—спялся съ указанного ему мѣста и далъ тѣмъ возможность туркамъ пройти черезъ Самаватъ. Это обстоятельство крайне непріят-

но было главнокомандующему, а тѣмъ болѣе для меня, которому было поручено охраненіе названнаго участка.

14-го числа, около 10-ти часовъ утра, турецкіе фуражиры въ значительномъ числѣ вышли къ сел. Чифтликъ. По тревогѣ генераль Баклановъ вышелъ изъ Меликева, а вѣранный мнѣ отрядъ изъ Хопанловъ. Турки поспѣшно удалились въ Карсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ двухъ плѣнныхъ, взятыхъ милиціонерами моего отряда. По тревогѣ генераль Ковалевскій съ частію своей пѣхоты прибылъ изъ Томра на высоты около Чифтлика, при чемъ милиціонерами его взято нѣсколько плѣнныхъ и отбито 84 штуки скота подъ самымъ укрѣпленіемъ Шораха.

Въ тотъ-же день получено мною предписаніе главнокомандующаго — двинуться съ большею частію отряда въ гельскій санджакъ, и соединившись съ полковникомъ Унгернъ-Штернбергомъ, сдѣлать поискъ по долиנѣ Куры, для открытія ожидаемаго карскимъ гарнизономъ транспорта съ продовольствіемъ. 14-го числа вечеромъ я выступилъ со всею кавалеріею, исключая одного дивизиона драгунъ, оставленнаго для прикрытія лагеря и орудій въ Хопанлахъ. Отрядъ поднялся ночью на хребетъ, отдѣляющій Ахъ-комскую долину отъ гельскаго санджака и къ 9-ти часамъ утра соединился съ кавалеріею барона Унгернъ-Штернберга у сел. Алтыхъ-булахъ.

Отсюда открылась вся долина Куры съ многочисленными селеніями, большею частію оставленными жителями. Посланные разѣзды въ Дадашенъ-хевы и Арпашенъ нигдѣ не открыли слѣдовъ транспорта, а забранные въ плѣнъ жители единогласно подтвердили предположеніе о ложности этихъ слуховъ. Отрядъ ночевалъ на высотахъ Ахъ-кома, въ покосномъ лагерѣ, а 15-го числа возвратился въ Хопанлы.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о производствѣ сѣнокошенія вслѣдствіе предписанія главнокомандующаго. На сей конецъ въ распоряженіе мое откомандированъ былъ 4-й баталіонъ бѣлевскаго полка, какъ сказано выше; сперва онъ занималъ позицію въ долину Ахъ-кома, потомъ я счелъ нужнымъ передвинуть его на высоты, гдѣ, занимая позицію въ тылу блокадной линіи, малый отрядъ этотъ, кромѣ удобствъ для работъ, приносилъ еще и ту пользу, что перехватывалъ перебѣжчиковъ какъ изъ Карса, такъ и въ Карсѣ. Впослѣдствіи, въ дѣлѣ 22-го августа, отрядъ этотъ принесъ на занимаемомъ имъ пунктѣ еще болѣе существенную пользу, подъ командою нижегородскаго драгунскаго полка полковника Шульца, коему онъ былъ ввѣренъ.

Точныя и подробныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя о мѣстности окружающей Карсѣ, представили много неудобства настоящаго расположенія растянутой блокадной линіи; вслѣдствіе чего главнокомандующему угодно было, измѣнивъ прежнюю диспозицію, стѣснить еще болѣе блокированныхъ въ Карсѣ. 17-го числа ввѣренный мнѣ отрядъ переведенъ былъ въ сел. Бозгалы, на самую передовую линію, въ 4-хъ верстахъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій Шораха и 8-ми верстахъ отъ главнаго лагеря на Карсѣ-чаѣ. Отъ моего отряда отдѣлена была впослѣдствіи часть конницы подъ командою нижегородскаго полка подполковника Бѣлюстина, на особый постъ, около селенія Верхніе Джавры; постъ этотъ соединялся съ такимъ-же отдѣльнымъ постомъ изъ отряда генераль-маіора Бакланова въ сел. Чиглауръ. Отрядъ-же Бакланова расположенъ былъ въ Меликевѣ.

Далѣе, блокадная линія посредствомъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ отрядовъ въ Визанкевѣ, Мугараджикѣ и отряда графа Нирода въ Каникевѣ соединялась съ главными силами,

расположенными у Карсъ-чая, при селеніяхъ Чифтли-чай и Та-луга.

Такимъ образомъ карскій гарнизонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, лишился надежды на всякую помощь въ продовольствіи изъ-вне; фуражировки для кавалеріи, безъ того уже изнуренной, дѣлались почти невозможными; нарочные и курьеры перехватывались постоянно разъѣздами кавалеріи, игравшей, безъ сомнѣнія, главную и важнѣйшую роль въ блокадѣ Карса. Ежедневныя стычки съ фуражирами, поимки почтъ и перебѣжчиковъ заставляли забывать всю тягость кордонной службы для кавалеріи, которая производила днемъ фуражировки и содержала пикеты, а каждую ночь почти вся расходилась на заставы и въ разъѣзды.

Съ переводомъ моего отряда въ сел. Бозгалы я имѣлъ возможность еще бдительнѣе слѣдить за непріателемъ и поддерживать чрезъ лазутчиковъ тѣ связи съ Карсомъ, которыя имѣлъ особенно съ однимъ армяниномъ—содержателемъ кофейнаго дома въ этомъ городѣ.

Извѣстно было, что турецкая кавалерія, лишенная продовольствія, гибла въ Карсѣ, и изыскивались средства для отпращиванія ея изъ крѣпости. 20-го числа мнѣ дали знать, что намѣреніе это должно осуществиться черезъ день или два, поэтому я счелъ нужнымъ съѣздить въ отрядъ барона Унгерна, только-что расположившагося въ Чиглаурѣ—слѣдовало ознакомить его съ мѣстностію и сговориться на счетъ совокупныхъ дѣйствій.

Мы объѣхали вмѣстѣ всю долину Самаватъ, окрестности Чахмахъ, рѣшили гдѣ поставить заставы, резервы, а также опредѣлили условные сигналы на случай тревоги.

22-го августа, около полудня, лазутчикъ далъ мнѣ знать, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, того-же числа ночью непріятельская

кавалерія выйдетъ изъ Карса. Согласно данному обѣщанію, я немедленно увѣдомилъ барона Унгерна, прося сообщить это извѣстіе и генералу Бакланову. Я получилъ отъ него слѣдующую записку:

«Любезный князь! Я сейчасъ поѣду къ Бакланову и сообщу ему письмо ваше. Вѣроятно, онъ усилить свои заставы и разъѣзды. Я-же думаю въ ночь спуститься съ 3-мя или 4-мя сотнями, чтобы, по возможности, не пропустить ихъ кавалеріи—буду крѣпко караулить эту ночь, авось удастся сдѣлать что-нибудь удачное,—какъ Всевышнему угодно! Благодарю васъ за указаніе мѣстъ вашихъ заставъ и резервовъ—мы будемъ держать безпрестанную связь.»

Только-что смерелось, мною заняты были слѣдующіе пункты: впереди нижнихъ Джавровъ, вправо отъ дороги изъ Чакмана, расположена сотня донскаго № 4-го полка, подъ командою маіора Добринина; влѣво отъ той дороги и позади казаковъ скрыто расположенъ дивизионъ драгунъ нижегородскаго полка (5 и 4-й эскадроны), подъ командою подполковника Кишинскаго; пикнирный-же дивизионъ нижегородскаго полка, 3-й эскадронъ того-же полка, полторы сотни донцовъ съ ракетной командой, двѣ сотни конно-мусульманскаго полка и охотники въ полной готовности ожидали въ лагерѣ сигнальнаго знака ракетой отъ подполковника Кишинскаго, который влѣво отъ себя имѣлъ вступить въ связь съ сотнями барона Унгерна.

Въ 10-ть часовъ вечера послышался выстрѣлъ съ пикета, и кавалерія съ Бозгаловъ на полныхъ рысяхъ понеслась къ сел. Джавры. Ночь была совершенно темная и до восхода луны оставалось болѣе 3-хъ часовъ. Этимъ-то временемъ и надѣялись турки воспользоваться, чтобы достигнуть въ темнотѣ чрезъ самаватскую долину перевала Кизиль-гядукъ, гдѣ они могли считать себя почти въ безопасности.

Первый замѣтилъ непріятеля майоръ Добрининъ у Джавровъ и даль знать о томъ подполковнику Кишинскому, который нарочно отошелъ отъ дороги, чтобы не открытъ своего присутствія головѣ турецкой колонны, — но милиціонеры полковника Лошакова изъ отряда барона Унгерна завязали перестрѣлку и произвели общую тревогу, давшую возможность хвосту колонны ускакать обратно къ Карсу. Терять не слѣдовало ни минуты — и подполковникъ Кишинскій съ своимъ дивизиономъ и казаками, съ одной стороны, а баронъ Унгернъ съ другой — стремительно бросились на турокъ. Къ тому времени подоспѣлъ и я съ 3-мъ эскадрономъ, казаками и милиціею — пикетный дивизионъ по темнотѣ ночи сбился съ дороги и прибылъ позже.

Преслѣдованіе сдѣлалось общее — въ каждомъ оврагѣ изрытой этой мѣстности раздавались выстрѣлы, слышны были крики, кавалерія топтала и рубила турокъ по кругизнамъ и балкамъ. Проскакавъ вереть пять по направленію къ деревнѣ Сурхунлы, ѣхавши съ полковникомъ Унгерномъ, насъ встрѣтили сильнымъ ружейнымъ залпомъ изъ оврага. Пятый эскадронъ драгунъ бросился въ шашки, выбилъ спѣшеннаго непріятеля и вогналъ турокъ въ Сурхунлы. По приказанію моему, для избѣжанія потери, эскадронъ оцѣнилъ селеніе въ ожиданіи свѣта.

Влѣво отъ Сурхунлы, въ другомъ оврагѣ, около селенія Арамвартанъ, 4-й эскадронъ наткнулся на спѣшившуюся засаду турокъ, рѣшившихся этимъ средствомъ задержать преслѣдованіе и дать время уйти хоть части своей кавалеріи; драгуны бросились въ атаку, и турки большею частію были изрублены въ оврагѣ. Между тѣмъ казаки барона Унгерна преслѣдовали непріятелѣ по всѣмъ направленіямъ и брали въ плѣнъ бѣгущихъ по одиночкѣ.

Къ сожалѣнію, милиція, которая въ этомъ случаѣ могла бы принести столько пользы, вся осталась назади и грабила вьюки и тяжести непріятельскіе. Большая часть милиціонеровъ съ добычею возвращалась прямо въ лагерь, такъ-что, по словамъ полковника Лошакова, отъ мусульманскаго полка во время дѣла при немъ осталось только 20 человекъ при знамени.

По совѣщанію съ барономъ Унгерномъ, мы рѣшились остановиться, чтобы собрать разбросанныя по всѣмъ направленіямъ части, а съ восходомъ луны вновь начать преслѣдованіе. Со всѣхъ сторонъ приводили къ намъ плѣнныхъ, раненныхъ и добычу; въ сел. Сурханлы забраны всѣ скрывавшіеся тамъ турки, отдѣлившіяся части наши вновь были собраны.

Въ первомъ часу ночи показалась луна; оставивъ на позиціи подъ прикрытіемъ пикиернаго дивизіона всѣхъ плѣнныхъ и добычу, кавалерія понеслась впередъ за непріателемъ до сел. Чигриганъ, а оттуда двумя колоннами до самаго хребта—вездѣ находили и забирали отсталыхъ турокъ, кои по всѣмъ направленіямъ разбѣжались по одиночкѣ. Большая часть спасшихся направилась чрезъ Ахъ-комскій переваль, но и тамъ попалась, какъ ниже будетъ объяснено, въ руки полковника Шульца.

Вся дорога при возвращеніи въ лагерь усѣяна была трупами людей, лошадей, разбросаннымъ имуществомъ и проч. Непонятно было, какъ въ темную ночь могли пронестись всадники по крутизнамъ, по которымъ, возвращаясь, мы должны были спѣшиваться, какъ могли не перестрѣлять другъ друга части, увлеченныя преслѣдованіемъ по этимъ оврагамъ? Вообще, ночное это побоище (какъ его назвалъ главнокомандующій) имѣло свой особенный характеръ. Части дѣйствовали почти отдѣльно, а между тѣмъ въ дѣлѣ видна была общая связь,

и это должно приписать тому, что какъ офицеры, такъ и солдаты успѣли прежде ознакомиться съ этой мѣстностію, гдѣ руководила ими природная сметливость и свойственная имъ отвага. Во время дѣла только лишь выпускаемыми ракетами освѣщалась минутно мѣстность и показывала направленіе непріятеля и нашихъ резервовъ

Съ разсвѣтомъ въ рукахъ нашихъ было 206 человѣкъ плѣнныхъ, изъ коихъ 2 штабъ-офицера, 19 оберъ-офицеровъ, также до 400 лошадей, — 3 значка, 3 трубы и множество разнаго оружія, не считая огромнаго количества частнаго имущества, которое турки везли на вьюкахъ. Потеря наша состояла изъ трехъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 3-хъ раненыхъ офицеровъ и 9 нижнихъ чиновъ, и контуженныхъ 3 драгунъ и одного казака, — лошадей убито 8, ранено 15; кромѣ того, двѣ лошади драгунъ переломили ноги, соскакивая съ кручъ, нѣсколько человѣкъ были зашиблены, но легко.

22-го числа утромъ мною также былъ предваренъ полковникъ Шульцъ о предполагаемой вылазкѣ непріятеля, и предписано было выставить отъ покоснаго лагеря сильный пикетъ на перевалѣ отъ Ахъ-кома.

Первые выстрѣлы наши на самаватской долинь, о которыхъ извѣщенъ былъ полковникъ Шульцъ пикетомъ, объяснили ему дѣло. Онъ успѣшилъ занять весьма удачно всѣ пути отступленія непріятеля милиціею и ротою пѣхоты. Турки, спасшіеся въ долинь, наткнулись на засады, и, спѣшившись, засѣли за камни. Рота бѣлевскаго баталіона выбила ихъ штыками, а милиція и казаки довершили окончательное пораженіе этихъ остатковъ.

24-го числа главнокомандующій посѣтилъ отрядъ мой въ Бозгалахъ, благодарилъ офицеровъ и солдатъ — и я вполне былъ счастливъ въ этотъ день какъ вниманіемъ его къ

полку, такъ и впечатлѣніемъ, оставленнымъ имъ въ сердцахъ каждаго изъ насъ.

Гарнизонъ Карса, не смотря на тѣсную блокаду, все еще упорно держался въ надеждѣ мнимыхъ подкрѣплений и подвоза провіанта. Въ главный лагерь доходили слухи, какъ впоследствии оказалось, преувеличенные—будто-бы въ сел. Пенякъ подвезены значительные запасы продовольствія, и что сильный отрядъ подъ командою Али-паши намѣренъ доставить, сквозь блокадную линію, транспорты въ Карсъ. Чтобы разрушить послѣднюю надежду блокированныхъ, главнокомандующій рѣшился изслѣдовать справедливость доходящихъ слуховъ на мѣстѣ и двинуть отрядъ въ сел. Пенякъ для уничтоженія могущихъ быть запасовъ въ этомъ пунктѣ.

Въ ночь, съ 28-го на 29-е августа, отрядъ пѣхоты подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кавалевскаго тронулся по направленію къ Аджи-кала, гдѣ былъ расположенъ покосный лагерь полковника Серебрякова, командира мингрельскаго егерскаго полка. Я получилъ приказаніе—съ большею частію ввѣренной мнѣ кавалеріи присоединиться къ колоннѣ генерала Кавалевскаго, что и было исполнено въ ту же ночь. Соединенныя силы прибыли около полудня въ Аджи-калу, совершивъ переходъ болѣе 50-ти вер.,—на другой день, подъ начальствомъ генерала Кавалевскаго, колонна двинулась изъ Аджи-калы по направленію къ Пеняку. Кавалерія была въ слѣдующемъ составѣ: нижегородскаго драгунскаго полка—6 эскадроновъ, сборнаго линейнаго № 1-й полка—3 сотни, сборнаго линейнаго № 2-го полка—2 сотни, ракетной команды—4 станка и донской № 7-й батареи—4 орудія, которыя впоследствии, подъ прикрытіемъ 7-го и 8-го эскадроновъ нижегородскаго драгунскаго полка, были оставлены при пѣхотѣ,

Съ разсвѣта отрядъ шель изъ Аджи-кала по горнымъ оврагамъ и перевалу Алахъ-экберъ къ Пеняку; около полудня, поднявшись на хребетъ, авангардъ кавалеріи увидѣлъ передъ собою скалистое и частью покрытое лѣсомъ ущелье Пенякъ-су, на концѣ котораго виднѣлась окаймленная горами долина, гдѣ бѣлѣлись палатки турецкаго лагеря.

Видъ этотъ одушевилъ войска—забыта была усталость, и кавалерія быстро стала спускаться въ ущелье къ сел. Арсеникъ.

Захваченные около деревни жители объявили, что въ Пенякъ запасовъ почти нѣтъ и, что отрядъ Али-паши состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ кавалеріи, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ. По распоряженію моему, казаки проскакали сел. Арсеникъ, впереди котораго заняли ущелье, дабы воспрепятствовать сношенію жителей съ отрядомъ Али-паши.

Здѣсь генераль Кавалевскій сдѣлалъ получасовой привалъ въ ожиданіи пѣхоты, по прибытіи которой двинулся впередъ по крутому и обрывистому спуску къ сел. Косуръ. Кавалерія шла на полныхъ рысяхъ и передовые милиціонеры успѣли захватить турецкій пикетъ регулярной конницы, но тревога была уже сдѣлана и нѣсколько конныхъ турокъ скакали въ ущельѣ по направленію къ Пеняку. Разстояніе до этаго мѣста было 4 версты.

Генераль Кавалевскій остановилъ кавалерію, поджидая пѣхоту. До сумерокъ оставалось не болѣе двухъ часовъ. После нѣкотораго колебанія, онъ согласился, по убѣжденію окружающихъ его, немедленно атаковать непріятеля.

Миѣ поручено было генераломъ распорядиться кавалерією; я выдвинулъ впередъ 4 сотни казаковъ подъ командою войсковыхъ старшинъ Демидовскаго и Тришатнаго, съ конно-ракетною командою, приказавъ, не медля ни минуты, скакать въ

Пенякъ и завязать дѣло до прибытія драгунъ, имѣвшихъ слѣдовать въ резервъ казаковъ.

Дорога по ущелью и руслу рѣки до такой степени была обрывиста, что скакать можно было только въ одинъ конь— непонятно, какъ при быстротѣ этого движенія никто не оборвался въ кручу. Демидовскій ворвался въ сел. Пенякъ и нашелъ его занятымъ частью кавалеріи, между тѣмъ какъ другія массы занимали не высокій гребень противъ деревни, часть-же турокъ толпилась въ лагерѣ, расположенномъ влѣво, около рѣки Пенякъ-су. Казаки скоро выгѣснили турокъ изъ селенія—тогда непріятель сосредоточился около своего резерва съ явнымъ намѣреніемъ прикрыть отступающихъ изъ лагеря, и открылъ огонь изъ орудій. Демидовскій остановилъ дальнѣйшее движеніе свое впередъ и выдвинулъ ракетную команду. Нѣсколько удачно пущенныхъ сотникомъ Вакульскимъ ракетъ произвели смятеніе въ рядахъ турецкой кавалеріи; тогда Демидовскій пустилъ въ атаку казаковъ. Одновременно съ этимъ движеніемъ драгуны и сотня казаковъ выскакивали по руслу рѣки къ лагерю. Передовая сотня эта направилась влѣво, въ обходъ непріятелю, а драгуны врывались въ лагерь; турки показали тылъ. Опасаясь быть отрѣзанными, они бросились бѣжать по ущелью Ольгы-чая. Казаки стремительно ихъ преслѣдовали, Али-паша тщетно старался удержать бѣгущихъ—самъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ владикавказскаго казачьяго полка есауломъ Сердюковымъ. Съ боя взято два орудія, а остальные два отбиты при преслѣдованіи.

Совершенно темнѣло; генераль Кавалевскій опасался, чтобы скрывшіеся за ущельемъ казаки не увлеклись преслѣдованіемъ, для чего онъ послалъ два эскадрона драгунъ къ нимъ на подкрѣпленіе, а остальные два заняли и оцѣпили селеніе и турецкій лагерь. Мы зажгли нѣсколько костровъ и

постоянными сигналами изъ трубъ давали знать казакамъ, увлеченнымъ преслѣдованіемъ, о занимаемой резервомъ позиціи. Въ 10-ть часовъ показалась луна, начали собираться всѣ части, и можно было привести въ ясность число плѣнныхъ и добычу. Въ этихъ занятіяхъ и распоряженіяхъ на будущій день проведена была вся ночь.

Отрядъ кавалеріи расположился впереди лагеря, гдѣ оставленъ былъ эскадронъ драгунъ, селеніе Пенякъ также было занято эскадрономъ драгунъ. Такимъ образомъ кончилось дѣло 30-го августа; кавалерія, совершивъ переходъ болѣе 30 верстъ, преслѣдовала непріятеля еще на разстояніи 15-ти верстъ. Отрядъ Али-паши былъ истребленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получено убѣжденіе, что и съ этой стороны карскій гарнизонъ не могъ ожидать никакого продовольствія.

Въ этомъ дѣлѣ, честь коего вполне принадлежитъ линейнымъ казакамъ, потеря непріятеля состояла изъ плѣнныхъ Али-паши, одного офицера и 45-ти нижнихъ чиновъ; убитыхъ было около 300 человекъ, отбито одно знамя, два эстандарты, 4 горныхъ орудія, 68 вьючныхъ зарядныхъ ящиковъ и 55 патронныхъ, весь лагерь, разные планы и бумаги, а также множество оружія, лошадей, скота и имущества; у насъ-же ранено только два казака, 6 милиціонеровъ, убито 13 лошадей и 9 ранено. Пѣхота подошла только къ 5-ти часамъ утра 13-го числа, дивизіонъ-же драгунъ съ орудіями Долотина пришелъ двумя часами раньше. Колоннѣ этой назначено было дневать въ Пенякъ, и, забравъ всѣ тяжести, плѣнныхъ и добычу, возвратиться по пройденному пути, обратно въ главный лагерь подъ Карсъ.

31-го числа, съ разсвѣтомъ, легкой отрядъ кавалеріи изъ одного дивизіона драгунъ и 3-хъ сотенъ казаковъ направленъ былъ къ сел. Панжрутъ, на перевалѣ, отдѣляющемъ долину Пеняка отъ гельскаго санджака.

Непріятель, находившійся въ числѣ около 1000 человекъ въ Панжрутѣ, при первомъ извѣстіи о пораженіи Али-паши бѣжалъ, оставивъ селеніе. Къ вечеру генераль Кавалевскій со всею кавалеріею имѣлъ почлегъ на этомъ-же пунктѣ.

На другой день, 1-го сентября, отрядъ поднялся по довольно крутымъ и лѣсистымъ отрогамъ на хребтѣ, по сѣверной поватости, на которомъ расположены были куртинскія деревни и кочевья.

Отъ жителей узнали мы о свирѣпствовавшей холерѣ въ гельскомъ санджакѣ и особенно въ сел. Дадашень, почему отрядъ обошелъ это мѣсто и расположился нѣсколькими верстами выше, около селенія Салить, на долину Лавурсанъ-чая. Здѣсь встрѣтились мы съ конными разъѣздами, отправленными изъ главнаго лагеря.

Отряду суждено было на этомъ почлегѣ бороться съ первыми появленіями холеры — нѣсколько человекъ драгунъ и казаковъ заболѣли и ночью-же умерли. Генераль Кавалевскій, взявъ часть казаковъ, поручилъ мнѣ довести отрядъ, а самъ ночью отправился въ главный лагерь. Ни палатокъ, ни обоза при кавалеріи не было, болѣзнь сильно развивалась — я рѣшился форсированно идти къ Карсу.

2-го сентября, сдѣлавъ около 4-хъ верстъ, отрядъ перешелъ черезъ переваль Кизиль-гядукъ и ночевалъ въ сел. Бозгушъ. Здѣсь представилась возможность найти нѣсколько аробъ для больныхъ, и 3-го сентября кавалерія вернулась въ свой лагерь у сел. Бозгалы.

Дѣло подъ Пенякомъ вполне можно назвать удачнымъ, но результаты онаго, по мнѣнію моему, были неполны. Слѣдовало-бы на другой день дѣла предпринять поискъ въ Ольту, гдѣ непріятеля не было, но гдѣ находились орудія, снаряды и нѣкоторые запасы. Разстояніе отъ Пеняка всего 25 верстъ;

этимъ движеніемъ была-бы изслѣдована мѣстность, а присутствіе нашихъ конныхъ партій, въ такомъ недалекомъ разстояніи отъ Эрверума, имѣло-бы на край самое выгодное для насъ вліяніе. Не стану распространяться о причинахъ, по которымъ генералъ Кавалевскій не рѣшался на это движеніе, а также и о другихъ частностяхъ этого похода—*de mortibus aut bene, aut nihil*.

По возвращеніи отряда въ Бозгалы, блокада Карса производилась еще бдительнѣе—чаще перехватывались курьеры, не было ночи, чтобы засады и кордонъ на вѣренной мнѣ дистанціи не приводили-бы перебѣжчиковъ или выходящихъ изъ Карса по одиночкѣ солдатъ и жителей. Въ крѣпости господствовало сильное уныніе. Болѣе уже мѣсяца гарнизонъ получалъ продовольствіе въ едва только достаточномъ количествѣ для поддержанія жалкаго своего существованія. Скота въ крѣпости во все не было, и остатки лошадей турецкой кавалеріи, по невозможности продовольствовать ихъ, истреблены были самими турками. Въ одинъ день, по распоряженію генерала Вильямса, 2500 лошадей были зарѣзаны и зарыты въ приготовленные для нихъ ямы, дабы не заражать безъ того уже наполненный міазмами воздухъ Карса. Холера присоединяла новыя жертвы къ тѣмъ, которыя гибли вслѣдствіе голода и лишеній—сдача крѣпости была неминуема, но какъ скоро? Въ этомъ и состоялъ весь вопросъ.

Около половины сентября съ укрѣпленій Карса раздались выстрѣлы орудій, съ пикетовъ нашихъ слышны были радостные крики гарнизона—въ турецкомъ лагерѣ, столь уныломъ до-селѣ, все кипѣло необычайною жизнію и воодушевленіемъ. Въ Карсѣ праздновали взятіе Севастополя союзными войсками! Извѣстіе это сообщено было пробравшимся сквозь нашу цѣпь лазутчикомъ съ письмомъ, какъ слышалъ я, отъ Омеръ-паши.

Въ семь часовъ вечера прибывшій казакъ изъ главнаго отряда потребовалъ меня немедленно къ главнокомандующему.

Въ главной квартирѣ штурмъ Карса былъ уже рѣшенъ и диспозиція составлена.

Приступая къ описанію подробностей штурма, столь сильно порицаемаго, постараюсь безпристратнымъ изложеніемъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ объяснить ходъ дѣла и причины, побудившія, какъ я полагаю, главнокомандующаго измѣнить послѣдовательности той строгой военной системы, которой держался въ дѣйствіяхъ своихъ въ Азіятской Турціи до сего времени. Постараюсь для того, чтобы вполнѣ быть правдивымъ, въ пѣкоторыхъ случаяхъ утаить даже въ душѣ увлеченія мои къ лицу, память о которомъ навсегда и такъ свято хранится въ сердцѣ моемъ.

Ежели штурмъ Карса была ошибка по риску, сопряженному съ подобнымъ предпріятіемъ, то послѣдствія отъ могущей быть удачи достаточно-ли оправдывали рѣшимость на такой рискъ? При распоряженіяхъ къ штурму были-ли приняты всѣ мѣры къ возможному обезпеченію успѣха? Въ самомъ исполненіи—въ точности-ли были соблюдаемы частными начальниками данныя имъ наставленія? Наконецъ, какое вліяніе имѣла неудача штурма на послѣдующія дѣйствія въ эту кампанію?

Взятіе Севастополя сильно должно было поднять духъ гарнизона Карса, вселить даже въ немъ безопасность, по характеру турокъ; можно также было предполагать, что обстоятельство это дастъ дѣйствіямъ Омеръ-паша въ Имеретіи болѣе рѣшительности; значительныя подкрѣпленія туркамъ могли быть направлены изъ Крыма къ Омеръ-пашѣ, а также черезъ Трапезондъ въ Эрзерумъ. Слухи объ этихъ подкрѣпленіяхъ сообщались въ главный лагерь, и, наконецъ, получено

было извѣстіе, что въ Батумѣ высажено до 4 т. турокъ. Войско это можно было считать авангарднымъ отрядомъ тѣхъ подкрѣпленій, которыя ожидался въ самомъ скоромъ времени. Недостатокъ провіанта карскаго гарнизона и всѣ лишенія хорошо были извѣстны, но насколько именно времени могли продлиться запасы Карса—было еще тайною.

Вотъ обстоятельства, по мнѣнію моему, побудившія главнокомандующаго рѣшиться на смѣлую мысль—штурмовать Карсъ, мысль, которую съ настойчивостію и увлеченіемъ поддерживали окружающіе его, утомленные долговременною блокадою.

Въ случаѣ удачи, на другой день предстояла возможность выступить съ отрядомъ палаткахъ, чрезъ Ардаганъ, въ Батумъ, присоединивъ на пути свѣжія войска изъ Ахалциха. Усиленнымъ переходомъ въ 4 или 5 дней войска наши могли явиться внезапно у Батума, истребить и вогнать въ море высаженныя турками силы; тѣмъ болѣе, что военныхъ судовъ тамъ не было—они отплыли въ Крымъ за новымъ, какъ говорили, подкрѣпленіемъ; потомъ, чрезъ Кобулеты и Гурію, по морскому берегу зайти въ тылъ арміи Омеръ-паша и истребить ее въ лѣсахъ и болотахъ Имеретіи и Мингреліи.

Такимъ образомъ, въ теченіи 10 или 15 дней, ко взятію Карса и уничтоженію арміи генерала Вильямса, присоединилось-бы еще истребленіе второй турецкой арміи—и походъ этотъ занялъ-бы одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ лѣтописяхъ военнаго дѣла.

Помянутыя соображенія, какъ я полагаю, увлекли главнокомандующаго громадностію результатовъ, особенно при мысли, что успѣхъ этотъ отчасти изгладилъ-бы тяжкое впечатлѣніе, произведенное въ Россіи взятіемъ Севастополя.

Истинно русская и военная душа главнокомандующаго глубоко сочувствовала неудачѣ въ Крыму.

По прїѣздѣ моемъ въ главный лагерь, я засталъ главнокомандующаго въ своей палаткѣ. Съ обычнымъ ему спокойствіемъ и твердостью, онъ объявилъ мнѣ о штурмѣ; я подозрѣвалъ это рѣшеніе по нѣкоторымъ распоряженіямъ изъ главной квартиры за два дня передъ тѣмъ.

Диспозиція лежала на столѣ главнокомандующаго—онъ далъ мнѣ прочесть ее. Назначались 4 отдѣльныя колонны.

Первая, подъ начальствомъ князя Гагарина, съ кавалеріею графа Нирода, на правомъ берегу Карсъ-чая, около селенія Команцуръ, должна была угрожать нижнему турецкому лагерю, и, въ случаѣ успѣха главной атаки, направленной на укрѣпленіе шоракскихъ высотъ, колонна эта могла ворваться въ предмѣстіе и въ самый городъ. Во всякомъ случаѣ, присутствіе этой колонны удержало-бы значительную часть турецкихъ силъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ нижнемъ лагерѣ, на правомъ берегу Карсъ-чая.

Второй колоннѣ, подъ начальствомъ генерала Майделя, предназначалось собраться около Столовой горы и подняться на шоракскія высоты, обогнувъ лѣвой частію открытый флангъ шоракскихъ укрѣпленій, и штурмовать оныя съ этой стороны.

Третья колонна, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Кавалевскаго, имѣла назначеніемъ штурмовать правый флангъ шоракской позиціи, около сел. Малый-Чахмахъ, и занять укрѣпленія башибузукской горы.

Общій резервъ всѣхъ этихъ частей предназначено было расположить вправо отъ Столовой горы, за высотами, подъ прикрытіемъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Четвертой колоннѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора

Базена, назначалось скрытно пробраться вверх по Карсъ-чаю, и, одновременно съ штурмомъ шорахскихъ высотъ, овладѣть укрѣпленіями Чахмахъ. Пѣхота генерала Базена только-что наканунѣ прибыла изъ Ардагана къ блокаднему отряду генерала Бакланова. Никто объ этомъ не зналъ въ отрядѣ, и появленіе ея во время боя должно было столь-же поразить турокъ, сколько ободрить и наше войско.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что диспозиція была хороша какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ частности. Но пельзя не сказать, что все было предоставлено случайностямъ внезапнаго овладѣнія (*coup de main*). При колоннахъ не было ни фашинъ, ни лѣстницъ—вся надежда на удачу основывалась на безопасности турокъ и на тайнѣ самаго предпріятія. Частные начальники весьма мало ознакомлены были съ мѣстностію; предварительными рекогносцировками опасались обнаружить предположенія о штурмѣ; свѣдѣнія и глазомѣрные съемки мѣстности, собранныя генеральнымъ штабомъ, оказались впоследствии не вѣрными.

Непріятельская позиція была слѣдующая: на Шорахѣ турки занимали гребень этихъ возвышенностей; нѣсколько отдѣльныхъ батарей, связанныхъ между собою сложеннымъ изъ земли и камня брустверомъ, составляли систему обороны. Лѣвый флангъ этой линіи, весьма слабо защищенный, упирался къ обрыву Карсъ-чая, но сильно обстрѣливался огнемъ изъ Вели-паша-табиі, на чахмахскихъ высотахъ. Дугообразная линія шорахскихъ укрѣпленій оканчивалась на правомъ флангѣ отдѣльнымъ редутомъ на башибузукской горѣ.

Шорахскія высоты отдѣлены были довольно глубокою лощиной отъ такъ называемыхъ чахмахскихъ высотъ, которыя отвѣсистымъ, скалистымъ обрывомъ упирались въ Карсъ-чай. Рѣка эта раздѣляла помянутыя высоты отъ города и

Карадага и текла параллельно направленію чахмахскаго гребня.

Значительное земляное и каменное укрѣпленіе Великани-табїи служило ключемъ этой позиціи. Оно было вооружено сильною артилеріею. Позади этого отдѣльнаго форта устроенъ былъ значительный плацдармъ, и связанныя брустверомъ батареи примыкали къ самому обрыву Карсъ-чая. Въ лоцинѣ, отдѣляющей чахмахскія высоты отъ Шораха, устроены были два редута, изъ коихъ главный расположенъ былъ при выходѣ изъ лоцины на равнину у сел. Большой-Чахмахъ.

Надъ всею помянутою обороною господствовали высоты Карадагъ, на правомъ берегу Карсъ-чая. Арабъ-табїя и Зіарегъ-табїя, вооруженныя огромнаго калибра артилеріею, обстрѣливали высоты Чахмаха—снаряды долетали даже до шорахскаго гребня.

Подъ карадагскимъ обрывомъ была цитадель Карса, а по скату горы самый городъ. Впереди города, на значительномъ пространствѣ, на равнинѣ, находится турецкій лагерь, укрѣпленный отдѣльными табїями, изъ коихъ главная—Хафисъ-паша-табїя и Суварп-табїя, составляли важнѣйшіе пункты обороны. Верхи эти соединены были между собою малыми редутами и брустверами.

Во время пребыванія моего и разговора въ палаткѣ главнокомандующаго, вошелъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, вполне достойный всякаго уваженія возмнностію своихъ правилъ и геройскимъ своимъ самоотверженіемъ. Съ восторженнымъ увлеченіемъ началъ онъ убѣждать главнокомандующаго перемѣнить переплывавшуюся въ штабѣ диспозицію. По мнѣнію его, колонну князя Гагарина гораздо выгоднѣе было употребить противъ шорахскихъ высотъ,

чѣмъ и самый натискъ съ этой стороны будетъ сильнѣе, а успѣхъ несомнѣннѣе. Главнокомандующій колебался.

Вскорѣ вошелъ къ нему генераль Бримеръ—я оставилъ ихъ совѣщаніе. По окончаніи онаго я вернулся опять.

Главнокомандующій съ нѣкоторой досадой сказалъ мнѣ, что, имѣя правиломъ никогда не измѣнять обдуманнѣй и рѣшеннѣй планъ, онъ на этотъ разъ пожертвовалъ своимъ убѣжденіемъ.

Диспозиція была измѣнена—колоннѣ князя Гагарина предписано занять мѣсто между колонною Майделя и Кавалевскаго, впереди сел. Шорахъ, и штурмовать съ фронта Тахмасъ-табію на шорахскихъ высотахъ около Команцура; для демонстраціи оставлена только весьма слабая колонна, подъ начальствомъ графа Нирода. Перемѣна эта, какъ я полагаю, была ошибка.

При этомъ не могу умолчать объ одномъ обстоятельстве и не заплатить данн глубокаго уваженія высокой чертѣ характера главнокомандующаго. Послѣ неудачи штурма, въ разговорахъ объ ономъ съ разными лицами и въ самыхъ откровенныхъ бесѣдахъ со мною, никогда главнокомандующій не упоминалъ о причинахъ измѣненія первоначальной диспозиціи, никогда не называлъ лица, имѣвшаго вліяніе на это рѣшеніе. Не осмѣливаясь нарушить тайну этого обстоятельства, я съ своей стороны также не рѣшаюсь именовать этой личности.

Въ 9-ть часовъ вечера возвратился я въ свой отрядъ. Мнѣ приказано было соединиться съ колонною генерала Кавалевскаго у селенія Татлиджа,—въ 12-ть часовъ ночи всѣмъ войскамъ предписано было двинуться на указанныя мѣста.

Колонна генерала Кавалевскаго, присоединивъ къ себѣ мою кавалерію изъ Бозгаловъ, въ два часа по-полуночи заняла позицію около обсерваціонной горы.

Въ составѣ этой колонны находилось: виленскаго егерскаго полка 3 баталіона, бѣлевскаго 3 бат.—всего 6 баталіоновъ; нижегородскаго драгунскаго полка 8 эскадроновъ, сборнаго линейнаго казачьяго № 2-го 5 сотень, кавказской гренадерской бригады батарейной батарей 8 орудій, донской № 7-й батарей 8-мь орудій и конно-ракетной команды 8-мь станковъ.

Батарейная батарея выдвинута была влѣво отъ обсервационной горы, подъ прикрытіемъ одного баталіона бѣлевскаго полка; еще лѣвѣе расположены штурмовыя колонны—въ первой линіи три баталіона виленскаго полка, во второй—два бѣлевскаго полка, позади этихъ войскъ стоялъ нижегородскій драгунскій полкъ, съ донскою № 7-го батареею. Около обсервационной горы стояли линейные казаки, впереди ихъ выстроены были, подъ командою есаула Кульгачева, охотники отъ кавалеріи въ числѣ 70-ти человекъ.

Въ тоже время колонна князя Гагарина заняла впереди Шораха указанное ей мѣсто.

До перваго разсвѣта оставалось не-долго, и луна, свѣтившая до сего времени, начала скрываться.

Колонна генерала Майделя еще не прибыла. Генераль этотъ, по темнотѣ ночи, принялъ другое направленіе вмѣсто указаннаго около Столовой горы и остановилъ свои войска, не доходя оной, у другихъ высотъ. Главнокомандующій, безпокоясь этимъ замедленіемъ, послалъ полковника Кауфмана отыскать генерала Майделя и дать ему настоящее направленіе. Вскорѣ послышался стукъ орудій и генераль Майдель, сильно встревоженный своею ошибкою, чтобы поправить оную, бросился бѣгомъ по крутому подъему къ укрѣпленіямъ Шораха. Люди запыхались, колонна растапулась.

Передъ свѣтомъ совершенно стемнѣло.

Раздался пушечный выстрѣль изъ турецкихъ укрѣпленій, потомъ другой—вскорѣ бой закипѣлъ по всей линіи.

Достойный генераль Майдель впереди своей колонны повелъ на штурмъ гренадеръ и карабинеръ, и оставилъ мѣсто боя только послѣ полученныхъ имъ двухъ тяжелыхъ ранъ.

Съ первымъ непріятельскимъ выстрѣломъ двинулись и прочія колонны. Генераль Кавалевскій повелъ егерей къ башибузукской горѣ, какъ было предположено, но потомъ, взявши вправо, сталъ подниматься лощиной къ непріятельскому валу; здѣсь колонна встрѣчена была убійственнымъ ружейнымъ огнемъ и перекрестными выстрѣлами самой ближайшей картечи съ двухъ турецкихъ батарей. Эгого можно было избѣгнуть, слѣдуя прежде принятому направленію и овладѣніемъ башибузукской горы; расположенная здѣсь слабая турецкая батарея командовала всею смежною обороной. Исправлять ошибку было поздно. Полковникъ Шликевичъ смѣло бросился въ непріятельскій ровъ съ своими виленцами, перелѣзъ оный и первый палъ жертвою своей отваги. Егеря его тщетно пытались подъ губительнымъ огнемъ ворваться въ укрѣпленія. Вторая линія изъ бѣлевскихъ баталіоновъ остановилась въ лощинѣ подъ страшнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, не принимая участія въ штурмѣ.

Одновременно съ колонною генерала Кавалевскаго понеслись вправо охотники кавалеріи по скалистой тропинкѣ къ турецкой барикадѣ. Многіе изъ нихъ вскочили въ укрѣпленіе, остальные, лишившись лошадей, присоединились къ пѣхотѣ,— большая-же часть изъ нихъ вскорѣ была перебита.

Колонна генерала князя Гагарина тронулась отъ Шораха; начальникъ оной, по темнотѣ, также принялъ другое направленіе и съ баталіонами тульского полка применилъ около вала къ охотникамъ и егерямъ виленскаго полка. Полков-

никъ Ганецкій, изъ колонны князя Гагарина, съ баталіонами рязскаго полка принялъ одинъ должное направленіе, и вскорѣ штурмомъ овладѣлъ Тахмасъ-табією.

Между тѣмъ генераль Майдель подвигался впередъ и занялъ часть турецкихъ укрѣпленій и лагеря. Все сопротивленіе непріятели сосредоточилось около турецкаго люнета, закрытаго горжею и вооруженнаго сильною артилерією. Позицію эту защищаль извѣстный турецкій генераль Керимъ-паша.

Мгновенный успѣхъ съ этой стороны уничтожался неудачами на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Оба начальники колоннъ—генераль-лейтенанты Кавалевскій и князь Гагаринъ—послѣ тяжкихъ ранъ вынесены были изъ дѣла. Полковникъ Шликевичъ убитъ, Неѣловъ и генеральнаго штаба полковникъ Рудановскій ранены, всѣ баталіонные командиры и большая часть офицеровъ съ самаго начала штурма перебиты. Обѣ линіи генерала Кавалевскаго дрогнули и въ совершенномъ безпорядкѣ быстро отступали къ резервамъ.

Въ это время я принялъ начальство надъ колонной. Войска были въ совершенномъ разстройствѣ, всѣ части перемѣшаны; съ трудомъ собралъ я ихъ, съ помощію офицеровъ моего полка, около резерва, и велѣлъ открыть огонь нашей батареи,—кавалерія подалась впередъ, а казаки подполковника Петрова отважно, изъ-подъ самыхъ укрѣпленій, вывозили нашихъ раненыхъ. При этомъ особенно отличался казачьяго кубанскаго полка сотникъ Зрянинъ. Непритель громилъ насъ ядрами и гранатами сильной своей артилеріи. Оставявъ на позиціи въ прикрытіе орудій два баталіона, я выстроилъ свои войска и привелъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ, подъ защитою обсерваціонной горы. Изъ трехъ баталіоновъ виленскаго полка въ это время оставались въ строю съ тремя знаменами не болѣе трехъ-сотъ человекъ; два баталіона бѣлевскаго

полка имѣли не болѣе 250 человекъ, два тульскихъ баталіона представляли численность въ 150 человекъ, баталіонами командовали подпоручики; въ прикрытіи артилеріи одинъ только бѣлевскій баталіонъ, находившійся въ резервѣ, былъ въ полномъ составѣ. Части эти въ послѣдствіи не много усилились отсталыми и возвращающимися съ перевязочнаго пункта; но въ описываемый моментъ численность приблизительно была, какъ показано выше.

Въ это время подъѣхалъ ко мнѣ полковникъ Кауфманъ, требуя меня къ главнокомандующему, при чемъ просилъ сдѣлать демонстрацію впередъ, для отвлеченія непріятеля отъ праваго нашего фланга. Полковникъ Рудановскій, не смотря на полученную имъ рану, повелъ впередъ остатки пѣхоты и остановился около нашей батареи. Непріятель, не помышляя о вылазкѣ, продолжалъ пальбу изъ орудій,—а на наружномъ фасѣ укрѣпленій видно было, какъ турки съ ожесточеніемъ обирали нашихъ убитыхъ и добивали раненыхъ. Нельзя было думать вновь вести на штурмъ обезсиленную колонну.

Я поскакалъ на Столовую гору, гдѣ находился главнокомандующій, и, по приказанію его, вскорѣ три дивизіона драгунъ передвинуты были къ сел. Шорахъ.

Пока описанныя мною дѣйствія происходили на лѣвомъ нашемъ флангѣ, на правомъ кипѣлъ упорный бой.

Колонна Майделя тщетно пыталась овладѣть редутомъ, который защищалъ Керимъ-паша. Полковникъ Ганецкій, со знаменемъ въ рукахъ, занявши Тахмасъ-табію, былъ снова выбитъ турками. Повсюду въ рядахъ нашихъ смерть собирала обильную жатву, всѣ почти резервы были выдвинуты въ дѣло, но впередъ мы не подвигались.

Изъ города и нижняго лагеря постоянно подходили сильныя подкрѣпленія туркамъ; слабая колонна графа Нирода на

правомъ берегу Карсъ-чая не могла внушать никакихъ опасеній непріятелю.

Между тѣмъ колонна генерала Базена скрытно подвинулась къ Чахмаху; одновременно съ штурмомъ порахотныхъ укрѣпленій, пѣхота его ворвалась въ турецкіе редуты и заняла часть лагеря, отбивъ артилерію. Но всѣ усилія были напрасны для овладѣнія сильными верками Вели-паша-табія. Подъ убійственнымъ огнемъ этого укрѣпленія и батареи съ Карадага колонна генерала Базена, въ стройномъ порядкѣ отступила, забравъ съ собою часть отбитыхъ орудій.

Съ Столовой горы главнокомандующій въ подзорную трубу слѣдилъ за всѣмъ ходомъ этой кровавой драмы—лицо его сохраняло обычную твердость и спокойствіе. Когда среди порѣдѣвшаго дыма мнѣ показалось, что наши войска подвигаются впередъ, я сообщилъ главнокомандующему о моемъ предположеніи; онъ отошелъ въ сторону и, отдѣлившись отъ окружающихъ его, спокойно сказалъ мнѣ: «*J'ai beaucoup vu de batailles dans ma vie. L'assaut est entièrement manqué. Nos réserves sont presque toutes épuisées. Vous-êtes jeune, vous avez beaucoup dans l'avenir.*» (*)

Тутъ онъ замолчалъ. На благородныхъ чертахъ его выражалась христіанская покорность опредѣленіямъ судьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ твердая воля его рѣшала будущій образъ дѣйствій. Я ему, какъ помнится, отвѣчалъ: «*Un assaut repoussé n'est pas une bataille perdue, et nous gardons toutes nos positions pour la continuation du blocus.*» (**)

(*) Я много видѣлъ сраженій въ своей жизни. Штурмъ совершенно неудаченъ. Всѣ почти наши резервы истощены. Вы молоды—у васъ много впередъ.

(**) Отбитый штурмъ—не есть програнное сраженіе; мы принимаемъ всѣ наши позиціи для продолженія блокады.

Главкомандующій съ жаромъ возразилъ: «C'est bien mon intention, et le blocus n'en sera que plus sévère.»(*)

Тогда я просилъ главнокомандующаго, чтобы по отступленіи занять, какъ прежде, усиленно цѣпью и резервами ввѣренный мнѣ участокъ блокадной линіи. По его приказанію это въ точности было исполнено, и со стороны Бозгаловъ, при самомъ отступленіи, заняты всѣ прежніе посты блокады.

Приказаніе отступать было разослано тутъ-же войскамъ. Мнѣ поручено было остаться послѣднимъ на позиціи, и когда задніе эшелоны прочихъ колоннъ скроются за высотами, то отступать чрезъ сел. Шорахъ къ Тадлиджа, а оттуда въ Бозгалы. Отступление вообще совершенно было въ порядкѣ, хотя нѣкоторыя части, особенно на нашемъ правомъ флангѣ, совершенно были перемѣшаны. Непріятель не думалъ о вылазкѣ—обиралъ тѣла убитыхъ и ограничивался только огнемъ изъ всѣхъ орудій по отступавшимъ баталіонамъ. Я снялся съ позиціи послѣдній и благополучно съ колонною прибылъ въ лагерь у Бозгаловъ въ часъ по-полудни.

Штурмъ начался въ 4 часа утра. Войска были въ огнѣ въ продолженіи около 6 часовъ.

Купленные дорогою цѣною славные трофеи этого дѣла состояли изъ 14 окровавленныхъ знаменъ, доставленныхъ въ лагерь, изъ 16 орудій, взятыхъ съ боя (одно вывезено колонною генерала Майделя, а три отрядомъ генерала Базена, изъ остальныхъ нѣкоторыя заклепаны, другія, какъ и зарядные ящики, сброшены съ кручи, или, по возможности, испорчены.)

Потеря наша простиралась, сколько мнѣ извѣстно, въ этомъ кровавомъ дѣлѣ до 7000 человекъ, считая въ томъ

(*) Это мое намѣреніе, и блокада только будетъ строже.

числѣ контуженныхъ и легко раненыхъ. Черезъ недѣлю послѣ штурма около 1500 человекъ уже находились вновь въ строю. Главная и невозвратная потеря наша состояла въ начальникахъ и офицерахъ—большая часть изъ нихъ, являя собою подчиненнымъ примѣръ самоотверженія, съ самаго начала штурма пали жертвою своей неустрашимости.

Трудно исчислить все подробности этого дѣла, столь обильнаго примѣрами военной доблести, но нѣкоторые частные подвиги заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Подполковникъ Михаилъ Кауфманъ, посланный провести изъ резерва баталіонъ рязанскаго полка къ колоннѣ генерала Майделя, прошелъ впередъ этой колонны сквозь турецкій лагерь на Шорахъ; здѣсь, тѣснимый со всехъ сторонъ неприятелемъ подъ перекрестнымъ огнемъ батарей, онъ отбился отъ турокъ и прошелъ долиной между поракскими и чухмахскими высотами сквозь всю турецкую позицію на противоположную сторону къ отряду генерала Базена.

Сборный полкъ кавалеріи, изъ двухъ сотенъ линейныхъ, одной донской и одной дворянской сотни карталинецевъ, подъ командою войсковаго старшины Добрынина, проскакалъ неприятельскій лагерь посреди укрѣпленій и опрокинулъ турецкіе баталіоны къ Карсу.

Командиръ рязскаго полка полковникъ Ганецкій, съ знаменемъ въ рукахъ, два раза бросался на приступъ и овладѣлъ Тохмасъ-табією.

Когда наши войска вновь отброшены были туркамъ, то того-же полка подпоручикъ Яценъ, тяжело раненый, въ виду турокъ доташился до неприятельскаго орудія и, заклепавъ оное, бросилъ свою шашку. Онъ неминуемо тутъ-же былъ-бы изрубленъ, если-бы свидѣтель этого подвига адъютантъ генерала Вильямса, капитанъ Тиздель, не остановилъ турокъ.

Яценъ взятъ въ плѣнъ; подвигъ его неизвѣстенъ отряду, о немъ засвидѣтельствовалъ только генералъ Вильямсъ по сдачѣ Карса.

Штурмъ Карса—была полная неудача! Послѣ объясненных мною обстоятельствъ, не считаю нужнымъ возвращаться къ причинамъ этой неудачи, которыя отчасти зависѣли отъ самаго риска предпріятія, отчасти отъ того, что не всѣ колонны приняли должное направленіе, не говоря уже о другихъ неизбѣжныхъ случайностяхъ всякаго сраженія, повредившихъ общему успѣху.

Допустивъ даже совершенное овладѣніе шорахскими высотами, рождается вопросъ: могли-ли мы, ослабленные потерями, предпринять новый штурмъ чахмахскихъ высотъ и грозной Вели-паши-табія, для которой почти потребовалась-бы правильная осада? Наконецъ, и при этомъ успѣхѣ остатки нашихъ войскъ въ состояніи-ли были предпринять штурмъ самаго города, въ случаѣ рѣшимости гарнизона защищаться въ улицахъ онаго?

Послѣдствія неудачи штурма были ощутительны только для насъ. Положеніе непріятели, при твердомъ рѣшеніи главнокомандующаго продолжать блокаду, нисколько не измѣнилось. Одушевленные временно успѣхомъ, турки должны были внасть еще въ большее уныніе, видя настойчивость продолженія блокады. Продовольственныхъ запасовъ ожидать они уже не могли.

Всѣ войска возвратились въ лагерь и заняли прежнія свои мѣста. Духъ солдатъ нисколько не упалъ—скорѣе можно было назвать ропотомъ и досадою, чѣмъ уныніемъ, то чувство, которое овладѣло ими: они готовы были съ ожесточеніемъ идти на другой день на штурмъ. Совсѣмъ другое, къ сожалѣнію, должно сказать о начальникахъ—озабоченные

разстройствомъ частей своихъ, они не допускали продолженія блокады. Суровость зимы, недостатокъ фуража, значительная убыль людей и офицеровъ—служили, по мнѣнію ихъ, достаточнымъ доказательствомъ невозможности дальнѣйшаго пребыванія подъ Карсомъ.

Слово отступление за Арпачай слышно было въ тѣхъ палаткахъ, гдѣ никогда оно не должно-бы быть произносимо!

Одинъ главнокомандующій оставался непоколебимъ. Здѣсь начиналась упорная борьба его противъ общаго мнѣнія, противъ этого равнодушія къ дѣлу, характеръ котораго опредѣлить можно только французскимъ выраженіемъ *opposition d'inertie*. Главнокомандующій вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы; но сколько трудовъ, сколько душевныхъ испытаній, сколько дѣятельности стоило ему это тяжелое время! Сдача Карса вполнѣ оправдала его дѣйствіе; раздраженное настойчивостію его, общее мнѣніе отряда—преклонилось предъ результатами его твердой воли!

Самыя строгія мѣры были приняты для бдительнаго надзора за блокированными. Наши цѣпи были усилены и ночью почти вся кавалерія расходилась на заставы. Въ первые дни послѣ штурма перебѣжчиковъ совѣмъ не было; въ Карсѣ увѣряли, что русскіе готовятся снять блокаду, но скоро гарнизонъ крѣпости утратилъ эти надежды.

Съ укрѣпленій Карса видно было, какъ палатки въ нашихъ лагерьхъ рѣдѣли, а на мѣсто ихъ воздвигались землянки и зимнія помѣщенія для войскъ. До турокъ должны были доходить звуки почтовыхъ колокольчиковъ по устроенному тракту изъ Чифтлигая въ Александрополь, въ самомъ недалѣнемъ разстояніи отъ крѣпости; тройки слѣдовали безъ всякаго конвоя чрезъ Визанкевъ, Хадживали и Пирвали въ Александрополь,—транспорты съ сѣномъ свободно подвозили фу-

ражъ съ Арпачая, въ виду непріятельскихъ укрѣпленій. Лошадей у турокъ уже не было; какъ тѣло безъ движенія, такъ непріятельская армія безъ кавалеріи, посреди страданій и лишеній, ожидала безропотно окончанія своихъ бѣдствій. Но эта мѣра испытаній скоро переполнилась. Томимая голодомъ, ослабленная смертностію и болѣзнями, турецкая армія постепенно уничтожалась, а число перебѣжчиковъ значительно увеличилось. Изъ моего отряда и изъ Меликева (*) ежедневно толпами препровождались въ главный лагерь плѣнные турки. Въ послѣднее время видъ этихъ людей былъ ужасенъ: впалые глаза, опухшія руки и ноги явно свидѣтельствовали о разрушеніи, произведенномъ голодомъ на весь ихъ организмъ. Многіе изъ нихъ съ жадностію бросались на предлагаемую имъ пищу и тутъ-же заболѣвали, — другіе — въ безчувственномъ онѣмѣніи даже не прикасались къ оной.

Относительно бѣдствій гарнизона всѣ показанія плѣнныхъ были единогласны. Никто изъ нихъ не вѣрилъ распускаемымъ слухамъ о скоромъ подкрѣпленіи изъ Эрзерума, и всѣ безропотно, или, лучше сказать, безчувственно ожидали конца своимъ страданіямъ отъ голодной смерти. Терпѣніе это можно-бы считать высшею добродѣтелью въ солдатѣ, если-бы у турокъ оно не было послѣдствіемъ грубѣйшаго фатализма.

Начальствомъ карскимъ и твердыми мѣрами генерала Вильямса были предприняты всѣ средства для возможнаго продолженія этой агоніи гарнизона. Всѣ запасы продовольствія, скрытые жителями, были отобрааны, и эти послѣдніе раздѣляли участь турецкой арміи. Въ лагерь и по улицамъ валялись не погребенные трупы, госпиталь и лазареты были наполнены, и въ пищу больнымъ, какъ въ послѣдствіи разска-

(*) Отрядъ генерала Бадавова.

зывает генераль Вильямсъ, онъ принужденъ былъ рѣзать собственныхъ лошадей своей конюшни.

12-го ноября, возвратившись къ вечеру изъ Меликева въ свой отрядъ, я нашелъ записку полковника Кауфмана съ требованіемъ поспѣшнѣе явиться къ главнокомандующему. Въ Бозгалахъ уже носились слухи о прибытіи какого-то англійскаго офицера въ главную квартиру. Съ радостною надеждою проскакалъ я разстояніе, отдѣлявшее меня отъ Чифт-лига. Главнокомандующій объявилъ мнѣ о пріѣздѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ капитана Тидзеля (адъютанта Вильямса) съ письмомъ, въ которомъ генераль просилъ на другой день свиданія. Тидзель былъ отправленъ обратно въ Карсъ, свиданіе назначено на другой день, въ 12-ть часовъ утра.

Сомнѣнія никакого не было, что цѣлью предстоящаго посѣщенія будетъ предложеніе о сдачѣ Карса. Главнокомандующему угодно было поручить полковнику Константину Кауфману и мнѣ — составить напередъ проектъ условій, а впоследствии, по утверженіи ихъ, вести переговоры съ генераломъ Вильямсомъ.

Вся ночь прошла въ составленіи нѣсколькихъ черновыхъ проектовъ условій капитуляціи; къ утру съ полковникомъ Кауфманомъ мы отнесли ихъ къ главнокомандующему. Съ нѣкоторыми измѣненіями онъ одобрилъ одинъ актъ, составленный нами, на основаніи котораго и предположено было дѣйствовать, предварительно выслушавъ условія генерала Вильямса. 13-го ноября, подъ парламентарскимъ флагомъ, показалась изъ Карса группа конныхъ, и вскорѣ генераль Вильямсъ, съ небольшою свитой, слѣзъ съ лошади у землянки главнокомандующаго. Высокій ростъ генерала, выразительныя черты его лица, отчасти гордая осанка — все въ немъ показывало энер-

гію и волю, — вмѣстѣ съ тѣмъ благородная наружность его внушала къ нему уваженіе и довѣренность. Онъ вошелъ въ землянку къ главнокомандующему одинъ — тамъ были полковникъ Кауфманъ и я. Послѣ нѣкоторыхъ обычныхъ фразъ и привѣтствій, онъ сказалъ главнокомандующему: «Je vous parle, général, au nom de l'humanité. La garnison est réduite à la dernière extrémité. Cette nuit 150 personnes sont mortes de faim. Nous avons du biscuit pour deux jours. Je viens parler de la reddition de Kars.» (*)

Главнокомандующій спокойно сказалъ ему, что обстоятельство это онъ предвидѣлъ; тутъ-же представилъ полковника Кауфмана и меня генералу Вильямсу, присовокупивъ, что онъ поручилъ намъ вести переговоры и составить условіе съ генераломъ.

Мы вышли всѣ вмѣстѣ въ приготовленную землянку, около дома главнокомандующаго.

Здѣсь Вильямсъ съ чувствомъ высказалъ намъ всѣ страданія и бѣдствія гарнизона, сознавая безнадежность положенія турецкой арміи, участь которой повергалъ онъ вполне великодушію главнокомандующаго.

Откровенныя слова его значительно облегчили весь ходъ переговоровъ — мы начали составлять актъ на утвержденныхъ главнокомандующимъ основаніяхъ. Генералъ Вильямсъ съ благороднымъ увлеченіемъ объявилъ, что какъ онъ, такъ и всѣ англійскіе офицеры должны раздѣлять участь плѣнной турецкой арміи; но что въ рядахъ оной находятся нѣсколько лицъ изъ эмигрантовъ и политическихъ преступниковъ иностран-

(*) Я съ вами говорю, генералъ, во имя челоѣколюбія. Гарнизонъ доведенъ до послѣдней крайности. Нынче ночью 150 челоѣвъ умерло съ голода. Мы имѣемъ сухарей на два дня. Я пріѣхалъ говорить о сдачѣ Карса.

ныхъ державъ, сужденныхъ уже въ своемъ отечествѣ, и для которыхъ плѣнъ можетъ быть только предвѣстникомъ казни. Генераль просилъ доложить главнокомандующему объ этомъ обстоятельствѣ и передать ходатайство его о пропускѣ изъ Карса поименованныхъ имъ эмигрантовъ. Просьба эта была нами передана, главнокомандующій согласился, и, въ особенномъ параграфѣ капитуляціи, опредѣлены нами эти условія. Кромѣ того, онъ прибавилъ въ одномъ параграфѣ, что, въ знакъ уваженія къ мужественной защитѣ карскаго гарнизона, оставлялись сабли всѣмъ плѣннымъ офицерамъ турецкой арміи по сдачѣ Карса.

Когда генералу Вильямсу мы прочли этотъ послѣдній параграфъ, то слезы навернулись на его глазахъ—онъ сталъ обнимать Кауфмана и меня, и сказалъ, что подъ начальствомъ такого доблестнаго и великодушнаго вождя понятно, что войска дѣлали чудеса,—тутъ-же онъ началъ говорить о штурмѣ, съ восторгомъ отзываясь о храбрости нашихъ солдатъ и офицеровъ. Составленныя съ генераломъ Вильямсомъ предварительныя условія капитуляціи были переписаны на бѣло и здѣсь-же подписаны генераломъ, а оти имени главнокомандующаго—полковникомъ Кауфманомъ.

Вильямсъ, по окончаніи подписи, отдалъ мнѣ на память перо, которымъ подписана была капитуляція. Воспоминаніе столь драгоцѣнной для меня минуты моей военной дѣятельности до сихъ поръ хранится у меня.

Свиданіе генерала Вильямса съ главнокомандующимъ послѣ сего было самое откровенное и дружественное. Рѣшено было, что по передачѣ подписанныхъ предварительныхъ условій главному начальству турецкой арміи въ Карсѣ, мушпръ долженъ былъ пріѣхать въ Чифтлыгай 15-го числа, для подписи окончательнаго акта капитуляціи. Самая сдача

назначалась 16-го числа; около 4-хъ часовъ по-полудни генераль Вильямсъ выѣхаль обратно въ Карсъ.

15-го числа прибыль въ главную квартиру муширь турецкой арміи, Васиѣъ-паша, съ своею свитой и съ нимъ генераль Вильямсъ. У главнокомандующаго была подписана капитуляція, на условіяхъ, опредѣленныхъ предварительно генераломъ Вильямсомъ. Составленный актъ былъ слѣдующій:

Acte

De reddition de la ville et de la forteresse de Kars, rédigé sur les bases convenues entre le général Williams, commissaire de la reine d'Angleterre auprès de l'armée d'Anatolie, et accordées par l'aide-de-camp général Mouravieff, au quartier général de Tschiftly-Kaya, le 13/25 novembre 1855.

ARTICLE I.

Reddition de la forteresse avec tout son matériel intact.

Les pièces remises ne doivent pas être enclouées; les fusils et les autres armes doivent être rendus dans l'état où ils se trouvent actuellement; les munitions, la poudre, les arsenaux, les dépôts d'équipement militaire et les magasins doivent être remis tels qu'ils se trouvent d'après les états officiels, jusqu'au jour de la reddition de la place. Rien ne doit être pris, ni anéanti aux archives. Les troupes, en évacuant Kars, laissent des postes de trois hommes chacun, avec un caporal aux endroits suivants: à chaque fort, redoute ou batterie, munie d'artillerie, auprès de chaque magasin à poudre, arsenal ou dépôt militaire, hôpital, archives, trésoreries et mosquée. Il sera nommé par les autorités turques pour chaque partie du matériel, tels que: trésor, arse-

naux, artillerie, hôpitaux, magasins de vivres et archives, des commissaires spéciaux, chargés de remettre ledit matériel aux commissaires, nommés à cet effet par le général en chef de l'armée russe. Immédiatement après la sortie des troupes, les postes ci dessus mentionnés devront être relevés par les troupes russes en présence du ci-devant commandant turc et du nouveau commandant russe nommé à cet effet. Les soldats turcs livrent leurs armes et attirail militaire aux postes russes, et sous les ordres de leur commandant se dirigent vers la redoute Kaiuly, où ils attendent les dispositions pour leur destination future. La remise par les commissaires des articles susmentionnés doit avoir lieu le lendemain de l'évacuation de la place.

ARTICLE II.

La garnison de Kars, se rendant prisonnière de guerre avec le général en chef de l'armée turque, avec toutes les autorités militaires, sortira de la place avec les honneurs de la guerre et déposera les armes, drapeaux etc. dans un endroit, convenu d'avance, d'où elle se rendra à la destination, qui lui sera indiquée par le général en chef de l'armée russe. En témoignage de la valeureuse résistance, déployée par la garnison de Kars, les officiers de tous grades conserveront leurs épées.

Toutes les troupes, formant la garnison de Kars, excepté celles, qui se trouvent dans les hôpitaux pour cause de maladie, sont tenues de sortir de la forteresse en plein équipement militaire, tambour battant et drapeaux déployés, ayant préalablement déchargé leurs armes et se rassembler pour les 10 heures du matin près des ruines du village de Goumbet. Là elles se déploient

en une seule ligne, en colonnes, par bataillons. Les artilleurs forment des colonnes séparées par régiments. Les rédifs, lazes et bachibouzouks se forment séparément à une distance d'une demi-verste du flanc droit des autres troupes. La garnison dépose ses armes en faisceaux, ainsi que les drapeaux et tout l'attirail militaire et se range dans l'ordre précédent en avant de la ligne des fusils. Le mouchir commandant en chef de l'armée d'Anatolie, se rend en ce moment auprès du général en chef de l'armée russe et lui remet le rapport numérique de ses troupes, ainsi que les états de tout le matériel, stipulé dans l'acte de reddition.

Les délégués de l'armée russe procèdent alors à l'appel nominal et à l'enregistrement des officiers et des soldats de l'armée turque, à l'effet de quoi les autorités turques sont tenues de présenter les registres de leurs commandements respectifs. L'enregistrement terminé, tous les prisonniers de guerre ayant leurs officiers en tête, se rendent en colonne auprès du pont de Tschiftly-kay, où ils sont reçus par les troupes russes désignées pour leur servir d'escorte. Les troupes turques, mentionnées dans les articles qui suivent, comme ayant l'autorisation de retourner dans leurs foyers, prennent la route de Tamra, sous une escorte, et s'arrêtent pour la nuit auprès du village de Katanly; elles s'engagent de respecter les habitants de ce village et à ne commettre aucun excès. La colonne poursuit sa marche le lendemain dans le même ordre et fait halte pour la nuit auprès du village de Tasanly. Le troisième jour, arrivées au pied du Saganloug, les troupes russes s'arrêtent, et les turcs continuent leur marche à travers la chaîne

des montagnes. Dans la direction d'Erzeroum les turcs s'engagent à ne pas pénétrer dans la village de Bardouss, où se trouvent les milices du camp russe. Les trainards turcs, qui dans l'espace de 24 heures après la dernière étape, n'auraient pas dépassé le Saganloug, seront considérés comme prisonniers de guerre. En évacuant la ville et la forteresse de Kars, les autorités militaires de l'armée turque s'engagent à laisser un nombre suffisant de médecins et d'infirmiers pour soigner les malades, restés dans les hôpitaux, jusqu'à l'entier rétablissement de ces derniers.

ARTICLE III.

Les propriétés privées des membres de l'armée de tout grade seront respectées. Chaque individu, appartenant au personnel de l'armée, est autorisé de vendre son avoir, ou de le conserver, en prenant à sa charge les moyens de transport.

ARTICLE IV.

La milice (Rédifis, Bachibouzouks, Lazes) après que leur nombre aura été préalablement déterminé et approuvé, reçoit l'autorisation de retourner dans leurs foyers. Les officiers faisant exception aux bases de l'organisation des rédifis, ne sont pas compris dans cette classe. Les rédifis, Bachibouzouks et Lazes, se trouvant dans les hôpitaux, après leur guérison, jouissent des mêmes droits et sont soumis aux mêmes conditions.

ARTICLE V.

Les noncombattans de l'armée, tels que: les écrivains, interprètes, infirmiers, jouissent de la faculté de retourner dans leurs foyers, après que leur nombre aura été préalablement fixé et approuvé.

ARTICLE VI.

Au général Williams est réservé le droit de désigner à son choix dans une liste soumise d'avance à la sanction du général Mouravieff, un certain nombre de personnes, auxquelles sera accordée l'autorisation de retourner dans leurs foyers. Sur cette liste ne doivent pas figurer les militaires sujets d'une des puissances belligérantes.

ARTICLE VII.

Toutes les personnes, indiquées dans les articles 4, 5 et 6 s'engagent sous parole d'honneur à ne pas porter les armes contre Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies, pendant toute la durée de la guerre.

ARTICLE VIII.

Les habitants de la ville se livrent à la générosité du gouvernement russe qui leur accorde sa protection. Immédiatement après la remise des armes par la troupe, les habitants de la ville doivent envoyer au général en chef de l'armée russe une députation composée des notables de la ville, pour lui en remettre les clefs, et se soumettre à sa discrétion et à la générosité de l'Auguste Souverain de la Russie.

ARTICLE IX.

Les monuments et les édifices publics de la ville, appartenant au gouvernement, seront respectés et conservés intacts.

Le Gouvernement russe, ayant pour principe de respecter les usages et traditions des peuples soumis à sa domination et surtout les édifices voués au culte,

évitera de porter toute atteinte inutile aux monuments religieux et aux souvenirs historiques de Kars (*).

(*)

Актъ

сдачи города и крѣпости *Карса*, составленный на основаніи соглашенія между комиссаромъ англійской королевы при апаголіійской арміи генераломъ Вильямсомъ и генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ въ главной квартирѣ, въ Чифтлигаѣ ¹⁵/₂₅ ноября, 1855 года.

СТАТЬЯ I.

Сдача крѣпости со всемъ имуществомъ.

Сланные орудія не должны быть заклепаны, ружья и прочее ручное оружіе должны быть сданы въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время; боевые запасы, порохъ, арсеналы, склады предметов обмундированія войскъ и магазины должны быть сданы въ томъ состояніи, въ какомъ они должны быть по официальнымъ документамъ по день сдачи крѣпости. Ничто изъ архивныхъ документовъ не должно быть взято или уничтожено. Войска, очищая Карсъ, должны оставить посты, каждый изъ трехъ солдатъ при унтеръ-офицерѣ, въ нижепоименованныхъ пунктахъ: въ каждомъ фортѣ, редутѣ или батарее въоруженныхъ артилеріею, подлѣ каждаго пороховаго погреба, арсенала, военного склада, госпиталя, архива, казначейства и мечети. Турецкія власти обязываются назначить для каждаго рода матеріальнаго имущества: денежныхъ суммъ, арсеналовъ, артилеріи, госпиталей, продовольственныхъ магазиновъ и архивовъ, особыхъ комиссаровъ, на обязанности которыхъ возложена будетъ передача вышепоименованнаго имущества комиссарамъ, которые будутъ назначены для сего главнокомандующимъ русскою арміею. Немедленно по выходѣ турецкихъ войскъ, вышепоименованные посты должны быть заняты войсками, въ присутствіи бывшего турецкаго коменданта и вновь назначеннаго русскаго коменданта. Турецкія солдаты сдадутъ свое оружіе и боевое снаряженіе русскимъ постаемъ, и затѣмъ, подлѣ командою своихъ начальниковъ, направятся къ редуту *Kabuly*, гдѣ и будутъ ожидать распоряженія относительно дальвѣйшей участи своей. Сдача всѣхъ вышепоименованныхъ предметовъ должна быть произведена на другой день, послѣ очищенія крѣпости.

С Т А Т Ъ Я П.

Гарнизонъ Карса, сдаваясь военнопленнымъ съ главнокомандующимъ турецкою арміею и совѣтми военными властями, выйдетъ изъ крѣпости съ военными почестями и сложитъ оружіе, знамена и проч. въ мѣстѣ, заранѣ условленномъ; отсюда гарнизонъ отправится по назначенію, которое дастъ ему главнокомандующій русскою арміею. Въ ознаменованіе мужественнаго сопротивленія, выказаннаго гарнизономъ Карса, офицерамъ всѣхъ чиновъ оставляются ихъ шпаги. Всѣ войска, составляющія гарнизонъ Карса, за исключеніемъ находящихся въ госпиталяхъ на излеченіи, должны выйти изъ крѣпости въ полномъ вооруженіи, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, при чемъ огнестрѣльное оружіе должно быть предварительно разряжено, и собраться къ 10 часамъ утра при развалинахъ деревни *Goumbet*. Тамъ онѣ должны развернуться въ одну линію въ баталіонныхъ колоннахъ. Артиллеристы составятъ особія колонны по полкамъ. Редифы, лазы и башибузукки должны собраться особо на правомъ флангѣ прочихъ войскъ и въ разстояніи отъ нихъ до полуверсты. Гарнизонъ долженъ сложить въ пирамиды (кучи) оружіе, знамена и всю боевую принадлежность, и затѣмъ строиться въ томъ-же порядкѣ, впереди линіи сложеннаго оружія. Въ то-же время мушпръ, командующій анатолійскою арміею, представится главнокомандующему русскою арміею и вручитъ ему рапортъ о численномъ состояніи войскъ и вѣдомости всего имущества, означеннаго въ актѣ сдачи. Тогда делегаты, назначенные отъ русской арміи, приступятъ къ переключкѣ и переписи офицеровъ и солдатъ турецкой арміи—для сего турецкія власти должны представить именные списки подвѣдомственныхъ имъ частей. После переписи всѣ военно-плѣнные, съ своими офицерами во главѣ, должны двинуться въ колоннахъ къ мосту Чифтлнгаю, гдѣ они будутъ приняты русскими войсками, назначенными для конвоированія ихъ. Турецкія войска, поименованныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, которымъ дозволено возвратиться на родину, должны двинуться подъ конвоемъ по дорогѣ *Tamra* и остановиться на ночлегъ при деревнѣ *Katanly*; имъ вѣнчается въ обязанность—не притѣснять жителей этой деревни и не дѣлать никакихъ насилій. На другой день колонна эта должна слѣдовать въ томъ-же порядкѣ, по тому-же пути и остановиться на ночлегѣ при деревнѣ *Tusanly*. На третій день по прибытіи колонны къ подошвѣ Саганлуга

конвоирующія русскія войска останавливаются, и турки продолжают свой путь через горный хребетъ. Въ направленіи къ Эрзеруму, турки обязываются не проникать въ деревню *Bardouss*, въ которой расположены русскіе резервы. Турецкіе отряды, которые черезъ 24 часа по приходѣ послѣдняго эшелона не перейдутъ за саганлукскій хребетъ, будутъ считаться военноплѣнными. Очищая городъ и крѣпость Карсъ, военныя власти турецкой арміи обязываются оставить достаточное число медиковъ и больничныхъ служителей для ухода за больными, остающимися въ госпиталяхъ, до совершеннаго выздоровленія ихъ.

СТАТЬЯ III.

Частная собственность всѣхъ чиновъ арміи остается въ полномъ ихъ распоряженіи. Каждый принадлежащій къ составу арміи, имѣетъ право продать свое имущество или оставить его при себѣ, но при этомъ долженъ самъ озаботиться средствами перевозки.

СТАТЬЯ IV.

Иррегулярныя войска (редифы, башибузуки, лазы), по опредѣленіи и утверженіи числительности ихъ, получаютъ разрѣшеніе возвратиться на родину. Офицеры, не принадлежащіе къ составу иррегулярныхъ войскъ, а только прикомандированные къ нимъ, не будутъ включены въ эту категорию. Башибузуки, редифы и лазы, находящіеся въ госпиталяхъ, по выздоровленіи, пользуются тѣми-же правами и будутъ подчинены тѣмъ-же условіямъ.

СТАТЬЯ V.

Нижеупомянутыя лица, находящіеся при арміи, но не входящія въ боевой составъ ея, а именно: писатели, переводчики и больничные служители, имѣютъ право возвратиться на родину, но предварительно число ихъ должно быть опредѣлено и утверждено.

СТАТЬЯ VI.

Генералу Вильямсу предоставляется право назначить — по своему выбору и представить генералу Муравьеву на утверженіе въ особомъ спискѣ — опредѣленное число лицъ, которымъ также будетъ предоставлено право возвратиться на родину. Но въ числѣ этихъ лицъ не должны быть военныя офицеры, подданные которой-либо воюющихъ державъ.

СТАТЬЯ VII.

Всѣ лица, упомянутыя въ статьяхъ 4, 5 и 6, обязываются чест-

нымъ словомъ—не служить въ войскахъ противъ Его Величества Императора всея Россіи, въ продолженіе настоящей войны.

СТАТЬЯ VIII.

Городскіе жители предоставляются великодушію русскаго правительства, которое окажетъ имъ покровительство. Немедленно по сложеніи оружія войсками, жители города должны выслать главнокомандующему русскою арміею депутацію изъ почетныхъ лицъ, для врученія ему ключей и изъявленія покорности Августѣйшему Государю всея Россіи.

СТАТЬЯ IX.

Зданія и памятники въ городѣ, принадлежащіе правительству, будутъ сохранены въ совершенной цѣлости.

Русское правительство, всегда уважающее обычаи и преданія подвластныхъ ему народовъ и въ особенности зданія, посвященныя богослуженію, будетъ, по возможности, избѣгать поврежденія храмовъ и историческихъ памятниковъ Карса.

Ред.

Здѣсь мѣсто упомянуть объ эмигрантахъ, которымъ, вслѣдствіе просьбы генерала Вильямса, главнокомандующій разрѣшилъ выйти изъ Карса до сдачи крѣпости.

Адъютантъ генерала Вильямса, капитанъ Тиздель, передалъ мнѣ списокъ этимъ лицамъ, и главнокомандующій, предварительно утвердивъ оный, приказалъ мнѣ распорядиться препровожденіемъ чрезъ ввѣренный мнѣ отрядъ эмигрантовъ за Саганлугъ, давъ какъ можно меньше гласности этому дѣлу.

Я возвратился къ вечеру въ Бозгалы, переговоривъ предварительно съ капитаномъ Тизделемъ о времени и мѣстѣ для передачи эмигрантовъ офицеру отъ моего отряда. Въ 10 часовъ вечера, когда послѣ моего ужина разошлись отъ меня всѣ офицеры, я послалъ полковаго адъютанта своего, поручика Бергера, на условленное мѣсто, впереди сел. Шорахъ, съ конвоемъ изъ 40 нижегородскихъ драгунъ.

Около 12 часовъ ночи приблизилась къ нему конная толпа, — принявъ выходцевъ, поручикъ Бергеръ привелъ ихъ ко мнѣ.

Въ домикъ мой вошли восемь человѣкъ офицеровъ — прислуга ихъ была отведена дальше. Послѣ повѣрки по списку всѣхъ выпедшихъ изъ Карса лицъ, мною объявлено было этимъ офицерамъ о великодушномъ дарованіи имъ свободы, съ условіемъ — не носить оружія противъ Россіи во все время предстоящей войны. Слова мои на нѣмецкомъ языкѣ, болѣе понятномъ для всѣхъ этихъ эмигрантовъ, произвели на нихъ особенное впечатлѣніе. Мнѣ крайне непріятно было читать на ихъ лицахъ это чувство. Они такъ мало вѣрили своей свободѣ, такъ опасались измѣны слову, что на пути слѣдованія изъ Карса нѣсколько разъ спрашивали поручика Бергера — что ихъ ожидаетъ? Офицеръ этотъ ограничивался отвѣ-

томъ, что ему приказано доставить ихъ къ своему начальству и что больше онъ ничего не знаетъ. Я тутъ-же написалъ требуемую подписку своей рукой слѣдующаго содержания:

Nous soussignés, en profitant de la grâce, qui nous est accordée par le général en chef de l'armée du Caucase, de sortir librement de la forteresse de Kars, nous nous engageons sur l'honneur de ne pas porter les armes contre Sa Majesté l'Empereur de Russie pendant toute la durée de la guerre actuelle. Signé en présence du chef du détachement de la ligne de blocus à Basgala, le colonel prince Dondoukoff-Korsakoff; camp de Basgala ¹⁵/₂₇ novembre 1855. Colonel Schwarzenberg, Colonel Ibrahim-Bey, Major Weli-Effendi, Major Mahmoud-Effendi, Major Tashler, Capitaine Ibrahim-Aga, Instructeur Sabet-Effendi, Charles Koch (*).

Изъ этихъ личностей довольно замѣчательны были первыя только двѣ: Шварценбергъ, человекъ весьма образованный, лѣтъ 50-ти отъ роду, говорилъ мнѣ о своихъ родственныхъ связяхъ въ Бельгii и Австрii, сожалѣя о политическихъ обстоятельствахъ, ввергнувшихъ его въ настоящее безвыходное положенiе. Полковникъ Ибрагимъ-бей, настоящее имя котораго неизвѣстно, венгерець. Онъ не перемѣнилъ

(*) Мы, нижеподписавшіеся, пользуясь милостію, дарованною намъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, выйдти свободно изъ Карса, обязуемся честнымъ словомъ — не носить оружія противъ Россійскаго Императора во все время настоящей войны. Подписано въ присутствii начальника блокаднаго отряда въ Бозгалѣ, полковника князя Дондукова-Корсакова. Лагерь Бозгалы, ¹⁵/₂₇ ноября, 1855 г. Полковникъ Шварценбергъ, полковникъ Ибрагимъ-бей, маіоръ Вели-эфенди, маіоръ Махмудъ-эфенди, маіоръ Ташлеръ, капитанъ Ибрагимъ-ага, инструкторъ Сабить-эфенди, Карлъ Кохъ,

религін, и завѣдывать артилерією въ Карсѣ. человѣкъ не молодой, весьма серьезный въ обхожденіи и благородной наружности. Остальные представляли собою типъ тѣхъ не заслуживающихъ уваженія лицъ, которыя промѣнивають свое отечество и убѣжденія изъ видовъ корыстолюбія или тщеславія.

Ташлеръ и Кохъ, молодые люди, довольно хорошо воспитанные, которые, вѣроятно, вовлечены въ настоящее положеніе молодостію и стремленіемъ къ новизнѣ. Сабитъ-эфенди (Курпатовскій) бѣжалъ въ 1831 году изъ Польши, перемѣнилъ вѣру, и посреди лишеній, несбыточныхъ надеждъ, влечетъ свое жалкое существованіе. Майоръ Махмудъ-эфенди бывший адъютантъ Омеръ-паша, ничтожный и словорѣчивый хвастуны; онъ, говорятъ, весьма остороженъ въ бою, что изобличаетъ въ немъ еврейское его происхожденіе, обнаруживающееся въ чертахъ лица его—человѣкъ лѣтъ 35. Остальные были молчаливы, и тѣмъ не обнаружили своего настоящаго характера.

Все описанныя отѣпки временныхъ гостей своихъ уловить я во время ужина, который былъ приготовленъ въ моемъ домикѣ. Не естественный аппетитъ ихъ и особенное влеченіе къ кахетинскому вину—ясно свидѣтельствовали объ испытанныхъ ими лишеніяхъ въ Карсѣ. Въ 3 часа утра я счелъ нужнымъ напомнить имъ объ отъѣздѣ, снабдивъ ихъ провизією на дорогу и ячменемъ для изнуренныхъ лошадей ихъ,—съ конвоемъ нѣсколькихъ охотниковъ, при охранномъ листѣ, отправилъ ихъ незамѣтно изъ своего лагеря.

Никто въ отрядѣ не видалъ ихъ, а на другой только день утромъ узнали о проѣздѣ черезъ Возгалы какихъ-то таинственныхъ лицъ—вымыслы и воображеніе рисовали ихъ въ отрядѣ разнородными красками.

Черезъ день послѣ отъѣзда эмигрантовъ, я получилъ чрезъ

милиціонеровъ отъ полковника Шварценберга слѣдующую записку:

Monsieur le colonel! Nous sommes bien arrivés á Tchaplakly et nous sommes parfaitement satisfaits des miliciens, qui nous ont accompagnés. Recevez mes sincères remerciements, ainsi que ceux de mes camarades pour la charmante réception, dont vous nous avez honorés.
Baron de Schwarzenberg 17/29 novembre 1855.

Nous sommes remis à la patrouille de Tchaplakly, pour être conduits demain à Bardous. (*)

16-го ноября погода была сырая—мрачныя тучи висѣли надъ укрѣпленіями, небо Карса какъ-бы сочувствовало грустной участи, постигающей въ этотъ день турецкую армію! Съ восьми часовъ утра войска наши заняли указанные мѣста около Карсъ-чая, въ окрестностяхъ разореннаго селенія Гюмбетъ. Съ вѣреннѣмъ мнѣ отрядомъ я занималъ лѣвый фась расположенія нашихъ войскъ. Кавалерія моя примыкала къ ближайшимъ отрогамъ шорахскихъ высотъ. Около 12-ти только часовъ дня стали показываться выходящія изъ Карса густыя массы войскъ; въ двумъ часамъ по-полудни стянулся карскій гарнизонъ къ сборному пункту, у сел. Гюмбетъ, посреди нашихъ войскъ. Минута была вполнѣ торжественная. Мы пожинали плоды 3-хъ лѣтней борьбы нашей въ Малой Азіи—продитая русская кровь на поляхъ Башь-кадыкляра, Кюрюкь-дара и на высотахъ Шораха искупалась паденіемъ главной твердыни Малой Азіи: остатки недавней еще грозной тридцати-

(*) «Полковникъ! Мы благополучно прибыли въ *Tchaplakly* и мы вполнѣ довольны милиціонерами, проводившими насъ. Примите искреннюю мою благодарность и товарищей моихъ за любезный пріемъ, которымъ почтили вы насъ. Баронъ Шварценбергъ, 17/29 ноября, 1855 года.

Мы сдали патрулю въ *Tchaplakly* для препровожденія насъ завтра въ *Bardous*»

тысячной анатолийской армии стояли обезоруженные передъ нами.

Корпусъ кавказскій платилъ союзной армии Карсомъ за взятіе Севастополя. Въ эту минуту каждый изъ присутствующихъ при этомъ торжествѣ нашего оружія, приносилъ дань уваженія и благодарности главнокомандующему за услугу, оказанную Россіи настойчивою его твердостью.

Генераль Вильямсъ со всеѣмъ своимъ штабомъ, муширъ турецкой армии Васиѣ-паша и извѣстный своею храбростію Керимъ-паша—впереди анатолийскаго корпуса подъѣхали къ главнокомандующему. Затѣмъ переданы были ключи города и знамена 12-ти турецкихъ полковъ. Громкіе крики ура въ рядахъ нашихъ привѣтствовали этимъ трофеямъ! Вся турецкая армія прошла мимо главнокомандующаго. Редифы и милиція, назначенные къ отпуску на родину, составили отдѣльную команду; плѣнные, назначенные къ отправленію въ Россію, отведены къ мосту у Чифтлигая, гдѣ, у приготовленнаго имъ обѣда, они могли частію подкрѣпить утраченныя голодомъ силы. Въ ночь съ 16-го на 17-е ноября, до 150 турокъ изъ этой колонны, направленной въ Каныкевъ, умерли въ нашемъ лагерѣ; редифы, отправлявшіеся на родину, подверглись еще большимъ бѣдствіямъ. Проходя черезъ снѣжный хребетъ Саганлуга, по опустошенной нами мѣстности, изъ семи-тысячной колонны едва только 200 достигли Эрзерума—остальные отъ изнуренія погибли на дорогѣ.

Составъ турецкой армии, при сдачѣ Карса, по сообщеннымъ мнѣ частнымъ свидѣніямъ генераломъ Вильямсомъ, былъ слѣдующій:

Регулярной пѣхоты.

Анатолийскаго корпуса.

1-го полка—2 баталіона— 400 человекъ.

2-го — — 4 — — —1800 — —

5-го полка—4 баталіона—1000 человекъ.
 6-го — —3 — — —1000 — —
 Гасса-шишкенестрѣл.—1 — — — 500 — —

Арабійстанскаго корпуса.

1-го полка—4 баталіона—1700 — —
 3-го — —4 — — —1200 — —
 4-го — —1 — — — 200 — —
 6-го — —3 — — — 400 — —

Пѣхоты редифа.

2-го — —4 — — —1200 — —
 3-го — —3 — — — 800 — —
 4-го — —2 — — — 400 — —

(изъ нихъ одинъ баталіонъ изъ жителей Карса.)

6-го — —1 — — — 400 — —

Резервной пѣхоты

Саифи-сане.

1-го — —4 — — — 800 — —
 2-го — —1 — — — 200 — —
 1-го стрѣлков.(Гасса) 4 бат. 1200 — —

Кавалеріи.

5 полковъ пѣшихъ. . . 1000 — —

Артилеріи.

2 полка 1800 — —
 1 полкъ редифа 500 — —

Милиціи.

Башибузукъвъ. 1200 — —
 Лазовъ 700 — —

Итого 18400 человекъ.

Какъ выше сказано, 7000 изъ этого числа редифовъ было отпущено по домамъ, болѣе 2000 лежало въ госпита-

ляхъ Карса, остальные затѣмъ всѣ были взяты военно-плѣнными, со всѣми генералами, штабъ и оберъ-офицерами анатолійской арміи.

Въ этотъ-же день вступили въ крѣпость и въ городъ наши войска, подъ командою полковника Десаже—и только къ ночи могли быть заняты всѣ посты. Разсвѣтъ 17-го числа озарилъ на карской цитадели русскій флагъ, поднятый при громѣ 101-го пушечнаго выстрѣла. Въ Карсѣ приобрѣтено 130-тъ исправныхъ мѣдныхъ орудій, между коими особенно замѣчательна по калибру и литью осадная артилерія,—до 30 т. отличныхъ французскихъ ружей и штуцеровъ. Трудно опредѣлить количество снарядовъ и пороху—какъ во всѣхъ турецкихъ крѣпостяхъ, и здѣсь эти запасы были заготовлены въ огромномъ размѣрѣ; кромѣ упомянутыхъ выше знаменъ, найдено еще 18 старыхъ знаменъ и въ значительномъ количествѣ разныхъ коммисаріатскихъ предметовъ въ складахъ Карса.

17-го числа обѣдали у главнокомандующаго муширъ Васифъ-паша, Керимъ-паша (извѣстный лично главнокомандующему еще съ 1833 года), начальникъ иррегулярной кавалеріи анатолійской арміи Хаджи-Тимуръ-ага, пользующійся особымъ уваженіемъ и извѣстностію въ Малой Азій, и нѣкоторые турецкіе паши.

Штабъ генерала Вильямса составляли: инженерный полковникъ Лекъ, капитанъ Томсонъ, капитанъ Тиздель, секретарь Шуршилъ и главный докторъ Сацдытъ. Вообще, во всѣхъ этихъ лицахъ нельзя было замѣтить ни особаго унынія, ни раздраженія—они казались скорѣе успокоенными событіемъ, положившимъ конецъ томительнымъ и долговременнымъ ихъ бѣдствіямъ; нельзя также не сдѣлать замѣчанія относительно обоюдныхъ чувствъ этихъ временныхъ союзниковъ. Англичане

презирали турокъ—смотря на нихъ, какъ на слѣпыя орудія своей политики; турки видѣли въ англичанахъ не союзниковъ, а надмѣнныхъ властителей, попирающихъ всѣ чувства народной ихъ гордости и самолюбія.

Всѣ главныя лица анадолійской арміи вскорѣ отправлены были въ Тифлисъ; турецкія войска, раздѣленные на маршевые эшелоны, отправлялись также постепенно въ наши предѣлы. Большая часть нашихъ войскъ распускалась на зимовыя квартиры, одной только бригадѣ 18-й пѣхотной дивизіи назначено было зимовать въ лагерѣ при Чифтли-чаѣ, названномъ въ приказѣ 16-го числа *Владикарсомъ*. Въ самомъ Карсѣ принимались дѣятельныя мѣры для обезпеченія жителей и войскъ продовольствіемъ, а также для устройства управленія въ обширномъ краѣ, пріобрѣтенномъ нами паденіемъ этого ключа Малой Азіи: Ардаганъ, Кагызманъ, Ольта и Нижне-пассинскій санджакъ находились во власти нашей.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ оборонѣ Карса. Нельзя не сознаться въ твердости мѣръ, предпринятыхъ генераломъ Вильямсомъ при защитѣ этого города, нельзя не отдать полной справедливости храбрости, оказанной турецкими войсками въ день штурма, еще болѣе должно удивляться стойкости и терпѣнію ихъ посреди голода, болѣзни и всѣхъ бѣдствій, томившихъ гарнизонъ! Могъ-ли генералъ Вильямсъ вѣрить прибытію подкрѣпленій извнѣ и тѣмъ надеждамъ, которыми онъ обольщалъ изнуренныхъ турокъ? Имѣлъ-ли онъ право подвергать такимъ страданіямъ войска, находившіяся подъ его полнымъ вліяніемъ, и продолжать такъ долго ихъ агонію? Вотъ вопросы, которые рѣшить можетъ только одна совѣсть генерала Вильямса.

Турецкой арміи, лишенной лошадей, въ послѣднее время невозможно было и думать о вылазкѣ; но въ началѣ

блокады армія эта могла-бы сильно тревожить насъ и при вылазкахъ имѣть надежду на успѣхъ противъ малочисленныхъ отдѣльныхъ блокадныхъ отрядовъ нашихъ. Съ самаго начала даже возможно было дать намъ дѣло и въ полѣ. Бездѣйствіе турецкой арміи въ теченіе всей этой кампаніи было совершенно. Въ страдательномъ положеніи смотрѣла она на всѣ наши движенія въ Малой Азіи.

Въ оправданіе генерала Вильямса можно сказать, что дѣла Башъ-кадыкыра и Кюрюкъ-дара показали ненадежность турецкихъ войскъ въ полѣ противъ солдатъ кавказскаго корпуса, не привыкшихъ обращать своего вниманія на численность турокъ. Турецкое войско только грозно своею стойкостію въ укрѣпленіяхъ.

19-го числа главнокомандующій отправился для обозрѣнія Карса, взявъ и меня съ собою. Въ числѣ свиты его находился и Керимъ-паша, который объяснилъ на мѣстѣ всѣ подробности боя на шоракскихъ высотахъ. Поѣздка эта въ высшей степени была занимательна во всѣхъ отношеніяхъ. Нельзя не отдать справедливости искусству, съ которымъ были укрѣплены окрестности Карса. Высоты командовали одна другою и составляли нѣсколько линій обороны. Профиль нѣкоторыхъ укрѣпленій хотя и не была сильна, но это замѣнялось самымъ расположеніемъ батарей, которыя вездѣ почти перекрестнымъ огнемъ могли встрѣчать непріятеля. Въ одномъ только можно было упрекнуть систему обороны—это въ обширномъ протяженіи оной: около 18-ти верстъ составляло пространство, занятое укрѣпленіями. Для защиты такой линіи потребно было не менѣе 30 т. войска. Самый городъ представлялъ затрудненія штурмующимъ только по тѣснотѣ извилистыхъ улицъ своихъ. Цитадель, весьма крѣпкой древней постройки, была слабо вооружена и находилась

совершенно подъ огнемъ укрѣпленныхъ карадагскихъ высотъ.

Въ Карсѣ главнокомандующій обратилъ особенную заботливость свою на снабженіе жителей припасами и облегченіе положенія больныхъ и раненыхъ турокъ. Въ день занятія крѣпости, имъ предписано было возложить на городской совѣтъ, составленный изъ почетнѣйшихъ жителей Карса, обезпеченіе госпиталей припасами и всѣмъ нужнымъ. Повѣряя на мѣстѣ исполненіе своихъ приказаній, онъ нашелъ госпитали въ самомъ жалкомъ видѣ. Медики и больные обратились къ главнокомандующему съ справедливыми жалобами на равнодушіе городскихъ старшинъ къ страданіямъ своихъ единовѣрцевъ.

Здѣсь мѣсто упомянуть объ анекдотѣ, характеризующемъ главнокомандующаго. Подъ суровою оболочкою скрывалось самое теплое и сострадательное сердце—въ мѣрахъ взысканія онъ всегда отклонялъ все, что могло уничтожить будущность виновнаго. Въ командованіе свое на Кавказѣ, онъ не рѣшился подписать ни одного смертнаго приговора, не сдѣлалъ никого несчастнымъ, но иногда взысканія его носили отпечатокъ оригинальнаго въ нѣкоторомъ отношеніи направленія ума его. Такъ было въ настоящемъ случаѣ. Сердечно разстроенный положеніемъ больныхъ турокъ, въ справедливомъ гнѣвѣ на турецкихъ старшинъ, главнокомандующій отправился въ миджилисъ—самыми строгими выраженіями попрекалъ онъ это собраніе въ равнодушіи къ защитникамъ Карса, напоминалъ имъ, что все богатство, приобрѣтенное ими въ послѣднее время, составлено отъ тѣхъ-же единовѣрческихъ войскъ, которымъ они теперь отказываютъ въ насущномъ пропитаніи. Въ заключеніе велѣлъ онъ слѣдовать за собою предсѣдателю миджилиса—самому почетному и богатому изъ жителей Карса. Главнокомандующій повелъ его въ ближайшее отдѣленіе

госпиталя, повторивъ передъ больными турками свои упреки, — немедленно приказалъ положить старшину на свободную койку того-же лазарета, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе недѣли заставить его испытать всѣ лишенія, претерпѣваемые больными отъ равнодушія его къ ихъ положенію. Смѣшно и жалко было видѣть, какъ замѣнили шитую золотомъ одежду старшины, грязнымъ лазаретнымъ халатомъ, и, на мѣсто богатой чалмы, покрыли голову его госпитальнымъ колпакомъ! Громкій смѣхъ и радость всѣхъ больныхъ служили лучшимъ одобреніемъ этого взысканія. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ-же были приняты главнокомандующимъ мѣры для немедленнаго снабженія карскихъ госпиталей всѣмъ необходимымъ.

Мы выѣхали изъ Карса около 5-ти часовъ по-полудни; не проѣхавши двухъ верстъ отъ города, насъ догнала конная депутація почетнѣйшихъ лицъ Карса, прося о помилованіи главы ихъ. Они привезли съ собою полторы тысячи руб. сер. на расходы госпиталя, обязуясь и на будущее время исполнять даже всѣ прихоти больныхъ. По распоряженію главнокомандующаго, деньги эти были препровождены по назначенію къ нашему коменданту Карса, а виновный освобожденъ.

Исключая войскъ, назначенныхъ для занятія завоеваннаго нами края, всѣ прочія перешли уже обратно за Арпачай. 30-го ноября выѣхалъ и самъ главнокомандующій изъ стана Владикарса въ Тифлисъ.






Такимъ образомъ кончилась кампанія наша 1855 года въ Азіатской Турціи. Обширное поле военныхъ дѣйствій открывалось кавказскому корпусу въ слѣдующемъ году — только тогда оцѣнилась-бы вся громадность результатовъ отъ паденія Карса! Ключи этой твердыни открыли намъ двери всей Малой Азіи. Трудно было опредѣлить, гдѣ остановились-бы побѣдоносныя знамена наши. Мирный трактатъ, заключенный въ

Парижѣ, закрылъ намъ и, на-долго, эти двери; но кровь кавказскихъ войновъ не безъ пользы пролита была въ Малой Азіи для дорогой отчизны нашей. Противъ неудачъ нашихъ на Дунаѣ и въ Крыму одни только трехъ-лѣтніи побѣды и успѣхи наши въ Азіятской Турціи могли быть поставлены на вѣсы на парижскомъ конгрессѣ, на конгрессѣ, гдѣ такъ страдала вѣковая военная слава и народная гордость Россіи.

Князь А. Дондуковъ-Корсаковъ.

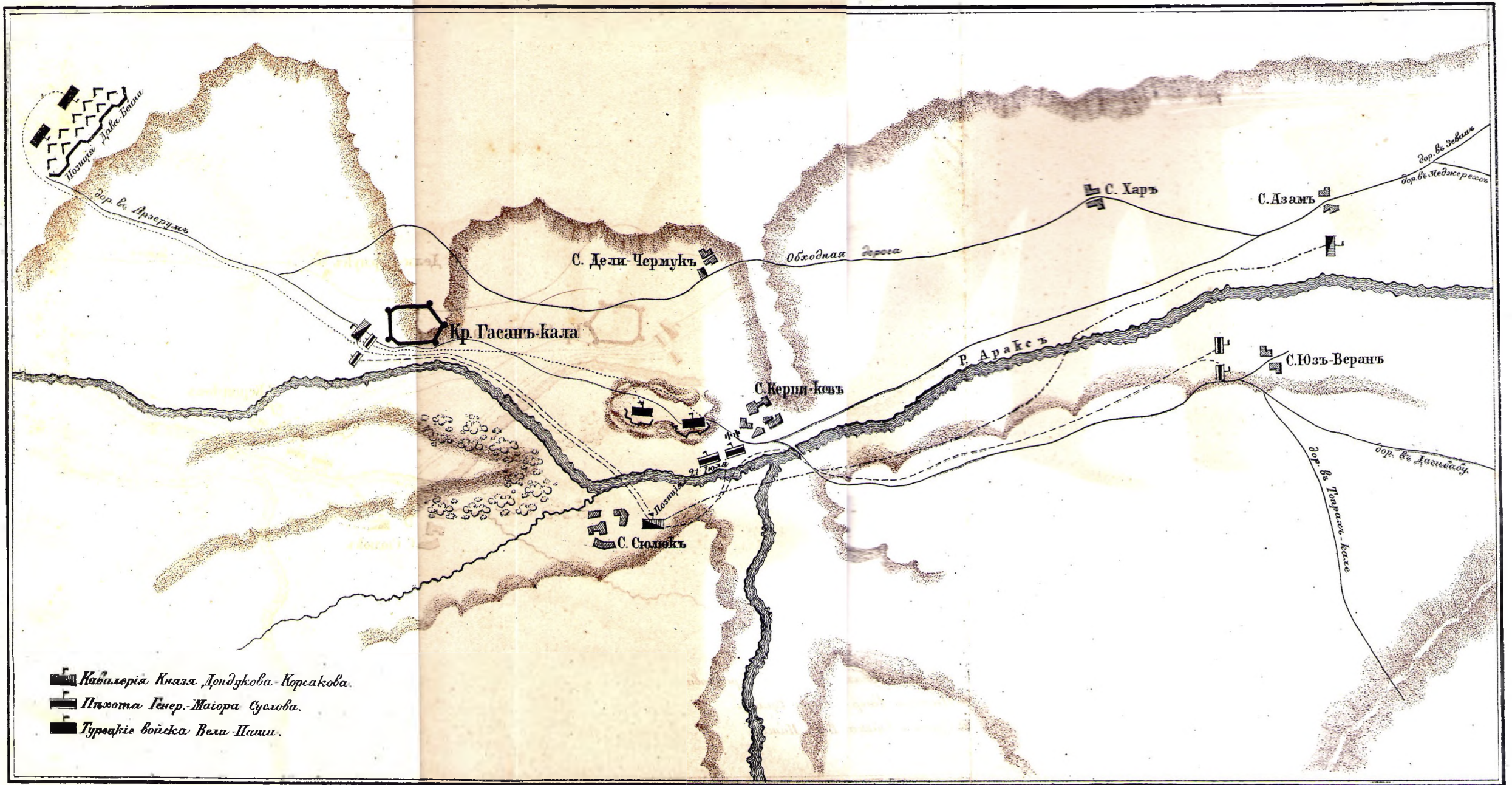
Огъло на Милидюзъ 26 Юня.



-  Место лагеря Летукаго отряда.
-  Турецкая кавалерія.
-  Нижегородскіе Драгуны.
-  Милиція.
-  Козаки.

5 верстъ.

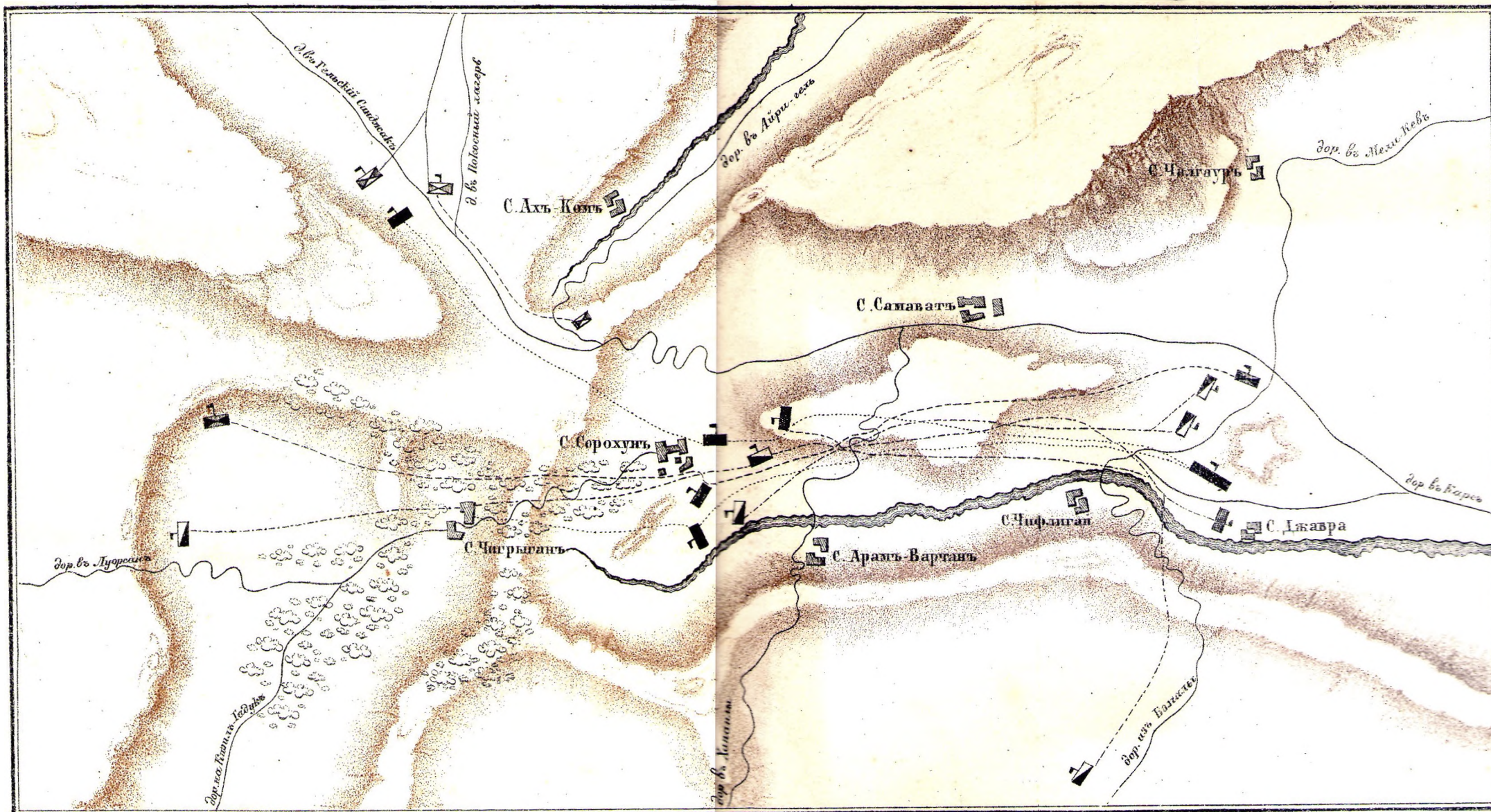
Орло при сел. Керти-Кевъ 21 Юля 1855 г.








- Кавалерія Князя Дондукова-Корсакова.
- Пехота Генер.-Майора Сулова.
- Турецкіе войска Вели-Паши.

10 верствъ.

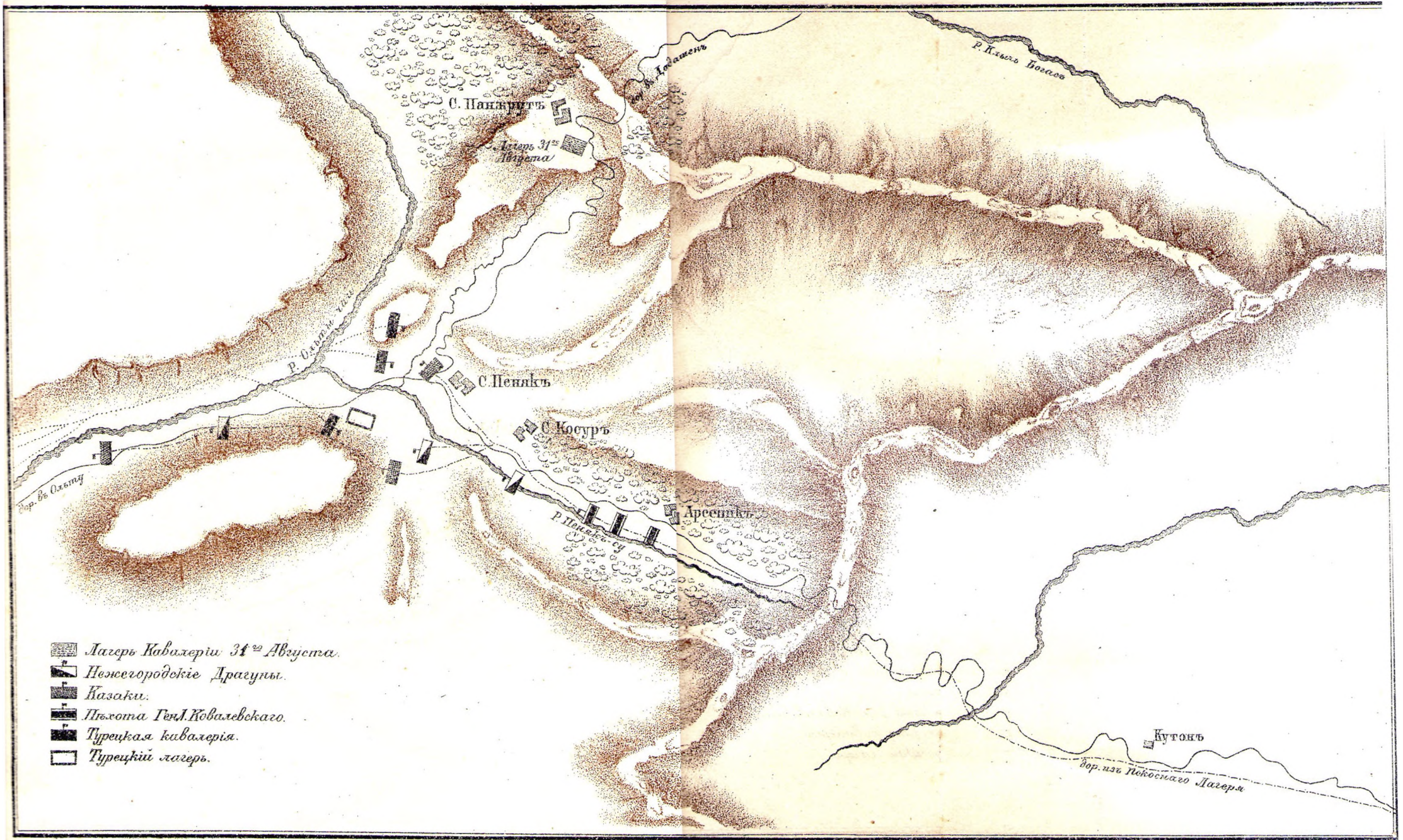
Орло въ окрестностяхъ Карса, въ ночь съ 22 на 23^е Августа.



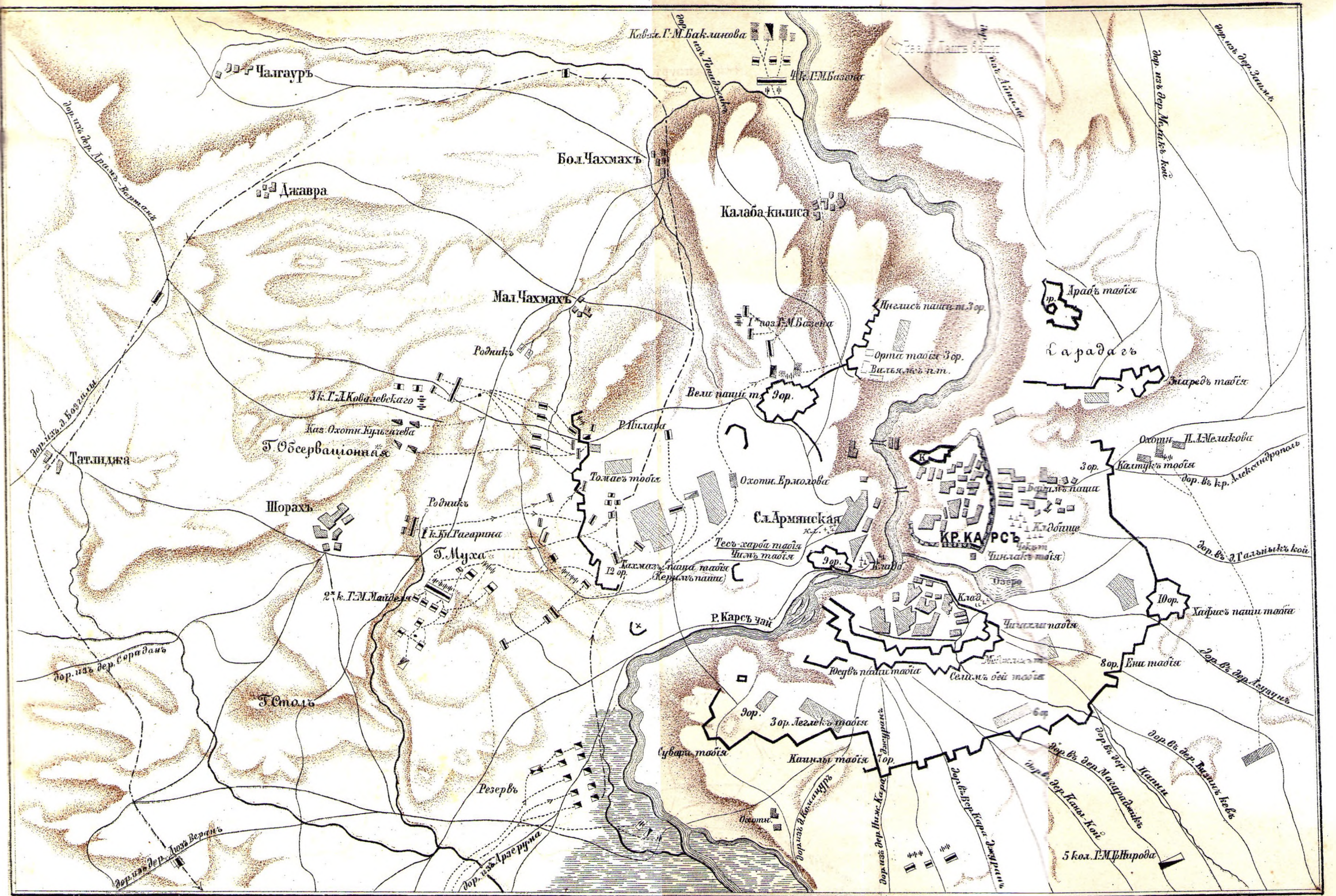
-  Нижегородскіе Драгуны
 -  Казаки
 -  Отрядъ Барона Унгера Штернберга
 -  Отрядъ Полковника Шульца
 -  Турецкая Кавалерія.
- } Отр. Ки. Дондукова-Корсакова. впрѣ.

0 1 2 3 4 5 верст.

Отъло у сел. Пенакъ 30 Августа.



20 верс.



■ Батальоны въ колоннахъ ротныхъ и къ атакамъ, ▽ Полкъ Драгунскій, ■ Полкъ Донской, ■ Полкъ Линейн. казачій, ■ Полкъ воор. Линейный казачій, ▽ Полкъ Милициі, * * * знакъ позиціи нашей артиллеріи въ занят. части укрѣпленій и 1^я позиція Ген. Маіора Базена при отступленіи, ■ Полкъ Охотниковъ, — — — — — Движ. Подф. Кауфманна, ■ Турецкія, ■ К. Цитадель въ кр. Карсѣ надъ рѣкою.

500 400 300 200 100 0 1 2 3 версты
 сажени

Лезгинская экспедиція (въ Дидойское общество) въ 1857 году.

I.

Способы изложенія. Взглядъ на кавказскую войну и вытекающая отсюда необходимость эпизодовъ, относящихся къ быту и положенію кавказскаго воина. Кавказскій солдатъ прежняго времени. Условія и матеріалы, послужившіе для составленія настоящихъ записокъ.

Событія шестидесятилѣтней кавказской войны тѣмъ легче могутъ быть переданы въ руки историка, что всѣ онѣ, являясь непрерывною цѣпью отдѣльныхъ эпизодовъ, допускаютъ возможность отступленія для каждаго рассказчика отъ хронологическаго и послѣдовательнаго изложенія фактовъ. Притомъ, участнику этой войны даже трудно уловить ту послѣдовательность, во-первыхъ, потому, что, являясь на боевомъ поприщѣ лишь *исполнителемъ* предначертанныхъ дѣяній того или другаго вождя, онъ, въ силу своего долга, былъ поставленъ въ свое время внѣ всякаго права дѣлать себѣ вопросы — почему это такъ, а не иначе; во-вторыхъ, потому, что, будучи нерѣдко переносимъ нѣсколько разъ въ теченіи года съ одного театра военныхъ дѣйствій на другой, какъ, на примѣръ, изъ Закавказья въ Чечню, оттуда въ Дагестанъ и т. д., гдѣ каждый разъ и даже каждый годъ война обусловливалась мѣстными обстоятельствами, онъ по-неволѣ терялъ всякую возможность

слѣдить, такъ сказать, за постепеннымъ осуществленіемъ общей идеи, положенной въ основаніе кавказской борьбы.

Это заключеніе прежде всего будетъ руководить нами въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣкоторыхъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ съ 1857 по 1860 годъ и должно насъ поддержать и оправдать въ этихъ случаяхъ, гдѣ, кончивъ какой-нибудь рассказъ и подводя ему черту, мы начнемъ новый, не имѣющій (только повидимому) съ нимъ никакой связи. Всякую группировку фактовъ оставимъ на долю того счастливица-труженика, у котораго сойдутся въ рукахъ всѣ такимъ образомъ разбросанные матеріалы.

Изъ немногихъ войнъ, запесенныхъ на страницу исторіи, кавказская война, по истинѣ, заслуживаетъ названіе *борьбы*. Это не была та война, гдѣ искусство и военная наука противопоставлялись искусству-же и наукѣ. То была прежде всего борьба съ природою, съ стихіями (слѣдовательно, далеко не политическая война въ точномъ смыслѣ этого слова), гдѣ силы были вовсе не равны, и зачастую просто ратоборство, гдѣ главное значеніе имѣли ловкость, находчивость, т. е., навъчныя способности человѣка, затѣмъ уже его умъ и, наконецъ, нравственныя силы, какъ, на примѣръ, терпѣніе, энергія и выносливость, при полномъ не-рѣдко отсутствіи физическихъ дѣятелей въ организмѣ. Обходить молчаніемъ эту борьбу, великую цѣну которой понимаетъ только тотъ, кто ее испыталъ, и обратить вниманіе лишь на стычки и сраженія—значило-бы передать историку весьма не точный матеріалъ для всесторонняго описанія кавказской войны; умолчать о героизмѣ отдѣльныхъ лицъ, повѣствуя въ то-же время лишь объ общихъ дѣйствіяхъ *войскъ* во время той или другой экспедиціи—значило-бы лишить будущую исторію тѣхъ, въ высшей степени интересныхъ страницъ, которыми вправѣ гордиться русская на-

родность,—и, почему знать, не одна-ли она исключительно... Табь, напримѣръ, можно-ли пройти молчаніемъ подобнаго рода фактъ, случившійся съ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ куринскаго полка въ 1857 году, осенью, во время набѣга на Дубу—ауль въ Малой Чечнѣ: дѣло было жаркое—чеченцы от-стаивали почти каждую саклю или, замыкаясь на-крѣпко вну-три ея и отстрѣливаясь чрезъ окна и амбразуры, собирались кучками за стѣнами сакль. Такимъ образомъ на всемъ про-странствѣ аула происходили отдѣльныя схватки, въ которыхъ нѣсколько солдатъ были предоставлены, каждае въ своей груп-пѣ, собственному усмотрѣнію и находчивости. Среди бѣглой перестрѣлки, охватившей весь ауль, нѣсколько куринцевъ, съ унтеръ-офицеромъ во главѣ, подбѣжали къ одной изъ сакль, откуда усерднѣе другихъ расточались чеченскія пули, и най-дя ее запертою, стали ломать дверь прикладами. Послѣ друж-ныхъ ударовъ, дверь вылетѣла вонъ, и куринцы пустили въ саклю нѣсколько пуль. Прошло пять минутъ, и чеченцы съ обнаженными шапками выскочили наружу—большую частію лица спасенія въ бѣгствѣ. Два или три были заколоты на мѣ-стѣ, другіе бѣжали къ слѣдующимъ саклямъ, свободнымъ пока отъ осады, а одинъ, что по-храбрѣе, бросился на унтеръ-офи-цера. Унтеръ-офицеръ подставилъ ему штыкъ. Чеченець, не теряя присутствія духа, схватилъ лѣвою рукою за штыкъ и занесъ надъ своимъ врагомъ шашку,—но въ то-же мгновеніе, оставивъ ружье въ лѣвой-же рукѣ, куринець правою рукою, и что было силы, ударилъ чеченца кулакомъ въ лицо такъ ловко, что тотъ, какъ снопъ, свалился на землю. Конечно, прежде чѣмъ подняться, онъ былъ заколотъ.

Подобныхъ явленій и случаевъ, повторяемъ, нельзя обхо-дить молчаніемъ, хотя они и составляютъ отдѣльныя наброски на одной общей, пространной картинѣ. Они напоминаютъ (если

сравненіе такое позволено) собаку, которую въ углу на картинѣ нашего мѣстнаго художника набросалъ своею кистью, въ знакъ памяти артисту, Айвазовскій. Любуясь пейзажемъ, изображеннымъ на полотнѣ и углубившись вмѣстѣ съ нимъ въ безконечную даль, вы, отводя, наконецъ, въ сторону ваши глаза и думая, что болѣе ничего не будетъ, неожиданно встрѣчаетесь съ этою собакою—и поражаетесь: она тутъ, будто сбоку-припѣку, какъ отдѣльный фактъ, безъ котораго общность картины могла-бы обойтись,—а между тѣмъ вамъ пріятно, потому что въ нѣсколькихъ штрихахъ вы узнали великаго мастера, съ которымъ столкнулись совсѣмъ неожиданно.

Много такихъ штриховъ разбросано по угламъ на обширномъ полотнѣ, изображающемъ отдѣлы шестидесятилѣтней кавказской войны, и, нѣтъ сомнѣнія, что историкъ, создавая общую картину, счумѣетъ ими воспользоваться.

И такъ, второй выводъ изъ всего, сказаннаго выше, будетъ тотъ, что въ разсказъ нашъ войдетъ не только изложеніе собственно боевыхъ дѣйствій даннаго времени, но и повѣствованіе о той жестокой борьбѣ русскаго воина съ природою Кавказа, которая тяжеле всякой битвы и которую никоимъ образомъ нельзя отдѣлить отъ идеи о покореніи Кавказа. Эта борьба была такъ тяжела, что подъ вліяніемъ ея, одинъ изъ старыхъ кавказскихъ героев во время экспедиціи 1857 года выразился слѣдующимъ образомъ: «Если-бы люди могли гнить и уничтожаться отъ дождей такъ, какъ ихъ платье, то отдѣльный кавказскій корпусъ никогда-бы не существовалъ.» Это замѣчаніе вызвано только дождями, т. е. одною изъ бѣдъ меньшаго качества,—а если вдругъ всѣ бѣды разомъ—какъ это часто бывало?..

И дѣйствительно, бывало не разъ, что нѣсколько бѣдъ: голодъ, холодъ, отсутствіе отдыха и неизбежное послѣдствіе

его—изнеможение, въ заключеніе не-рѣдко потеря силъ, физическія страданія—все складывалось вмѣстѣ, какъ будто для того, чтобы, такъ сказать, догнать кавказскаго солдата, показавъ ему фактически невозможность борьбы съ природою. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ десятки, сотни людей надали жертвами этой неровной борьбы, но въ результатѣ, какъ видимъ и теперь, побѣда все-таки осталась за человѣкомъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій и обстоятельствъ сложился особый типъ кавказскаго солдата, которому не было, да и не могло быть равнаго въ русской арміи, потому что тѣ условія быта, при которыхъ выработался этотъ типъ, принадлежать одному только Кавказу. Чтобы дойти до той типичности, которая принадлежала бывшему кавказскому солдату, нужно было, между прочимъ, и то, чтобы рядъ его испытаній обуславливался продолжительностію прежней службы. Такъ какъ подобной службы и сопровождавшихъ ее обстоятельствъ болѣе быть не можетъ, то естественно, что и бывший кавказскій солдатъ не можетъ возродиться: типъ этотъ даже и теперь утратился, такъ какъ новое поколѣніе смѣнило не разъ уже своихъ учителей. Передать въ потомство этотъ типъ, показать исторіи, кто такіе были люди, которые вели кавказскую борьбу—составляетъ одно изъ существенныхъ сторонъ всякаго описанія кавказской войны, исходъ которой неразрывно связанъ въ достоинствами и особенностями кавказскаго солдата. Создать снимокъ послѣдняго въ настоящую минуту, теперь, значило-бы рисковать на многое недоговоренное,—по необходимости прибѣгать или къ прикрасамъ, или къ нѣкоторому вымыслу въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ воспоминаніяхъ окажется пробѣлъ, такъ какъ всего, что отличало кавказскаго солдата, трудно удержать до-села въ памяти даже и тому, кто съ нимъ жилъ въ одной палаткѣ, въ одной казармѣ, кто

видѣлъ его по сю и по ту сторону Кавказа въ разныхъ частяхъ войскъ и въ разнаго рода оружіи. Мы счастливы, что намъ удалось занести этотъ типъ на страницы лѣтописи еще въ 1858 году (*), т. е. въ пору высшаго развитія его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пору, предшествовавшую его исчезновенію, и теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ разсказу о военныхъ дѣйствіяхъ кавказскаго солдата—коснемся его самаго, коснемся того, кому принадлежатъ эти дѣйствія, если хотимъ, чтобы передъ нами возстала полная и совсѣхъ сторонъ освѣщенная картина нѣкоторыхъ кавказскихъ экспедицій и отдѣльныхъ движеній.

Провѣривъ статью, на которую сдѣлана выше ссылка, мы сочли невозможнымъ произвести въ ней въ настоящее время какія-либо измѣненія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ улучшеній), такъ какъ она рисовала предметъ съ натуры, и передаемъ немногія извлеченія изъ нея о кавказскомъ солдатѣ—копечно, весьма не бесполезныя для будущаго историка кавказскихъ войскъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были нами писаны на боевомъ полѣ, подъ солдатскою палаткою, на зарядныхъ ящикахъ горной артилеріи, среди сотоварищей-солдатъ, подсказывавшихъ намъ, если можно такъ выразиться, въ видѣ разныхъ разсказовъ, повѣсть о себѣ самихъ и своихъ предшественникахъ.

... «Природа, служба, образъ веденія войны на Кавказѣ—все способствовало къ тому, чтобы развить въ здѣшнемъ солдатѣ духъ самостоятельной, *личной* храбрости, и тѣхъ воинскихъ особенностей, которыя составляютъ его отличительныя черты, ему одному свойственныя. Солдатъ, встрѣчающій врага и смерть въ массѣ, и солдатъ, отъ собственной осторожности, ловкости и предусмотрительности котораго зависитъ обойти

(*) См. газ. „Кавказъ“ 1858 г., № 82, статью Н. Волконскаго—«Кавказскій солдатъ.»

эту смерть—составляютъ два типа совершенно разные, и къ послѣднему, конечно, слѣдуетъ отнести бывшаго кавказскаго солдата. Масса, въ предѣлахъ своей стройности и гармоніи, подчиняется и руководится однимъ лицомъ, которое за нее думаетъ и говоритъ; личность стараго кавказскаго солдата стояла внѣ этихъ условій, потому что, въ большей части случаевъ, была предоставлена самой себѣ и должна была руководиться собственными соображеніями: въ аванпостной службѣ, въ цѣпи, въ обозѣ, во всякой перестрѣлкѣ кавказскій солдатъ стоялъ всегда или одиноко, или въ составѣ лишь немногихъ товарищей; здѣсь и тамъ жизнь его зависѣла меньше всего отъ пули или ядра и болѣе всего отъ искусства владѣть оружіемъ, зоркости, осторожности, ловкости и находчивости. Бывали случаи, когда отсутствіе этихъ качествъ, не составляющихъ необходимости въ массѣ, являлось постоянною погубелью одного или нѣсколькихъ кавказскихъ солдатъ.

При такихъ условіяхъ кавказскій солдатъ по-неволѣ долженъ былъ развиваться по своему, своеобразно—и эта особенность неподражаема: она была присуща только солдату на Кавказѣ, такъ какъ находилась въ прямой зависимости отъ мѣстнаго образа войны и отъ врага, съ которымъ приходилось имѣть дѣло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа солдатъ выходилъ за крѣпостной валъ—и ужь долженъ былъ заранѣе готовиться на всякую неожиданность. Онъ обязанъ былъ заблаговременно сообразить, что ему дѣлать, если непріятель вдругъ явится не-вдали отъ него съ шапкою на-голо, или какъ укрыться отъ выстрѣла, если увидить передъ собою изъ опушки дуло винтовки. На рубкѣ лѣса, на покосѣ, во всякомъ мирномъ углу края солдатъ, встрѣчаясь съ горцемъ и имѣя полное право думать, что это свой, мирной, все-таки долженъ былъ встрѣтить и проводить его, какъ можно осторож-

нѣе, потому что не было никакого основанія полагаться на миролюбіе даже и мирнаго. Оставленный день-другой безъ сухаря, онъ долженъ былъ промыслить его, какъ умѣетъ. Вообще, остаться-ли ему сыту или голодну, избѣжать-ли пули, или сдѣлаться жертвою ея, отдохнуть-ли зимою подлѣ костра на соломѣ, или всю ночь проворочаться на голомъ снѣгу— все зависѣло отъ него самаго, и въ этомъ случаѣ лишь одна нужда была его учителемъ и помощникомъ. А этотъ учитель почти круглый годъ не разставался съ нимъ.

За то, какъ рѣзко выказывалась находчивость кавказскаго солдата, когда случалось его видѣть рядомъ съ войсками, вновь прибывшими изъ Россіи и не свыкшимися съ здѣшнимъ бытомъ. Зимою, въ трескучій морозъ, гдѣ-нибудь на горныхъ возвышенностяхъ Чечни, когда отъ холода зубъ на зубъ не попадетъ—кавказскій солдатъ пришелъ на стоянку, составилъ ружья и не ждетъ ни расчета, ни приказанія, чтобы сходить по воду, за соломой, за дровами,—скинулъ съ плечъ ранецъ—и чрезъ нѣсколько минутъ уже тащитъ полѣно или хворостъ, котелокъ воды или вязку сѣна: постель, закуска и топливо у него готовы. Пока русскихъ пришельцевъ соберутъ и укажутъ—гдѣ и какъ рубить, что брать въ аулѣ и чего не брать, кавказецъ уже закусилъ и соснулъ у костра. Когда-же пришла очередь стать ему на часы, онъ встряхнулся и готовъ, да еще подсмѣивается надъ новичками.

Чтобъ составить должное понятіе о храбрости кавказскаго солдата, нужно было видѣть его на полѣ битвы. Слова нѣтъ, онъ зачастую, стоя во фронтѣ, поклонится непріятельскому ядру, или, отстрѣливаясь, выпуститъ, треска ради, нѣсколько лишнихъ зарядовъ, но это не считалось трусостію: отъ чего не избѣгнуть смерти, если ее можно избѣгнуть. Но взгляните на него въ тѣ минуты, когда мало-по-малу онъ

весь отдается сознанию своего долга и не потому, что, дескать, начальство приказало, а потому, что настала часть дѣйствительной, не шуточной службы, отъ которой зависить не столько жизнь его, сколько исходъ дѣла, честь и достоинство роты: тутъ онъ оставилъ въ сторонѣ всякіе поклоны, бережетъ пулю на вѣсъ золота и, въ особенности стоя въ цѣпи, ужь не попятится отъ залпа непріятельскихъ винтовокъ—это статуя, которая завоевала себѣ мѣсто и осталась вкопанною въ землю: падеть, но шага не уступить.

Кто говоритъ, что безопасность встрѣчалась и въ кавказскомъ солдатѣ, какъ неотъемлемое свойство русской природы вообще, и эта безопасность иногда дорого ему обходилась; но замѣчательное явленіе составляетъ то обстоятельство, что она являлась преимущественно тогда, когда солдатъ въ массѣ, когда онъ зналъ, что имъ командуютъ, распоряжаются, а слѣдовательно и берегутъ его, или, по крайней мѣрѣ, должны беречь. Въ противномъ случаѣ трудно его поймать на эту удочку, потому что онъ ужь ученъ и по опыту, и по преданію. Съ однимъ лишь не могъ никогда свыкнуться кавказскій солдатъ—съ тѣмъ моментомъ, когда среди затихша неожиданно раздавался *татарскій* гикъ, и нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда на него изъ засады безъ выстрѣла бросались въ шашки. Но и тутъ, если большинство становилось втуникъ, то почти всегда случалось такъ, что одинъ кто-либо выручалъ другихъ своею находчивостію, о чемъ увидимъ далѣе изъ фактовъ. Плохо ужь совсѣмъ бывало только въ тѣхъ случаяхъ, когда безопасность была доводима до того, что солдаты, не ожидая опасности и составивъ ружья, займутся бывало «филькою.» День этой фильки, по большей части, оставался на-долго памятнымъ для роты.

Въ кавказскомъ солдатѣ, если онъ не въ рукопашной

схваткѣ, вы никогда не встрѣчали запальчивости. Преслѣдуетъ-ли онъ врага, встрѣчаетъ-ли его наступленіе, самъ-ли идетъ на штурмъ—онъ все одинъ и тотъ-же: спокоенъ, холоденъ и молчаливъ, хотя всегда идетъ ускореннымъ шагомъ или бѣжитъ, какъ обыкновенно при взятіи завала, если тому, конечно, не препятствуетъ мѣстность. Но эти быстрыя движенія не служатъ доказательствомъ внутренняго движенія—это необходимость въ войнѣ съ горцами, на быстроту которыхъ неизбѣжно было отвѣчать тою-же быстротою. Внутреннее спокойствіе, которое во всѣхъ означенныхъ случаяхъ не оставляло кавказскаго солдата, есть первое основаніе стойкости нашей кавказской пѣхоты. Кавказскій солдатъ смѣялся надъ тѣмъ, кто оставитъ свое мѣсто, фигурируетъ гдѣ-нибудь впереди или съ прибаутками лезетъ на непріятеля, выражая тѣмъ какъ-бы особаго рода отвагу. Такіе выскочки, которыхъ много бывало на Кавказѣ, лишь тѣшили солдата своею театральною храбростію и давали ему поводъ видѣть въ нихъ трусовъ. По мнѣнію благо кавказскаго солдата, личная храбрость должна выражаться полнымъ хладнокровіемъ и исполненіемъ требуемой обязанности на указанномъ мѣстѣ. Тотъ, кто оставлялъ это мѣсто для того, чтобы явиться тамъ, гдѣ ему не слѣдуетъ, или бросался, очертя голову, на непріятеля съ бранью, островами—тотъ подавалъ поводъ думать, что заглушаетъ въ себѣ страхъ и ищетъ случая избѣгнуть опасности.

Минута битвы для кавказскаго солдата была всегда торжественна и священна. Этотъ взглядъ обратился на всемъ Кавказѣ въ правило, и вслѣдствіе этого правила, кавказскій солдатъ въ бою всегда былъ серьезенъ, какъ въ церкви. Онъ здѣсь не нуждался въ указаніяхъ дисциплины, потому что самъ, не-рѣдко безсознательно, служилъ образцомъ ея. Въ бою

онъ кротокъ и даже мягокъ, онъ никогда не побранитъ своего товарища за какой-бы то ни было промахъ, неосторожный поступокъ или оплошность, хотя-бы ему самому пришлось пасть жертвою этой оплошности. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве въ выражалась вся его безропотность на свою судьбу, вся снисходительность къ чужой ошибкѣ, все благоговѣніе къ минутѣ смерти и стоическое равнодушіе къ жизни, во благо цѣли, пользу и необходимость которой онъ вполне сознавалъ, являясь въ этомъ случаѣ далеко не машиною, дѣйствующею по одному только приказанію. Брань въ бою всегда считалась тяжкимъ преступленіемъ.

Бывшій кавказскій солдатъ—это труженникъ, съ которымъ никогда не сравнится самый трудолюбивый поденщикъ. Какъ свидѣтельство его трудолюбивой руки, сами за себя говорятъ прорытыя имъ горы, пробитыя въ скалахъ дороги, возведенныя крѣпости, всѣ односторонней ширины просѣки въ заповѣдныхъ лѣсахъ, гдѣ надъ однимъ деревомъ онъ трудился не-рѣдко по двое сутокъ. И при какихъ сверхчеловѣческихъ усиліяхъ онъ побѣждалъ природу! Лѣтомъ и зимою, съ утра и до ночи онъ громилъ, взрывалъ, разрушалъ и созидалъ. И откуда брались силы, откуда эта выносливость! Его мочитъ дождь, леденитъ морозъ, жжетъ солнце—а онъ все работаетъ, да еще, пожалуй, и съ пѣснью на устахъ. Вечеромъ, возвратясь въ лагерь, онъ, вмѣсто отдыха и сна, отправляется въ ночные, въ секретъ, въ залогъ. И не было случая, чтобы въ рядахъ кавказскихъ солдатъ раздался ропотъ. Если и бывало, что крайнее обезсиліе, голодъ и всѣ невзгоды вызывали его сдержанную жалобу, или своеобразное мурлыканье, то достаточны были три часа отдыха, чарка спирта, сухарь и «спасибо» начальника отряда, чтобы воззвать его къ новой усердной дѣятельности, чтобы брызглое выра-

женіе фізіономіи замѣнить пѣсною и трепакомъ въ присяжку. Когда-же дѣла ужь совсѣмъ плохи, т. е. когда офиціально объявятъ, что каши не варили, потому что крупъ нѣтъ, то тутъ болѣе чѣмъ въ иное время солдатъ призывалъ на помощь всю покорность судьбѣ, и, далекій отъ распросовъ о томъ, отчего нѣтъ крупы и хлѣба, онъ молча собереть бывало въ своемъ мѣшечкѣ крохи давнишняго сухаря, оттааетъ снѣжку и закуситъ, такимъ образомъ, чѣмъ Богъ послалъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ и послѣ сытнаго обѣда. И тутъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ понималъ высокую необходимость своихъ всedневныхъ жертвъ.»

Вотъ типъ бывшаго кавказскаго солдата, которому предстоитъ перейти въ потомство, служба, вмѣстѣ съ тѣмъ, указаніемъ и разъясненіемъ загадки, заключающейся въ томъ, почему Кавказъ покоренъ въ шестьдесятъ, а не въ сто шестьдесятъ лѣтъ. Вслѣдъ, кто сочтетъ себя достаточно ознакомившимся съ этимъ типомъ, не признаетъ преувеличенными или невѣроятными тѣ событія кавказской войны, которыя черезъ полвѣка показались-бы каждому легендарными, если-бы въ свое время, или даже и теперь, подъ недавнимъ впечатлѣніемъ блага, не были занесены участниками и дѣятелями на страницы лѣтописей.

Лезгинская экспедиція 1857 года была нами записываема во всей подробности, не только по днямъ, но и по часамъ, тамъ-же, во время похода и ежедневно послѣ каждаго боеваго движенія; письменнымъ бюро служили для насъ или зарядный, или аптечный ящикъ горной артилеріи, а пространнымъ кабинетомъ—Божій міръ,—случалось, впрочемъ, что и солдатская палатка. Составленныя такимъ образомъ подробныя записки «Объ экспедиціи въ Дидо въ 1857 году», были нами отосланы 20 января, 1858 года, для напе-

чатанія въ редакцію «Русскаго Вѣстника», гдѣ, къ огорченію, оказались затерянными. Не смотря на продолжительную переписку съ редакціею Р. В., не смотря на ея обѣщанія употребить мѣры къ розысканію этой драгоцѣнной для насъ, по многимъ причинамъ, рукописи, послѣдняя, какъ видно, не розыскана и до настоящаго времени. Вслѣдствіе этого, въ изложеніи событій той экспедиціи намъ предстоитъ нѣмнѣ руководиться частію воспоминаніями, частію кое-какими сохранившимися о ней рукописными отрывками, а частію нашими статьями, напечатанными въ газетѣ «Кавказъ» за 1859 и 1860 годы, когда, убѣдившись, что рукопись навсегда затеряна, мы послѣднили, подѣ свѣжымъ впечатлѣніемъ, передать печати тѣ событія лезгинской экспедиціи 1857 года, которыя, по нашему мнѣнію, заслуживали наибольшаго вниманія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, настоящей рассказъ, оставляя за собою возможную послѣдовательность, обойдетъ, впрочемъ, тѣ случаи, которые не удержались въ памяти, и часто лишены будетъ подробныхъ указаній на тѣ или другія части войскъ, которыя участвовали въ разныхъ боевыхъ движеніяхъ. Съ этимъ послѣднимъ недостаткомъ, пожалуй, еще можно будетъ мириться потому, что лицо, которое когда-либо займется исторіею Кавказа, можетъ пополнить этотъ пробѣлъ свѣдѣніями изъ реляцій, донесеній и прочихъ официальныхъ источниковъ. Намъ-же кажется, что насколько эти источники должны служить историку пособіемъ для каждаго разсказа, подобнаго настоящему, настолько-же и всякій разсказъ будетъ интересенъ только тогда, когда передаетъ свѣдѣнія, *неимѣющіяся* въ официальныхъ данныхъ. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ описывать лезгинскую экспедицію 1857 года.

Что-же касается до лѣтней чеченской экспедиціи 1858 года, о которой будемъ повѣствовать вслѣдъ за лезгинской, то въ описаніи ея будемъ исключительно руководиться уцѣлѣвшими у насъ (къ счастью) собственными записками, составленными такимъ-же образомъ, какъ и потерянные записки о лезгинской экспедиціи, но при условіяхъ, болѣе удачныхъ. Во время лѣтней экспедиціи 1858 года въ Чечнѣ намъ привелось служить въ званіи адъютанта (за выбытіемъ, по случаю раны, изъ строя подпоручика Рельи) начальника артиллеріи чеченскаго отряда. Вслѣдствіе этой обязанности, въ рукахъ нашихъ ежедневно сосредоточивались всѣ донесенія о дѣйствиіи не только артиллеріи чеченскаго отряда, но и соприкасавшихся съ нею въ бою остальныхъ частей войскъ. Группируя эти донесенія, получая ежедневно приказанія на-равнѣ съ прочими адъютантами по всему отряду, интересовалъ всѣмъ этимъ, слѣдя и лично участвуя во всѣхъ боевыхъ движеніяхъ упомянутой лѣтней экспедиціи, мы употребляли все свое свободное время для составленія записокъ, которыя такимъ образомъ явились у насъ полными и достовѣрными до мелочей—въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касалось артиллеріи отряда.

Кромѣ этихъ записокъ, при описаніи лѣтней экспедиціи 1858 года мы будемъ отчасти руководиться опять-таки нашими-же статьями, напечатанными въ газ. «Кавказъ» за 1859/60 годы, каковы: «Движеніе на гору Даргинъ-дукъ», «Укрѣпленія Шатовское и Евдокимовское» и пр.

II.

Взглядъ на лезгинскую экспедицію 1857 г. Стоянка на ур. Деубани. Буря. Тушины и Шатè съ сыновьями. Хевсурь. Лезгинь. Приготовленія. Движеніе въ горы. Трудности пути. Хуприсъ-тави и зима среди лѣта.

О лезгинской экспедиціи 1857 года говорили въ свое время, что она была первымъ стратегическимъ правильнымъ маневромъ въ горахъ, достигавшимъ рациональнаго покоренія края посредствомъ устройства дорогъ и обезсиленія главнѣйшихъ составныхъ элементовъ горскаго населенія — Дидо, Акуши, Ункратля, Анкракля и пр. По завѣренію ветерановъ, эта экспедиція вовсе не была похожа на тѣ, предшествовавшіе ей дотолѣ набѣги и походы, которые являлись, такъ сказать, ранами для враждебнаго намъ организма, хотя довольно опасными, но отъ времени болѣе или менѣе излечимыми. Ударъ, нанесенный «горамъ» въ 1857 году, былъ, если можно выразиться, органическимъ поврежденіемъ, послѣ котораго уже не владѣютъ пораженнымъ членомъ. Послѣдствія показали, что такое заключеніе вполне справедливо.

Войска начали стягиваться къ горамъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; главный отрядъ, которому предназначено было дѣйствовать въ бою, состоявшій изъ баталіоновъ кавказской гренадерской дивизіи, съ дивизиономъ горной № 1-й батареи, разбилъ лагерь на ур. Деубани, у подножія горы Кодоры, при полуразрушенной церкви Натлисъ-мцмели, среди дѣвственнаго, заповѣднаго лѣса. Первымъ дѣломъ было, конечно, уширить площадку, послужившую основаніемъ лагеря, и для этого расчистить лѣсъ. Послѣ двухдневнаго отдыха застучали топоры, и одинъ за другимъ валились столѣтніе чинары, увлекая за собою подроставшую вокругъ нихъ молодежь. Лишь только

орѣху, каштану и виноградной лозѣ было оказано возможное снисхожденіе—что являлось дѣломъ святой справедливости, такъ какъ, по-истинѣ, жаль было трогать гигантскія лозы дикаго виноградника, который, въ большей части случаевъ, поднявшись на 30—50 футовъ отъ земли, грандіозно перегибался въ сторону и снова или уходилъ въ землю, или опирался на ближайшія деревья, образуя естественные, темные и прохладные своды и арки.

А въ прохладѣ войска, дѣйствительно, нуждались, потому что съ ранней весны на плоскости началась жара невыносимая, которую даже не смягчали ни снѣга на вершинахъ прилежавшихъ тушетскихъ горъ, изъ за-которыхъ выглядывала круглая бѣлая шапка Б. Барбало и снѣговые конусы Диди-гверди, ни рѣчка Стори, услаждавшая купавшихся своими до-нельзя холодными и прозрачными струями, обильными красною форелью.

Прологая постепенно широкую просѣку къ горамъ, мы подвигались къ Кодорѣ, которая, такимъ образомъ, по немногу открывала намъ свое основаніе. До тѣхъ поръ, пока не началась разработка дороги на бокахъ этаго исполина, всё предполагали, что движеніе отряда послѣдуетъ въ горы по какому-нибудь ущелью, такъ какъ воображеніе не могло создать возможности наступленія по отвѣснымъ скатамъ обнаженнаго великана, имѣющаго 7500 фут. надъ уровнемъ моря.

Стоянка на Деубани была мирная, спокойная, если не считать нѣсколькихъ случаевъ въ ближайшихъ лѣсныхъ горахъ съ охотниками за джейранами, сернами, зайцами, фазанами и нѣсколькими не мирными лезгинами, прокрадывавшимися поближе къ лагерю изъ любопытства или съ иными цѣлями. Приключенія эти хотя подчасъ и имѣли несчастный или вообще роковой исходъ, но только не для нашихъ стрѣлковъ и охотниковъ, а для противнаго лагеря.

Повседневное однообразіе и спокойствіе нашей лагерной жизни временно лишь было нарушено ужасающею бурей, о которой, за предѣлами тогдашней нашей стоянки, невозможно составить себѣ никакого понятія: только среди лѣса, у предгорія, возможна та всеограшающая сила урагана, которую испыталъ лагерь въ концѣ мая. Нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ, чтобы выразить или описать величественную, но подавляющую картину.

Быль десятый часъ вечера; въ лагерѣ тишина, лишь изрѣдка фыркаютъ на коновязи лошади, будто предчувствуя какую-то невзгду. Кое-гдѣ догараеть небольшой костеръ, у котораго чуть замѣтно рисуются нѣсколько силуэтовъ. Въ пространствѣ темно и душно. Вдругъ издали послышался глухой шумъ, затѣмъ упало нѣсколько капель дождя, и прежде чѣмъ можно было закрыть полы палатокъ, грянулъ страшный раскатъ грома, будто разорвалось все небо.

Природа на далекое пространство потонула въ фосфорическомъ свѣтѣ молніи. Все это было такъ неожиданно, что въ первую минуту едва-ли нашлось во всемъ лагерѣ десятка два храбрецовъ, которые-бы окончательно не смутились и не потерялись. Послѣ оглушительнаго треска, сопровождавшагося бенгальскимъ освѣщеніемъ, на мгновеніе по всему лагерю воцарилась гробовая тишина; но вслѣдъ затѣмъ неистово заржали лошади, отовсюду раздались крики: «закрѣпи колья, подвѣжи брезенты, подтяни попоны! и т. д.

Но было уже поздно. Въ мгновеніе ока налетѣлъ ураганъ, однимъ взмахомъ скосилъ ряды палатокъ, рванулъ деревья—и началась та ужасная трескотня, ломка, крикъ, ржаніе, топотъ разлетѣвшихся во всѣ стороны лошадей, которыя, словно сумасшедшія, бросались куда глаза глядятъ,—та суматоха, которая можетъ быть только послѣдствіемъ одной

паники. И вся эта картина разрушенія освѣщалась почти неугасаемою молніею, сопровождавшеюся неумолкаемыми раскатами. Въ заключеніе забарабанилъ градъ величиною въ грецкій орѣхъ, а за нимъ ливнемъ полилъ дождь. Черезъ три четверти часа въ природѣ снова было тихо, какъ будто всѣ усилія урагана разбились о непоколебимыя громады, на которыя онъ нарвался по пути.

Несчастливыхъ случаевъ, къ удивленію, не было, хотя докторъ и священникъ, жившіе въ одной палаткѣ, при болѣе невыгодной постановкѣ ихъ убѣжища, могли-бы сильно пострадать. Палатка ихъ была укрѣплена между двумя вѣковыми чинарами; во время вихря съ корнемъ вырвало въ одно мгновеніе оба чинара и скрестило ихъ надъ палаткою. Только этому случаю были обязаны оба врача, что имъ удалось, такъ сказать, выйти сухими изъ воды—понимая это выраженіе въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Кромѣ ихъ палатки, ни одна, кажется, не уцѣлѣла во всемъ лагерѣ если иную не снесло окончательно, то, по крайней мѣрѣ, опрокинуло или до-нельзя накренило.

Когда на утро солнце освѣтило лагерь, то нужно было удивляться тѣмъ разрушеніямъ, которыя произвела буря: столѣтнія деревья были съ корнемъ выворочены изъ земли, образовавъ подъ собою пространныя и глубокія ямы, наполненныя водою,—лѣсъ помельче былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ будто срѣзанъ пополамъ чѣмъ-то острымъ, тамъ и сямъ валялись промокшіе насквозь попоны, папахи, брезенты...

Къ обѣду все пришло въ порядокъ. Солдаты, усѣвшись группами и хлебая кашницу, весело подшучивали другъ надъ другомъ, припоминая недавнюю суматоху: еще, моль, и войны не начинали, а ужъ баталію выдержали.

Между тѣмъ эта «война» по-немногу приближалась. Въ

пачалѣ іюня потянулись въ горы тушинскія семейства съ дѣтьми въ саввахъ и плетеныхъ корзинкахъ, перекинутыхъ черезъ сѣдла эшаковъ и катеровъ, со скотомъ и всѣми пожитками, а за ними и «безстрашная» сотня. Этотъ эпитетъ вполне заслуженно былъ данъ тушинскимъ героямъ, уже давно прославившимся своею храбростію въ горахъ, въ особенности подъ начальствомъ двухъ своихъ представителей—Шатѣ и Натіева, командира сотни. На своихъ маленькихъ лошадакахъ, увѣшанныхъ бубенчиками, бляхами и колокольчиками, съ небольшими у бедра шашками и съ блюдечками на головѣ (такъ были нами названы ихъ войлочные шапочки), тушины рысцою вступили въ лагерь, привѣтствуемые многими старыми знакомыми. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Шатѣ, остались на нѣсколько часовъ погостить въ лагерьѣ и выпить чаю, а сотня прошла въ горы столько-же для охраненія своихъ семействъ, сколько и для болѣе удобной пастбы скота.

Хотя объ Шатѣ встрѣчались въ свое время болѣе или менѣе отрывочныя замѣтки не только въ кавказскихъ литературныхъ изданіяхъ, но, сколько помнится, и въ русскихъ, даже однажды въ «иллюстраціи» былъ помѣщенъ довольно схожіи его портретъ—тѣмъ не менѣе это, по-истинѣ, безсмертное имя среди кавказскихъ героевъ вполне заслуживаетъ того, чтобы каждый разъ, при воспоминаніи о немъ, нѣсколько остановиться на личности тушинскаго баяра.

Въ 1857 году Шатѣ уже доживалъ свой вѣкъ, и хотя онъ самъ никогда не зналъ достовѣрно сколько ему лѣтъ, тѣмъ не менѣе одни насчитывали ему подѣ семьдесятъ, а другіе и больше. Въ экспедиціи съ нимъ было тогда три сына; участь двоихъ изъ нихъ увѣ! разрѣшилась очель печально. Помнится, что одинъ изъ сыновей его имѣлъ золотой

георгіевскій крестъ. Старикъ отецъ съ виду былъ личностію далеко не страшною: маленькая, въ особенности верхомъ на лошади, достаточно изможденная и довольно покоробившаяся отъ ранъ и лѣтъ фигурка, въ простой затасканной чохѣ, съ слѣдами пули и кинжала на лицѣ, но съ быстрыми и подвижными, уже почти безцвѣтными глазами—вотъ снимокъ съ натуры того, кто многіе годы держалъ въ страхѣ лезгинскіе сосѣдніе аулы, и чьимъ именемъ горянки пугали дѣтей. (*) У Шатѣ хранились развѣшанными свыше семидесяти кистей правыхъ лезгинскихъ рукъ—доказательство лично убитыхъ имъ враговъ. Таковъ былъ обычай, составлявшій славу война. Тушинка, въ свое время, не могла выходить замужъ и не выходила за своего одноплеменника, если у него не было ни одной лезгинской руки; поэтому каждый молодой воинъ ставилъ для себя обязанностію, по вступленіи въ возрастъ, какъ можно скорѣе заручиться этою эмблемою славы и отваги.

Соприкасаясь съ лезгинами во время лѣтнихъ пастбищъ въ горахъ, тушины, по большей части, жили съ ними въ это время довольно мирно, даже отплачивались Шамилю, за неприкосновенность ихъ стадъ, по рублю съ дыма. Но если случалось, что пріязненные отношенія нарушались какою-нибудь кражею у тушинъ барана или коровы, то потерпѣвшіе не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не возмѣщали свою потерю одною или нѣсколькими лезгинскими руками. Рассказываютъ, что не разъ и самому Шатѣ приходилось подобнымъ путемъ искать вознагражденія. Однажды, вслѣдствіе какой-то кражи или обиды, Шатѣ прокрался въ ближайшій лезгинскій аулъ,

(*) Для исторіи кавказской войны будетъ значительнымъ пробѣломъ отсутствіе полной біографіи Шатѣ. Пока время не ушло, слѣдовало бы обратить на это вниманіе,

расположеніе котораго онъ зналъ очень хорошо, и, пользуясь темнотою вечера, укрылся въ кукурузникѣ (*) или саманникѣ. Выждавъ ночи и высмотрѣвъ, что семья лезгина сѣла ужипать, Шатѣ вышелъ изъ своего убѣжища, взошелъ на крышу той сакли, которая принадлежала его врагу, и сквозь дымовое отверстіе неожиданно влетѣлъ въ комнату, гдѣ спокойно и безопасно сидѣли вокругъ круглаго, приземистаго столика члены семьи. Прежде чѣмъ послѣдніе опомнились отъ испуга, непрощенный гость, съ кинжаломъ въ зубахъ и пистолетомъ въ рукѣ, выхватилъ у матери изъ подъ груди лезгиненка и быстро джейрана скользнулъ за дверь. Благодаря знанію мѣстности, а въ особенности темной ночи, Шатѣ очутился за ауломъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, и прежде чѣмъ оторопѣвшіе лезгины взнуздали своихъ лошадей, похититель, словно «лѣсной царь», скакалъ далеко по горнымъ тропинкамъ. Нечего дѣлать, лезгину пришлось выкупать мирнымъ путемъ своего наслѣдника.

Въ лагерь прибыло и нѣсколько хевсуръ—люди рослые, видные, красивые, но видимо дикіе и несообщительные, въ кольчугахъ и налокотникахъ, съ заповѣднымъ оружіемъ; на шапкѣ одного изъ нихъ мы читали надпись: *vivat Hussar*. Племя хевсуръ значительно отстало отъ тушинъ въ дѣлѣ цивилизациі; намъ передавали тогда въ лагерьѣ одинъ курьозный случай изъ ихъ быта. Хевсуры бороды не носятъ—борода у нихъ означаетъ трауръ; христіане они крайне плохіе. И вотъ однажды, для просвѣтленія ихъ, прислали къ нимъ священника—былъ-ли онъ миссіонеромъ или приходскимъ пастыремъ, неизвѣстно; хевсуры, по природѣ гостепримны, приняли его ласково

(*) У татаръ вообще кукурузникъ представляетъ собою закрытыя, плетенныя изъ хвороста вышки.

и, видя у него бороду, выражали ему крайнее сожалѣніе о потерѣ имъ близкаго родственника. Но проходитъ шесть недѣль, хевсуры видятъ, что священникъ бороды не сбриваетъ. Тогда представители мѣстнаго населенія являются къ нему съ заявленіемъ, что хотя его любовь къ умершему родственнику очень похвальна, но если онъ хочетъ жить среди нихъ, то долженъ сбрить бороду, потому что она наводитъ на слишкомъ мрачныя мысли и вызываетъ у окружающихъ бабьи чувствованія, несвойственныя героямъ. Теперь только для священника стало ясно то участіе, которое выражали ему доселѣ хевсуры въ потерѣ близкаго родственника. Напрасно онъ ихъ старался увѣрить, что у него, благодаря Бога, всѣ родственники благоденствуютъ, что обычай носить бороду составляетъ подражаніе Спасителю и т. д. На все это хевсуры улыбались очень недовѣрчиво, а когда увидѣли, что не могутъ переломить упрямство попа, то посадили его на чурбанъ и сбрили ему бороду насильно.

Такія-то разношерстныя личности явились къ намъ въ товарищи для предстоявшихъ боевыхъ движеній.

Во второй половинѣ іюня ратники грузинской дружины, занимавшіе передовые у предгорья пикеты, доставили въ лагерь одного перебѣжчика лезгина, принявшаго на себя обязанность лазутчика у своихъ-же одноплеменниковъ и нашего проводника. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, ему не могло быть оказываемо должнаго довѣрія, потому что сокровенныя мысли его въ точности не были извѣстны, то онъ и находился постоянно подъ строгимъ надзоромъ. Впрочемъ, по увѣренію его, онъ, вступая въ роль предателя, руководился не корыстными или иными подобными цѣлями, а исключительно местию за какія-то неправды и обиды. Лезгинъ этотъ, наружность котораго выражала полную свирѣпость, въ особенности при

его громадномъ ростѣ и черной бородѣ, весьма мало отличался отъ совершеннаго дикаря.

Въ концѣ іюня прибылъ черводарскій транспортъ, состоявшій изъ двухъ-трехъ сотенъ катеровъ, для подъема запаснаго провіанта и тяжестей, и начались приготовленія къ движенію въ горы. Начальникъ отряда, баронъ Вревскій, сдѣлавъ распоряженія, чтобы роты ограничивались, по возможности, двумя-тремя палатками, да и то солдатскими, чтобы офицеры не стѣсняли движенія излишними вьюками, приказалъ большую часть предметовъ лагернаго удобства (которое и безъ того было ограничено) отправить въ Телавъ и въ штабъ-квартиры; въ Телавѣ-же былъ устроенъ и госпиталь. Вообще говоря, приходилось выступить на-легкахъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Войска съ нетерпѣніемъ ожидали давно-желаннаго дня; и скучно, и неприятно было такъ долго стоять безъ всякаго дѣла; наконецъ, этотъ день насталъ.

$\frac{2}{3}$ іюля, въ два часа по полуночи, ударили «по возамъ.» Все встрепенулось. Кругомъ темно и душно. Ломать палатки! раздался въ тишинѣ громовой голосъ полковника Кононовича.

Черезъ четверть часа всѣ палатки, за исключеніемъ штабныхъ, какъ метлой смело. Штабу, который долженъ былъ слѣдовать попозже, торопиться было нечего.

Сыграли сборъ; послѣдовало почти всеобщее крестное знаменіе—и передовая колонна двинулась.

Не страшна была война кавказскому солдату; напротивъ, онъ ея всегда желалъ, потому что не привыкъ засиживаться въ штабъ-квартирѣ. Но невыносимы до отупѣнія были горные походы—въ особенности при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, какими сопровождалась незабвенная въ лѣтописяхъ Кавказа лезгинская экспедиція 1857 года.

Разставаясь съ плоскостію, съ ея гигантскими лѣсами, и почти мгновенно вступая въ область кустарниковъ и травъ—мы никакъ не предполагали, что обреченные вращаться около десяти дней среди дождей и тумановъ, разстанемся въ то-же время и съ солнцемъ, которое видѣли всего разъ или два—и то какъ-бы украдкою.

Дорога на вершину Кодоры была разработана очень хорошо; но все-же не было возможности идти иначе, какъ по два въ рядъ. И вотъ, стигаясь подъ ранцами, сумами и ружьями, большею частію опираясь въ то-же время на костыли, потянулись гренадеры.

Было около девяти часовъ утра, когда голова передовой колонны достигла половины горы; арріергардъ еще не трогался съ мѣста, а штабныя палатки едва только убирали.

По мѣрѣ движенія на вершину, все казалось: вотъ-вотъ конецъ, но не тутъ-то было. Одинъ зигзагъ, скрываясь за плечами, открывалъ поворотъ другаго. Уже и смеркаться стало—густой, холодный туманъ окутывалъ одежду точно плотнымъ покрываломъ, просачиваясь безнаказанно сквозь сѣрое сукно старыхъ, потертыхъ плащей,—а вершины все нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ, когда мгlistая окрестность покрылась совершеннымъ мракомъ, войска вступили на Кодору, вершина которой хотя и представляла такъ называемое плато, но до такой степени изрытое по всѣмъ направленіямъ, что солдаты на-вѣрное утверждали, будто тамъ черти играли въ свайку. Трудно было выбрать ровное мѣсто для парка и лошадей.

Въ ожиданіи обоза и кухни, войска собрали для варки пищи, за неимѣніемъ дровъ и хвороста, кучи дикаго рододендрона—и то лежа въ мокрыхъ шинеляхъ, на промокшей землѣ, то расположившись кучками вокругъ сыраго «зелья» и отогрѣвая полуокоченѣвшіе члены—стали поджидать кухню.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заискрились *командирскіе* самовары и застучали ножи надъ походными битками; явились кошевары— и движеніе усилилось. Стоя десятками вокругъ походной кухни, солдаты губами, руками и полами шинелей раздували упрямое *топливо*, и подогрѣвали *вариво*.

Каша поспѣла, то-есть, неизвѣстно—поспѣла-ли она, или нѣтъ, этого никто не могъ удостовѣрить,—но была достаточно горяча, даже мѣстами попадалось (впрочемъ, лишь теплое— не болѣе) сало.

Но ѣдать некогда—котелки поднесены, наполнены,—сахари захрустѣли между пальцевъ—и ужинъ (онъ-же и обѣдъ) совершился...

Къ полуночи въ лагерѣ воцарилась тишина, лишь изрѣдка нарушаемая крикомъ и окликами растерявшихъ другъ друга черводаровъ.

Насталъ новый день, но не утро—и первый сладкій сонъ, подъ мокрымъ плащомъ, согрѣтымъ съ одной стороны тѣснѣйшимъ сосѣдствомъ товарища, былъ нарушенъ всетѣмъ-же неотвязчивымъ и впослѣдствіи опротивѣвшимъ, хуже полыни, боемъ «по возамъ.» Пошли гуськомъ... Потуть ужъ было не то, что наканунѣ, и этотъ день, въ числѣ немногихъ другихъ, на-долго останется памятнымъ тѣмъ солдатамъ, которымъ еще и впредь суждено пожить на бѣломъ свѣтѣ: мракъ, дождь, туманъ и холодъ; дороги никакой: слѣва—глубокая пропасть, погруженная въ хаотическое, непроглядное состояніе перваго дня мірозданія, справа—стѣна, а подъ погами—тропинка, на которой во многихъ мѣстахъ съ трудомъ улегся-бы развернутый листъ писчей бумаги. Время отъ времени сапогъ скользить по голу камню, преграждающему путь подъ угломъ въ 30° и

приходится хвататься за землю руками или за хвост идущей впереди лошади, навьюченной горнымъ орудіемъ или рядными ящичками. А между тѣмъ, въ то-же самое время необходимо поддерживать лафетъ на вьюкѣ, колеса и оглобли. Вдругъ, среди такой мѣстности, дороги нѣтъ! Саперы впередъ, рота кирки и лопы въ руки—и начинается расчистка. Отрядъ виситъ надъ кручею четверть часа, полчаса. Двинулись—и стрелглавъ полетѣла въ бездну одна лошадь, на пяти шагахъ хватилась объ выступъ, вьюки съ нею въ сторону—и несчастное животное исчезло въ туманѣ.

Такъ пало въ этотъ день до шестидесяти лошадей и катеровъ въ темную глубину бездонныхъ, повидимому, овраговъ.

Двигаясь подобнымъ образомъ въ теченіи цѣлаго дня, мы едва прошли семь верстъ, и къ вечеру расположились въ какой-то обширной котловинѣ. А туманъ все смѣнялся дождемъ—и дождь туманомъ.

Путешествіе этого дня слишкомъ скоро дало себя знать: не успѣлъ отрядъ собраться, какъ тамъ и сямъ слышались охи, вздохи и стоны десятковъ заболѣвшихъ. На другой день несчастные, многіе полуживые, отправлены въ обратный путь, въ госпиталь.

Отрядъ двинулся далѣе, дебютируя порядкомъ, подобнымъ предыдущему, во второмъ актѣ той-же длинной, тяжелой и скучной драмы. Пѣсень и говора не слышно; вездѣ тихо, сонливо, тоскливо.

Черезъ шесть дней мы очутились на вершинѣ какой-то неизвѣстной горы—это было около пяти-шести часовъ пополудни. Тутъ впервые вокругъ насъ и подъ нами разстѣялись на нѣсколько мпнутъ облака, разлетѣлся почему-то туманъ, и мы увидѣли дивную картину: вдали, подъ нами,

разноцвѣтнымъ ковромъ развернулась Кахетія. И чего на ней только не было! И розовые сады персиковъ, и зелень винограда, и желтизна колосевъ, и разбросанные въ беспорядкѣ каштаны, орѣхи. Все это окружено, перерѣзано, схвачено, переплетено лентами синеватой, чистой воды, самый вкусъ которой мы ужъ позабыли. На всемъ этомъ играетъ чудными, красноватыми отблесками склонившееся къ западу солнце.

Вдругъ налетѣлъ туманъ—не далъ досмотрѣть: фатаморгана скрылась подъ плотною завѣсою мелкаго, до сердца проникающаго дождя.

Пока мы достигли первой боевой позиціи—отъ трехъ до четырехъ сотъ человекъ было отправлено въ госпиталь. Рассчитывалъ-ли баронъ Вревскій достигнуть ея ранѣе—неизвѣстно, или, лучше сказать, извѣстно ему одному, потому что онъ весьма неохотно дѣлился своими соображеніями съ окружающими его лицами. Должно быть, что и онъ нѣсколько ошибся въ расчетѣ, потому что въ отрядѣ стали ощущаться недостатокъ подручнаго провіанта, и ужъ нѣсколько дней назадъ пришлось обратиться къ запасамъ. О мясѣ, конечно, и думать было нечего, сало-же расходовалось черезъ одинъ разъ—и то чуть не на вѣсъ золота.

Но всему бываетъ конецъ. Послѣ ночлега (или, лучше сказать, ночевки) въ какой-то горной котловинѣ, густо поросшей устарѣлою черемшою, отъ которой вся колонна пришла въ одурѣлое состояніе, мы на другой день, т. е. 10-го іюля, къ четыремъ часамъ вечера, достигли Хупрись-тави—цѣли нашего движенія.

Хупрись-тави представляетъ собою высокую горную возвышенность, на которой довольно свободно сосредоточился весь отрядъ. Тутъ опять насъ посѣтило солнышко—хотя и на закатѣ. Забѣлѣди палатки, появились дрова изъ сосѣдней бад-

ки, и даже, послѣ ужина, слышалась пѣсня. Въ этомъ быстромъ забвеніи всѣхъ недавнихъ тягостей, въ этой мгновенной замѣнѣ самыхъ мрачныхъ чувствъ веселыми, казался русскій человѣкъ вообще, а кавказскій солдатъ въ особенности.

И такъ, конецъ временнымъ страданіямъ и невзгодамъ. Впереди битва за битвою, смерть, раны, но все-же это лучше медленной истомы предыдущихъ дней.

Подъ вліяніемъ этого пріятнаго настроенія солдаты зажгли костры—хотя и небольшіе, потому что дровами было все-таки скудно; повыжарили свои сорочки, свернувъ ихъ въ трубочку и постепенно раскручивая надъ пламенемъ; подсушили маленько шинельки и по-ротно улеглись на матери сырой-землѣ, рассчитывая на утро проснуться подъ ласкающими лучами восходящаго солнца.

И проснулись—дѣйствительно, но только подъ снѣгомъ.

III.

Движеніе къ аулу Хупро. Роковой выстрѣлъ. Бой. Охотники. Отступленіе и натискъ. Штуцера и обманутыя ожиданія непріятеля. Мѣткая граната. Пуля-молодецъ. Результаты дня. Погребеніе убитыхъ. Разработка дороги. Командирская корова. Взятіе и уничтоженіе аула Хупро.

Пробужденіе было въ высшей степени непріятное. Зналъ судьба положительно преслѣдовала отрядъ. Самъ баронъ Вревскій, рассчитывавшій дать отряду въ этотъ день отдыхъ, и поэтому не отдававшій наканунѣ никакихъ приказаній, былъ крайне пораженъ неожиданностію. Дѣлать было нечего: онъ велѣлъ немедленно ударить сборъ и черезъ десять минутъ повелъ почти половину отряда *согнуться* къ аулу Хупро. Хотя до аула было верстъ пять, однако, подгоняемые,

съ одной стороны, холодомъ, а съ другой—чрезвычайно крутымъ спускомъ горы, солдаты почти бѣгомъ направились съ высотъ. Въ виду аула, этакъ въ полторы верстѣ, отрядъ остановился и началъ строиться въ боевые порядки. Приходилось теперь наступать по холмистой мѣстности, окруженной оврагами и лѣсомъ. Пока раздѣлили баталіоны, распредѣлили артилерію, разсыпали стрѣлковъ и обмѣнялись соответственными распоряженіями, прошло около часа. Лишь только отрядъ спустился на эту мѣстность съ высотъ Хуприсъ-тави, то и тогда уже чувствовался внезапный переходъ отъ зимы къ лѣту; но въ настоящую минуту солнце жгло по-іюльски, и паръ облаками поднимался къ небу отъ солдатскихъ шинелей.

Вдругъ среди всеобщей тишины, кой-гдѣ прерываемой командными словами, раздался выстрѣлъ. Онъ тѣмъ болѣе удивилъ всѣхъ и каждого, что дымъ за клубился надъ самою серединою эриванскаго баталіона, стоявшаго въ сомнѣнномъ строѣ, тогда какъ вызова со стороны непріятели не было, да и самаго непріятели пока еще не усматривалось.

— Что случилось? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Нечаянный выстрѣлъ! пронеслось по рядамъ.

Выстрѣлъ былъ, дѣйствительно, нечаянный, но роковой. Одинъ изъ гренадеръ, держа ружье у ноги вмѣстѣ съ прочими, ухитрился какимъ-то образомъ опереться на него такъ, что нога его взвела курокъ, а пуля прострѣлила ему голову. Умысла, видимо, не было никакого. Несчастный палъ безъ дыханія.

— Дурной знакъ—заговорили солдаты.

Но, къ счастью, ни въ этотъ день, ни послѣ ничего особенно дурнаго не случилось, если не считать за дурное обыкновенныя послѣдствія войны.

Началось наступленіе. Мѣстность, сжатая съ боковъ лѣ-

системы оврагами, не позволяла развернуть фронтъ. Войска наступали ротными колоннами, фланги были прикрыты артилерією, кромѣ того и въ интервалѣ двигался, уже на колесахъ, взводъ горныхъ орудій. По мѣрѣ приближенія къ аулу Хупро, какъ видно заблаговременно подготовившемуся къ встрѣчѣ, мы увидѣли тамъ и сямъ небольшія группы горцевъ, съ разноцвѣтными значками, которыя однако были отдалены отъ насъ все еще сажень на чetyреста. Мертвыя пространства между отрядомъ и ауломъ, состоявшія изъ небольшихъ овраговъ и рытвинъ, обманчиво увеличивали разстояніе.

Хупро расположенъ на возвышенности, господствовавшей надъ нами и ниспадавшей къ намъ двумя террасами. Непріятель пока не замедлялъ движенія и даль возможность колоннѣ, въ разстояніи двух-сотъ пятидесяти саженой отъ аула, достигнуть небольшой высоты, справа и слѣва спускавшейся къ оврагамъ и лѣсу. Въ цѣпи раздались первые выстрѣлы; въ то-же мгновеніе взводъ орудій, слѣдовавшій въ интервалѣ, остановился, солдаты перекрестились съ словами: «ну, помогай Боже!»—и надъ ауломъ, гдѣ виднѣлась толпа горцевъ, взвилась первая граната.

Со всѣхъ сторонъ завязалась оживленная перестрѣлка, въ особенности на флангахъ и въ боковыхъ цѣпяхъ, гдѣ всѣ преимущества съ перваго-же раза оказались на сторонѣ непріятели. Горцы, занявъ высокіе заповѣдныя чинары, утвердившіеся корнями на днѣ овраговъ, и скрывшись въ густой листьѣ верхушекъ, мѣтили и попадали на выборъ.

— Орудію! раздалось въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣвой цѣпи.

Но фланговые орудія, придерживаемыя надъ оврагами лямками, сдѣлавъ по нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ,

не могли оказать желаемой пользы, потому что имъ все-таки приходилось стрѣлять сверху внизъ. Полковникъ Десаждѣ, усматривая всѣ эти неудобства, отодвинулъ отъ овраговъ фланговыя роты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя прикрывали артилерію, и положилъ цѣпи ничкомъ. Перестрѣлка въ цѣпяхъ значительно уменьшилась, но лишь на время: горцы, бывшіе въ аулѣ, усматривая, что ихъ выстрѣлы оттуда не приносятъ намъ никакого вреда, потому что колонна была поставлена весьма выгодно, тогда какъ наши картечныя гранаты не давали возможности установиться ни одной изъ ихъ кучекъ, бросили аулъ, и, раздѣлившись на двое, усилили собою толпы, находившіяся въ оврагахъ. Тогда въ цѣпяхъ перестрѣлка снова оживилась, такъ какъ всякая папаха солдата, лежавшая вмѣстѣ съ нимъ на покатоности оврага, была для непріятеля весьма удобною мишенью. Нашимъ-же войскамъ все-таки не въ кого было стрѣлять.

Между тѣмъ, баронъ Вревскій, въ сопровожденіи тушинъ и грузинской конной дружины, предпринялъ рекогносцировку къ аулу. Туда онъ доѣхалъ благополучно, но обратный путь его, въ особенности между ауломъ и отрядомъ, сопровождался дружными, хотя и весьма неудачными, непріятельскими выстрѣлами.

Какъ видно, движеніе, предпринятое 11 іюля къ аулу Хупро, если не считать оживленія войскъ, имѣло цѣлью собственно эту рекогносцировку, отъ которой ожидалось знакомство съ мѣстностію и вытекающія отсюда соображенія о желаемомъ уничтоженіи аула.

По возвращеніи барона Вревскаго, когда пришлось подумать и объ отступленіи, такъ какъ, повидимому, цѣль дня была достигнута, ему было доложено о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находились цѣпи, не имѣвшія ника-

кой возможности не только двинуться, но даже подняться, потому что въ то-же мгновеніе были осыпаемы пулями. Удосто- вѣрившись, что артилерія стрѣлять не можетъ, и что вся сила непріятеля преимущественно заключена въ глубинѣ лѣ- ваго оврага, откуда, какъ можно было догадываться, посмѣн- но высылались партіи для занятія деревьевъ, баронъ Вревскій рѣшилъ дѣйствовать на корень зла, на причину болѣзни—и приказалъ изъ среды артилеристовъ вызвать охотниковъ съ ручными гранатами.

По этому вызову, переданному въ дивизіонъ горной № 1-й батареи (командиръ штабсъ-капитанъ И. Броневскій) началь- никомъ артилеріи отряда, подполковникомъ Дитериксомъ, вы- ступили изъ фронта: юнкеръ Чудиновъ, канониръ Волконскій и бомбардиръ * * * (*).

— Пойдете? спросилъ подполковникъ Дитериксъ.

— Пойдемъ—отвѣчали въ одинъ голосъ охотники.

Начальникъ артилеріи снисходительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ загадочно улыбнулся.

— А умѣете-ли вы обращаться съ ручными гранатами?

— Никакъ нѣтъ.

Подполковникъ Дитериксъ потребовалъ одну ручную гранату и началъ объяснять ея примѣненіе и употребленіе, предупредивъ, между прочимъ, что если, зажегши стопинъ, бросить гранату прежде времени, то ее могутъ возвратить обратно, и тогда она разорвется среди своихъ-же; если-же пропустить время— ее можетъ разорвать въ рукахъ. Разсчитать-же нужно такъ— сообразуясь, между прочимъ, съ дальностію метанія, чтобы не случилось ни того, ни другаго. Горѣніе-же стопина до

(*) Къ сожалѣнію, фамилія этаго послѣдняго не сохранилась въ нашей памяти.

взрыва гранаты не должно продолжаться болѣе десяти секундъ.

— Поняли?

— Поняли.

— Такъ собирайтесь.

Охотники повѣсили черезъ плечо сумки, наполнили ихъ гранатами, вооружились ножомъ для срѣзыванія пластыря, взяли въ руки зажженные пальники—и менѣе чѣмъ въ три минуты были совершенно готовы.

Солдаты, а въ особенности артиллеристы, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за дѣйствіями своихъ товарищей.

— Готовы-ли?

— Такъ точно.

— Теперь идите за мною. Мы должны спуститься за цѣпь.

Мысленно сотворивъ молитву—такъ какъ по всѣмъ соображеніямъ предстояло скорѣе не вернуться вздравѣ, чѣмъ возвратиться благополучно,—охотники двинулись.

Вся эта группа направилась къ цѣпи лѣваго оврага, въ тотъ пунктъ, гдѣ выстрѣловъ было больше и гдѣ ни одна почти непріятельская пуля не пропадала даромъ.

Солдаты, лежавшіе въ цѣпи, съ недоумѣніемъ взглянули на четырехъ человекъ, быстро приближавшихся къ нимъ, и, повидимому, не принимавшихъ никакихъ мѣръ предосторожности. Въ эту минуту и выстрѣлы со стороны непріятеля, съ деревьевъ, нѣсколько стихли. Выбираль-ли онъ для себя поудобнѣе мишень, или недоумѣвалъ, что все это значитъ—неизвѣстно. Лишь только охотники поровнялись съ цѣпью, одинъ изъ солдатъ, лежавшихъ въ парѣ, предупредилъ ихъ:

— Садитесь или ложитесь скорѣе—здѣсь и головы поднять нельзя.

Охотники сѣли, но подполковникъ Дитериксъ, съ гранатою въ рукахъ, оставался стоя. Вся группа была въ двухъ шагахъ впереди цѣпи, отчасти прикрывалась толстымъ чинаромъ. Мѣсто было выбрано удачное.

—Теперь я на опытѣ покажу вамъ бросаніе этихъ гранатъ — сказалъ подполковникъ Дитериксъ. Дайте ножъ и пальникъ.

Воткнувъ пальникъ въ землю, начальникъ артилеріи сѣзалъ пластырь, вынулъ стопицъ и, продолжая давать необходимыя наставленія, приложилъ гранату къ фитилю. Прерванъ-ли онъ былъ въ это время какимъ-то вопросомъ или, среди объясненій, упустилъ изъ виду срокъ горѣнія стопина — трудно помнить; но такъ-ли это, или иначе, а граната зашипѣла у него въ рукахъ, слегка вспыхнула... Первый опытъ дорого долженъ былъ обойтись всѣмъ охотникамъ, не исключая и начальника артилеріи. Но подполковникъ Дитериксъ не потерялся — онъ быстро повернулъ въ воздухѣ гранату и швырнулъ ее въ врагъ. Визу мгновенно раздался трескъ, а одновременно подполковникъ Дитериксъ лѣвою рукою схватилъ свою правую руку, которая сильно была обожжена и контужена гранатою.

Но терять удобнаго момента было нельзя. Опрокинувшись на спину и растопыривъ ноги, охотники стремглавъ спустились ниже, каждый избравъ себѣ заранѣе дерево, за которымъ предполагалъ укрыться. Диверсія эта была выполнена такъ, что у каждаго дерево очутилось между ногъ. Въ это мгновеніе просвистало нѣсколько пуль, но или пошли мимо, или врѣзались въ деревья. Не ожидая повторенія этого пріема со стороны непріятеля, охотники живо сѣзали по пластырю, и затѣмъ граната за гранатою полетѣли въ разныя стороны врага. Въ отвѣтъ послѣдовалъ пронзительный гикъ сотни голосовъ, брань, крики — «шайтанъ, урусъ шайтанъ!», наконецъ, залпъ винтовокъ и трескъ сучьевъ.

Не болѣе полутора десятка гранатъ порѣшили все дѣло. Оврагъ былъ живо очищенъ, непріятельскіе выстрѣлы смолкли и цѣпи поднялись на ноги. Трое охотниковъ возвратились живы и невредимы, привѣтствуемые полковникомъ Десаже, и, къ удивленію, заслужившіе даже благодарность и обѣщанія барона Бревскаго, который, между прочимъ, былъ всегда очень скупъ на всякія подобныя изліянія. Непосредственною-же пока наградю охотниковъ была закуска, предложенная каждому изъ насъ полковникомъ Десаже. (*)

Началось отступленіе—этого только и ожидали горцы, привыкшіе всегда въ прежнее время наверстывать свои потери и вознаграждать себя за неудачи боя нападеніемъ съ тыла. Но увы! это прежнее время для нихъ ушло безвозвратно, потому что, сверхъ всякаго ожиданія, они съ 1857 года, а именно, съ 11-го іюля, встрѣтились въ горахъ съ штуцерами стрѣлковаго баталіона, о которыхъ еще не имѣли до-толѣ должнаго понятія. Эти штуцера и во все остальное время экспедиціи были для нихъ предметомъ ужаса и единственнымъ въ своемъ родѣ барьеромъ, ограждавшимъ наше отступленіе.

Въ ожиданіи серьезнаго натиска съ тыла, отступленіе началось перекатными цѣпами. Въ арріергардѣ осталась рота стрѣлковаго баталіона, а лѣвый флангъ (оказавшійся при отступленіи правымъ) былъ замѣнёнъ ротою грузинскаго гренадерскаго полка, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, служила въ той сторонѣ резервомъ для цѣпи. Сперва нападеніе открылось съ тыла—и тутъ-то штуцерныя пули дали понять горцамъ, что

(*) За этотъ подвигъ, въ связи съ дальнѣйшими военными дѣйствіями во время всей экспедиціи 1857 г., Чудиновъ произведенъ въ офицеры (въ пѣхотный полкъ), Волконскій въ фейерверкеры, а бомбардиръ получалъ георгіевскій крестъ.

всякое приближеніе менѣе тысячи шаговъ невозможно. Тогда непріятельская партія частію отступила къ аулу, а частію, перебѣжавъ оврагъ, изъ котораго недавно была выбита ручными гранатами, и пробравшись по лощинѣ, опередила роту грузинскаго гренадерскаго полка и заняла впереди лѣса открытыя высоты, угрожая правому флангу. Ротѣ грузинскаго полка пришлось по необходимости опрокинуть партію съ этихъ высотъ, чтобы тѣмъ обезопасить главную колонну, которая двигалась въ разстояніи до трех-сотъ сажень. Хотя подобная дистанція, повидимому, сама по себѣ должна была защищать наши войска отъ непріятельскихъ винтовокъ, не располагающихъ дальнимъ полетомъ пуль, однако какъ въ этотъ разъ, такъ равно и въ послѣдующее время, оказалось, что на плохое состояніе непріятельскаго оружія полагаться не всегда возможно—у горцевъ нашлись наши-же ружья, съ которыми они обращались не щадя себя самихъ и заряжая ихъ произвольнымъ, и, по возможности, значительнымъ количествомъ пороха, такъ что пули ихъ не-рѣдко долетали до насъ за 250 и 300 сажень—что приводило насъ въ послѣдствіи въ немалое удивленіе. Конечно, такія пули не всегда причиняли намъ вредъ, вслѣдствіе чего гораздо позже, во время движенія къ аулу Кидеро, милиціонеръ вынулъ одну изъ нихъ у себя изъ подъ папахи, гдѣ она у него застряла въ кудряхъ, представлявшихъ другую такую-же папаху,—тѣмъ не менѣе бывали и исключенія, при которыхъ непріятельскія пули дальняго полета застрывали нѣсколько глубже волосъ на головѣ.

Такъ случилось и въ этотъ день. Хотя горцы были отдалены отъ главной колонны на разстояніи до трех-сотъ сажень, не смотря на это, ихъ пули свистали надъ головами солдатъ такъ-же часто и свободно, какъ-бы они стрѣляли за триста шаговъ,

Ротъ грузинскаго гренадерскаго полка оставалось лишь одно—штурмовать тотъ холмъ, который составлялъ главное убѣжище преслѣдующихъ. Взявъ ружья на руку, она двинулась впередъ по значительно крутому подъему. Почти до самой вершины холма она не встрѣтила препятствій, потому-ли, что для горцевъ стрѣлять было не совсѣмъ удобно, или, можетъ быть, потому, что они располагали броситься на нее въ пашки. Но лишь только передшій взводъ сгруппировался у вершины, партія, бывшая на холмѣ, мгновенно усилилась другою, остававшеюся до-толѣ по ту сторону холма, какъ-бы въ засадѣ, и соединенными силами кинулась на гренадеръ. Грузинцы отступили и немного смѣшались. Такъ какъ все это совершилось въ нѣсколько минутъ на глазахъ всей колонны, то штабсъ-капитанъ Броневскій въ тоже мгновеніе остановилъ одно орудіе и послалъ въ помощь гренадерамъ простую гранату. Выстрѣлъ былъ настолько удаченъ, что гранату, при паденіи, разорвало какъ-разъ въ кругу горцевъ, и прежде чѣмъ разсѣялся дымъ—ни одного изъ нихъ на курганѣ не было.

Грузинцы безпрепятственно заняли высоты, и отступление колонны было вполне обезпечено.

Однако, при выходѣ изъ черты преслѣдованія на мѣстность болѣе или менѣе открытую, горцы еще въ послѣдній разъ, впрочемъ, на очень далекой дистанціи, вздумали пострадать стрѣлковъ ружейнымъ огнемъ. Вокругъ значконосца, на небольшомъ курганѣ, собралось до полутора десятка джигитовъ, которые открыли учащенную стрѣльбу. Тогда одинъ изъ ряда стрѣлковъ снялъ съ пояса сошки, утвердилъ ихъ на землѣ, установилъ на нихъ штуцеръ—и прицѣлился. Раздался выстрѣлъ—и значконосецъ въ буркѣ полетѣлъ съ кургана кубаремъ.

Затѣмъ войска безпрепятственно вернулись въ лагерь,

гдѣ въ первый разъ послѣ полуторы недѣли ихъ ожидала въ пору уварившаяся каша.

Баронъ Вревскій, опередивъ колонну, встрѣтилъ её въ лагерѣ и поблагодарилъ. Всѣ тягости недавнихъ переходовъ и борьбы съ природою были пока забыты.

Въ этотъ день мы понесли до тридцати человѣкъ потери, (включая и дружины), изъ числа которыхъ убитыхъ было, впрочемъ, два или три. Что-же касается до остальныхъ, то всѣ они были ранены преимущественно въ голову или въ верхнюю часть тѣла. Расходъ ружейныхъ патроновъ доходилъ до 40000, орудійныхъ зарядовъ было выпущено до 60 (кромя ручныхъ гранатъ.) Большая часть изъ нихъ потрачена на обстрѣливаніе аула и во время рекогносцировки.

На слѣдующій день, при звукахъ рожка и барабана, товарищи схоронили вблизи лагеря героевъ, сложившихъ на канунѣ свои головы. Гробовъ некому было строить, некогда, да притомъ и не изъ чего. Сверхъ потертаго стараго мундира, еще не обсохшаго отъ недавнихъ дождей, не выискабельный кусокъ толстаго холста—вотъ одежда и саванъ, составившіе все то имущество, которое унесли съ собою въ могилу храбрые воины. А погребальный маршъ?... Это такая нестройная и раздражающая душу дисгармонія, плачевнѣе и непріятнѣе которой для слуха нельзя себѣ ничего и представить.

Три залпа боевыми патронами въ непріятельскую сторону заключили собою актъ погребенія. Съ той минуты очередь за другими;—а пока она явится—тамъ и сямъ, при заходящемъ солнцѣ, слышится, какъ-бы въ видѣ развлеченія, далеко, впрочемъ, невеселая пѣсня:

«Ну-ка, вспомнимъ мы, ребята,
Какъ стояли въ Зырянахъ,

Какъ не разъ Хаджи-Мурата
Мы пугали на горахъ.»

Висоты Хуприсъ-тави служили пока нашимъ войскамъ операционнымъ базисомъ.

На утро, 12 іюля, съ восходомъ солнца, послѣ раннего обѣда, новая колонна двинулась по вчерашнему направленію для разработки дороги къ аулу и рубки лѣса. Черезъ Хупро лежалъ дальнѣйшій путь къ другимъ ауламъ, поэтому необходимость указывала обезопасить движеніе отряда, по возможности, удобною—въ особенности для тяжестей—и безпрятственною дорогою.

Такъ какъ работы производились ближе къ лагерю, чѣмъ къ аулу, то въ тотъ день никакихъ стычекъ съ непріателемъ не послѣдовало. Однако, дѣло не обошлось безъ нѣкотораго курьоза: къ вечеру, когда главная и самая трудная высота вблизи лагеря была испещрена зигзагами, по которымъ сверху до-низу были разбросаны группы работающихъ, и когда работы были ужъ повѣрены, такъ что приходилось скоро возвращаться *домой*, одна и—последняя—изъ уцѣлѣвшихъ отъ паденія въ оврагъ корова полковника Д., пасшаяся спокойно у обрыва, оступилась и полетѣла внизъ. Миновавъ два-три зигзага, при громкихъ возгласахъ «берегись!», сопровождавшихъ ее сверху, корова растянулась совершенно ошеломленная, а можетъ быть и полуразбитая. Новый толчекъ, уже на этотъ разъ искусственный и предумышленный, столкнулъ ее еще ниже. Такимъ образомъ несчастное животное покатилося далѣе, съ зигзага на зигзагъ. Но странно то, что катясь по зигзагамъ, она все уменьшалась въ объемѣ, а когда долетѣла до послѣдняго зигзага, то и совсѣмъ исчезла, какъ будто постепенно вывѣтрилась. Причина такого явленія заключалась

въ томъ, что рабочіе, бывшіе на первомъ зигзагѣ, усмотрѣвъ, что животное расшиблось и къ удовлетворенію своего хозяина молокомъ съ той минуты стало негодно, отхватили у него одну ногу и спровадили внизъ, — нижніе повторили ту-же операцію, и такъ далѣе; самыя-же послѣдніе воспользовались лишь внутренностями и головою, т. е., третьимъ сортомъ мяса. Такимъ образомъ корова исчезла безъ слѣда.

13 іюля, по мѣрѣ приближенія къ аулу, рабочіе батальоны выдержали перестрѣлку, хотя и не упорную. Результатомъ ея было два-три раненыхъ. Горцы, какъ должно полагать, предвидѣли послѣдствія рубки лѣса и расчистки дороги, почему и обратили исключительное вниманіе на аулъ, который освобождали отъ всякаго имущества и запасовъ.

Къ 16 іюля дорога была разработана и лѣсъ, по возможности, расчищенъ.

Къ 10 часамъ утра, 16 іюля, лагерь на Хуприсъ-тави былъ въ движеніи. Отрядъ пообѣдалъ и большая часть его двинулась по прежнему направленію, но уже болѣе или менѣе безпрепятственно, благодаря всѣмъ удобствамъ движенія.

Лишь только войска подошли къ Хупро на картечный выстрѣлъ, изъ аула раздалась выстрѣлы; но на этотъ разъ одиннадцатое іюля не могло повториться—дѣло принадлежало артилеріи. Выдвинувъ шесть орудій, она охватила аулъ со всѣхъ сторонъ сперва гранатами, а потомъ, передъ наступленіемъ пѣхоты, и картечнымъ огнемъ. Оставшіяся до сего времени смѣльчаки были живо выбиты изъ ихъ убѣжищъ, такъ что, при вступленіи передовой колонны въ Хупро, ужъ болѣе не раздалось ни-одного непріятельскаго выстрѣла. Тушины одни изъ первыхъ вскочили въ аулъ, угоняя впереди себя замѣшканныхъ лезгинъ. Аулъ оказался пустымъ. Спустя нѣкоторое время, густой дымъ и широкое зарево возвѣстили на далекое

пространство объ исчезновеніи съ лица земли одного изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ дидойскихъ селеній, отъ котораго затѣмъ, буквально, не осталось камня на камнѣ.

Н. Волконскій.

(Продолженіе будетъ.)



О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Кавказскомъ Сборникѣ», благоволятъ доставлять ихъ на Имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА «*въ собственныя руки.*» Форма изложенія, форма и видъ рукописи не должны стѣснять автора или владѣльца ея; необходимо только, чтобы при высылкѣ или при личномъ представленіи сочиненія, дѣлать указанія: кѣмъ, а если то заслуживаетъ вниманія, и при какихъ условіяхъ онѣ составлены.

При этомъ редакція проситъ: подъ статьями *четко* подписывать свои имена и адреса; при чемъ, по желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики; статьи-же *неподписанныя*, печататься не будутъ.

Если авторы пожелаютъ, то имѣется возможность за высылаемая статьи опредѣлить слѣдующее вознагражденіе: за переводы—15 р. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи—20 р., за оригинальныя статьи—50 р., за приложенія къ нимъ—30 р., и за документы—25 руб.

Авторы имѣютъ право на полученіе 20-ти отдѣльныхъ оттисковъ своихъ статей; желающихъ получать ихъ, просятъ обозначать объ этомъ на рукописяхъ.

Подписка на «Кавказскій Сборникъ» принимается въ Тифлисѣ, въ Окружномъ Штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Каждый томъ отдѣльно стоитъ 2 р. сер.—пересылка за 2 фунта.

Редакторъ «Кавказскаго Сборника»,

Гвардейской артилеріи Полковникъ Чернявскій.

